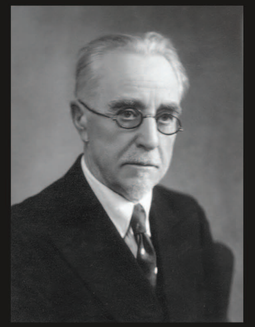


Красноярский краевой краеведческий музей

Основан в 12/25 февраля 1889 г. Иннокентием Алексеевичем и Юлией Петровной Матвеевыми.
С 1930 года музей располагается в специально построенном здании по проекту красноярского архитектора Леонида Александровича Чернышева.
В 1987-2001 гг. здание находилось на реставрации.
22 марта 2001 г. состоялось открытие новой исторической экспозиции, первой в условиях новой России, ставшей победителем в конкурсе «Окно в Россию» (2001).
Ежегодно музей посещают более 300 тыс. человек.
Музейное собрание включает более 460 тыс. предметов. Основу его составляют археологические, этнографические, естественнонаучные коллекции мирового значения, эпистолярное наследие декабристов, фонды В.И. Сурикова, В.П.Астафьева.
Музей является членом Союза музеев России с 2002 г.
В 2008 году музею присвоен статус «особо ценного объекта» культурного наследия Красноярского края.
Директор - Ярошевская Валентина Михайловна, член ИКОМ России, член Президиума Союза Музеев России.

Аркадию Яковлевичу Тугаринову посвящается...

Аркадию Яковлевичу
Тугаринову
посвящается...



Аркадий Яковлевич Тугаринов
(1880 – 1948)

Профессор, доктор биологических наук, учёный-орнитолог, руководитель отделения орнитологии Зоологического института АН СССР, награжден орденом «Красного Знамени» и двумя медалями.
Директор музея Приенисейского края (впоследствии Красноярского краевого краеведческого музея) с 1905 по 1925 год.
С 1907 по 1925 год вначале был правителем дел, а затем возглавлял Красноярское отделение РГО.
Стал известным в Енисейской губернии общественным деятелем, добился передачи музею писем декабристов, был назначен комиссаром продовольствия в Туруханске.
С 1926 года работал в ленинградском Зоологическом институте АН СССР.
Принимал участие в комплексных экспедициях в Северо-Восточную Монголию, на юго-западное побережье Каспийского моря.
С 1940 года руководил Отделением орнитологии Зоологического института. Принимал участие в составлении капитального академического издания «Фауна СССР».
Автор 87 публикаций, в том числе монографий, по орнитологии, ботанике, археологии, этнографии, ландшафтоведению и фенологии.

Сборник посвящен 130-летию
Аркадия Яковлевича Тугаринова

Аркадию Яковлевичу Тугаринову
посвящается...

Красноярск
2011

ББК 79.1(253.5)
А 81

Печатается по решению ученого совета
Красноярского краевого краеведческого музея

Редакторы: Баташев М.С., Макаров Н.П.,
Мартынович Н.В. (отв. и сост.)

А 81 Сборник научных статей: Красноярский краевой краеведческий музей, 2011, 384 с.
ISBN 978-5-904896-32-4

Сборник статей посвящен 130-летию первого директора Красноярского краевого краеведческого музея, известного ученого, - Аркадия Яковлевича Тугаринова.

Для палеоорнитологов, археологов, этнографов, историков науки, краеведов, интересующихся становлением науки и культуры в Красноярске.

ББК 79.1(253.5)

ISBN 978-5-904896-32-4
9 785904 896324

© Красноярский краевой краеведческий музей, 2011
© Авторы, 2011



Аркадий Яковлевич Тугаринов
в Городском саду Красноярска. 1914

«Большое видится на расстоянии…» - эти слова русского поэта с полным правом можно отнести к личности Аркадия Яковлевича Тугаринова, ученого-энциклопедиста, подвижника, энтузиаста музейного дела и общественного деятеля. Тугаринов возглавлял Красноярский краевой краеведческий музей (1905 - 1925), пожалуй, в основополагающий и драматический период его истории - период формирования базовых коллекций, комплексных экспедиций по обширному краю, создания в городском общественном сознании образа музея как активного научно-просветительного центра. Первые успехи музея на международной культурной арене также связаны с деятельностью Тугаринова (высшая награда на выставке-ярмарке в Омске в 1911 г.).

Исследователям красноярского периода в жизни Аркадия Яковлевича и тугариновского периода в истории Красноярского краевого музея, можно сказать, повезло - у нас есть замечательные воспоминания его соратника по музею, и экспедициям ботаника и первого директора красноярского заповедника «Столбы» Александра Леопольдовича Яворского.

Мы решили опубликовать эти записки «Двадцать лет на Енисее» практически полностью, тем более, что красноярские дневники Аркадия Яковлевича не сохранились и эти материалы уникальны.

Читателю может показаться, что сборник получился очень эклектичным, но такова была живая, исследовательская натура А.Я. Тугаринова - в его активе глубокие, профессиональные работы, касающиеся как ископаемых птиц плиоцена Европы, так и археологических и этнографических открытий в Сибири. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно почитать его работы, которые собраны на прилагающемся к сборнику диске.

Мы благодарим всех участников данного проекта, откликнувшихся вспомнить добрым словом и делом достойного представителя отечественной науки и культуры Аркадия Яковлевича Тугаринова, отдавшего изучению Красноярского края, пожалуй, свои лучшие годы.

От редакции

Оглавление

Археологические исследования А.Я. Тугаринова
Н.П. Макаров **9**

Этнография в жизни директора Красноярского музея А.Я. Тугаринова
М.С. Баташев **20**

Изучение неогеновых птиц Болгарии - достижения, итоги и перспективы
Златозар Боев **35**

Современное состояние изученности птиц неогена Центральной Азии
Н.В. Зеленков, Е.Н. Курочкин **44**

Птицы из пещеры Чагырская - нового местонахождения неоплейстоценовой авифауны Северо-Западного Алтая
Н.В. Мартынович **72**

Первые остатки птиц из палеогена Крыма
А.В. Пантелеев **84**

«Глава и вождь» музейного дела в Красноярске
Е.В. Детлова **93**

Письма А.Я. Тугаринова к С.А. Бутурлину в фондах Ульяновского краеведческого музея
Т.А. Громова **1130**

Двадцать лет на Енисее
А.Л. Яворский **152**

Творческий путь Аркадия Яковлевича Тугаринова
Е.В. Козлова **362**

Из фондов Красноярского краевого краеведческого музея **378**

Н.П. Макаров

Археологические исследования А.Я. Тугаринова

Ко времени приезда в 1905 г. новоиспеченного консерватора Красноярского городского музея А.Я. Тугаринова в Енисейской губернии были уже известны археологические памятники всех эпох - от палеолита до средневековья. Археологические сенсации неизменно привлекали к себе внимание всех любознательных людей, и обойти изучение древностей в своей многогранной деятельности Аркадий Яковлевич просто не мог. П.С. Проскуряков, А.С. Еленев, М.Е. Киборт, его предшественники по музею, уже прославились археологическими открытиями. Кроме того, консерватор по-прежнему оставался единственным сотрудником музея и был вынужден заниматься сразу всеми направлениями местного краеведения.

Уже в первый год своей деятельности в Красноярске Тугаринов собирает значительную коллекцию со стоянки древнего человека у д. Базаиха. Здесь летом 1905 г. он проживал с женой Верой Ивановной на даче, обследуя близлежащие окрестности. На песчаных выдувах были собраны орнаментированные черепки сосудов и железные шлаки (коллекция № 11) [Отчет КП ИРГО 1905: 99].

Летом 1907 и 1908 гг. А.Я. Тугаринов организует экспедицию в низовья Енисея. В итоге археологические коллекции музея были пополнены двенадцатью предметами из раскопок старинного русского поселения в дельте р. Глубокой на берегу Енисейского залива [Тугаринов 1915: 39]. Кроме того, из Минусинской котловины в музей были доставлены железные удила и 14 пластинок от средневековых защитных лат (колл. № 40).

В экспедиции 1908 г. на север Приенисейского края принимает участие Александр Петрович Ермолаев, который вскоре становится официальным помощником консерватора музея. В 1911 году Тугаринов и Ермолаев открывают новую палеолитическую стоян-

ку у Военного городка в Красноярске. Вместе с костями мамонта, северного оленя, лошади и волка на двухметровой глубине были найдены орудия эпохи палеолита. Среди них скребки, оббитые камни, изделия из рога, кости со следами обработки [Тугаринов 1915: 67].

1911 год примечателен для Тугаринова и возглавляемого им музея участием в первой Западно-Сибирской выставке в Омске. Среди 10 витрин, отражающих природные уголки и историю народов Енисейской губернии, достойное место заняли и археологические экспонаты. На стендах витрин 1-4 были помещены предметы и орудия каменного века, 5-7 - предметы из меди и бронзы, 8-10 - изделия из железа. В дополнение к коллекции в экспозицию была помещена карта губернии с нанесенными на нее главными археологическими памятниками [Краткое описание коллекций 1906: 10-11]. Признанием удачно выполненной экспозиции стало награждение музея почетным дипломом - высшей наградой выставки, а А.Я. Тугаринова - малой золотой медалью.

Накануне и в годы первой мировой войны Красноярский музей проводит археологические разведки в южной и центральной частях Приенисейского края. В 1913 г. в местности Ярки у с. Батени Ермолаевым были раскопаны древние захоронения с необычной орнаментацией глиняной посуды. Тогда же Тугаринов раскапывает близ д. Лугавское пять погребений позднебронзового века, отнесенных впоследствии к карасукской культуре. Спустя год Тугаринов по заданию Красноярского подотдела Русского географического общества выезжает для осмотра курганов и приобретения археологических предметов, найденных при земляных работах в зоне строительства железной дороги Ачинск-Минусинск [Краткий отчет о деятельности КОРГО 1911-1922: 14]. В ходе проверки сообщения о находках костей мамонта А.Я. Тугаринов узнает о разрушенных при строительстве захоронениях древнего человека. В результате раскопок исследователь вновь обнаруживает сосуды, отличные от ранее известных. Столетие спустя, можно с уверенностью сказать, что А.П. Ермолаев и А.Я. Тугаринов стали первооткрывателями широко известных сегодня оригинальных окуневской и андроновской культур бронзового века. Но для их выделения потребовалось еще время. В 1916 г. будущий директор Бийского и Горно-Алтайского музеев С.М. Сергеев, участвовавший ранее в раскопках А.Я. Тугаринова, доставляет в музей совместно с И.А. Пикулевичем сосуды из разрушенного могильника у с. Новоселово на Енисее. Орнаментация посуды оказалась удивительно близкой с находками А.Я. Тугаринова. Количество постепенно, с накоплением аналогичных материалов стало превращаться в новое качество. Профессиональные археологи Г. К. Мергарт и С.А. Теплоухов, получив информацию об имеющихся в музее оригинальных материалах и проведя свои раскопки, поставили последнюю точку, предложив выделение новой культуры. По месту раскопок А.Я. Тугаринова у д. Андроновой она получила название андроновской. Сам Тугаринов, публикуя материалы могильника, довольно скромно оценивал свою роль: «Признанная русскими исследователями андроновская культура заняла ныне свое место в сибирской доистории. Таким образом, мне, совсем не археологу, пришлось быть виновником первого обнаружения этой культуры. Не чувствуя себя компетентным, я ограничился в свое время лишь возможно точным описанием вскрытых мною погребений, не предполагая его опубликовывать. Теперь, имея в виду то значение, которое получили Андроновские находки, и считаясь с пожеланиями местных исследователей, я, пользуясь любезностью редакции «Сибирской Живой Старины», привожу ниже извлечения из своего отчета, касающиеся Андроновских погребений…» [Тугаринов 1926: 154]. Надо сказать, что описания Тугаринова были довольно подробными, точными и с учетом переданной в музей коллекции (КККМ № 90) давали полную информацию об исследованном археологическом памятнике.

Южные районы в верховьях Енисея Тугаринов исследовал в экспедиции 1915 г. по Урянхайскому краю и северной части Монголии у хребта Танну-Ола и оз. Уссуа-нор. Наряду с этнографическими наблюдениями Тугаринов произвел раскопки могил, встретил развалины какого-то древнего укрепления, а у заимки Бякова на р. Кемчик сфотографировал древние письмена животных и человека. Были сделаны фотографии буддийских святых в местности Чаа-Холь, а также описана полуразрушенная насыпь дороги Чингисхана между Чакулем и Шагонаром. В инвентарной книге археологических коллекций Красноярского музея за 1915 г. из Урянхайского края записаны бронзовый топор, черепки сосудов и несколько эстампажей наскальных рисунков с изображениями

птиц, оленей и козлов, других фигур, а также древних письмен с утеса Кая-Баур (КККМ, кол. № 96).

Начавшаяся Первая мировая война, революция, а затем и гражданская война наложили свой отпечаток на деятельность музея и его руководителя. В 1919 г. умирает от тифа автор многих археологических открытий и участник совместных с А.Я. Тугариновым экспедиций А.П. Ермолаев. В круговерти бурных политических событий в Красноярском музее появляются новые сотрудники, из которых в области археологии специализируются Н.К. Ауэрбах, Г.П. Сосновский и пленный австрийский археолог Г.К. Мергарт. В Красноярске начинается новый, довольно успешный, период археологических исследований, уже неоднократно описанный в археологической литературе [Ларичев 1969: 144-178; Макаров 1989: 142-156]. А.Я. Тугаринов, при помощи нескольких квалифицированных археологов принимает участие в их исследованиях уже в качестве помощника и одновременно координатора археологических раскопок музея. В разведке на Афонтовой горе II Г.П. Сосновскому и А.Я. Тугаринову удается уточнить стратиграфию на участках 3 и 5, выявив не один, а три культурных горизонта, залегающих друг над другом. Коллекция орудий этого уникального памятника в очередной раз пополнилась серией каменных скребел и скребков, остроконечников, костяных наконечников копий. Тогда же на месте старых сборов А.Я. Тугаринова и А.П. Ермолаева сотрудники музея раскопали палеолитическую стоянку у Военного городка (Кирпичные сараи). Наряду с каменными орудиями в виде проколок и резцов здесь были обнаружены обработанные кости мамонта и северного оленя (КККМ, колл. № 110).

В 1920 г. А.Я. Тугаринов продолжает участвовать в археологических экскурсиях своих коллег на Афонтову гору, Военный городок и другие памятники близ Красноярска. В конце июля Тугаринов и Мергарт обследуют на правом берегу Енисея древнее городище Няша. Исследователи засняли план памятника, обозначили на нем защитный вал и впервые произвели здесь раскопки. Кроме того, в осыпи террасы на стоянке была собрана большая коллекция подъемного материала разных эпох - от неолита до железного века. Среди находок каменные топоры, скребки, наконечники стрел, железные нож и шлаки, пастовые бусы и значительное количество орнаментированных фрагментов глиняной посуды (КККМ, колл. № 122). По итогам раскопок была также сделана модель городища, которая была выставлена для всеобщего обозрения в музее.

С 18 по 28 августа А.Я. Тугариновым и Г.К. Мергартом на лодке был пройден 400-километровый маршрут по Енисею от г. Красноярска до г. Енисейска. На этом участке исследователям удается стать первооткрывателями древних стоянок в устье р. Кан и у с. Маклаково. Среди находок: каменные молот, топор и фрагменты глиняной посуды.

Начало 1921 года охарактеризовалось подготовкой большой экспедиции музея на Подкаменную Тунгуску. Уже в апреле А.Я. Тугаринов и его спутники выезжают из Красноярска. По пути следования у д. Паново на Ангаре Тугаринов проводит сборы подъемного материла со стоянки древнего человека. Среди находок каменные наконечники стрел, отщепы и призматические пластинки, фрагменты глиняной посуды, а также железные шлаки (КККМ, колл. № 134 А). В конце своего путешествия А.Я. Тугаринов становится первооткрывателем самой северной в то время на Енисее стоянки древнего человека в устье р. Подкаменная Тунгуска. За околицей одноименного села, на глубине 40-50 см, на границе песков и почвенного горизонта были найдены развал глиняного сосуда, обломки каменных орудий, призматические пластинки и железные шлаки [Тугаринов 1924: 29]. Еще несколько каменных орудий со стоянки участники экспедиции выявили у местного жителя Алексеева. Спустя два года они также были переданы в Красноярский музей (КККМ, колл. № 136).

1923-1925 гг. характеризуются для красноярской археологии сенсационными результатами на раскопках Афонтовой горы и других палеолитических памятников. Раскопками руководят внештатные сотрудники музея Н.К. Ауэрбах, Г.П. Сосновский, В.И. Громов. В финансировании работ участвует Музей Приенисейского края и Средне - Сибирское отделение Русского географического общества, который уже несколько лет возглавлял А.Я. Тугаринов. В итоге только с Переселенческого пункта, Афонтовой горы и других древних стоянок в фонды музея поступило несколько тысяч выразительных орудий [Макаров 1989: 146-147]. Сам Тугаринов так оценивал это в одном из своих писем: «Последние годы жизни

музея связали имя его и его работников с рядом достижений и открытий большого научного значения. Вряд ли Афонтовские раскопки можно поставить по их значению ниже, чем самые крупные открытия на материке Азии за последний десяток лет, не исключая и сенсационных открытий американцев в центре Азии».

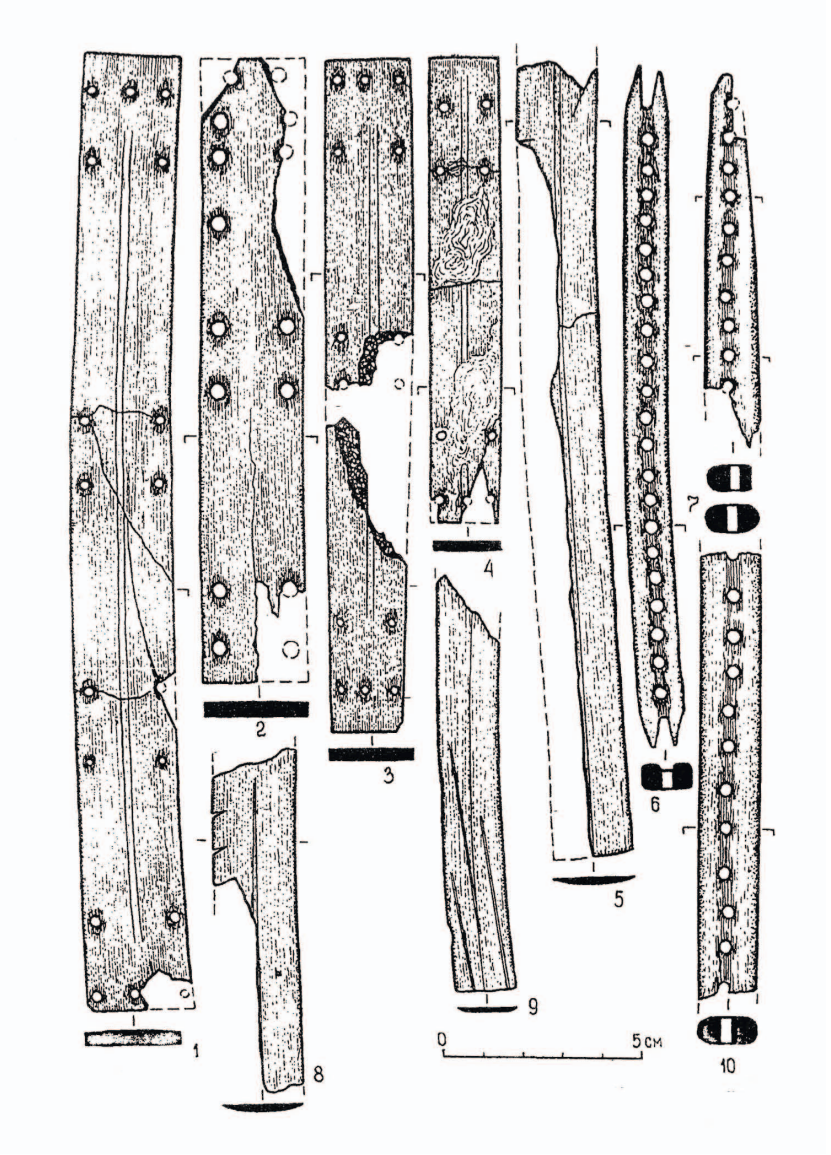
В 1924 г. А.Я. Тугаринов стал руководителем раскопок одной из пещер у р. Караульной близ Красноярска. Вместе с директором в них участвовали сотрудники музея Башмаков В.И., Дмитриев М.А., Кудрявцев А.В., Юдина Е.Л. и Тугаринова В.И. Исследователям удалось найти около сотни выразительных предметов древнего человека. Среди них каменные точильца-оселки, обломки каменных орудий, черепки глиняной посуды, выразительная серия костяных изделий: наконечники стрел, иглы, проколки, рыболовные крючки, защитные панцирные пластины, украшения. Определив найденный в пещере Пещерного лога фаунистический материал, А.Я. Тугаринов публикует его несколько лет спустя. При этом было отмечено, что большая часть палеофаунистического списка носит таежный характер, но при этом имеются и реликты эпохи плейстоцена [Тугаринов 1932: 115-129]. Спустя 60 лет, исследования пещеры, продолженные современными археологами, подтвердили правильность большинства выводов А.Я. Тугаринова и позволили уточнить время обитания пещеры древним человеком с эпохи мезолита до железного века. Отдавая дань уважения первому исследователю данной пещеры, этому интересному природно-историческому памятнику было дано имя А.Я. Тугаринова [Мандрыка, Макаров и др. 1996: 83-115].

Раскопки Пещерного лога стали последними археологическими исследованиями в красноярский период жизни А.Я. Тугаринова. Вскоре он уезжает в Ленинград, где начинается новый, еще более плодотворный период его деятельности как ученого. Написанные им строки в год тридцатипятилетия Красноярского музея в первую очередь можно отнести и к его директору: «Работы нашего музея дали такие результаты, которые могут составить гордость любого исследовательского института». В полной мере это распространяется и на археологическую деятельность музея. Заслуга его директора еще и в том, что, не будучи археологом, он уделял этому направлению много внимания. На заседаниях коллегии музея не раз выступали со своими докладами ведущие ученые страны и Сибири.

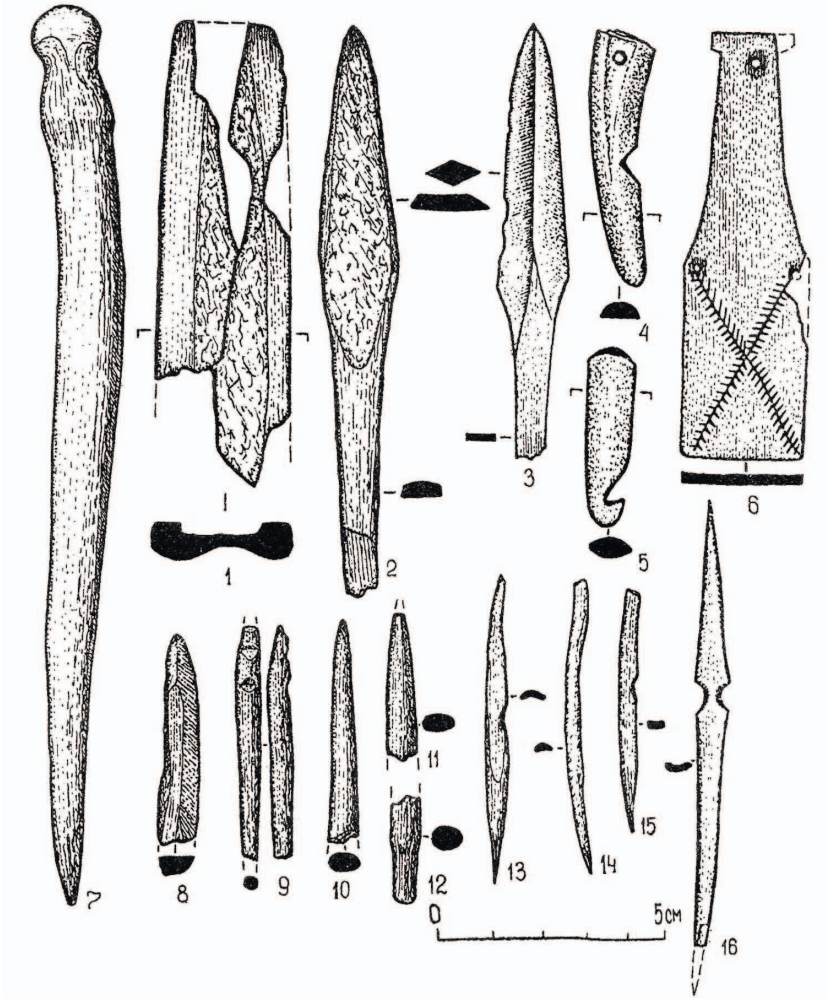
Среди них Г.К. Мергарт, Н.К. Ауэрбах, Г.П. Сосновский, С.В. Теплоухов. В стенах музея звучали дискуссии об Енисейском палеолите, создаваемой периодизации культур бронзового и железного веков Минусинской котловины, особенностях культур неолита и палеометалла разных районов Приенисейского края. Сохранившиеся протоколы позволяют утверждать, что названные исследователи еще до своих последующих публикаций выносили на суд коллегии музея свои основные выводы. Здесь Г.К. Мергарт и С.А. Теплоухов первыми обозначили специфику находок А.Я. Тугаринова у д. Андрововой предложив выделение особой культуры бронзового века [ГАКК, Ф. р. 795, Оп. 14, Л. 14-15]. Создание подобной творческой атмосферы, безусловно, еще одна из заслуг А.Я. Тугаринова, обладавшего хорошими организаторскими способностями. Особенно стал заметен вклад А.Я. Тугаринова и его помощников - археологов спустя более чем столетие, когда современная экспозиция «Древние цивилизации Енисея» Красноярского краевого краеведческого музея во многом была построена на основе добытых ими коллекций. Не случайно один из ведущих археологов России В.А. Городцов, посетив Красноярск в 1924 году, определил археологические открытия в Сибири как блестящие, а коллекции Красноярского музея назвал гордостью и украшением города [Городцов 1929].



Глиняные сосуды из раскопок А.Я. Тугаринова 1914 г. у д. Андроновой. Андроновская культура бронзового века. Вторая половина II тыс. до н.э.



Костяные изделия из раскопок А.Я. Тугаринова 1924 г. пещеры Пещерного лога



Костяные изделия из раскопок А.Я. Тугаринова 1924 г. пещеры Пещерного лога

Литература

1. *Протоколы заседания коллегии Музея Приенисейского края // ГАКК - (Государственный архив Красноярского края). ф. 795, оп. 14, л. 14-15.*
2. *Городцов В.А. К определению древности и некоторых особенностей Енисейского палеолита. Северная Азия. 1929. № 1.*
3. *Краткий отчет о деятельности КОРГО за 1911-1922 гг. С. 14 // Известия Красноярского отдела Русского Географического общества. Т. III. Вып. 2. Красноярск, 1924. С. 39-56.*
4. *Краткое описание коллекций экспонируемых Красноярским музеем на первой Западно-Сибирской выставке в г. Омске. Красноярск. Тип., б. М.И. Абалакова, 1911. 11 с.*
5. *Ларичев. В.Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Ч. 1. Азия и проблема родины человека (История идей и исследования). Новосибирск, 1972. С. 387.*
6. *Макаров Н.П. К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижничества. - Красноярск: Книжное издательство, 1989. С. 131-189.*
7. *Мандрыка П.В., Макаров Н.П., Мартынович Н.В., Оводов Н.Д., Андренко О.В., Чеха В.П. Комплексные исследования пещеры Тугаринова // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск, 1996. Вып.1. С. 83-115.*
8. *Отчет Красноярского подъотдела Императорского русского географического общества за 1905 г. // Изв. Кр-го подъотдела ВСОРИРГО т. II вып. II Красноярк. Енисейская Губернская Типография. 1906. С. 91-102.*
9. *Тугаринов А.Я. Исторический очерк Красноярского музея со времени его основания // Двадцатипятилетие Красноярского городского музея (1889-1914). Красноярск. Енисейская губернская Эл - Типография. 1915. С. 1-100.*
10. *Тугаринов А.Я. Андроновские могилы // Сибирская живая старина. 1926. Вып. 1. С. 153-158.*
11. *Тугаринов А.Я. Предварительный отчет экспедиции на р. Подкаменную Тунгуску (Катангу) в 1921 г. // Известия Красноярского отдела Русского Географического общества. Т. III. Вып. 2. Красноярск, 1924. С. 1-31.*
12. *Тугаринов А.Я. К характеристике четвертичной орнитофауны в Сибири // Труды комиссии по изучению четвертичного периода. 1932. С. 115-129.*

М.С. Баташев

Этнография в жизни директора Красноярского музея А.Я. Тугаринова

Коллекции по этнографии коренных народов Приенисейской Сибири, хранящиеся в стенах Красноярского краевого краеведческого музея (КККМ), представляют огромную культурную ценность. Стодвадцатилетняя история Красноярского музея обогатила его фонды значительным количеством предметов, характеризующих как материальную, так и духовную культуру аборигенов данного региона. И особо значимые и значительные поступления этнографического фонда связаны со временем нахождения на посту директора музея А.Я. Тугаринова. Прибыв в 1905 году на берега Енисея молодым, но уже подающим надежды исследователем, Аркадий Яковлевич покинул Красноярск зрелым ученым, востребованным академической наукой. Орнитолог по своей профессиональной деятельности и склонностям, А.Я. Тугаринов сумел перерасти рамки специализации, став «энциклопедистом сибирского краеведения» [Макаров 2006: 142], одним из ведущих музееведов своего времени.

Должностные обязанности директора музея волей-неволей вынуждали его вникать во весь спектр собирательской и экспозиционной деятельности. Поставив себе целью превращение незначительного Красноярского городского музея в музей краевой, аккумулирующий в своих экспозициях и фондах все природные зоны и этнические культуры Приенисейской Сибири [Яворский КККМ. В/ф 6575/40: 20, 31], А.Я. Тугаринов должен был заняться и сборами этнографического материала.

На начало 1905 года общее количество предметов по этнографии коренных народов Енисейской губернии и Урянхайского края (сойоты, минусинские татары, остяки, тунгусы, самоеды и юраки, долганы и якуты), хранящихся в фондах музея, исчислялось весьма скромной цифрой - 433 единицы [Краткий обзор... 1906: 19, 22,

38-40; подсчеты автора]. А к этому моменту Красноярский музей существовал уже шестнадцать лет. В начале 1926 года (переезд А.Я. Тугаринова в Ленинград) насчитывалось уже более 2500 единиц [КККМ, Инвентарные книги по этнографии № 2, № 3]. Причем, сам Аркадий Яковлевич скомплектовал 225 номеров, включавших более 300 этнографических предметов.

Заслугой Тугаринова является и то, что он сумел привлечь к комплектованию коллекций, в том числе и этнографических, достаточно широкий круг лиц, напрямую не связанных с музейным делом. Среди них были сотрудники Статистического и Переселенческого управлений, ученик духовной семинарии, ангарский крестьянин, ссыльный, священник, зоолог, гидрограф, учитель, врач и многие другие. Часть предметов этнографии поступила от участников экспедиций, работавших в Енисейской губернии по заданиям центральных и региональных исследовательских центров, таких как Этнографический музей, Российский музей Александра III, Южнорусская общеземская организация, Красноярский подотдел РГО, окружные гидрографическая служба и статистический отдел [Баташев 2011: 15-22].

За двадцать один год заведования музеем А.Я. Тугаринов не выезжал в «поле» для проведения сборов и исследований всего лишь несколько раз, и только по объективным причинам. Особенно продуктивными в этнографическом отношении были экспедиции 1913 (Усинский пограничный округ, Урянхайский край - Тоджа, Минусинский уезд), 1916 (фото 1) и 1918 (Туруханский край) годов. Среди скомплектованных им предметов имеются очень интересные и даже уникальные вещи: охотничий набор охотника-тоджинца (Э № 1551/5), коллекция, собранная на самоедских погребениях (Э № 1572), (фото 2), деревянная культовая скульптура энцев и селькупов (Э № 1572/103, Э № 1574/31), селькупские шаманские бубны и колотушки (Э № 1574/25-27), а также железный шаманский посох (Э № 1574/28) и музыкальные эвенкийские инструменты (Э № 1464/26-28).

На самом деле вклад Аркадия Яковлевича в сборы этнографических коллекций гораздо значительнее. В тех случаях, когда вместе с ним в экспедиции находился человек, которому поручалось комплектование этнографических материалов, А.Я. Тугаринов передоверял первичную обработку собранных предметов и

передачу их на хранение в музей именно ему. Даже если при этом большую часть сборов Тугаринов провел сам. Примером могут служить экспедиции 1915 года в Урянхайский край и 1921 года на Подкаменную Тунгуску. Так, в 1915 году экспедиция Красноярского музея работала в Туве двумя отрядами. Один возглавлял сам Тугаринов (фото 3), а другим руководил его помощник А.П. Ермолаев. По возвращении в Красноярск и после обработки привезенных материалов в фонды музея А.П. Ермолаевым была передана этнографическая коллекция (Э № 1570), состоящая из почти 300 единиц. Но, судя по местам приобретения отдельных предметов, большинство из них было скомплектовано на маршруте А.Я. Тугаринова.

В 1921 году Аркадий Яковлевич возглавлял комплексную экспедицию на Подкаменную Тунгуску. В состав отряда из семи человек входил и недавно принятый в музей на должность сотрудника-практиканта М.А. Дмитриев. Ему был поручен сбор этнографических коллекций [Тугаринов 1924: 2]. Всего по результатам экспедиции этнографический фонд музея обогатился 150 номерами, состоящими из 329 единиц этнографического предметного инвентаря (Э № 1594). В устье реки Фитили и в пяти километрах ниже его исследователями были обнаружены два покинутых тунгусских мольбища, представлявших собой особые культовые сооружения, так называемые «шаманские чумы» [Тугаринов 1924: 13]. Только годы спустя стало понятно, какое огромное значение для эвенкийской этнографии имеет изучение таких сооружений [Ямпольская 1993]. По разным причинам материалы с этих мольбищ не получили в свое время отображения в публикациях. Но значение их от этого нисколько не умалилось, а в связи с исчезновением традиционной культуры большинства коренных народов Сибири даже возросло. Тем более что коллекция предметов с мольбищ реки Фитили представлена в фондах КККМ общим количеством в 234 единицы. Сами святилища и их отдельные конструктивные детали - остовы чумов, шесты с насаженными на них деревянными птичками, скульптурные изображения животных, рыб, антропоморфных фигур - были сфотографированы; составлены планы мольбищ и даны подробные описания как расположения предметов на местности, так и их самих [Баташев 2006: 96-98] (фото 4).

Вне всякого сомнения, Аркадий Яковлевич принимал непосредственное участие в комплектовании этнографических коллекций с Подкаменной Тунгуски, в том числе и в сборах на местах расположения «шаманских чумов». От его решения, как начальника экспедиции, зависели время пребывания на каждом месте остановки и надобность, с его точки зрения, в сборе конкретного материала. Кроме того, более чем вероятно, что фотографии на месте «шаманских чумов» сделаны именно А.Я. Тугариновым [Яворский КККМ. В/ф 6575/40: 158].

В тех случаях, когда А.Я. Тугаринову приходилось полагаться лишь на себя, комплектацией этнографических собраний он занимался лично. Примером может служить его «командировка» в Туруханский край в 1917-1918 гг. в качестве особого комиссара Временного правительства по продовольствию. Вынужденный не по своей воле задержаться в селе Монастырском (современный Туруханск) на год, до следующей навигации, Аркадий Яковлевич, деятельный по своей натуре человек, не мог провести целую зиму в бездеятельности. Но, как ни странно, по возвращении в Красноярск он передал в фонды музея только этнографическую коллекцию. Предположительно, страстный орнитолог и прекрасный таксидермист, А.Я. Тугаринов, не мог в тот период заниматься своим любимым делом по причине отсутствия у него специального инструментария и химических реагентов, необходимых для сборов материалов биологического характера. А вот комплектование предметного этнографического инвентаря не требовало специального оборудования, чем Тугаринов и воспользовался. Кстати, эта коллекция является одним из самых представительных сборов Аркадия Яковлевича по этнографии. Коллекция состоит из 81 предмета. Среди них оружие (нож, лук, стрелы, колчан), рыболовное снаряжение, предметы домашнего обихода (игольник, сухожильные нитки, берестяная и деревянная посуда), одежда, инструменты, украшения, культовая атрибутика (бубны, колотушки, железный шаманский посох, деревянный идол), игрушки, музыкальные инструменты.

Многие предметы этой коллекции описаны им довольно подробно. Например: «Лопатка оленя, служившая для гаданья. Держа в правой руке, кладут на нее уголья и раздувают их, чтобы нагреть кость. Потом их сбрасывают и либо плещут водой, либо

бросают снег. Кость дает трещину. По характеру этой трещины судят о предстоящей дороге. Трещины на этой лопатке истолковали так: сначала хорошая дорога (ровная линия), потом препятствие (поперечная трещина), придется изменить маршрут и тогда все будет хорошо».

Единственную чисто этнографическую экспедицию А.Я. Тугаринов совершил в последний год своего пребывания в Красноярске. Совместно с двумя сотрудниками музея - Е.Л. Юдиной и А.В. Кудрявцевым - он побывал в верховьях реки Кан, в местах проживания небольшой самодийскоязычной народности - камасинцев (фото 5). К этому времени камасинцы в повседневном быту уже почти ничем не выделялись среди окружающего их русского населения. Предметов традиционной культуры у них почти не осталось, но Аркадию Яковлевичу удалось собрать некоторый материал, общаясь со стариками и наблюдая жизнь камасинцев со стороны. Позже свои наблюдения он оформил в виде статьи «Последние калмажи» и опубликовал в книге 1 журнала «Северная Азия» за 1926 год.

Что касается других публикаций А.Я. Тугаринова по этнографической или близкой к ней тематике, то первое такое исследование вышло из-под его пера в 1918 году - «Туруханские инородцы и кооперация». На 37 страницах этой работы Аркадий Яковлевич рассматривает хозяйственно-экономический быт коренных этнических групп Туруханского края в прошлом и настоящем и дает рекомендации по улучшению положения в данной сфере на ближайшее будущее.

В 1919 году в трех номерах журнала «Сибирские записки» А.Я. Тугаринов опубликовал «Очерки Туруханского края». В «Очерках» он характеризует все стороны жизни русского населения края, как его экономики, так и духовной жизни, рассматривает положение различных сословий - крестьянства, казачества, купечества, а также и ссыльных. Работа была рассчитана на специалистов и управленцев, от которых зависела реорганизация застывшего уклада российского севера. Вообще, Аркадию Яковлевичу было свойственно проводить исследования общества не ради самих исследований, а с прицелом на дальнейшую практическую деятельность, реализацию декларируемых им идей по улучшению жизни и коренных, и пришлых сибиряков.

Еще одна работа А.Я. Тугаринова - «Туземцы Приенисейского Севера» - вышла в 1927 году. В ней приводится краткая характеристика этнографического своеобразия народностей Туруханского края. Работа носит описательный характер и призвана вкратце ознакомить заинтересованных лиц с культурой и бытом приенисейских аборигенов.

А.Л. Яворский упоминает, что на 1923 год у Тугаринова было готово несколько рукописей краеведческого характера. Среди них и этнографические работы: «Задачи местной этнографии» и «Туземцы Приенисейского края» [Яворский КККМ. В/ф 6575/40: 171). До их публикации дело, видимо, не дошло, но в качестве докладов Тугаринов их использовал.

Насколько глубоко Аркадий Яковлевич стремился проникнуть во все проблемы аборигенного населения Туруханского севера, говорит содержание одной из его рукописей - «О положении туземцев Туруханского края». В ней представлены следующие разделы:

«Район, занятый туземцами: Кеть и Ангара на юге, параллель Таймырское оз. на севере.

Площадь Туруханского края + север Енис. уезда около 2000000 кв.

Численность до 15-16 тыс., плотность 0,01 чел.

Хозяйственная деятельность: по народностям - Остяки кетские, тазовские, Юраки, Тунгусы, Долгане, Енисейцы, Самоеды, Якуты.

Продукция: Пушнина - I миллион руб., рыба - 50 тыс. пуд. по 1. 50 к. на сумму 75 тыс. р. Продукты оленеводства 25 тыс. - 1100000.

Колонизационная роль: Средства овладения краем. Исследование. Край не мыслим без инородцев.

Попытки устройства быта туземцев. Положение об управлении сиб. инородцами. Сперанский. Институт князей, Продовольственные магазины. Ясак. Подводная повинность, Отсутствие культуры. Учреждения. Миссионеры. Инородческий вопрос. Вымирание. Эксплоатация. Достоверен ли факт вымирания. Материалы для его решения. Природа эксплоатации ее деятели и техника. «За тундра».

Постановление Иркутского генерал - губернатора /13-14 годов/.

Революционные переживания в крае. Кооперация. Современная картина - все идет по старому. Торги и их агенты. Что нужно сделать. Проэкт Енисейского исполкома. Административное устройство. Культурное строительство. Культурный быт не может идти по трафарету, мешает природа, тип хозяйства. Задача оградить от эксплоптации и постепенно вне принуждений прививать культурные потребности, тогда новая форма полярного культурного быта выработается сама собой. Условия переписи моих материалов. Их достоверность. Материалы по демографии края. Русское население».

[Яворский КККМ. В/ф 6575/40: 152-153]

Еще один вид источников, напрямую имеющий отношение к этнографической тематике, - фотографические снимки, сделанные непосредственно «в поле». Аркадий Яковлевич любил фотографическое дело и активно снимал почти во всех своих экспедициях, деловых поездках и отпусках. В Красноярском музее хранится около 1000 негативов и фотографий (на стекле и пленке), выполненных им. Примерно на 200 из них запечатлена жизнь коренного населения Приенисейского края с 1907 по 1925 гг. Чтобы дать хотя бы краткое представление о разнообразии представленных на них этнографических сюжетах, приведу названия нескольких снимков: «Сойот Агван-демичи с семьей в своей юрте. На р. Шурмак. 1915 г.» (фото 6), «Процессия лам на празднике Цам в Самгалтае. 1915 г.», «За ковшом из соседней юрты дорбет приехал верхом… 1915 г.» (фото 7), «Шайтанская нарточка и жертвенная ей рыба и рога. Гольчиха, около чумов. 1916 г.» (фото 8), «Юраки. Старик и старуха Варо. На коленях старика зыбка с правнуком. 1916 г.» (фото 9), «Чум юрака Саяка. Пользуясь хорошей погодой, пьют чай на воздухе. 1916 г.», «Наступает весна и остяки вылезли из зимовий в чумы. С. Монастырское», «Стойбище тоджинцев в верховьях речки Кедроса, притока Дусебаша. 1913 г.», «Самоед бросает аркан, чтобы поймать оленя. Истоки р. Гольчихи. 1916 г.» и т.д.

Специальной этнографической подготовки Аркадий Яковлевич не имел, ни с кем из профессиональных этнографов не состоял ни в переписке, ни в дружеских отношениях, и его встречи с ними были довольно редки. Мне известно всего несколько

контактов такого рода, и в большинстве случаев они доставляли мало удовольствия обеим сторонам.

В «Воспоминаниях» А.Л. Яворского приводится факт конфликта в 1906 г. Тугаринова с В.И. Анучиным, автором прекрасной монографии «Очерк шаманства енисейских остяков», первой специальной работы по этнографии кетов. Анучин, обиженный отстранением его от должности Правителя дел географического общества в Красноярске, обвинял Тугаринова в стремлении хапнуть побольше денег за счет Красноярского подотдела РГО. Подобное обвинение вряд ли вызывало спокойствие и умиротворение в душе Аркадия Яковлевича. По мнению Яворского, первопричиной данного конфликта являлись склочность Анучина и его ревнивое отношение к настоящим и будущим успехам «конкурента на научном поприще» [Яворский КККМ. В/ф 6575/40: 22]. С отъездом В.И. Анучина из Красноярска угасла и эта тема.

В дневнике Красноярского музея за 1915-1919 годы 1 января 1916 года сделана запись, что в музее начал работать А.Н. Липский, с характерной припиской «именующий себя этнографом» [Яворский КККМ. В/ф 6575/40: 33]. А 8 января отмечено: «Уехал Липский (командирован изучать тоджинцев). Впечатление оставил несимпатичное» [Яворский КККМ. В/ф 6575/40: 33]. Обе записи сделаны рукой А.Я. Тугаринова. В этом случае неприязнь Тугаринова к Липскому имела, возможно, какой-то интуитивный характер. Альберт Николаевич Липский известен и как исследователь культуры народов Нижнего Приамурья (до 1938 г.), и как археолог, изучавший древности Хакасии (1943-1973 гг.). В годы гражданской войны и после ее завершения он активно боролся с контрреволюцией, с присущим тому времени энтузиазмом уничтожая, в том числе и путем массовых расстрелов, врагов «государства трудящихся» и их пособников.

Но есть в этой встрече одна неувязка. В своих воспоминаниях, опубликованных С.И. Вайнштейном, Липский утверждает, что с конца 1915 и до середины 1917 годов он находился на военной службе в Москве и в действующей армии [Вайнштейн 2003: 464-465]. А дневник музея противоречит этому утверждению. В чем здесь дело - еще предстоит разобраться. По этому поводу можно сделать замечание, что ранняя биография А.Н. Липского (в его интерпретации) вызывает не один вопрос.

У Тугаринова в обоих случаях, и с Анучиным, и с Липским, не наука была первопричиной антипатии этих далеко не ординарных людей, а личные пристрастия (Липский) и обиды (Анучин).

В тоже время в научной биографии Аркадия Яковлевича известен факт, когда он, при написании статьи «Последние калмажи», использовал материалы, собранные краеведом Д.С. Каргаполовым, но при этом не упомянул его имени, не сослался на его исследование [Баташев 2004: 24-25].

Как бы то ни было, роль А.Я. Тугаринова в общественной жизни города и его значение в глазах культурной общественности прекрасно иллюстрируют слова члена распорядительного комитета Красноярского подотдела РГО Д.Е. Лаппо: «Григорьевых у нас много, а Тугаринов - один». И это невзирая на то, что В.Ю. Григорьев был далеко не рядовым человеком, а председателем Красноярского подотдела РГО, в ведении которого находился тогда Красноярский музей. А на государственной службе В.Ю. Григорьев руководил губернским Переселенческим управлением, т.е. занимал в губернии одну из ключевых должностей эпохи столыпинских реформ. Во время отсутствия губернатора Енисейской губернии на вверенной ему территории именно Григорьев должен был исполнять его обязанности.

Прошло столетие с тех пор, а как мало изменились люди. Так и хочется сказать, повторяя вслед за Лаппо: «Григорьевых (а также А. Григоренко, Г. Игнатьевых и иже с ними) у нас много, а Тугаринов - один».



Фото 1. Самоедский аргиш. Слева - А.Я. Тугаринов. 1916 г.



Фото 2. Погребение Гольчихи. 1907 г.



Фото 3. Сойоты у палатки Тугаринова. 1915 г.



Фото 4. Шаманский чум. Фитили. 1921 г.



Фото 5. Камасинец на коне. 1925 г.



Фото 6. Сойот Агван-демичи с семьей в своей юрте.
На р. Шурмак. 1915 г.



Фото 7. За ковшом из соседней юрты дорбет приехал верхом… 1915 г.



Фото 8. Шайтанская нарточка и жертвенная ей рыба и рога. Гольчиха, около чумов. 1916 г.



Фото 9. Юраки. Старик и старуха Варо.
На коленях старика зыбка с правнуком. 1916 г.

Литература

1. *Баташев М.С. Неизвестные страницы истории изучения камасинцев // Енисейская провинция. Альманах. Вып. 1. Красноярск, 2004. С. 23-33.*
2. *Баташев М.С. Материалы Красноярского музея по культовым сооружениям эвенков // Енисейская провинция. Альманах. Вып. 2. Красноярск, 2006. С. 77-106.*
3. *Баташев М.С. К истории комплектования фонда этнографии коренных народов Приенисейского края Красноярского краевого краеведческого музея // Второй век подвижничества. Красноярск, 2011. С. 12-32.*
4. *Вайнштейн С.И. Романтика и трагедии в судьбе Альберта Николаевича Липского // Репрессированные этнографы. Вып. 2. М., 2003. С. 455-492.*
5. *Дневник музея 1915-1919 гг. и записи поступлений в фонды // КККМ № п/п 1597, Оп. № 01, Д. 354.*
6. *КККМ, Инвентарные книги по этнографии № 2 и № 3.*

7. *Краткий обзор Красноярского городского музея. Красноярск, 1906. 53 с.*
8. *Макаров Н.П. Красноярский краевой музей в системе научных центров региона // Пятые Гродековские чтения: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции «Амур - дорога тысячелетий». 30 мая - 4 июня 2006 г. / под ред. С.В. Гончаровой. - Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2006. - Ч. II. - 236 с.*
9. *Тугаринов А.Я. Предварительный отчет экспедиции на р. Подкаменную Тунгуску (Катангу) в 1921 г. // Известия Красноярского отдела Русского географического общества. Т. III. Вып. 2. Красноярск, 1924. С. 1-31.*
10. *Яворский А.Л. Двадцать лет на Енисее (рукопись). КККМ. В/ф 6575/40.*
11. *Ямпольская Ю.А. «Шаманский чум» эвенков: история открытия, результаты исследований, гипотезы // Этносы и этнические процессы. М., 1993. С. 107-118.*

Златозар Боев

Изучение неогеновых птиц Болгарии - достижения, итоги и перспективы

Abstract: Boev, Z. 2011. Exploration of the Neogene Birds of Bulgaria - achievements, conclusions and perspectives. *The Neogene record of birds in Bulgaria consists in 120 taxa (29 modern families and 15 orders) at least. They originate from 16 localities encompassing the period from the middle Miocene (MN 5-8) to the very end of the late Pliocene (MNQ 18-19). The late Pliocene record is the most abundant and includes 96 taxa and ca. 80 % of the finds. A total of 18 new species and 3 new genera have been described from Bulgaria.*

Keywords: *Fossil birds, Neogene avifaunas, Bulgaria, Paleozoology, Paleobiozoogeography.*

Пограничное местоположение территории современной Болгарии (на границе трех континентов - Европа, Азия и Африка) на протяжении всего неогена (и четвертичного периода) являлось одним из самых важных факторов, обусловливающих ее былое фаунистическое разнообразие. В туролийском ярусе обнаружено распространение так называемого «ирано-туранского» мегафаунистического комплекса, а в русцине и в среднем виллафранке установлены особые авифаунистические комплексы «смешанных» фаун.

До сих пор в Болгарии обнаружено всего 16 неогеновых местонахождений остатков птиц (Рис. 1). К 2010 году было собрано всего более 1842 костных остатков и одна плита с отпечатками 6 следов птичьих лап. Все материалы хранятся в отделе позвоночных животных Национального естественно-исторического музея Болгарской Академии Наук.

Перечень неогеновых местонахождений: I. Средний миоцен: 1. Кардам (MN 5-8); 2. Балчик (MN ? 7-8); II. Поздний миоцен: 3. Кремиковци (MN 12-13); 4. Храбырско (MN 11-13); 5. Трояново (MN 11-15);

6. Хаджидимово (MN 11-12); 7. Калиманци (MN 11-12); 8. Горна Сушица (MN 11-12); 9. Бели Брег (MN 13-14); III. Ранный плиоцен: 10. Муселиево (MN 15); 11. София - 1 (MN ?11-13 - MN 14-15; 12. София - 2 (MN 14); 13. Дорково (MN 14); IV. Поздный плиоцен: 14. Вершец (MN 17); 15. Сливница (MNQ 18 a); 16. Балша (MNQ 18-19).

Первая работа о неогеновых (и ископаемых птицах вообще) Болгарии была сделана иностранным исследователем - профессором Николаем Иосифовичем Бурчаком-Абрамовичем [Бурчак-Абрамович, Николов 1982].

Всего в стране собрано остатков более 120 видов/таксонов, относящихся к 29 современным семействам 15 отрядов птиц. Из этого состава 29 видов ископаемых (они отмечены «+» в приведенном ниже таксономическом списке). Некоторые еще неописанные, например ***Chauvireria*** sp. n., ***Porzana*** sp. n., ***Galerida*** sp. - 1, ***Galerida*** sp. n. - 2, ***Melanocorypha*** sp. n. - 1, ***Melanocorypha*** sp. n. - 2, ***Pica*** sp. n., ***Sturnus*** sp. n. и др. Кроме новых видов, из неогена Болгарии описаны и несколько новых родов птиц - ***Balcanas*** Boev, 1998, ***Chauvireria*** Boev, 1997 и ***Euroceros*** Boev, 2007.

Chauvireria balcanica - самый многочисленный вид неогеновых птиц Болгарии. Эта мелкая фазановая птица представлена на удивление обильным фоссильным материалом, насчитывающим 1138 костных остатки [Boev 2007] - от приблизительно 60 экземпляров как взрослых, так и неполновозрастных особей. Вершец - самое богатое неогеновое местонахождение птиц Болгарии и самое богатое местонахождение позднего плиоцена всей Европы. Там обнаружено остатков 79 видов/таксонов птиц [Boev 2002 a, 2007].

Болгарский королек [***Regulus bulgaricus*** Boev 1999], наверное, самая мелкая известная до сих пор птица неогена не только в Болгарии, но и в Европе. Обнаружена в средне-виллафранкских отложениях возле города Вершеца (Северо-Западная Болгария). Кроме страуса Каратеодориса ***(Struthio karatheodoris)***, среди самых крупных неогеновых птиц Болгарии - павлин Браварда ***(Pavo bravardi)***, самая крупная лесная птица третичного периода Европы, лебедь Веры ***(Cygnus verae)***, сип Бохеньского ***(Gyps bochenskii)***, болгарский рогатый ворон ***(Euroceros bulgaricus)***, тракийский гусь ***(Anser thraceiensis)***, родопский глухарь ***(Tetrao rhodopensis)*** и др.

Лучше изучены птицы позднего плиоцена (среднего и позднего виллафранка), позднего миоцена (турола) и раннего плиоцена (русцина), хотя полученные данные значительно отличаются в количественном отношении. С палеобиогеографической точки зрения интерес представляет открытие: (1) первых представителей птиц-носорогов в фауне Европы (турол; местонахождения Хаджидимово, юго-западная Болгария); (2) первой в мире ассоциации родов ***Pavo*** и ***Lagopus***, которые встречались совместно в русцине (местонахождения Муселиево, Центральная Северная Болгария); (3) «смешанной» фауны, включающей представителей двух разных обособленных и довольно отдаленных друг от друга авифаунистических комплексов с современной точки зрения - открытого саванного и закрытого лесного (Вершец и Сливница, средний-поздний виллафранк).

Кроме того, Род ***Geronticus*** впервые обнаружен в третичных отложениях Балканского полуострова в Болгарии; находки ***Gyps bochenskii*** являются самыми древними - рода ***Gyps*** в Европе. На Балканском полуострове ***Pavo bravardi*** обнаружен впервые в Болгарии. Находки тетерева (***Tetrao partium***) самые древние и происходят из самого южного местонахождения этого вида. Находки птиц-носорогов доказывают древний сплошной ареал этой группы, теперь состоящий (распавшийся) из двух частей - афро-тропической и индо-малайской дизъюнкций. В известной степени то же можно утверждать и о павлинах (в широком смысле) и страусах. Находки ***Lagopus balcanicus*** подтверждают саванно-лесной или лесостепной тип происхождения рода ***Lagopus***. Только в плиоцене виды ***Logopus*** адаптировались к бореально-горным безлесным местообитаниям [Boev 2002 b].

До сих пор в Болгарии обнаружено самое богатое разнообразие тетеревиных птиц плиоцен-плейстоцена. В плиоцене в стране описаны 9 видов - T***etrao partium, T. rhodopensis, Lagopus atavus*** и ***L. balcanicus***, а в плейстоцене - ***T. urogallus, L. lagopus, L. mutus*** и ***Bonasa bonasia***. Это потверждает гипотезу Денеса Яноши [D. Jánossy 1976; in litt. 1988] и Зигмунта Бохеньского [Bocheński 1991] о восточно/юго-восточно-европейском происхождении тетеревиных. Позднеплиоценовая находка балканского перевозчика (***Actitis balcanica***) является наиболее древней находкой рода ***Actitis*** в мире. То же самое относится и к находкам ***Athene*** sp.

[Mlíkovský 2002]. Позднеплиоценовая находка ***Gallinula balcanica*** является самой древней (и пока единственной) находкой третичного периода Старого Света [Mlíkovský 1996].

Существование бараненского стрижа (***Apus baranensis***), описанного из Венгрии, впервые подтверждено несколькими находками из Болгарии. Надо отметить, что Mlíkovský [2002] синонимизировал этот вид с позднемиоценовым ***Apus wetmorei*** Ballman, 1976 из Италии.

В позднем миоцене возле Храбырско в Болгарии найдены самые древние находки рода ***Melanocorypha***. В Выршеце найдены самые древние остатки ***Alauda sp., Galerida sp.*** и ***Eremophila sp.*** Европы. ***Turdus merula, T. iliacus, T. philomelos, Parus cf. major, Corvus cf. monedula*** и ***Pyrrhocorax pyrrhocorax*** из Выршеца являются также самыми древними свидетельствами этих видов в мире. Средне-миоценовый скелет ***Sturnidae*** gen. indet. из окрестностей Кардама (северо-восточная Болгария) является самой древней в мире находкой семейства скворцовых. Все позднеплиоценовые находки ***Carduelis, Loxia, Fringilla*** и ***Coccothraustes*** из Выршеца и Сливницы являются самыми древними в Европе [Mlíkovský 2002].

Обобщая этот краткий обзор, видно, что изучение неогеновой фауны птиц - исключительно перспективная область палеозоологических исследований. К сожалению, обнаружение большей части неогеновых местонахождений и коллекционирование палеонтологического материала до сих пор было случайным и только в отдельных случаях (местонахождения Выршец, Дорково, Хаджидимово, Сливница, Горна Сушица) велись систематически, организованно в рамках специальных палеонтологических разведок и экспедиций. С другой стороны, палеоорнитология очень молодая ветвь палеозоологии Болгарии. Первые публикации об ископаемых птицах появились в начале 1980-х. Несмотря на это, можно считать, что сегодня изучение неогеновой (и вообще ископаемой) авифауны страны вполне сопоставимо с достижениями во многих других странах Европы, где история палеоорнитологических исследований намного длиннее.

Таксономический список неогеновых птиц Болгарии

Struthioniformes (Latham, 1790)
Struthionidae (Vigors, 1825)
1. + Struthio cf. karatheodoris Forsythe Major, 1888

Pelecaniformes Sharpe, 1891
Phalacrocoracidae (Bonaparte, 1853)
2. + Phalacrocorax serdicensis Burchak-Abr. & Nikolov, 1982

Ciconiiformes (Bonapaerte, 1854)
Ardeidae Wagler, 1831
3. Botaurinae gen. indet.
Threskiornithidae (Richmond, 1917)
4. + Geronticus balcanicus Boev, 1998

Phoenicopterigiformes Fürbringer, 1888
Phoenicopteridae Bonaparte, 1831
5. + Phoenicopteridae gen. et sp. indet.

Anseriformes (Wagler, 1831)
Anatidae Vigors, 1825
6. Anas cf. clypeata Linnaeus, 1758
7. Anatinae gen. indet. - 1
8. Anatinae gen. indet. - 2
9. Anatini gen. indet.
10. + Anser thraceiensis Burchak-Abr. & Nikolov, 1982
11. + Balcanas pliocaenica Boev, 1998
12. + Cygnus verae Boev, 2000

Accipitriformes Vieillot, 1816
Accipitridae (Vieillot, 1816)
13. Accipiter sp.
14. Accipiter sp. ex gr. gentilis
15. Aquila sp. ex gr. clanga - 1
16. Aquila sp. ex gr. clanga - 2
17. Aquilinae gen. - 1
18. Aquilinae gen. - 2
19. Buteo sp.
20. + Buteo spassovi Boev, 1998
21. cf. Hieraetus sp.
22. Circaetus sp.
23. + Gyps bochenskii Boev, 2010
24. Aquila cf. fasciata (Vieillot, 1822)
25. Hieraetus sp.
26. Accipitridae gen.

Falconiformes (Sharpe, 1874)
Falconidae Vigors, 1824
27. + Falco bakalovi Boev, 1998
28. + Falco sp. n., in press
29. Falco sp. ex gr. tinnunculus - 1
30. Falco sp. ex. gr. tinnunculus - 2
31. Falco sp.
32. Falco sp. ex gr. cherrug
33. Falconidae gen.

Galliformes Temminck, 1820
Tetraonidae Vigors, 1825
34. cf. Lagopus sp.
35. Lagopus aff. atavus Jánossy, 1976
36. + Lagopus balcanicus Boev, 1995
37. Lagopus sp. (cf. lagopus Linnaeus, 1758)
38. + Tetrao aff. partium (Kretzoi, 1962)
39. + Tetrao rhodopensis Boev, 1998
40. Tetrao/Lagopus
Phasianidae Vigors, 1825
41. cf. Perdix sp.
42. + Chauvireria balcanica Boev, 1997

43. + Chauvireria sp. n.
44. Perdicinae gen. indet. - 1
45. Perdicinae gen. indet. - 2
46. Pavo bravardi (Gervais, 1849)
47. Phasianidae gen. indet. -
48. Phasianidae gen. indet. - 2
49. Phasianus sp.

Gruiformes Coues, 1884
Rallidae Reichenbach, 1882
50. + Gallinula balcanica Boev, 1999
51. Porzana sp. n.
Otitidae Gray 1845
52. + Otis aff. khosatzkii Bocheński & Kuročkin, 1987
53. Otitidae gen. indet.

Charadriiformes Huxley, 1867
Scolopacidae Rafinesque, 1815
54. + Actitis balcanica Boev, 1998
55. Charadriiformes fam.
Laridae Vigors, 1825
56. Larinae gen. indet.
Columbiformes (Latham, 1790)
Columbidae (Illiger, 1811)
57. Columba sp. - 1
58. Columba sp. - 2
59. Streptopelia sp.

Strigiformes (Wagler, 1830)
Strigidae
60. Athene sp.

Apodiformes Peters, 1940
Apodidae (Hartert, 1897)
61. + Apus baranensis Janossy, 1977

Coraciiformes Forbes, 1884
Bucerotidae Rafinesque, 1815
62. + Euroceros bulgaricus Boev, 2007

Passeriformes (Linnaeus, 1758)
Alaudidae (Vigors, 1825)
63. aff. Lullula sp.
64. Alauda sp.
65. Alauda sp. (cf. arvensis)
66. Alaudidae gen. indet.
67. Alaudidae gen. sp. n.
68. cf. Alauda sp.
69. Eremophila sp.
70. Eremophila sp. n.
71. Galerida sp. - 2
72. Galerida sp. n. - 1
73. Lullula sp.
74. Lullula sp.
75. + Melanocorypha sp. n. - 1
76. + Melanocorypha sp. n. - 2
Motacillidae Vigors, 1825
77. Anthus sp.
78. Motacilla sp.
Turdidae Bonaparte, 1838
79. Turdus cf. iliacus Linnaeus, 1766
80. Turdus cf. philomelos Brehm, 1831
81. Turdus sp.
82. Turdus sp. ex gr. merula
83. Turdus sp. ex gr. philomelos
84. Turdidae gen. indet. - 1
85. Turdidae gen. indet. - 2
Sylviidae (Vigors, 1825)
86. cf. Sylviidae gen.
Regulidae (Baird, 1858)
87. + Regulus bulgaricus Boev, 1999
Muscicapidae Vigors, 1825
88. cf. Muscicapa sp.
89. Erithacus sp.

Paridae Boie, 1826
90. Paridae gen. indet.
91. Parus sp.
92. Parus sp. ex gr. major
Linnaeus, 1758
Corvidae Vigors, 1825
93. Corvus aff. praecorax Depéret, 1892
94. Corvus cf. monedula Linnaeus, 1758
95. Corvus sp.
96. Corvus sp.
97. Corvus sp. ex gr. monedula
98. + Pica sp. n.
99. Nucifraga sp.
100. Pyrrchocorax cf. pyrrhocorax (Linnaeus, 1758)
101. Pyrrhocorax cf. graculus (Linnaeus, 1766)
102. Pyrrhocorax sp.
103. Pyrrhocorax sp.
104. Corvidae gen. indet. - 1
105. Corvidae gen. indet. - 2
Sturnidae Vigors, 1825
106. Sturnidae gen. indet.
107. + Sturnus sp. n.
Fringillidae Vigors, 1825
108. Carduelis cf. carduelis (Linnaeus, 1758)
109. Carduelis sp.
110. + Coccothraustes balcanicus Boev, 1998
111. + Coccothraustes simeonovi Boev, 1998
112. + Loxia patevi Boev, 1999
113. Fringilla cf. coelebs Linnaeus, 1758
114. Fringilla sp.
115. Fringillidae gen. indet.
Emberizidae Vigors, 1831
116. Emberiza sp. - 1
117. Emberiza sp. - 2
118. Emberiza sp. - 3
119. Emberizidae gen. indet. - 1
120. Emberizidae gen. indet. - 2
Passeres indet.
Oscines fam. indet. - 1
Oscines fam. indet. - 2

Aves indet.
Aves indet (Non-Passeriformes)
Aves indet. - 1
Aves indet. - 2
Aves indet. - 3
Aves indet. - 4

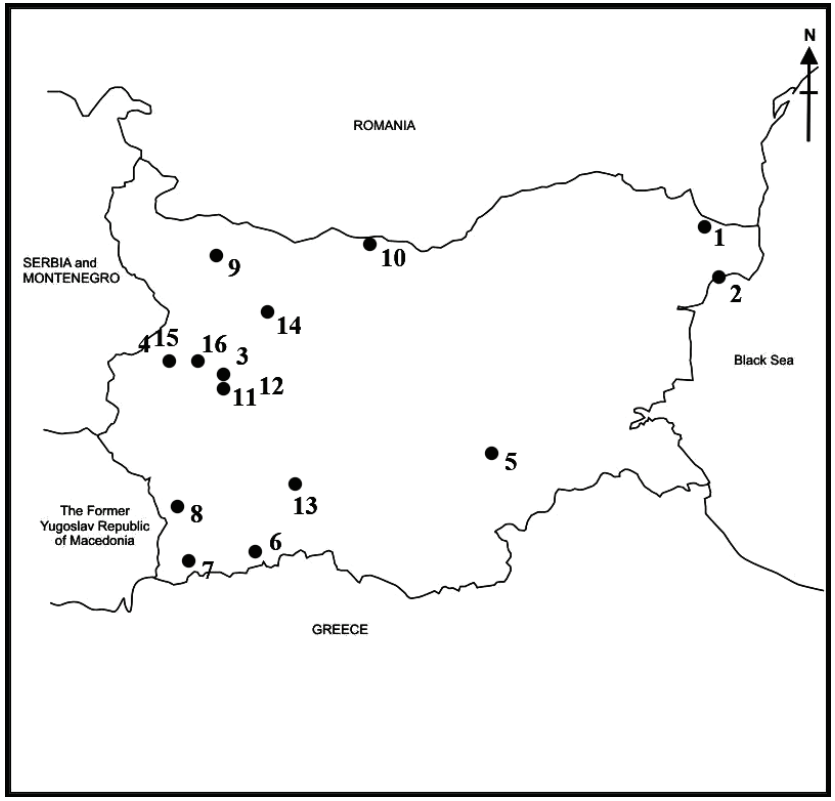


Рис. 1. Местонахождения неогеновых птиц Богарии: Средний миоцен: 1. Кардам (MN 5-8); 2. Балчик (MN ? 7-8); Поздный миоцен: 3. Кремиковци (MN 12-13); 4. Храбырско (MN 11-13); 5. Трояново (MN 11-15); 6. Хаджидимово (MN 11-12); 7. Калиманци (MN 11-12); 8. Горна Сушица (MN 11-12); 9. Бели Брег (MN 13-14); Ранный плиоцен: 10. Муселиево (MN 15); 11. София - 1 (MN ?11-13 - MN 14-15; 12. София - 2 (MN 14); 13. Дорково (MN 14); Поздный плиоцен: 14. Выршец (MN 17); 15. Сливница (MNQ 18 a); 16. Балша (MNQ 18-19)

Литература

1. *Бурчак-Абрамович Н.И., И. Николов. 1984. Ископаемые птицы Phalacrocorax serdicensis sp. n. и Anser thraceiensis sp. n. из Болгарии. - В: Палеонтология, стратиграфия и литология, 19: 23-34 + 3 табл.*
2. *Boev, Z., 2002 a. Neogene avifauna of Bulgaria. - In: Zhou, Z., Zhang, F. (eds.). Proceedings of the 5th Symposium of the Society of Avian Paleontology and Evolution, Beijing, 01-04.06.2000. Science Press, Beijing, 29-40.*
3. *Boev, Z. 2002 b. Tetraonidae Vigors, 1825 (Galliformes - Aves) in the Neogene-Quaternary record of Bulgaria and the origin and evolution of the family. - In: Proceedings of the 4th Meeting of the ICAZ Bird Working Group, Krakow, Poland, 11-15.09.2001. Acta zoologica cracoviensia, 45 (special issue): 263-282.*
4. *Boev, Z. 2007. Neogene avifaunas of Bulgaria (a brief review). - In: Bakardjieva, N. St. Chankova, B. Krastanov, Sv. Gateva (Compilers). Evolution and Ecology - 2007. Union of the Scientists of Bulgaria. 3rd National Seminar. Proceedings, Sofia, 26-35.*
5. *Boev, Z. 2011. Falco bulgaricus sp. n. (Aves, Falconiformes) from the Middle Miocene of Hadzhidimovo (SW Bulgaria). - Acta zoologica bulgarica, 63 (1): 17-35.*
6. *Jánossy, D. 1976 Plio-Pleistocene bird remains from the Carpathian basin. I. Galliformes. 1. Tetraonidae. - Aquila, 72: 13-36.*
7. *Mlíkovský, J. 2002. Cenozoic Birds of the World. Part 1: Europe. Ninox Press. Praha, 1-406.*

Н.В. Зеленков, Е.Н. Курочкин

Современное состояние изученности птиц неогена Центральной Азии

An overview of the current state of knowledge of Neogene birds of Mongolia and adjacent areas is presented. During the last years, new data on the middle Miocene and late Pliocene birds became available. In particular, the study of fossil birds from Sharga locality in Mongolia revealed the presence of taxonomically rich middle Miocene avian community, the only known representative avian community of this stratigraphic interval from Asia. A new representative fauna of Passeriformes is known from the late Pliocene of Northern Mongolia and Transbaikalia. The rich communities of birds from the Hyargas-Nuur 2 and Chono Harayh 1 and 2 localities in Western Mongolia represent the latest Miocene and early Pliocene stages in evolution of avian fauna of the region. Birds from the early Miocene and the early late Miocene stay poorly studied. A detailed review of all taxonomic finds from each stratigraphic interval (Lower Miocene to Upper Pliocene) is presented. It is noted that the middle Miocene avian community from Sharga shows little or no resemblance to the contemporary or temporarily close avian faunas of Europe and North America. To the contrary, the late Miocene and early Pliocene faunas of the Eastern Europe, Central Asia and North America include many common genera (many of them are extant). This observation supports the late Miocene origin for the modern-type waterbird communities. The late Pliocene avian fauna of Northern Mongolia and Transbaikalia generally includes inhabitants of arid landscapes, and is thus more similar to the Pleistocene and Modern Mongolian avian faunas.

Keywords: *Neogene, fossil birds, avifauna, Mongolia, Russia, Kazakhstan*

Первые данные по неогеновым птицам Центральной Азии и прилегающих территорий были получены немецким палеонтологом М. Шлоссером [Schlosser 1924], обнаружившим 10 таксонов в плиоценовых отложениях Внутренней Монголии. Несколько лет спустя была опубликована работа, посвященная бескилевым птицам [Lowe 1931], с описанием нового вида страуса по тазу из местонахождения Баоде в Центральном Китае. Вскоре появилась и первая публикация по неогеновым птицам с территории Советского Союза - это была статья профессора Аркадия Яковлевича Тугаринова, бывшего директора музея Приенисейского края в Красноярске, а на тот момент сотрудника Зоологического института АН СССР в Ленинграде. Профессора Тугаринова можно по праву назвать основателем исследований неогеновых птиц Центральной Азии. В своей первой работе, посвященной ископаемым птицам, А.Я. Тугаринов [1935] описал из позднемиоценовых (в то время считавшихся раннеплиоценовыми) отложений Восточного Казахстана позвонок страуса, а также некрупного сокола, выделенного им в новый род ***Sushkinia***. В следующей статье, опубликованной в Докладах АН СССР, А.Я. Тугаринов [1940] описал двух птиц из олигоценовых отложений Казахстана. Одна из находок, отнесенная к новому виду утки ***Anas oligocaena***, происходит из местонахождения Агыспе в Приаралье, ныне считающегося раннемиоценовым [Lopatin 2004]. Тугаринов [1940] обратил особое внимание на важность находки этой примитивной утки, и необходимо отметить, что свою значимость (так же, как и находка ископаемого сокола) она не утратила и до сих пор (см. ниже).

С момента опубликования работ Тугаринова было получено множество новых данных о птицах неогена Восточного Казахстана, Монголии и Забайкалья. Однако до начала 1970-х годов сообщения об ископаемых птицах неогена этой территории носили, в общем, случайный характер: несколько таксонов указывалось из верхнего миоцена Павлодара [Аубекерова 1965], а М.А. Воинственский опубликовал предварительные определения остатков птиц из верхнего миоцена о-ва Ольхон на Байкале [Логачев и др. 1964]. Систематическое исследование птиц неогена Центральной Азии было начато в семидесятых годах Е.Н. Курочкиным [1971, 1976, 1981, 1982; Kurochkin 1980] и завершилось выходом монографии [Курочкин 1985]. В результате данной работы было установлено 56 форм птиц, среди которых 32 были описаны как новые. Наиболее богатые материалы были получены из верхнего миоцена и нижнего (в то время считавшегося средним) плиоцена Западной Монголии

(местонахождения Хиргис-Нур 2, Чоно-Хариах 2 и др.). По результатам данной работы в неогене Центральной Азии было установлено 20 семейств, что позволило в целом восстановить раннеплиоценовый этап развития авифауны Западной Монголии. Небольшое число таксонов птиц также было описано из позднеплиоценовых отложений Северной Монголии и Забайкалья [Курочкин 1985].

Долгое время сведения, полученные Е.Н. Курочкиным [1985] и касающиеся, в основном, плиоцена, оставались единственным источником информации о разнообразии и эволюции птиц Центральной Азии в неогене. Миоценовый этап эволюции был практически не охарактеризованным. При этом уже в конце 1970-х и в начале 1980-х годов сотрудниками совместных Советско-Монгольских палеонтологической и геологической экспедиций (Е.К. Сычевская, А.А. Карху, В.С. Зажигин) были собраны первые богатые материалы по неогеновым птицам из местонахождения Шарга («высота 1080 м») в урочище Шаргаин-Гоби (Гоби-Алтайский аймак, Монголия; рис. 1).

Дополнительные материалы по птицам из данного местонахождения были получены позднее уже в результате работ совместной Российско-Монгольской палеонтологической экспедиции (Е.К. Сычевская, Е.Н. Курочкин, В.С. Терещенко). Возраст Шарги первоначально считался раннеплиоценовым, то есть одновозрастным с местонахождением Хиргис-Нур 2, и оттуда было описано шесть таксонов ископаемых птиц [Курочкин 1985]. Однако, как показали дальнейшие исследования по рыбам и мелким млекопитающим [Сычевская 1989; Зажигин, Лопатин 2001], отложения Шарги следует считать более древними (рис. 2); их теперь относят к верхам среднего миоцена и сопоставляют с европейскими зонами млекопитающих MN 7-8 [Зажигин, Лопатин 2001].

Возраст местонахождения Хиргис-Нур 2 также был пересмотрен: сходство микротериофауны с таковой позднемиоценового местонахождения Эртемте во Внутренней Монголии позволяет относить отложения данного местонахождения к терминальному миоцену (верхи биозоны MN13), непосредственно вблизи границы миоцена и плиоцена [Вангенгейм и др. 2005].

Комплексное исследование неогеновых птиц Центральной Азии [Курочкин 1985] привлекло внимание к ископаемым остаткам птиц, в результате чего немалое количество их костей было

обнаружено в коллекциях, содержащих кости других групп позвоночных. В частности, более сотни костей птиц (в основном мелких) было передано на изучение в Палеонтологический институт РАН (ПИН) В.С. Зажигиным (ГИН РАН) - это были, главным образом, материалы из среднемиоценового местонахождения Шарга и позднеплиоценового местонахождения Шамар в Северной Монголии, собранные в 1960-1970-ых годах. Таким образом, с середины восьмидесятых годов накопилось множество новых материалов по неогеновым птицам Центральной Азии. В то же время с тех пор существенно пополнилась остеологическая коллекция современных птиц ПИН, изменились представления о возрасте основных местонахождений (см. выше), было описано множество неогеновых птиц с других территорий, а для ряда форм был пересмотрен таксономический статус. Все это обусловило необходимость проведения специального исследования, в задачи которого входило изучение новых и ревизия ранее описанных материалов с целью получения новых неизвестных и более детальных сведений о неогеновом этапе эволюции птиц на территории Центральной Азии. Такая работа была проведена нами.

По сравнению с исследованием Курочкина [1985], к настоящему времени также существенно увеличился список птиц из позднеплиоценовых местонахождений Северной Монголии и Забайкалья (в основном, за счет воробьиных). В то же время изучение птиц из местонахождения Шарга позволило выявить удивительное разнообразие среднемиоценовых птиц, в результате чего Шарга стала одним из самых богатых миоценовых местонахождений мира и самым богатым на территории Азии. Представительные материалы по птицам из местонахождения Шарга впервые позволили восстановить среднемиоценовый этап развития фаун птиц Центральной Азии, а ревизия ранее описанных и изучение новых позднемиоценовых и плиоценовых материалов позволили дополнить наши знания и об этих этапах становления современной фауны птиц Центральной Азии.

Ранний миоцен

На фоне общего прогресса в исследовании неогеновых птиц Центральной Азии, достигнутого в последние десятилетия, раннемиоценовая фауна птиц региона остается практически не изучен-

ной. Описанная из раннего миоцена Приаралья ***Anas oligocaena*** [Тугаринов 1940] остается единственными таксоном птиц, известным из данного стратиграфического интервала с территории Центральной Азии. Кроме нее, теперь из раннего миоцена местонахождения Улан-Тологой в Центральной Монголии известны остатки неопределимых до рода фазановых и ястребиных [Зеленков, Курочкин 2009 а; Зеленков 2011 а]. Ястребиные в местонахождении Улан-Тологой представлены остатками двух форм: средней по размеру птицы (сопоставимой с современными ***Buteo***) и довольно крупной формой, близкой по размерам к современным ***Aquila chrysaetos*** [Зеленков 2011 а].

Большое значение имеет находка раннемиоценовой утки ***Anas oligocaena***. А.Я. Тугаринов [1940] отметил наибольшее сходство между ***Anas oligocaena*** и современной ***A. acuta L.***, 1758 и, таким образом, пришел к выводу о древности формирования основных признаков современного рода речных уток ***Anas***. Позднее данный вид был перенесен в современный род свистящих уток ***Dendrocygna*** [Mlíkovský, Švec 1986] - наиболее примитивный из ныне живущих родов утиных и выделяемый в отдельное подсемейство Dendrocygninae. Переизучение оригинальных материалов по ***Anas oligocaena*** показывает, что этот вид не может относиться к роду ***Dendrocygna***, в то же время он демонстрирует удивительное сходство с современными примитивными представителями подсемейства Anatinae, традиционно выделяемыми в трибу «Cairinini», очевидно, не-монофилетичную [Livezey 1986]. Наибольшее сходство ***Anas oligocaena*** демонстрирует с современными представителями рода ***Aix*** [Зеленков, Курочкин 2012, в печати], что указывает на древность данной филетической линии утиных. Обычно считается [Worthy, Lee 2008; Worthy 2009], что в раннем миоцене основу разнообразия утиных составляли представители савковых - примитивные и зачастую еще не адаптированные к нырянию Oxyurinae (типа современных ***Stictonetta***). Утки, предположительно относимые к Oxyurinae, обнаружены в верхнем олигоцене и нижнем миоцене Африки, Европы, Северной Америки, Австралии и Новой Зеландии [Worthy, Lee 2008; Worthy 2009]. Находка в нижнем миоцене Приаралья утки из филогенетического ствола Anatinae (однозначно не относящейся к Oxyurinae) увеличивает раннемиоценовое разнообразие утиных

[Зеленков 2012] и подтверждает предположение о древности современной филетической линии Anatinae, высказанное еще А.Я. Тугариновым [1940].

Необходимо заметить, что не только Центральная Азия, но и весь Азиатский континент в раннем миоцене выглядит белым пятном с точки зрения палеоорнитологии. Работы по раннемиоценовым птицам за пределами Центральной Азии единичны: стоит отметить находку бегающего журавлеобразного ***Urmiornis brodkorbi*** Karhu, 1997 в нижнем миоцене Западного Казахстана [Карху 1997]; несколько таксонов птиц также было указано из верхов нижнего миоцена Таиланда [Cheneval et al. 1991]. В раннем миоцене в Юго-Восточной Азии (в том числе в Таиланде) преобладали тропические биотопы, что следует, в частности, из данных по млекопитающим [Mein et al. 1990] - это ограничивает возможность полноценного сравнения фаун птиц Юго-Восточной Азии с фаунами птиц из местонахождений Центральной Азии, где климат был гораздо суше, и, по-видимому, уже в позднем олигоцене началось формирование пустынь [Sun et al. 2010].

Средний миоцен

Богатый комплекс ископаемых птиц среднемиоценового возраста происходит из местонахождения Шарга, приуроченного к озерной котловине Шаргаин-Гоби на территории сомона Шарга Гоби-Алтайского аймака Монголии (рис. 1). Кроме того, единичные кости среднемиоценовых птиц также известны из местонахождения Наран-Булак в Западной Монголии [Зеленков 2011 а]. Всего из местонахождения Шарга известно более 250 костных остатков птиц. Птицы из этого местонахождения представлены, в основном, водными и околоводными видами (рис. 3): здесь преобладают остатки гусеобразных (Anatidae), относительно обычны цапли (Ardeidae) и пастушковые (Rallidae), встречаются также фламингообразные (Palaelodidae) и ржанкообразные (Charadriiformes).

Из гусеобразных наиболее обычны утки: из Шарги известны ныряющие утки - эндемичные для данного местонахождения роды ***Sharganetta*** и ***Nogusunna*** [Зеленков 2011 б]. ***Sharganetta*** и ***Nogusunna*** имеют крайне примитивную морфологию плечевой кости (рис. 4) - наиболее важного элемента скелета утиных для установления эволюционного уровня - и могут относиться к под-

семейству Oxyurinae в широком смысле [Worthy, Lee 2008], однако вопрос о систематическом положении этих родов остается открытым. Еще один род, ***Protomelanitta,*** демонстрирует более прогрессивную морфологию плечевой кости и, вероятно, принадлежит, к филогенетической линии Mergini: по строению тарзометатарзуса ***Protomelanitta*** сходна с современными представителями трибы Mergini, но детали морфологии плечевой кости указывают на базальное положение этого рода по отношению к современным представителям [Зеленков, 2011 б]. К роду ***Protomelanitta*** также может быть отнесена нырковая утка ***«Aythya» shihuibas*** из верхнего миоцена Китая [Зеленков, Курочкин 2012, в печати].

Богато представлены в Шарге также и не ныряющие формы: здесь обнаружены представители современных родов ***Anas*** и ***Aix***, причем описанный новый ископаемый вид рода ***Aix*** из Шарги представляет древнейшую находку этого рода [Зеленков, Курочкин 2012, в печати]. Род ***Anas*** представлен мелкой уткой ***Anas soporata***, которая раньше указывалась также из местонахождения Хиргис-Нур 2 [Курочкин 1985]. Переизучение материалов показывает, что остатки сходной по размеру утки из верхнего миоцена местонахождения Хиргис-Нур 2 не могут быть отнесены к ***A. soporata***: они принадлежали виду, более сходному с современными представителями этого рода (см. ниже). В Шарге также обнаружено два вымерших рода уток из подсемейства Anatinae. Одна из уток сходна с ***Anas velox*** из среднего миоцена Европы, а вторая, возможно, родственна крупной среднемиоценовой европейской утке ***Anas sansaniensis*** [Зеленков 2011 а; Зеленков 2012; Зеленков, Курочкин 2012].

Кроме утиных, гусеобразные представлены в Шарге пеганковыми (***Tadorna*** sp. и еще одной формой неясного систематического положения), а также довольно крупной птицей, сочетавшей в себе признаки пеганковых и гусиных [Зеленков 2011 а].

Обращает на себя внимание разнообразие пастушковых; всего из Шарги известно шесть форм: ***Palaeoaramides tugarinovi***, новый вид сходного с современными камышницами рода ***Paraortygometra***, очень мелкий погоныш (***Porzana risilla***) и еще три формы, достоверный таксономический статус которых не может быть определен [Курочкин 1985; Зеленков 2011 а; Kurochkin 1980]. По разнообразию гусеобразных и пастушковых Шарга занимает

первое место среди неогеновых местонахождений птиц в мире, что, несомненно, указывает на крайне благоприятные условия для обитания этих птиц на данной территории в среднем миоцене и, видимо, на удачные условия захоронения.

Другие околоводные птицы, обнаруженные в Шарге, не так многочисленны, как гусеобразные. Единично представлены ископаемые фламингообразные Palaelodidae, известные из неогена Европы, Африки, Северной Америки, Австралии и Новой Зеландии, а теперь обнаруженные и в Азии [Зеленков 2011 а]. Палелодиды были довольно крупными птицами с неспециализированным, в отличие от современных фламинго, клювом [Cheneval, Escuillé 1992]. По сравнению с современными фламинго, палелодиды были лучше приспособлены к плаванию [Olson, Feduccia 1980; Cheneval 1983]. Из ржанкообразных в Шарге определены остатки улита ***Tringa*** sp., мелкой чайки, предположительно из рода ***Laricola*** и еще одной примитивной чайковой птицы, по-видимому, родственной современным поморникам [Зеленков 2011 а]. В Шарге также найдена единственная кость некрупного пеликана, представляющая первую находку этого семейства в неогене Азии, а также кости веслоногих неясного систематического положения [Зеленков 2011 а]. Кроме того, в Шарге найден аист ***Ciconia*** sp. [Зеленков 2011 а]. Среди других околоводных птиц стоит отметить цапель, которые представлены довольно крупной цаплей ***Ardea sytchevskayae***, морфологически промежуточной между большой белой цаплей ***Ardea alba*** и остальными видами, традиционно относимыми в род ***Ardea*** [Зеленков 2011 в]; кроме того, из Шарги известны остатки крупной выпи неясного систематического положения, что, наряду с разнообразием пастушковых, указывает на наличие высокотравных биотопов по берегам миоценового озера в Шаргаин-Гоби.

Особый интерес представляет находка в Шарге многочисленных остатков воробьинообразных, собранных, преимущественно, В.С. Зажигиным попутно с мелкими млекопитающими. Все воробьиные представлены в Шарге пятью видами трех ископаемых родов, два из которых, по-видимому, близки к современным камышевкам, адаптированным к жизни в зарослях кустарников и высокотравья. Третий род и вид демонстрирует большее сходство со славковыми (Sylviidae). Однако находка в Шарге фрагмента пред-

челюстной кости показывает, что воробьиные из данного местонахождения, скорее всего, относились к отдельному вымершему семейству, и их филогенетическая связь с современными представителями Sylvioidea на сегодняшний день представляется неясной [Зеленков 2011 а].

Из наземных птиц в Шарге лучше всего представлены мелкие фазановые, чьи остатки (2 вида рода ***Tologuica*** и еще одна, несколько более крупная форма), по-видимому, также могут быть отнесены к обитателям кустарниковых зарослей: морфология тарзометатарзуса ***Tologuica*** указывает на наличие сильно развитой мускулатуры стопы, что характерно для фазановых, ведущих более древесный образ жизни, по сравнению с формами, адаптированными к жизни в открытых местообитаниях [Зеленков, Курочкин 2009 а]. Представители рода ***Tologuica*** (рис. 5) схожи с европейскими олигоцен - миоценовыми фазановыми из рода ***Palaeortyx***, но отличаются от них рядом принципиальных деталей остеологии [Зеленков, Курочкин 2009 а], что предполагает независимый характер эволюции мелких фазановых на территории Азии в среднем миоцене. Филогенетический анализ указывает на возможное родство ***Tologuica*** с современными ***Coturnix*** [Зеленков 2009]. Крупные фазановые представлены в Шарге единственной находкой фрагмента вилочки, однако остатки еще одной довольно крупной фазановой птицы известны из среднего миоцена местонахождения Наран-Булак вблизи оз. Хиргис-Нур. Описанный из Наран-Булака ***Lophogallus naranbulakensis*** сочетает признаки кур и павлинов, с одной стороны, и фазанов из рода ***Lophura***, с другой [Зеленков, Курочкин 2010]. Характерно, что все европейские ранние представители крупных фазановых (***Pavo aesculapi, Miophasianus altus***) также демонстрируют сходство с современными представителями родов ***Gallus*** и ***Pavo***.

Из других наземных птиц в Шарге найдены средняя по размерам дрофа неясного систематического статуса, довольно крупный эргильорнитид, сходный с эоценовыми монгольскими ***Ergilornis***, сипуха неясного систематического положения (Tytonidae gen. indet.), неопределимый до рода представитель дневных хищных птиц (Accipitridae), рябок (***Syrrhaptes*** sp.) и очень мелкая «удодообразная» птица, семейственное и даже отрядное положение которой спорно [Зеленков 2011 а].

Необходимо отметить полное отсутствие в Шарге скорлупы яиц страусов и практически полное отсутствие остатков дневных хищных птиц (найдена всего одна когтевая фаланга довольно крупного хищника). Обращает внимание также отсутствие в среднем миоцене Шарги бакланов, поганок, ибисов и настоящих фламинго. Все эти группы известны, по крайней мере, с раннего миоцена и обычно хорошо представлены в озерных экосистемах миоцена Европы и Северной Америки [Зеленков 2011 а]. За пределами Монголии среднемиоценовые остатки птиц имеются с территории Китая, однако они представлены единичными находками [Zhou et al. 2008].

Поздний миоцен

Хотя ископаемые остатки позднемиоценовых птиц известны из нескольких местонахождений Центральной Азии, большая часть этого этапа эволюции все еще остается очень слабо охарактеризованной. Наиболее древнее из позднемиоценовых местонахождений региона - Петропавловск на севере Казахстана (биозона MN 10). Отсюда на сегодняшний день известна единственная фрагментарная метатарзальная кость гуся (***Anser/Branta*** sp.), судить по которой об эволюционном уровне и систематическом положении находки кажется преждевременным [Зеленков 2011 а]. Более молодые местонахождения Восточного Казахстана (Калмакпай, Павлодар), Тувы (Таралык-Чер) и Западной Монголии (Хиргис-Нур 2) относятся к терминальному миоцену и соответствуют европейским биозонам MN 12-13. Из местонахождений Калмакпай и Таралык-Чер известно по одному таксону птиц: в первом случае это бегающий двупалый эргильорнитид ***Urmiornis orientalis***, эндемичный для данного местонахождения [Курочкин 1981], во втором - неопределимый до рода представитель семейства голубиных [Зеленков 2011 а]. Более представительный комплекс ископаемых птиц известен из местонахождения Павлодар и включает вымерший вид страуса (***Struthio asiaticus***), ископаемую фазановую птицу ***Palaeoperdix*** sp., неопределимого до рода Ergilornithidae уже упомянутого выше сокола ***Sushkinia***, а также воробьиных, сходных с современными коньками, но отличающимися примитивной морфологией плечевой кости [Тугаринов 1935; Курочкин 1985; Зеленков 2011 а]. Дж. Бекер [Becker 1987] полагал, что ***Sushkinia pliocaena*** должна быть помещена в род ***Falco***, однако переизуче-

ние оригинальных материалов показывает, что этот некрупный сокол отличается не только от ***Falco***, но и от представителей подсемейства Polyborinae и, скорее всего, представляет отдельную эволюционную линию соколов [Зеленков 2011 а].

Богатая фауна птиц позднемиоценового возраста известна из местонахождения Хиргис-Нур 2 в Западной Монголии. Из наиболее древних слоев, имеющих возраст около 6 млн. л., известны два лебедя неясного таксономического статуса, мелкая утка, сходная с позднемиоценовым североамериканским видом ***Anas pullulans***, вымерший вид крупного аиста ***Ciconia lucida*** и еще один не определимый до рода аист (Ciconiidae gen. indet.), а также пастушок рода ***Rallus*** [Курочкин 1985; Зеленков 2011 а]. Богатые материалы по птицам происходят из более молодых отложений местонахождения Хиргис-Нур 2, соответствующих верхам биозоны MN 13 [Вангенгейм и др. 2005], то есть терминальному миоцену (около 5,5 млн. л.). Здесь, так же, как и в Шарге, доминируют водоплавающие и околоводные птицы (рис. 6), однако таксономический состав этого комплекса заметно отличается от такового из Шарги. В Хиргис-Нур 2 относительно обычны (известно несколько десятков костных остатков) лебеди: крупный ***Cygnus pristinus***, несомненно, родственный современному шипуну (***Cygnus olor***), но не конспецифичный ему [contra Mlíkovský, Švec 1986], а также еще один более мелкий вид [Курочкин 1985]. Довольно велико таксономическое разнообразие гусей, остатки которых, однако, представлены единичными костями. Из Хиргис-Нура 2 известны крупный необычный гусь ***«Heterochen»*** vicinus, два вида настоящих гусей (***Anser liskunae***, ***A. devjatkini***) и средних размеров гусиная птица ***Bonibernicla ponderosa*** [Курочкин 1985]. ***Anser liskunae*** и ***A. devjatkini*** морфологически сходны с современными белыми гусями (подрод ***Chen***), в то время как ***Bonibernicla ponderosa*** может быть близка казаркам [Зеленков 2011 а]. Казарка, первоначально описанная как ***Branta woolfendeni***, из позднего миоцена - раннего плиоцена Северной Америки [Bickart 1990], по-видимому, должна быть отнесена к ***Bonibernicla ponderosa*** [Зеленков 2011 а]. Утки в местонахождении Хиргис-Нур 2 представлены тремя формами рода Anas и двумя нырковыми (***Aythya molesta***, ***A. magna***).

Кроме утиных, в местонахождении Хиргис-Нур 2 найдены поганка ***Podiceps solidus***, сходная с современными красно-

шейной (***P. auritus***) и черношейной (***P. nigricollis***), крупный аист ***Ciconia lucida*** и еще один очень крупный представитель рода ***Ephippiorhynchus***, ночная цапля ***Nyctanassa kobdoena*** (родовой статус этой формы следует считать предварительным), вымерший род журавлей (***«Probalearica»***), морфологически промежуточный между ***Grus*** и ***Balearica***, две формы пастушковых (***Rallus*** и представитель вымершего рода), кулики (***Tringa*** sp., ***Calidris*** sp.) и орлан ***Haliaeetus fortis*** [Курочкин 1985, Зеленков 2011 а]. Отсюда также описаны мелкая фазановая птица ***Bantamyx georgicus***, средних размеров фазан ***Syrmaticus kozlovae*** и еще одна относительно крупная, неопределимая до рода фазановая птица [Курочкин 1985; Зеленков, Курочкин 2009 б, 2010]. В местонахождении Хиргис-Нур 2 найдены также вымершая формы саджи (***«Syrrhaptes» kashini***) и единственная находка воробьинообразных в этой свите - фрагмент тибиотарзальной кости мелкой вороны ***Corvus solitus***. Из Хиргис-Нура 2, Чоно-Хариаха 2 и Дзагсо-Хаирхана описан очень крупный представитель семейства Ergilornithidae - ***Urmiornis dzabghanensis*** [Курочкин 1985].

Предварительный список позднемиоценовых птиц с острова Ольхон включает крупную цаплю (***Ardea***), пастушковых (***Crex, Porzana***), гуся (***Anser***), казарку (***Branta***), несколько форм уток (***Anas***), нырка (***Nyroca***) и какого-то представителя совообразных [Логачев и др. 1964]. Позднемиоценовые птицы Азиатского континента [Harrison, Walker 1982; Rich et al. 1986; Zhou et al. 2008; Zhang et al. 2010] изучены немного лучше других для эпох неогена, однако немногочисленность находок и удаленность местонахождений друг от друга вносят существенные ограничения для сравнительного анализа имеющихся данных.

Ранний плиоцен

Практически все находки птиц раннего плиоцена приурочены к верхам свиты хиргис-нур, широко представленной в местонахождениях Котловины Больших Озер [Курочкин 1985].

Богатый комплекс ископаемых птиц известен из местонахождений Чоно-Хариах 1 и 2, расположенных южнее местонахождения Хиргис-Нур 2, а также в пределах Котловины Больших Озер (рис. 1). Местонахождения Чоно-Хариах 1 и 2 (далее «Чоно-Хариах») несколько моложе по возрасту, чем Хиргис-Нур 2, соответствуют вер-

хам MN14 - MN15 (рис. 2) и могут иметь возраст 3.8-3.2 млн. л. [Девяткин 1994]. Комплекс ископаемых птиц из Чоно-Хариах, в целом, довольно сходен с таковым из Хиргис-Нур; при этом большинство таксонов представлены в обоих комплексах единичными костями, и поэтому отсутствие в Чоно-Хариахе ряда форм (напр., ***Bantamyx, «Heterochen», Bonibernicla, Ephippiorhynchus*** и др.) не позволяет судить об их исчезновении на данной территории к раннему плиоцену. В то же время в Чоно-Хариахе представлено ряд таксонов, не найденных пока в Хиргис-Нуре 2: мелкая фазановая птица неясного таксономического статуса, утка рода ***Aix***, нырковая утка ***Aythya spatiosa***, дрофа (Otididae gen. indet.), камышница (***Gallinula*** sp.), белохвостая пигалица (***Vanellochettusia*** sp.), веретенник (***Limosa lacrimosa***) и две формы чаек из рода ***Larus*** [Курочкин 1985, Зеленков 2011 а]. Для ряда таксонов (***Anser devjatkini, «Probalearica»***) на материалах из Хиргис-Нур 2 и Чоно-Хариах предположительно можно судить о морфологической эволюции на рубеже миоцена и плиоцена [Зеленков 2011 а].

Раннеплиоценовые птицы известны также еще из нескольких местонахождений Котловины Больших Озер, однако ни в одном из них не найдено таксонов, отсутствующих в местонахождениях Чоно-Хариах. За пределами Котловины Больших Озер на территории Центральной Азии известно еще одно позднемиоценовое-раннеплиоценовое местонахождение птиц - Хунг-Хуре в Долине Озер (Центральная Монголия), откуда описан единственный фрагмент лучевой кости, послуживший голотипом ***Cygnus pristinus*** [Курочкин 1985]. Единичные находки раннеплиоценовых птиц известны и из других регионов Азии [напр., Rich et al. 1986; Zhou et al., 2008).

Поздний плиоцен

Костные остатки позднеплиоценовых птиц известны из четырех местонахождений Центральной Азии, два из которых (Береговая, Тологой) расположены на территории Республики Бурятии, одно (Улугхем) - в Туве и еще одно (Шамар) - на севере Монголии (рис. 1). В местонахождении Улугхем найден фрагмент подвздошной кости крупного канюка ***Buteo*** sp. [Пантелеев и др. 2006], а из местонахождения Тологой известны фрагмент карпометакарпальной кости орлана ***Haliaeetus*** sp. и скорлупа яиц страуса [Курочкин 1985].

Довольно богатый комплекс ископаемых птиц происходит из местонахождений Шамар и Береговая. Шамар несколько древнее по возрасту, чем Береговая, но оба местонахождения соответствуют европейской биозоне MN16 [Вислобокова и др. 1993] и имеют возраст 3.1-1.8 млн. л. (Шамар) или 2.7-2.5 млн. л. (Береговая). Из неворобьинообразных в местонахождении Шамар найдены скорлупа яиц страуса, мелкие фазановые птицы ***Plioperdix ponticus, Perdix margaritae*** и еще одна не определимая до рода форма, а также кулики ***Limosa*** sp., ***Limnodromus*** sp. и вымерший вид некрупного сокола из рода ***Falco.*** В Береговой присутствуют ***Struthio asiaticus, Plioperdix ponticus, Perdix margaritae,*** довольно крупный ископаемый вид гуся ***Anser tchikoicus***, вымерший вид пеганки ***Tadorna petrina, Limnodromus*** sp., бекас ***Gallinago*** sp. и вымерший вид плавунчика ***Phalaropus eleonorae*** [Курочкин 1985; Зеленков, Курочкин 2009 б; Зеленков 2011 а]. Бекасовидный веретенник, первоначально обнаруженный в местонахождении Береговая [Курочкин 1985] и затем найденный в Шамаре, по размерам схож с азиатским бекасовидным веретенником ***Limnodromus semipalmatus*** [Зеленков 2011 а].

Из местонахождений Шамар и Береговая имеется более сотни костных остатков воробьинообразных птиц, часть которых на сегодняшний день определена [Zelenkov, Kurochkin 2012]. Подобный комплекс представляет собой древнейшее известное представительное сообщество воробьиных птиц с территории Азии. Список таксонов, общих для двух местонахождений, включает рогатого жаворонка, сходного с современным ***Eremophila alpestris***, но, по-видимому, не конспецифичного ему, а также не определимую до вида трясогузку ***Motacilla*** sp. и крупного чекана ***Saxicola*** sp. [Zelenkov, Kurochkin 2012]. Чекан из местонахождений Шамар и Береговая крупнее, чем современные виды ***Saxicola torquata*** и ***S. rubetra***, однако для установления его таксономического статуса необходимо сравнение с современным центральноазиатским ***S. insigna***. Кроме того, в местонахождении Шамар найдены новый ископаемый вид ласточки из рода ***Hirundo***, не определимые до рода скворец и врановая птица, очень мелкий вьюрок (размером с ***Carduelis spinus*** или ***Serinus pusillus***), новый вид пустынных вьюрков ***Rhodospiza***, овсянка, близкая к современному дубровнику ***Emberiza aureola***, лапландский подорожник ***Calcarius*** sp., а также

еще одна овсянковая птица из вымершего вида и рода [Zelenkov, Kurochkin 2012, в печати]. В Береговой найдены остатки серого жаворонка ***Calandrella*** cf. ***rufescens***, неопределимый до вида дрозд ***Turdus*** sp., мелкий поползень ***Sitta*** sp. и сутора ***Paradoxornis*** sp. [Zelenkov, Kurochkin 2012].

Обсуждение

Приведенный выше обзор находок показывает, что, несмотря на достигнутый прогресс в изучении неогеновых фаун птиц Центральной Азии, некоторые этапы геологической летописи остаются недостаточно охарактеризованными с точки зрения ископаемой авифауны. Так, практически нет данных по раннему миоцену и пока очень скудны наши знания о позднемиоценовых птицах региона (за исключением интервала вблизи миоцен-плиоценовой границы). Кроме того, фауна неворобьиных птиц Центральной Азии в позднем плиоцене также остается крайне слабо изученной. Отдельную проблему представляет неравномерность пространственного распределения местонахождений с остатками птиц на территории Центральной Азии: очевидно, что одновозрастные фауны птиц Восточного Казахстана, северной Монголии и Забайкалья могли существенно различаться, но для оценки подобных отличий необходимы данные из каждого района. Также нужно заметить, что не все группы птиц представлены в ископаемом состоянии на территории Центральной Азии в неогене: достаточно хорошо представлены гусеобразные, довольно хорошо - фазановые и пастушковые; палеонтологическая летопись большинства других групп птиц в значительной степени фрагментарна.

Однако, несмотря на все приведенные выше замечания, полученные на сегодняшний день данные все же позволяют пролить некоторый свет на эволюцию и разнообразие птиц в Центральной Азии в неогене. Особенно это касается фаун околоводных птиц, которые, в частности, в настоящее время довольно сходны, например, для территорий Котловины Больших Озер и южного Забайкалья. Очевидно, что фауна птиц Монголии в среднем миоцене существенно отличалась от таковых Европы и Северной Америки [Зеленков 2011 а]. Число родов птиц из Шарги, общих с другими миоценовыми местонахождениями мира, невелико и ограничивается водными или околоводными формами (напр., ***Paraortygometra***,

Таблица 1

Сравнение комплексов ископаемых птиц из местонахожде-ния Шарга (верхи среднего миоцена) и других миоценовых местонахождений мира
Comparison of fossil bird communities in Sharga locality (late middle Miocene) and other Miocene avian localities

ВОЗРАСТ / AGE	***МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ / LOCALITY***	***РОДЫ, ОБЩИЕ С ШАРГОЙ / GENERA IN COMMON***
Начало позднего миоцена / early late Miocene	Лав Боун Бед (США) / Love Bone Bed (USA)	-
Средний миоцен / middle Miocene	Сансан (Франция) / Sansan (France)	*Palaeoaramides, Anatinae gen. nov. 1, Anatinae gen. nov. 2*
Средний миоцен / middle Miocene	Нордлингер Рис (Германия) / Nördlinger Ries (Germany)	*Miopelecanus, Palaelodus*
Средний миоцен / middle Miocene	Ла-Грив-Сан-Альбан (Франция) / La Grive-Saint-Alban (France)	*Paraortygometra, Anatinae gen. nov. 1*
Ранний-средний миоцен / early-middle Miocene	Ли Мэ Лонг (Таиланд) / Li Mae Long (Thailand)	*Paraortygometra*

Palaelodus). При этом видов, общих с другими местонахождениями, не отмечено (табл. 1). К сожалению, еще очень плохо изучена неогеновая фауна птиц Китая; тем не менее отрывочные данные с этой территории показывают, что для Азии в среднем миоцене были характерны, в основном, вымершие роды птиц. В комплексе птиц из Шарги присутствуют два ранее известных ископаемых семейства (Ergilornithidae, Palaelodidae) и еще два - вероятно, новых (отряды Pelecaniformes, Upupiformes), что придает данному комплексу более архаичный облик по сравнению с другими среднемиоценовыми фаунами птиц мира [Зеленков 2011 а]. В связи с этим необходимо заметить, что таксономический состав гусеобразных,

имеющих в настоящее время довольно широкие ареалы (видимо, это было характерно и для неогена), подтверждает [Зеленков 2011 а], что отложения Шарги не могут быть древнее верхов среднего миоцена (европейские биозоны MN 7-8).

Позднемиоценовые и раннеплиоценовые комплексы ископаемых птиц с территории Центральной Азии отличаются от такового из Шарги преобладанием современных родов. В отличие от шаргинского ископаемого комплекса, большинство таксонов околоводных птиц из местонахождений позднего миоцена и раннего плиоцена (***Cygnus, Anser, Bonibernicla, Anas, Aythya, Podiceps, Phalacrocorax, Ardea, Ciconia, Rallus, Haliaeetus, Limosa, Tringa, Calidris, Larus***) найдены также во многих восточноевропейских и североамериканских местонахождениях этого возраста [табл. 2; Зеленков 2011 а]. При этом большинство из указанных родов имеет широкое распространение и в настоящее время, что свидетельствует в целом о позднемиоценовом возрасте современного орнитокомплекса околоводных видов умеренных широт [Зеленков 2011 а].

Позднемиоценовый комплекс птиц из местонахождений Шамар и Береговая не может быть подвергнут полноценному сравнению с более древними комплексами птиц Центральной Азии, поскольку существенно отличается таксономически. Тем не менее на основании известных находок можно сделать ряд выводов. В частности, фазановые птицы, представленные в среднем миоцене и позднем миоцене - раннем плиоцене древесно-кустарниковыми формами (такими как ***Tologuica***) - в позднем плиоцене сменяются видами, адаптированными к бегу и, очевидно, населявшими открытые ландшафты, такими как ***Plioperdix ponticus*** и ***Perdix margaritae*** [Зеленков, Курочкин 2009 а, б; 2010]. О наличии аридных ландшафтов в северной Монголии и Забайкалье в позднем плиоцене свидетельствует и фауна воробьиных птиц из местонахождений Шамар и Береговая [Zelenkov, Kurochkin 2012], включающая ряд общих элементов с современной и плейстоценовой [Martynovich 2002] фаунами аридных ландшафтов Монголии. Особый интерес представляет находка в местонахождении Шамар лапландских подорожников (***Calcarius*** sp.). Эти птицы впервые появляются в палеонтологической летописи в раннем плиоцене Северной Америки [Emslie 1998], и надежных свидетельств

Таблица 2

Сравнение комплексов ископаемых птиц из свиты хиргис-нур (поздний миоцен - ранний плиоцен) и некоторых других местонахождений мира
Comparison of fossil bird communities in Hyargas-Nuur formation (late Miocene - early Pliocene) and some other localities

ВОЗРАСТ / AGE	***МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ / LOCALITY***	***ОБЩИЕ РОДЫ / GENERA IN COMMON***
Ранний плиоцен / early Pliocene	Боун Вэллей (США) / Bone Valley (USA)	*Podiceps, Phalacrocorax, Ciconia, Haliaeetus, Aythya, Rallus, Limosa, Calidris, Larus*
Ранний плиоцен / early Pliocene	Ли Крик Майн (США) / Lee Creek Mine (USA)	*Podiceps, Phalacrocorax, Ciconia, Tringa, Calidris, Larus, Corax, Anser, Cygnus, Anas, Aythya*
Поздний миоцен / late Miocene	Биг Сэнди (США) / Big Sandy Fm. (USA)	*Podiceps, Ciconia, Bonibernicla, Anser, Cygnus, Anas, Rallus, Limosa, Tringa, Calidris, Larus, Corax*
Поздний миоцен / late Miocene	Местонахождения Молдавии и Украины / Localities of Moldavia and Ukraine	*Struthio, Podiceps, Phalacrocorax, Anas, Cygnus, Otididae, Urmiornis, Corvus*
Начало позднего миоцена / early late Miocene	Лав Боун Бед (США) / Love bone Bed (USA)	*Phalacrocorax, Ciconia, Anas, Rallus*
Поздний миоцен / late Miocene	Сивалик (Пакистан) / Sivalik (Pakistan)	*Urmiornis, Ephippiorhynchus, Anser/Branta*

проникновения подорожников в Старый Свет ранее голоцена до нашего исследования [Zelenkov, Kurochkin 2012] не было [Tyrberg 1998].

Сходство фаун обширных территорий Голарктики, наблюдаемое в позднем миоцене и раннем плиоцене, не прослеживается в позднем плиоцене. В то же время в позднем плиоцене Центральной Азии появляется вид ***Plioperdix ponticus***, первоначально отмеченный в раннем плиоцене Восточной Европы [Курочкин 1985; Bocheński, Kurochkin 1987] и представляющий собой единственный вид птиц, общий для этого времени в фаунах Центральной Азии и других территорий. Имеются неподтвержденные данные о присутствии ***Plioperdix ponticus*** также в верхнем миоцене юга Украины и Европейской части России [Соболев 2003; Титов и др. 2006]. Еще один вид рода, ***Plioperdix africana***, недавно был описан из позднего плиоцена Марокко [Mourer-Chauviré, Geraads 2010].

Благодарности

Авторы благодарны Н.В. Мартыновичу за приглашение принять участие в настоящем сборнике. Данное исследование выполнено при участии ряда лиц и организаций [см. Зеленков 2011 а]. Здесь хотелось бы выразить отдельную благодарность В.С. Зажигину за передачу на изучение большого числа остатков неогеновых птиц, а также А.Б. Савинецкому и О.А. Крылович за возможность работать с остеологической коллекцией птиц лаборатории биогеоценологии и исторической экологии им. В.Н. Сукачева ИПЭЭ РАН, а также А.С. Тесакову за дискуссию. Исследование поддержано грантом РФФИ 10-04-00575 и Программой № 15 Президиума Российской академии наук («Происхождение биосферы и эволюция гео-биологических систем», подпрограмма 2).

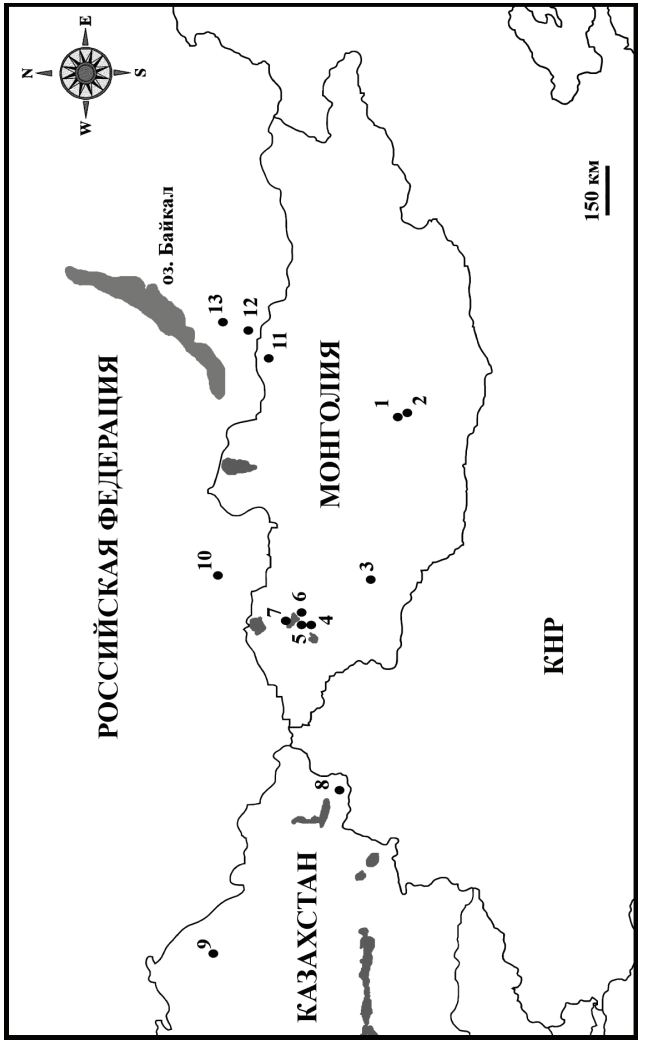


Рис. 1. Основные местонахождения неогеновых птиц Центральной Азии. Обозначения: 1 - Хунг-Хуре; 2 - Улан-Тологой; 3 - Шарга; 4 - Чоно-Хариах 1 и 2; 5 - Явор 1; 6 - Дзагсо-Хаирхан 1 и 4; 7 - Хиргис-Нур 2; 8 - Калмакпай; 9 - Павлодар; 10 - Таралык-Чер; 11 - Шамар; 12 - Береговая; 13 - Тологой

Fig. 1. Basic localities of Neogene birds in Central Asia. Designations: 1 - Hung Kureh (Khung-Khure); 2 - Ulaan-Tolgoi; 3 - Sharga; 4 - Chono Harayh (Chono-Khariakh) 1 and 2; 5 - Yavor 1; 6 - Zogsoo Harhan (Dzagso-Khairkhan) 1 and 4; 7 - Hyargas-Nuur (Khirgiz-Nur) 2; 8 - Kalmakpai; 9 - Pavlodar; 10 - Taralyk-Cher; 11 - Shaamar; 12 - Beregovaya; 13 - Tologoi

ОТДЕЛ	ПОДОТДЕЛ	СВИТА: Восточный Казахстан, Тува	СВИТА: Монголия и Забайкалье	ЗОНЫ МЛЕКОПИТАЮЩИХ	МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ: Восточный Казахстан, Тува		МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ: Монголия и Забайкалье		
ПЛИОЦЕН	Верхний		чикойская	16			Шамар Береговая Тологой		
	Нижний		хиргис-нур	15			Таталы	Хунг-Хурэ	Чоно-Хариах 1 и 2 Дзабхан
				14			Дзагсо-Хайрхан 1 и 4		
МИОЦЕН	Верхний	карабулакская		13	Калмакпай	Павлодар, Таралык-Чер	Явор 1 Хиргис-Нур 2		
		павлодарская		12					
				11					
		ишимская		10	Петропавловск				
	Средний		ошин	9					
				8			Наран-булак Шарга		
				7					
				6					
			лу	5			Улан-Тологой		
	Нижний			4					

Рис. 2. Схема стратиграфического положения основных неогеновых местонахождений Центральной Азии с остатками птиц
Fig. 2. Stratigraphic position of the basic Neogene avian localities in Central Asia

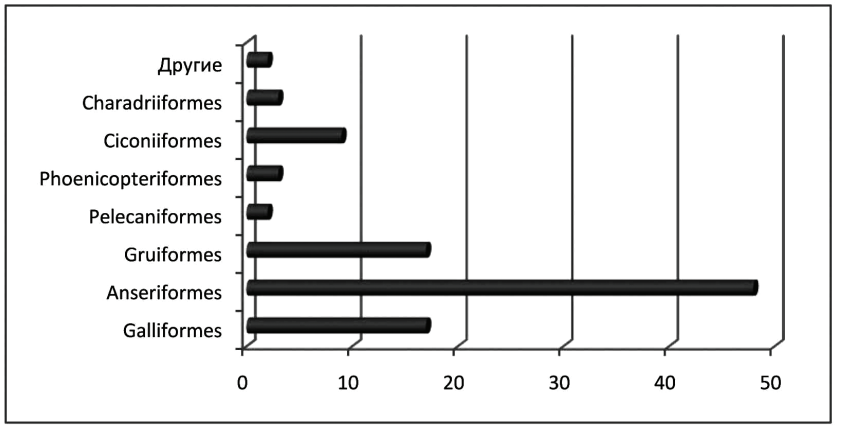


Рис. 3. Процентное соотношение остатков неворобьиных птиц в местонахождении Шарга
Fig. 3. Percentage of the non-passerine bird remains in Sharga locality

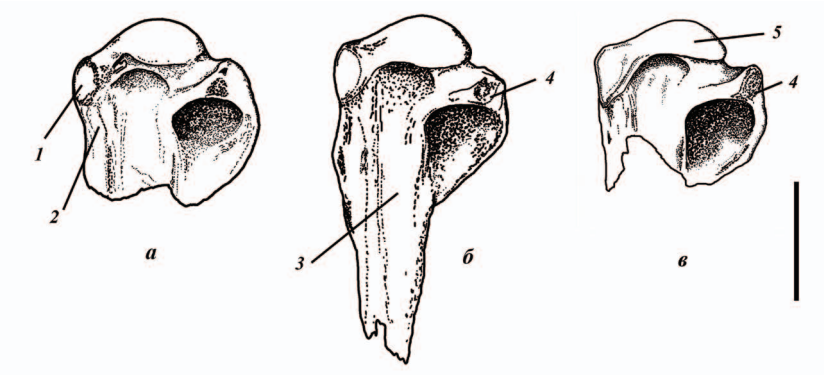


Рис. 4. Проксимальные эпифизы плечевых костей нырковых уток из местонахождения Шарга в каудальном профиле [*из: Зеленков, 2011 б*]*: а - Sharganetta mongolica Zelenkov, 2011, голотип ПИН, № 4869/195; б - Nogusunna conflictoides Zelenkov, 2011, голотип ПИН, № 4869/197; в - Protomelanitta gracilis Zelenkov, 2011, голотип ПИН, № 4869/151. Обозначения: 1 - поднятый над поверхностью кости tuberculum dorsale; 2 - диафизный гребень, ориентированный своей вершиной на tuberculum dorsale; 3 - суженная в своей дистальной части fossa tricipitalis dorsalis; 4 - tuberculum ventrale сдвинут в вентральную треть каудального обрамления fossa tricipitalis ventralis; 5 - узкая в каудальном профиле caput humeri. Масштаб 1 см*

Fig. 4. Proximal ends of the humeri in diving ducks from the Sharga locality in caudal view: (а) Sharganetta mongolica Zelenkov, 2011, holotype PIN, no. 4869/195; (б) Nogusunna conflictoides Zelenkov, 2011, holotype PIN, no. 4869/197; (в) Protomelanitta gracilis Zelenkov, 2011, holotype PIN, no. 4869/151. Designations: 1 - tuberculum dorsale elevated above the bone surface; 2 - capital shaft ridge with its apex oriented to the tuberculum dorsale; 3 - fossa tricipitalis dorsalis narrowing in the distal part; 4 - tuberculum ventrale displaced to the ventral one_third of the caudal border of the fossa tricipitalis ventralis; and 5 - caput humeri narrow in caudal outline. Scale bar, 1 cm

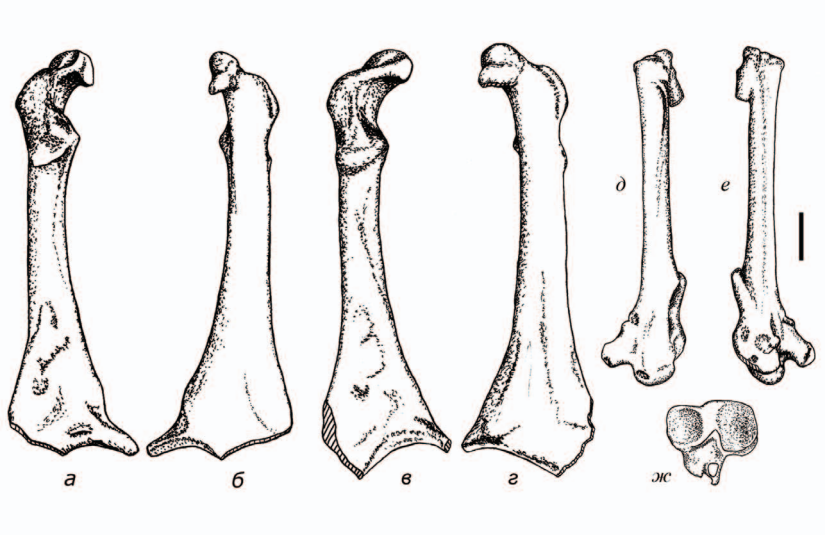


Рис. 5. Tologuica Zelenkov et Kurochkin, 2009 (из: Зеленков, Курочкин, 2009 а): а, б, д, е - T. aurorae Zelenkov et Kurochkin, 2009: а, б - голотип ПИН, № 4869/3, левый коракоид: а - с дорсальной стороны; б - с вентральной стороны; д, е - экз. ПИН, № 4869/131, правый карпометакарпус: д - с дорсальной стороны; е - с вентральной стороны; в, г, ж - Tologuica karhui Zelenkov et Kurochkin, 2009: в, г - голотип ПИН, № 4869/63, левый коракоид: в - с дорсальной стороны; г - с вентральной стороны; ж - экз. ПИН, № 4869/157, проксимальная часть левого тарзометатарзуса с проксимальной стороны. Масштаб 3.3 мм
Fig. 5. Tologuica Zelenkov et Kurochkin, 2009: (а, б, д, е) T. aurorae Zelenkov et Kurochkin, 2009: (а, б) holotype PIN, no. 4869/3, left coracoid: (а) dorsal and (б) ventral views; (д, е) specimen PIN, no. 4869/131, right carpometacarpus: (д) dorsal and (е) ventral views; (в, г, ж) T. karhui Zelenkov et Kurochkin, 2009: (в, г) holotype PIN, no. 4869/63, left coracoid: (в) dorsal and (г) ventral views; (ж) specimen PIN, no. 4869/157, proximal part of the left tarsometatarsus, proximal view. Scale bar, 3.3 mm

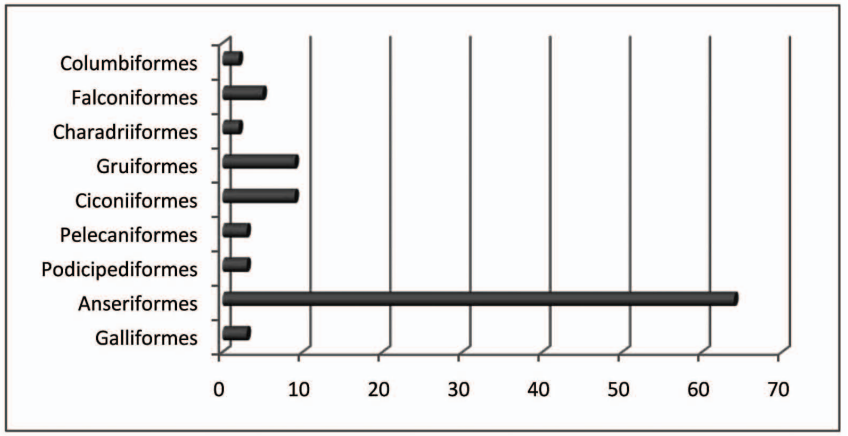


Рис. 6. Процентное соотношение остатков неворобьиных птиц в местонахождении Хиргис-Нур 2
Fig. 6. Percentage of the non-passerine bird remains in the Hyargas-Nuur 2 locality

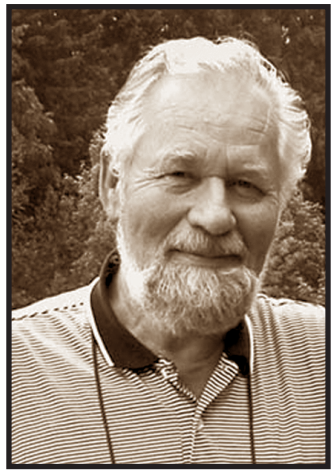
Литература

1. *Аубукерова П.А. 1965. Новые данные об ископаемых птицах Казахстана // Новости орнитологии. Алма-Ата. С. 18-19.*
2. *Вангенгейм Э.А., Певзнер М.А., Тесаков А.С. 2005. Возраст границ и положение в магнитохронологической шкале русциния и нижнего виллафранка // Стратигр. геол. коррел. Т. 13. № 5. С. 78-95.*
3. *Вислобокова И.А., Ербаева М.А., Сотникова М.В. 1993. Ранневиллафранкский этап в развитии фауны млекопитающих Северной Евразии // Стратигр. геол. коррел. Т. 1. № 5. С. 87-96.*
4. *Девяткин Е.В. 1994. Магнитостратиграфическая схема кайнозоя Монголии // Стратигр. геол. коррел. Т. 2. № 2. С. 35-45.*
5. *Зажигин В.С., Лопатин А.В. 2001. История Dipodoidea (Rodentia, Mammalia) в миоцене Азии. 4. Dipodinae на рубеже миоцена и плиоцена // Палеонтол. журн. 2001. № 1. С. 61-75.*
6. *Зеленков Н.В. 2009. Филогенетический анализ некоторых неогеновых родов фазановых птиц (Aves: Phasianidae) // Палеонтол. журн. № 4. С. 77-82.*
7. *Зеленков Н.В. 2011 а. Птицы неогена Центральной Азии. Дис. ... канд. биол. наук. М., 304 с.*

8. *Зеленков Н.В. 2011 б. Нырковые утки из среднего миоцена Западной Монголии // Палеонтол. журн. № 2. С. 70-77.*
9. *Зеленков Н.В. 2011 в. Ardea sytchevskayae sp. nov. - новый вид цапли из среднего миоцена Монголии // Палеонтол. журн. № 5. С. 94-101.*
10. *Зеленков Н.В. 2012. Новая утка из среднего миоцена Монголии и замечания по эволюции уток в миоцене // Палеонтол. журн. в печати.*
11. *Зеленков Н.В., Курочкин Е.Н. 2009 а. Неогеновые фазановые (Aves: Phasianidae) Центральной Азии. 1. Род Tologuica gen. nov. // Палеонтол. журн. № 2. С. 86-92.*
12. *Зеленков Н.В., Курочкин Е.Н. 2009 б. Неогеновые фазановые (Aves: Phasianidae) Центральной Азии. 2. Роды Perdix, Plioperdix и Bantamyx // Палеонтол. журн. № 3. С. 83-90.*
13. *Зеленков Н.В., Курочкин Е.Н. 2010. Неогеновые фазановые (Aves: Phasianidae) Центральной Азии. 3. Роды Lophogallus gen. nov. и Syrmaticus // Палеонтол. журн. № 3. С. 79-87.*
14. *Зеленков Н.В., Курочкин Е.Н. 2012. Речные утки из среднего миоцена Монголии // Палеонтол. журн. в печати.*
15. *Карху А.А. 1997. Новый вид урмиорниса (Gruiformes: Ergilornithidae) из раннего миоцена Западного Казахстана // Палеонтол. журн. № 1. С. 104-110.*
16. *Курочкин Е.Н. 1971. К авифауне плиоцена Монголии // Тр. совм. Сов.-Монг. научн.-исслед. геол. экспед. Т. 3. С. 58-67.*
17. *Курочкин Е.Н. 1976. Новые данные о птицах плиоцена Западной Монголии // Тр. совм. Сов.-Монгол. палеонтол. экспед. Вып. 3. С. 51-67.*
18. *Курочкин Е.Н. 1981. Новые представители и эволюция двух семейств архаичных журавлеобразных в Евразии // Тр. совм. Сов.-Монг. палеонтол. экспед. Вып. 15. С. 59-85.*
19. *Курочкин Е.Н. 1982. Новые птицы из среднего плиоцена Монголии // Орнитология. Вып. 17. С. 150-154.*
20. *Курочкин Е.Н. 1985. Птицы Центральной Азии в плиоцене. М.: Наука. 119 с. (Тр. совм. Сов.-Монг. палеонтол. экспед. Вып. 26).*
21. *Логачев Н.А., Ломоносова Т.К., Климанова В.М. 1964. Кайнозойские отложения Иркутского амфитеатра. М.: Наука. 169 с.*
22. *Пантелеев А.В., Саблин М.В., Забелин В.И. 2006. Находка остатков птицы и млекопитающих в неогене Тувы // Позднекайнозойская геол. история севера аридной зоны. Матер. междунар. симп. Азов/ Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН. С. 246-248.*
23. *Соболев Д.В. 2003. Миоценовые птицы Западного Причерноморья*

Украины // Уч. зап. Таврич. нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер. биол. Т. 16 (55). № 2. С. 179-183.
24. *Сычевская Е.К. 1989. Пресноводная ихтиофауна неогена Монголии. М.: Наука. 144 с. (Тр. совм. Сов.-Монг. палеонтол. экспед. Вып. 39).*
25. *Титов В.В., Тесаков А.С., Данилов И.Г. и др. 2006. Первая представительная фауна позвоночных позднего миоцена на юге европейской России // Докл. РАН. Т. 411. № 5. С. 715-717.*
26. *Тугаринов А.И. 1935. Некоторые данные для плиоценовой орнитофауны Сибири // Тр. Палеозоол. ин-та. Т. 4. С. 7-89.*
27. *Тугаринов А.И. 1940. Новые находки плиоценовой орнитофауны Одессы // Докл. АН СССР. Т. 26. № 3. С. 311-313.*
28. *Becker J.J. 1987. Revision of "Falco" ramenta Wetmore and the Neogene evolution of the Falconidae // Auk. V. 104. P. 270-276.*
29. *Bickart K.J. 1990. The birds of the Late Miocene-Early Pliocene Big Sandy Formation, Mohave County, Arizona // Ornithol. Monogr. V. 44. P. 1-72.*
30. *Bocheński Z., Kurochkin E.N. 1987. New data on Pliocene phasianids (Aves: Phasianidae) of Moldavia and S. Ukraine // Acta zool. cracov. V. 30. № 7. P. 81-96.*
31. *Cheneval J. 1983. Révision du genre Palaelodus Milne-Edwards, 1863 (Aves, Phoenicopteridae) du gisement aquitanien de Saint-Gérand-le-Puy (Allier, France) // Géobios. V. 16. № 2. P. 179-191.*
32. *Cheneval J., Esquillié F. 1992. New data concerning Palaelodus ambiguus (Aves: Phoenicopteriformes: Palaelodidae): ecological and evolutionary interpretations // Natur. Hist. Mus. Los Angels Co. Sci. Ser. №. 36. P. 209-224.*
33. *Cheneval J., Ginsburg L., Mourer-Chauviré C. et al. 1991. The miocene avifauna of the Li Mae Long locality, Thailand: systematics and paleoecology // J. Southeast Asian Earth Sci. V. 6. №. 2. P. 117-126.*
34. *Emslie S.D. 1998. Avian community, climate, and sea-level changes in the Plio-Pleistocene of the Florida Peninsula // Ornithol. Monogr. V. 50. P. 1-113.*
35. *Harrison C.J.O., Walker C.A. 1982. Fossil birds from the Upper Miocene of northern Pakistan. // Tertiary Research. V. 4. P. 53-69.*
36. *Kurochkin E.N. 1980. Middle Pliocene rails from Western Mongolia // Contrib. Sci. Natur. History Museum Los Angeles County. № 330. P. 69-73.*
37. *Livezey B.C. 1986. A phylogenetic analysis of recent anseriform genera using morphological characters // Auk. V. 103. № 4. P. 737-754.*
38. *Lopatin A.V. 2004. Early miocene small mammals from the North Aral Region (Kazakhstan) with special reference to their stratigraphic significance // Paleontol. J. V. 38. Suppl. 3. S217-S223.*

39. *Lowe P.R. 1931. Struthio remains from northern China and Mongolia; with description of Struthio wimani, Struthio anderssoni and Struthio mongolicus spp. nov. // Palaeont. Sin. Ser. C. V. 6. № 4. P. 1-47.*
40. *Martynovich N. 2002. Pleistocene birds from Tsagan-Agui Cave (Gobian Altai) // Acta zool. cracov. V. 45. P. 283-292.*
41. *Mein P., Ginsburg L., Ratanasthien B. 1990. Noveaux rongeurs du Miocène de Li (Thaïlande) // C.R. Acad. Sci. Paris. Sér. II. V. 310. P. 861-865.*
42. *Mlíkovský J., Švec P. 1986. Review of the tertiary waterfowl (Aves: Anseridae) of Asia // Věst. Českosloven. společ. zool. V. 50. P. 249-272.*
43. *Mourer-Chauviré C., Geraads D. 2010. The upper pliocene avifauna of Ahl al Oughlam, Morocco. Systematics and biogeography // Rec. Austral. Mus. V. 62. № 1. P. 157-184.*
44. *Olson S.L., Feduccia A. 1980. Relationships and evolution of flamingos (Aves: Phoenicopteridae) // Smiths. Contrib. Zool. № 316. P. 1-73.*
45. *Rich P.V., Hou L.H., Ono K., Baird R.F. 1986. A review of the fossil birds of China, Japan and Southeast Asia // Geobios. V. 19. № 6. P. 755-772.*
46. *Schlosser M. 1924. Tertiary vertebrates from Mongolia // Palaeont. Sin. Ser. C. V. 1. № 1. P. 1-96.*
47. *Sun J., Ye J., Wu W. et al. 2010. Late Oligocene-Miocene mid-lattitude aridification and wind patterns in the Asian interior // Geology. V. 38. № 6. P. 515-518.*
48. *Tyrberg T. 1998. Pleistocene Birds of the Palearctic: A Catalogue. Nuttall Ornithol. Club, № 27. Cambridge, Massachusetts, 720 p.*
49. *Worhty T.H. 2009. Descriptions and phylogenetic relationships of two new genera and four new species of Oligo-Miocene waterfowl (Aves: Anatidae) from Australia // Zool. J. Linn. Soc. V. 156. № 2. P. 411-454.*
50. *Worthy T.H., Lee M.S.Y. 2008. Affinities of miocene waterfowl (Anatidae: Manuherikia, Dunstanetta and Miotadorna) from the St. Bathans Fauna, New Zealand // Palaeontology. V. 51. № 3. P. 677-708.*
51. *Zelenkov N.V., Kurochkin E.N. 2012. The first representative Pliocene assemblage of passerine birds in Asia (Northern Mongolia and Russian Transbaikalia) // Geobios. In press.*
52. *Zhang Z., Zheng X., Zheng G., et al. 2010. A new Old World vulture (Falconiformes: Accipitridae) from the Miocene of Gansu Province, northwest China // J. Ornithol. V. 151. № 2. P. 401-408.*
53. *Zhou Z., Zhang F., Hou L. 2008. Aves. In: Li J., Wu X., Zhang F. (Eds.) The Chinese fossil reptiles and their kin. 2nd edition. Beijing: Science Press. P. 337-378.*



Когда сборник был в печати, нас постигло скорбное известие о кончине одного из авторов – Президента Русского общества сохранения и изучения птиц им. М.А. Мензбира, доктора биологических наук, профессора Евгения Николаевича Курочкина.

Он был учеником Г.П. Дементьева и до последних дней прикладывал огромные усилия для поддержания и развития орнитологической науки в нашей стране, причем не только родной для него палеонтологии. Евгений Николаевич во многом был движущей силой деятельности Всесоюзного орнитологического общества, а после 1991-го года именно он сделал больше, чем кто бы то ни было, для консолидации орнитологов России и стран бывшего СССР как лидер Мензбировского орнитологического общества. В первую очередь ему отечественные орнитологи обязаны возрождением орнитологических конференций Северной Евразии.

Ушел из жизни всемирно известный ученый, автор более чем 250 научных публикаций, в том числе десятка монографий. На последнем Международном Орнитологическом Конгрессе один из симпозиумов был посвящен Уолтеру Боку и Евгению Николаевичу Курочкину, как орнитологам, внесшим значительный вклад в изучение проблем морфологии и эволюции птиц.

Евгений Николаевич был достойным учителем и активно помогал развитию палеоорнитологии в Сибири.

От редакции

Н.В. Мартынович

Птицы из пещеры Чагырская - нового местонахождения неоплейстоценовой авифауны Северо-Западного Алтая

During the excavation of sediments a new Paleolithic site Chagyrskaya Caves in the North-West Altai, containing stone artifacts of Mousterian epoch, was assembled a small collection of bone fragments of birds.
20 genus and species of waterfowl, wading, mountain and forest-steppe birds was identified from collection in 61 examples. The primary interest in paleofaunal aspect is finding of Pallas Sand Grouse (Syrrhaptes paradoxus).

Keywords: *Neopleistocene, fossil birds, Altay, new site, cave.*

Пещерная многослойная стоянка Чагырская пещера (51º26’34.6” с.ш., 83º09’18.0” в.д.) расположена на левом берегу р. Чарыш, дренирующей отроги северного склона Тигерецкого хребта, в северо-западной части Российского Алтая (Краснощековский район, Алтайский край). Впервые археологические и палеоэкологические исследования были начаты на стоянке в 2008 г. экспедицией Института археологии и этнографии СО РАН под руководством д.и.н. С.В. Маркина, который открыл местонахождение в 2007 году [Деревянко и др. 2008; 2009].

Важнейшее значение стоянки Чагырская пещера состоит в том, что в ней обнаружены аналогичные пещере Окладникова (низкогорье Северо-Западного Алтая) мустьерские археологические материалы, что открывает новые перспективы в изучении среднего палеолита Алтая [Деревянко, Маркин 1992; Деревянко 2009].

Исследованиями 2007-2008 гг. установлена стратиграфия рыхлой толщи приустьевой части пещеры, где выделены субаэральные осадки, содержащие многочисленные артефакты с останками мегафауны [Деревянко, Маркин, Зыкин 2009].

Строение субтерральной толщи пещеры раскопа 2009 г. включает семь литологических образований, среди которых выделяются голоценовые (слои 1 - 4) и плейстоценовые осадки (слои 5-7). Дата из слоя 4 раскопа 2008 г. составила 3249 ± 78 кал. л.н. (3040 ± 55 С14 л.н., СОАН-7682) [Рудая 2010].

В ходе раскопок 2007-2008 годов была собрана представительная коллекция костных остатков млекопитающих. Исследователи пришли к выводу, что Чагырская пещера - одна из немногих на Алтае, накопление костного материала в которой связано главным образом с охотничьей деятельностью человека. Исходя из анализа остатков крупных млекопитающих, было сделано предположение, что в момент накопления мустьерского слоя 6 господствовали открытые степные ландшафты, на что дополнительно указывает присутствие остатков зайца-толая, корсака, степного хоря, сайгака, а также заметное (более чем в 5 раз) преобладание остатков связанной с аридными ландшафтами стройной и тонконогой Equus ex.gr. sussemiones над крупной широкопалой E. ferus. ferus ferus, тяготеющей к увлажнённым грунтам лесостепей [Васильев 2009].

Палинологически проанализированы все 7 литологических горизонтов пещеры, для верхних горизонтов получены травянистые спектры, смешанные для 5 и 6 слоев, слой 7, предположительно самый «холодный», тундро-степной [Рудая 2010].

Автору данной статьи для определения была передана небольшая коллекция в 61 фрагмент костей птиц, собранная в ходе полевых работ 2007 и 2008 годов из 3 - 6 слоев (Табл. 1). Единичные остатки птиц свидетельствуют о случайном накоплении их в пещере. Есть фрагменты костей со следами переваривания в виде кислотной эрозии, свидетельствующие о вероятном приносе их хищными птицами. Таким образом, сформировалась и основная цель этой публикации - регистрация новой точки с неоплейстоценовой авифауной на Алтае.

Схема промеров костей взята из «Методов изучения ископаемых птиц» [Курочкин 1979]. При палеофаунистическом анализе коллекции были учтены результаты многолетних исследований неоплейстоценовых и голоценовых птиц из карстовых местонахождений Алтая и Средней Сибири, начатых Аркадием Яковлевичем Тугариновым [Тугаринов 1932; Мартынович 2004; Пантелеев 2006].

Материал и комментарии

Кряква (***Anas platyrhynchos***) - 1 проксимальный фрагмент левой плечевой (с «проколом» от когтя хищной птицы?), 1 проксимальный фрагмент правой плечевой молодой птицы) - из слоя 4, дистальный фрагмент правой плечевой из слоя 5, фрагмент диафиза правого коракоида из слоя 6.

Наиболее многочисленный вид крупных уток, отмеченный в ископаемом состоянии в Средней Сибири и на Алтае. На гнездовье отмечена во всех его участках [Сушкин 1938; Цыбулин 2009].

Чирок-свистунок (***Anas crecca***) - проксимальный фрагмент правой лопатки из слоя 6А, горизонта 2, проксимальный фрагмент правой плечевой из слоя 5 горизонта 1.

Обычная мелкая утка в неоплейстоцене Алтая. Отмечена в Северо-Западном Алтае в пещерах Логово Гиены, Денисова; в Центральном Алтае - Усть-Канской пещере.

Утка (***Anatidae gen indet***) - фаланга пальца лапы из слоя 5, горизонта 4.

Пустельга (***Falco tinnunculus***) - полный правый карпометакарпус из слоя 4 (1- 39,9; 6 - 10,0; 5 - 7,1); дистальный фрагмент левого тибиотарсуса (6 - 7,3) из слоя 5, горизонта 3; полный левый тарсометатарсус молодой птицы (1 - 37,4; 2 - 6,1; 3 - 6,8) из слоя 6 В-1, горизонта 1; полный правый тарсометатарсус из 2-х фрагментов из слоя 6 В-1, горизонта 2 (1- 41,3; 2 - 7,2; 3- 7,1).

Самый многочисленный мелкий сокол, найденный в ископаемом состоянии в пещерах и гротах Алтая и Приенисейской Сибири. Большая часть костей принадлежит молодым особям, что связано с гнездованием этого вида в скальных массивах в непосредственной близости от мест захоронения.

Ястреб-тетеревятник (***Accipiter gentilis***) - симфиз нижней челюсти из слоя 3. В неоплейстоцене найден в Северо-Западном Алтае в пещерах Окладникова и Страшной, в голоцене закономерно более многочислен. На Алтае тетеревятник обычен в Северо-Западной и Северной его части, где придерживается лесных биотопов [Сушкин 1938].

Белая куропатка (***Lagopus lagopus***) - проксимальный фрагмент правой лопатки из слоя 6 Б, горизонта 1.

Вид - индикатор периодов похолоданий, в неоплейстоценовых отложениях пещерных памятников Алтая, как правило, входит в состав смешанных комплексов, и, в отличие от аналогичных материалов, например Приенисейской Сибири, нигде не является доминирующим в составе ископаемых орнитокомплексов. В настоящее время в альпийском поясе хребтов Северо-Западного Алтая оседло обитает мелкая форма ***Lagopus lagopus brevirostris*** [Потапов 1987].

Тетерев (***Tetrao tetrix***) - мандибулярный симфиз из слоя 5, дистальный фрагмент левой бедренной из слоя 6 А, горизонта 1.

Достаточно редкий в неоплейстоценовых отложениях пещерных памятников Северо-Западного и Центрального Алтая тетерев закономерно становится заметным в голоценовых отложениях местонахождений, в особенности это характерно для пещерных памятников Приенисейской Сибири, где он доминирует как промысловая птица в неолитических горизонтах [Макаров, Мартынович, Оводов 2009].

Тетеревиные? (***Tetraonidae***) - шейный позвонок из слоя 6 , горизонта 4.

Коростель (***Crex crex***) - почти полная правая плечевая, бедренная - проксимальный и дистальный фрагменты правой из слоя 4; проксимальный фрагмент правой плечевой, слоя 6 А, горизонта 1; почти полный левый тарсометатарсус без 2-го блока из слоя 6 В1, горизонта 5.

Самый многочисленный вид пастушковых в ископаемом состоянии в Южной Сибири, особенно на Алтае. Здесь коростель - один из основных объектов филина, косточки этого вида оказались многочисленными в рецентных и раннеголоценовых сборах филиновых ниш [Оводов, Мартынович, Надаховский 1998] .

Улит (***Tringa ochropus/glareola***) - проксимальный фрагмент левого тарсометатарсуса из слоя 5, горизонта 6, к чернышу или фифи отнесен, исходя из размеров.

Фифи указан для позднего неоплейстоцена Северо-Западного Алтая по единственной находке из Денисовой пещеры [Пантелеев 2006], черныш найден в неоплейстоценовых отложениях пещеры Недоступная на Среднем Енисее, в Бирюсинском районе [Оводов, Мартынович 2000].

Бекас-дупель (***Gallinago*** sp.) - проксимальный фрагмент правой плечевой из слоя 4 и дистальный фрагмент правой плечевой с частично разрушенным эпифизом.

Саджа (***Syrrhaptes paradoxus***) - дистальная часть левого тибиотарсуса из слоя 6 А, горизонта 3.

Находки этого вида в неоплейстоценовых отложениях пещерных памятников показательны. Саджа - характерная птица полупустынь и сухих степей Средней и Центральной Азии [Козлова 1975; Курочкин, Михайлов 1994], в том числе Монголии и Тывы [Баранов 1991]. В Гобийском Алтае она обнаружена со среднего неоплейстоцена [Martynovich 2002]. На гнездовании найдена по южной окраине Алтая и в Чуйской степи Юго-Восточного Алтая [Сушкин 1938]. В неоплейстоцене Северо-Западного Алтая кости саджи обнаружены также в мустьерских отложениях пещер Окладникова, Денисовой, Усть-Канской, что указывает на существование, возможно, холодных аридных степей на значительной территории Алтая в прошлом [Мартынович 2010]. Ископаемые остатки ***Syrrhaptes paradoxus*** свидетельствуют о широком ее распространении в среднем (?) неоплейстоцене существенно северо-западнее ее нынешнего ареала на Алтае.

Сизый голубь (***Columba cf. livia***) - проксимальный фрагмент левой локтевой из слоя 3; дистальный фрагмент левой плечевой из слоя 6 Б, горизонта 1, фрагмент таза из слоя 5, горизонта 2.

В неоплейстоцене Северо-Западного Алтая отмечен в пещерах Окладникова и Страшной. В первом местонахождении входил в доминирующую группу видов [Мартынович 1990]. В современном состоянии на Алтае обитает как полудомашняя форма, в диком состоянии редок.

Сова болотная-ушастая (***Asio flammeus/otus***) - проксимальный фрагмент первой фаланги большого пальца кисти из слоя 5, горизонта 1.

Вид найден практически во всех неоплейстоцен-голоценовых местонахождениях Алтая и юга Средней Сибири. На Алтае на гнездовье обыкновенна по степной низкогорной западной части.

Белопоясничный стриж (***Apus pacificus***) - полный левый карпометакарпус из слоя 6 Б, горизонта 4.

Нередок в ископаемом состоянии для рассматриваемой территории, типичный восточно-азиатский, связанный со скалами вид.

Седой дятел (***Picus canus***) - полная правая плечевая из слоя 4 (1 - 35,9; 2 - 11,4; 6 - 8,3).

В ископаемом состоянии найден в двух местонахождениях Северо-Западного Алтая. Обитатель светлых хвойных лесов, избегающий сомкнутой темнохвойной тайги.

Воронок (***Delichon cf. urbica***) - полный правый коракоид и полная правая плечевая молодой птицы из слоя 4; практически полный правый коракоид, правый и левый карпометакарпус молодой птицы, слой 5 А, горизонта 1; практически полный правый карпометакарпус и полная правая плечевая молодой птицы из слоя 6 Б, горизонта 1.

В отложения чаще всего попадают кости молодых особей, гнездящихся под сводами карстовых полостей птиц.

В позднем неоплейстоцене на Алтае найден в пещерах Окладникова и Усть-Канской. В настоящее время широко распространена на Алтае, держится здесь в диком состоянии, гнездится в скалах и избегает сплошных таежных массивов [Кучин 2007].

Кости ласточек (***Hirundinidae***) вообще достаточно редкие в пещерных накоплениях неоплейстоцена, становятся обычными и даже многочисленными в голоценовых отложениях, что характерно не только для пещер Алтая, но и Енисейской Сибири [Мартынович 2004] и Дальнего Востока [Пантелеев, Алексеева 1993].

Ворон (***Corvus corax***) - дистальный фрагмент правой плечевой, фаланга пальца лапы из слоя 6 Б, горизонта 1.

В неоплейстоцене отмечен в Северо-Западном и Центральном Алтае. Для Алтая указывается как достаточно редкий вид, заходящий практически во все зоологические участки.

Ворона (серая-черная) (***Corvus cornix/corone***) - дистальный фрагмент левого карпометакарпуса - из слоя 6 А, горизонта 1.

В неоплейстоцене Северо-Западного Алтая указана для рыхлых отложений пещер Логово Гиены, Страшная, Денисова [мои данные, Пантелеев 2002], в Центральном Алтае найдена в Усть-Канской пещере [Деревянко и др. 2002]. В настоящее время для указанной территории свойственна черная ворона (Corvus corone).

Галка (***Corvus cf. monedula***) - проксимальный фрагмент правой локтевой из слоя 5; дистальный фрагмент правого тибиотарсуса, проксимальный фрагмент первой фаланги большого пальца кисти из слоя 6 В, горизонта 3; практически полная левая бедренная из слоя 6, горизонта 2 (1 - 34,8; 2 - 7,5; 4 - 6,8), что оказалось меньше бедренных костей рецентных галок, добытых в Северо-Западном

Казахстане из сравнительной коллекции Красноярского краеведческого музея [Бондаренко, Горелова, Мартынович 2008].

В голоценовых отложениях памятников Алтая - один из доминирующих видов в накоплениях филиновых ниш. В неоплейстоцене обнаружена как в Северо-Западном, так и Центральном Алтае [Бурчак-Абрамович, Оводов 1988; мои данные, Пантелеев 2002].

Мелкая врановая птица (Corvidae indet) - обожженный проксимальный фрагмент левой бедренной из слоя 5, горизонта 1; локтевая - один обожженный проксимальный фрагмент левой, бедренная от молодой особи левая из слоя 6 А, горизонта 1.

Дрозд (***Turdus*** sp.) - полная правая локтевая слоя 6 Г, горизонта 3. На основании, главным образом, размера (максимальная длина кости 32,5 мм) тяготеет к группе ***philomelos-ruficollis*** [Moreno 1987; мои данные].

Дрозды - обычная в неоплейстоцене Южной Сибири группа мелких воробьиных, заселяющих разнообразные лесостепные биотопы. Главным образом, отмечены певчий (***T. philomelos***) и темнозобый (группа ***ruficollis***) дрозды.

Овсянка (***Emberiza*** sp.) - полная правая плечевая из слоя 4, общей длиной 18, 7 мм; почти полный правый коракоид из слоя 6 В, горизонта 1. Первая кость по размеру близка к таковой овсянки-дубровника (***Emberiza aureola***), но меньше, чем у ***E.citrinella*** и ***E.leucocephala*** из доступных для сравнения экземпляров. Коракоид немного крупнее, чем у таковой обыкновенной - белошапочной овсянок.

Овсянки, как и дрозды, - одни из наиболее часто встречающихся мелких воробьиных в неоплейстоцен-голоценовых отложениях пещерных памятников Южной Сибири. Три указанные вида овсянок обычны в среднегорье Северо-Западного Алтая, дубровник тяготеет к увлажненным биотопам.

Мелкие воробьиные птицы (Passeriformes indet) - фрагмент левой бедренной от молодой особи из слоя 6 Б, горизонта 1; дистальный фрагмент тибиотарсуса, дистальный фрагмент локтевой молодой птицы из слоя 5, горизонта 4; проксимальная половинка бедренной из слоя 5, горизонта 3; проксимальный фрагмент левой плечевой, слой 6 В, горизонта 2 (со следами кислотной эрозии).

А.В. Пантелеевым было определено 25, в основном альпийско-степных, видов мелких воробьиных из рыхлых отложений центрального зала и предвходовой площадки Денисовой пещеры. Это единственный в настоящее время представительный обзор фауны мелких воробьиных (и авифауны в целом) для среднего неоплейстоцена Южной Сибири и России [Пантелеев 2002; 2006].

Птицы (Aves fam gen indet.) - 4 фрагмента - шейный позвонок птицы среднего размера, мелкий фрагмент диафиза лучевой птицы крупного размера из слоя 3; фрагмент синсакрума птицы среднего размера из слоя 5 горизонта 4.

Предварительные выводы

Выявлены следующие экологические группировки - водоплавающие (утки), околоводные (кулики), лесные (ястреб-тетеревятник, тетерев, седой дятел), обитатели мокрых луговин (коростель), открытых пространств (саджа, болотная сова), горно-скальные (ласточки, ворон, галки, пустельга, сизый голубь, белопоясничный стриж), а также обитатели лесостепных, кустарниково-опушечных биотопов (***Turdus, Emberiza***). Для достоверных палеоландшафтных реконструкций не хватает количественного материала, преобладают остатки ласточек, уток, коростеля и пустельги. Наиболее интересной является находка саджи в 6-м слое.

Автор благодарен д.и.н. С.В. Маркину и к.б.н. С.К. Васильеву за доверие и предоставленный для определения материал.

Таблица 1

Распределение остатков птиц из пещеры Чагырская по слоям (кости/особи)

ТАКСОН/СЛОИ	3	4	5	6-А	6-Б	6-В1	6-Г	ВСЕГО
Anas platyrhynchos		2/2	1/1			1/1		4
Anas crecca			1/1	1/1				2
Anatidae indet			1/1					1
Falco tinnunculus		1/1	1/1			3/2		5
Accipiter gentilis	1/1							1
Lagopus lagopus					1/1			1

ТАКСОН/СЛОИ	3	4	5	6-А	6-Б	6-В1	6-Г	ВСЕГО
Tetrao tetrix			1/1	1/1				2
Tetraonidae gen indet						1/1		1
Crex crex		3/1		1/1		1/1		5
Tringa ochropus/ glareola			1/1					1
Gallinago sp.		2/?						2
Syrrhaptes paradoxus				1/1				1
Columba cf. livia	1/1		1/1		1/1			3
Asio flammeus/otus			1/1					1
Apus pacificus						1/1		1
Picus canus		1/1						1
Delichon cf urbica		2/1s	3/2 s		2/1s			7
Corvus corax					2/1			2
Corvus cornix - corone				1/1				1
Corvus cf. monedula			1/1	1/1		2/1		4
Corvidae indet			1/1	2/2				3
Turdus sp.							1/1	1
Emberiza sp.		1/1				1/1		2
Passeriformes indet			3/?		1/?	1/?		5
Aves indet	2/2		2/?					4
Итого	4	12	20	8	7	11	1	61

Литература

1. *Баранов А.А. Редкие и малоизученные птицы Тувы. Изд-во Красноярского ун-та, 1991. 318 с.*
2. *Бурчак-Абрамович Н.И., Оводов Н.Д. Новые материалы по плейстоценовой орнитофауне Алтая // Проблемы археологии Северной Азии (к 80-летию академика А.П.Окладникова. Тезисы докладов региональной археологической студенческой конференции). Чита, 1988. С. 58-59.*
3. *Бондаренко Т.С., Горелова А.К., Мартынович Н.В. (составители). Каталог орнитологической коллекции Красноярского краевого краеведческого музея. Красноярск, 2008. 216 с.*
4. *Васильев С.К. Остатки териофауны из пещеры Чагырская (Северо-Западный Алтай) по материалам раскопок в 2007 и 2008 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин - та археологии и этнографии СО РАН, 2009. Т. I. С. 129-132.*
5. *Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования Homo sapiens sapiens в Восточной, Центральной и Северной Азии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 328 с.*
6. *Деревянко А.П., Маркин С.В., Зыкин В.С. Новый объект среднего палеолита на Алтае // Древнейшие миграции человека в Евразии: мат-лы Междунар. симп. Новосибирск, 2009. С. 101-106.*
7. *Деревянко А.П., Маркин С.В. Мустье Горного Алтая (по материалам пещеры им. Окладникова). Новосибирск: Наука, 1992. 224 с.*
8. *Деревянко А.П., Маркин С.В., Зыкин В.С. Пещера Чагырская - новая стоянка среднего палеолита на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. Т. XIV. С. 52-55.*
9. *Деревянко А.П., Маркин С.В, Зыкина В.С., Зыкин В.С. Чагырская пещера: исследования в 2009 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин - та археологии и этнографии СО РАН, 2009. Т. I. С. 129-132.*
10. *Козлова Е.В. Птицы зональных степей и пустынь Центральной Азии. Л.: «Наука», 1975. 252 с.*
11. *Курочкин Е.Н. Методы изучения ископаемых птиц // Частные методы изучения истории современных экосистем. Ред В.Е. Соколов и Л.Г. Динесман. М.: Наука., 1979. С. 152-163.*
12. *Курочкин Е.Н., Михайлов К.Е. Гнездовая авифауна Гобийской территории Монголии // Современная орнитология 1992. М.: Наука. 1994. С. 50-75.*
13. *Кучин А.П. Птицы Алтая (воробьиные). Горно-Алтайск, 2007. 355 с.*
14. *Макаров Н.П., Мартынович Н.В., Оводов Н.Д. Пещера Еленева - многослойный голоценовый памятник на Среднем Енисее // Мат-лы*

научно-практической конференции «Пещеры: Охрана, история исследований, культура, туризм, современное состояние и перспективы научных исследований на территории бывшего СССР», 2009. С. 81-103.

15. *Мартынович Н.В. Птицы позднего плейстоцена из пещеры им. Окладникова как объект для палеоландшафтных реконструкций // Комплексные исследования палеолитических объектов бассейна р. Ануй. Новосибирск. 1990. С. 66-81.*
16. *Мартынович Н.В. Позднечетвертичные птицы из пещерных местонахождений (Алтае-Саянская горная страна): автореф. дис. канд. биол. наук. М., 2004. 24 с.*
17. *Мартынович Н.В. Птицы зональных степей и пустынь Центральной Азии в плейстоценовых авифаунах Алтая // Орнитология в Северной Евразии. Материалы XIII Международной орнитологической конференции Северной Евразии. Оренбург, 2010. 210 с.*
18. *Оводов Н.Д., Мартынович Н.В. Позвоночные пещер Бирюсинского карстового района // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Средней Сибири. Новосибирск: Изд-во ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. С. 375-382.*
19. *Оводов Н.Д., Мартынович Н.В., Надаховский А. «Филиновые ниши» на северо-западном Алтае как тафономический и палеоэкологический индикаторы // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. С. 249-256.*
20. *Пантелеев А.В. Костные остатки птиц из плейстоценовых отложений Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии и археологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд - во ИАЭТ СО РАН, 2002. Т. VIII. С. 173-178.*
21. *Пантелеев А.В. Ландшафтно-климатические изменения у Денисовой пещеры (Северо-Западный Алтай) по остаткам птиц // Бюлл. МОИП. Отд. биол. 2006. Т. 111. Вып. 1. С. 63-69.*
22. *Пантелеев А.В., Алексеева Э.В. Ископаемые птицы из пещеры Близнец (Южный Сихотэ-Алинь) и ландшафтно-климатические условия их обитания в голоцене. Русск. орнитол. журн. 1993. Т. 2. Вып. 2. С. 133-148.*
23. *Потапов Р.Л. Курообразные // Птицы СССР. Курообразные, журавлеобразные. Л.: Наука. 1987. С. 7-260.*
24. *Рудая Н.А. Палинологическая характеристика отложений палеолитической стоянки Чагырская пещера (Алтайский край) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин - та археологии и этнографии СО РАН, 2010. С. 132-136.*
25. *Сушкин П.П. Птицы Советского Алтая. М.; Л., 1938. Т. 1. 320 с.*
26. *Тугаринов А.Я. К характеристике четвертичной орнитофауны Сибири. // Тр. Ком. по изуч. четверт. периода. 1932. Т. 1. С. 115-133*
27. *Цыбулин С.М. Птицы Алтая. Новосибирск: Наука. СО РАН, 2009. 235 с.*
28. *Martynovich N. 2002. Pleistocene birds from Tsagan-Agui Cave (Gobian Altai). In: Proceedings of the Meeting of the ICAZ Bird Working Group Krakow, Poland, 11-15 September, 2001. Acta zooligica cracovensia, 45 (special issue): 283-292.*
29. *Moreno E. 1987. Clave osteologica para la identification de los Passeriformes Ibericos // Ardeola 34 (2). P. 270.*

А.В. Пантелеев

Первые остатки птиц из палеогена Крыма

Введение

Палеогеновые отложения в Крыму имеют не очень большое распространение. Они выходят на поверхность длинной узкой полосой, тянущейся с перерывами от Севастополя до Керчинского пролива. Тем интереснее находка представителей такой относительно редкой в палеонтологической летописи группы животных, как птицы.

Костные остатки птиц были найдены Н.И. Удовиченко в 1990-1991 гг. в карьере Пролом (45º03'N, 34º36'E), в 8 км северо-восточнее города Белогорск. Они находились в слое мергеля или известковой глины с фосфоритами и фосфатными трубками, обогащенном терригенным материалом, в 2-3 м ниже кровли карбонатной толщи с нуммулитами. Здесь же присутствовали копролиты и зубы акул, хищных костистых рыб, остатки пресноводных и морских черепах, морских змей и китообразных [Несов 1992; Н.И. Удовиченко личн. сообщ. 2000 и 2005 гг.].

По предварительным оценкам костеносный слой относили к верхнему эоцену [Несов 1992]. Позднее по зубам акул и нуммулитам (***Nummulites polygyratus***) был установлен среднеэоценовый (лютетский) возраст фауны [Н.И. Удовиченко личн. сообщ. 2000 и 2005 гг.].

К настоящему времени из этого местонахождения известны пять костей птиц разной степени сохранности. Одна из них, тарзометатарзус, как оказалось, принадлежала неизвестному ранее виду мелкой совы. Остальные кости определить до вида не удалось, они лишь подтверждают присутствие представителей своих систематических групп в палеогене Крыма.

Весь описываемый материал хранится в Зоологическом институте РАН, Санкт-Петербург (ЗИН).

Систематика

Класс Aves Linnaeus, 1758
Отряд Accipitriformes Savigny, 1809
Семейство Accipitridae Savigny, 1809
Подсемейство Buteoninae Vigors, 1824
Buteoninae indet.
Фототабл. I, фиг. f-g

Материал. Дистальная часть левой лучевой кости;
ЗИН № PO 4828.

Кость принадлежала птице подсемейства Buteoninae. От представителей рода Buteo Lacepede, 1799 эта кость отличается менее массивным tuberc. aponeurosis, несколько изогнутой в дистальном направлении и более короткой fac. atric. radiocarpalis, а также относительно более широким sulcus tendineus. Птица должна относиться к другому роду, но близкому к ***Buteo***. Сравнить с другими современными родами подсемейства пока не было возможности, а палеогеновые и миоценовые лучевые кости от Buteoninae неизвестны.

Размеры, мм: наибольшая ширина эпифиза 7.0.

Отряд Charadriiformes [Huxley 1867]
Семейство Recurvirostridae
Recurvirostridae indet.
Фототабл. I, фиг. j-l

Материал. Дистальная половина и проксимальный эпифиз от одной правой лучевой кости; ЗИН № PO 6699.
Из современных птиц наиболее близок к Himantopus himantopus.
Charadriiformes indet.
Фототабл. I, фиг. h, i

Материал. Проксимальная половина левого карпометакарпуса; ЗИН № PO 4666.
Птица размером с современного травника ***Tringa totanus*** [Linnaeus 1758].
Отряд Strigiformes [Wagler 1830]
Семейство Protostrigidae Wetmore, 1933

Род ***Aurorornis*** Panteleyev, gen. nov.

Название рода от Aurora (лат.) - утренняя заря и ornis (греч.) - птица.

Типовой вид - Aurorornis taurica sp. nov.

Диагноз. Цевка короткая, массивная, сильно вогнутая с дорсальной стороны. Crista medialis hypotarsi (см. рис. 1) очень узкий, отросток crista lateralis hypotarsi не развит. Гребень crista plantaris medialis хорошо развит, и его проксимальный конец далеко не доходит до crista medialis hypotarsi. Место крепления мускула m. tibialis anticus смещено к внутренней (медиальной) стороне кости. На дистальном конце крыловидный отросток внутреннего мыщелка (trochlea dig. II) узкий и длинный.

Видовой состав. Только типовой вид.

Сравнение. Из трех других родов семейства проксимальная часть цевки известна только для ***Minerva*** Shufeldt, 1915 [Mourer-Chauvire 1983]. От этого рода ***Aurorornis*** gen. nov. отличается относительно широким проксимальным эпифизом, отсутствием следов крепления мелких мышц около m. tibialis anticus, расположением медиальной поверхности крепления надсухожильного мостика у самого края кости. Дистальный эпифиз (при взгляде снизу) отличается от ***Minerva*** Shufeldt, 1915 и ***Eostrix*** Brodkorb, 1971 скошенным во внутрь trochlea dig. IV и более изогнутым trochlea dig. II [см.: Wetmore 1938; Martin and Black 1972; Rich 1982 и др.].

Comparison. From three other genus of family Protostrigidae a proximal part of tarsometatarsus is known only for Minerva Shufeldt, 1915 [Mourer-Chauvire 1983]. From this genus Aurorornis gen. nov. differs relatively wide proximal epiphysis, absence of traces of fastening of small muscles nearby m. tibialis anticus, an arrangement of a medial surface of fastening of the bridge for tendon of m. ext. digit. long. at the edge of a bone. Distal epiphysis (at a sight from below) differs from Minerva Shufeldt, 1915 and Eostrix Brodkorb, 1971 cut in inside trochlea dig. IV and more bent trochlea dig. II [see: Wetmore 1938; Martin, Black 1972; Rich 1982; etc.].

Замечания. По форме и размерам цевка ***Aurorornis taurica*** gen. et sp. nov. очень близка цевке современного мохноногого сыча ***Aegolius funereus*** [Linnaeus 1758] из семейства Strigidae Vigors, 1825, однако очень отличается по морфологии. Это внешнее сходство, очевидно, связано с занятием сходных экологических ниш, а, следовательно, сходством в объектах питания и способах их добычи, размножении, биотопах и т. д.

Некоторое сходство в морфологии наблюдается с ***Berruornis orbisantiqui*** Mourer-Chauvire, 1994 (семейство Sophiornithidae). У них похожая вырезка на переднем крае проксимального конца, узкий crista medialis hypotarsi и почти отсутствует crista lateralis hypotarsi. Однако по всем другим морфологическим признакам эти виды очень далеки. Интересно, что у другого вида из семейства Sophiornithidae, ***Sophiornis quercynus*** Mourer-Chauvire, 1987, crista medialis hypotarsi широкий, как у всех остальных сов [Mourer-Chauvire 1987 1994]. Следовательно, эта черта могла возникать (или сохраняться) в разных группах сов наряду с иными морфологическими формами.

Remarks. After the form and the sizes the tarsometatarsus of Aurorornis taurica gen. et sp. nov. is very close to the tarsometatarsus of recent Aegolius funereus [Linnaeus 1758] from family Strigidae Vigors, 1825. However they very much differs on morphology. This external similarity, obviously, is connected with employment of similar ecological niches, and, consequently, similarity in objects of a food and ways of their extraction, reproduction, biotopes and etc.

Some similarity in morphology is observed with Berruornis orbisantiqui Mourer-Chauvire, 1994 (family Sophiornithidae). At them the similar cutting on a first line of the proximal end, narrow crista medialis hypotarsi and almost is absent crista lateralis hypotarsi. However to all other morphological signs these species are very far. It is interesting that at other species from family Sophiornithidae, Sophiornis quercynus Mourer-Chauvire, 1987, crista medialis hypotarsi wide, as at all other owls [Mourer-Chauvire 1987, 1994]. Consequently, this line could appear (or to remain) in different groups of owls along with other morphological form.

Aurorornis taurica Panteleyev, sp. nov.

Фототабл. I, фиг. а-е

Голотип - ЗИН № РО 4667, правый тарзометатарзус; Крым, окрестности г. Белогорска, карьер Пролом; средний эоцен (лютет), основание бодракского горизонта.

Материал. Только голотип.

Название вида от древнего названия Крыма.

Описание. Цевка короткая и широкая, заметно изогнутая. Передний край проксимального эпифиза имеет маленькую вырезку, находящуюся только латеральнее центрального бугорка eminentia intercondylaris. На заднем крае проксимального эпифиза вырезка глубокая, относительно узкая. Отросток crista lateralis hypotarsi не развит, едва заметен. Crista medialis hypotarsi очень узкий и толстый. Надсухожильный мостик не окостеневал. Место крепления мышцы m. tibialis anticus находится в средней части диафиза и смещено к внутреннему краю кости. Диафиз в сечении имеет П-образную форму. Блоки пальцев дистального эпифиза расположены на слабо изогнутой линии. Trochlea dig. II широкий, с длинным узким крыловидным отростком. Латеральная часть trochlea dig. III узкая, значительно длиннее медиальной. Латеральная сторона trochlea dig. IV скошена.

Размеры, мм. Полная длина кости - 23.2; ширина проксимального эпифиза - 6.7; ширина дистального эпифиза - 8.0.

Отряд Coraciiformes s. s. [cf. Mayr 1998]
Coraciiformes indet.
Фототабл. I, фиг. m, n

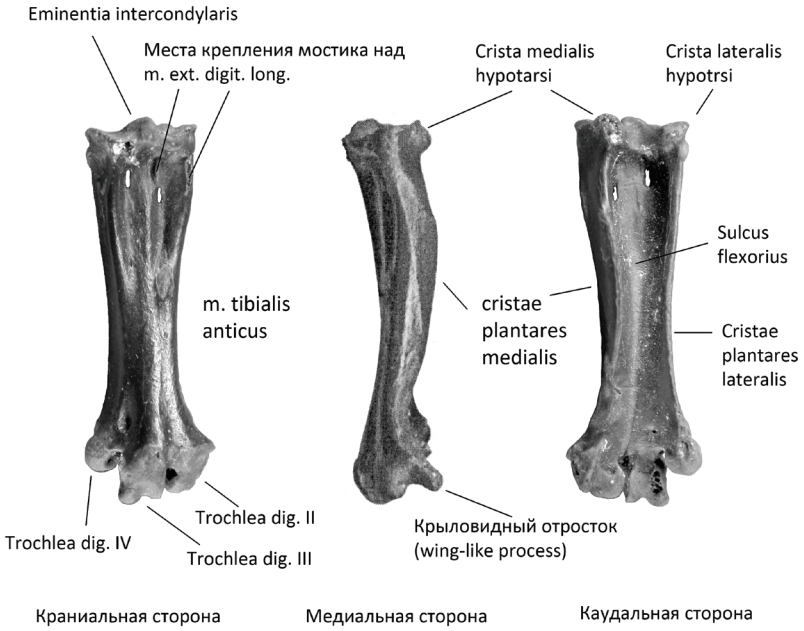
Материал. Маленький выколок из проксимального эпифиза плечевой кости; ЗИН № PO 7230.

По современным представлениям, отряд Coraciiformes s. s. [cf. Mayr 1998] включает в себя два современных семейства (Coraciidae и Brachypteraciidae) и три вымерших, известных из палеогена (Eocoraciidae, Geranopteridae, Primobucconidae) [Mayr 1998, 2009; Mayr and Mourer-Chauvire 2000]. В морфологии фрагмента есть черты сходства с современной сизоворонкой (***Coracias garrulous***). Однако для определения даже семейства этого материала недостаточно.

Благодарности

Автор статьи очень признателен Н.И. Удовиченко (Луганский государственный педагогический институт, г. Луганск) за внимание к редким группам ископаемых позвоночных и предоставленный материал по птицам; Е.Н. Курочкину (Палеонтологический институт РАН, г. Москва) за критические замечания к первой версии данной статьи; А.О. Аверьянову (Зоологический институт РАН, г. Санкт-Петербург), который сделал часть публикуемых здесь фотографий.

Дорсальный конец (проксимальный эпифиз)



Вентральный конец (дистальный эпифиз)

Рис.1. Основные морфологические элементы цевки
Main morphological elements of the tarsometatarsus



Фототаблица 1. a-e: ЗИН № РО 4667 (голотип), Aurorornis taurica gen. et sp. nov., правый тарзометатарзус: a - спереди; b - сзади; c - с латеральной стороны; d - с проксимальной стороны; e - с дистальной стороны. f, g: ЗИН № РО 4828, Buteoninae indet., левая лучевая кость, дистальная часть: f - с краниальной стороны; g - с каудальной стороны

h, i: ЗИН № РО 4666, Charadriiformes indet., левый карпометакарпус, проксимальная часть: h - снизу; i - сверху.
j-l: ЗИН № РО 6699, Recurvirostridae indet., правая лучевая кость: j - дистальная часть с каудальной стороны; k - дистальная часть с краниальной стороны; l - проксимальная часть.
m, n: ЗИН № РО 7230, Coraciiformes indet., левая плечевая кость, проксимальная часть: m - с краниальной стороны; n - с вентральной стороны.
Отрезок масштабной линейки соответствует 1 мм

a-e: ZIN № PO 4667 (holotype), Aurorornis taurica gen. et sp. nov., right tarsometetarsus: a - cranial view; b - caudal view; c - lateral view; d - proximal view; e - distal view.
f, g: ZIN № PO 4828, Buteoninae indet., left radius, distal part: f - cranial view; g - caudal view.
h, i: ZIN № PO 4666, Charadriiformes indet., left carpometacarpus, proximal part: h - ventral view; i - dorsal view.
j-l: ZIN № PO 6699, Recurvirostridae indet., right radius: j - distal part from caudal view; k - distal part from cranial view; l - proximal part.
m, n: ZIN № PO 7230, Coraciiformes indet., left humerus, proximal part: m - cranial view; n - ventral part.
Scales = 1 mm

Литература

1. *Несов Л.А. 1992. Обзор местонахождений остатков птиц мезозоя и палеогена СССР и описание новых находок. Русский орнитологический журнал, 1 (1): 7-50.*
2. *Martin L.D., Black C.C. 1972. A new owl from the Eocene of Wyoming. Auk, 89: 887-888.*
3. *Mayr G. 1998. "Coraciiforme" und "piciforme" Kleinvogel aus dem Mittel-Eozan der Grube Messel (Hessen, Deutschland). Courier Forschungsinstitut Senckenberg, 205: 1-101.*
4. *Mayr G. 2009. Paleogene fossil birds. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 262 pp.*
5. *Mayr G., Mourer-Chauvire C. 2000. Rollers (Aves: Coraciiformes s. s.) from the Middle Eocene of Messel (Germany) and the Upper Eocene of the Quercy (France). J. of Vertebrate Paleonology, 20 (3): 533-546.*
6. *Mourer-Chauvire C. 1983. Minerva antiqua (Aves, Strigiformes), an owl mistaken for an edentate mammal. American Museum Novitates, 2773: 1-11.*
7. *Mourer-Chauvire C. 1987. Les Strigiformes (Aves) des Phosphorites du Quercy (France): Systematique, Biostratigraphie et Paleobiogeographie. Documents des Laboratoires de Geologie de Lyon, 99: 89-135.*
8. *Mourer-Chauvire C. 1994. A large owl from the Palaeocene of France. Palaeontology, 37 (2): 339-348.*
9. *Rich P.V. 1982. Tarsometatarsus of Protostrix from the mid-Eocene of Wyoming. Auk, 99: 576-579.*
10. *Wetmore A. 1938. Another fossil owl from the Eocene of Wyoming. Proc. US National Museum, 85 (3031): 27-29.*

Е.В. Детлова

«Глава и вождь» музейного дела в Красноярске[1]

(к истории взаимоотношений А.Я. Тугаринова и Геро Мергарта)

Красноярский музей, его глава и его иностранцы

Материалы Музея <…> были использованы в работах приезжавшими из центра и из-за границы учёными д-ром Финдейзеном, Каргером и Шнейдером <…>
Из отчёта о работе Музея Приенисейского края за 1927-1928 гг.[2]

<…>Связь с иностранными учёными поддерживалась перепиской с Тальгреном (Финляндия), Минц (Англия) и посещ[ением] нашего музея проф[ессором] Транин (Франция)
Из отчёта о работе Музея Приенисейского края за 1929-1930 гг.[3]

Если говорить о международной деятельности Красноярского музея, то «тугариновский» период смело можно назвать «золотым веком» красноярского краеведения. Статьи Аркадия Яковлевича и сотрудников музея печатались не только в России, но и за рубежом. Возможность непосредственно соприкоснуться с европейской культурой Тугаринов получил в 1914 г. во время своей поездки за границу. *«Во время поездки он осмотрел наиболее известные достопримечательности Варшавы, Берлина, Лондона, Брюсселя, Парижа и других городов Европы. Особенно интересовали учёного музеи различного профиля. Всё это пригодилось ему в дальнейшей работе по возвращении в Сибирь»* [Яворский, Макаров 1989: 33].

В это время сотрудничество музея с иностранными учёными было тесным и плодотворным. Тугаринов хорошо сознавал важность международных контактов, суливших обогащение зна-

ний, расширение кругозора, знакомство с передовым мировым опытом. Музейщики поддерживали отношения с иностранными археологами, этнографами, географами. Среди них - лучший в Европе специалист по археологии Северной Евразии Арне Михаэль Тальгрен[4] и известный этнограф Ганс Финдайзен[5]. Первый из них побывал в музее и смог ознакомиться с его коллекциями в 1915 г. во время своей поездки по Сибири. А Финдайзен посетил музей дважды: в 1927 г., по пути на север к кетам, и в 1928 г., когда впервые обнародовал итоги своей экспедиции. 8 февраля 1928 г. он выступил на заседании коллегии Музея Приенисейского края[6] с докладом «О поездке к енисейским остякам»[7]. Контакты с музеем немецкий учёный поддерживал и в последующие годы. Этнолог с европейским именем, он высоко оценил профессионализм Тугаринова как этнографа и его заслуги в этой области. В своей рецензии в журнале «Этнографический указатель» он пишет:

«Тугаринову мы обязаны ценным исследованием о последних камасинцах, южном самоедском племени, ставшему столь известным благодаря Кастрену; далее из-под его пера появились статистические данные об экономическом положении туруханских аборигенов, а в этом году вышел общий обзор полярных народов Туруханского края, в котором на очень высоком профессиональном уровне описаны все основные факты, касающиеся их жизни, и который мог быть написан только тем, кто лично посетил эти племена» [Findeisen 1928: 199].

Рецензируемый труд Тугаринова «Туземцы Приенисейского Севера» [Тугаринов 1927] Финдайзен настоятельно рекомендовал *«всем интересующимся сибирской этнографией»* [Findeisen 1928: 200].

Аркадий Яковлевич Тугаринов, будучи талантливым и разносторонне одаренным учёным, старался привлечь к работе в музее специалистов из разных областей науки, невзирая на их национальность и статус. Он нередко обращался к иностранным учёным для определения коллекций, а в годы Первой мировой войны и после неё привлёк к работе в музее людей творческих профессий из числабывших военнопленных. Таких сотрудников, согласно архивным данным 1921 г., на службе в музее состояло четверо. Это И.И. Водрацка, Ф.Ф. Душ, Г. Пангерл, Г.В. Мергарт[8].

В этом жесте сказалось не только чутьё опытного руководителя, всей душой радеющего за музейное дело и развитие краеведения в регионе. Большую роль сыграло и присущее Аркадию Яковлевичу человеческое участие, сочувствие к оказавшимся на чужбине практически без средств к существованию людям. Для них работа в музее означала возвращение к нормальной, цивилизованной жизни, восстановление человеческого достоинства и возрождение надежды на будущее. О том, насколько был важен этот новый этап в их судьбе, один из таких «бывших военнопленных империалистической войны» Геро фон Мергарт[9] образно и эмоционально напишет позднее в своих мемуарах «Далёко»:

«В честь празднества по случаю вступления в должность консерватор пригласил меня на ужин. Для меня это был званый пир. Не только потому, что я впервые за долгое время снова видел белоснежную скатерть и настоящий столовый прибор и даже сидел за столом с дамой, а потому, что отныне начиналась новая жизнь, отныне начиналась работа, отныне заканчивалась неописуемая, заполняемая в лучшем случае побочными средствами духовная безысходность лагерной жизни» [Merhart 2008: 72].

История появления Геро фон Мергарта в музее

Начало работы

Как и ранее, хранителем музея состоял А.Я. Тугаринов, его помощником А.Л. Яворский <…> В то же время удалось привлечь к работам в археологическом отделе Музея ассистента профессора Ранке, хранителя Мюнхенского музея доктора Г.В. Мергарта. Доктор Мергарт в качестве военнопленного проживал в Канске, по ходатайству Музея был переведён в Красноярск и из местного концентрационного лагеря был отпущен для работ в Музее. Само собой музей мог предложить названному лицу лишь самое минимальное содержание, едва обеспечивавшее питание. Будучи специалистом до доисторической археологии, доктор посвятил свои работы пересмотру, фактической проверке и попутной реставрации всех соответственных коллекций, особенно остановив своё внимание на керамике. В частности, одной из первых его работ был подбор коллекций по местному

палеолиту. Предметы были систематизированы, описаны, нашиты на картон и сфотографированы. Конец отчётного года застал доктора Мергарта за группировкой коллекций местной меди <…>

Из отчёта о работе
Красноярского городского музея за 1919 г.[10]

Инициатива в установлении контакта с сибирскими учёными, в том числе и с А.Я. Тугариновым, исходила от Геро фон Мергарта. Его появлению в Красноярском музее предшествовали четыре года плена, проведённых в лагерях под Читой и в Канске. Всеми силами стремясь вернуться к научной деятельности (а для этого в Сибири было не так много возможностей), в 1919 г. он направил письмо в Красноярский музей, который к тому времени зарекомендовал себя как серьёзное научно-исследовательское учреждение. В письме на имя консерватора Мергарт обратился с просьбой предоставить ему место в музее. Это письмо, а также последовавший на него положительный ответ Тугаринова послужили отправной точкой в их взаимоотношениях.

В первой, наиболее объёмной части письма от 7 марта 1919 г. Тугаринов подробно, насколько ему позволяют его компетенция и знание сибирской археологии, даёт пояснения относительно находок из окрестностей Канска, которые имеются в фондах Красноярского музея[11]. Среди перечисленных Тугариновым находок - *«небольшой материал в виде керамики, а также каменных и керамических предметов из окрестностей Канска, Канско-Перевозинской <…>»*[12]. При описании их Тугаринов совершенно справедливо замечает, что вопрос о датировке и культурной принадлежности предметов *«ещё очень мало освоен в сибирской археологии»* и является *«одним из самых трудных и сложных вопросов»*[13]. Затем Тугаринов переходит к освещению конкретных проблем, которые, по-видимому, затронул Мергарт в своём первом письме.

Эти ответы частично объясняют векторы интереса Мергарта в сибирской археологии. Во-первых, это круг проблем, связанных с керамикой, ее типами, формой, орнаментом и местонахождением. Такой выбор со стороны австрийского ученого не случаен. Именно с керамики Мергарт, дипломированный геолог, начал своё погружение в археологию. Свою дебютную студенческую работу по до-

истории он посвятил керамике одной из альпийских областей [Merhart 1912.]. В дальнейшем, во время работы в Мюнхенском антропологическом собрании, а потом и в Красноярском музее именно с керамикой ему приходилось чаще всего иметь дело, реставрируя и классифицируя ее.

Однако вернёмся к письму Тугаринова. Помимо освещения вопросов относительно керамического производства, он в целом пытается очертить ареал распространения и распределения археологических памятников - стоянок, погребений, курганов по территории региона:

«Стоянки, где встречаются только предметы из камня, кости, глины и не находится предметов металлических - имеются, гл[авным] обр[азом] на севере, напр[имер], на р. Ангаре, по Енисею, но нет никакой гарантии, что более детальное изучение их не откроет там и предметов медных <…>. Район распределения курганов простирается к северу немного далее линии железной дороги и <…> эти памятники разбросаны редко. Повторяю, еще не выяснено и я не знаю работ, которые бы пытались классифицировать курганы по эпохам или народностям»[14].

Ещё одна деталь. Говоря о сибирской археологии, Тугаринов решительно отметает применяемое Мергартом в отношении народов Сибири понятие «чудь» - *«я предложил бы совершенно отбросить название «чудь», как ничего не дающее и ничего не объясняющее»*[15]. Терминология Мергарта, только знакомившегося с сибирским древностями, вполне понятна: он оперировал весьма распространённым среди западноевропейских археологов, в том числе и одним из его учителей Морицем Гёрнесом, обозначением народов Минусинской котловины «чудь», «чудские погребения» [Hoernes 1912: 111]. Тугаринов, напротив, обнаруживает хорошее знание археологии Сибири, что не кажется удивительным, если вспомнить его достижения в этой области. Главной заслугой ученого является, бесспорно, открытие могил у деревни Андроновой в 1914 г. В свою очередь уже Мергарт, а позднее и С.А. Теплоухов[16] ввели в научный оборот термин «андроновская культура», являющаяся одной из стержневых археологических культур позднего бронзового века в степи и лесостепи Северной Азии от Урала до Енисея.

От научных тем Тугаринов переходит к проблемам житейским. Он советует Мергарту ходатайствовать о переводе в Красноярск, где он согласен предоставить ему работу в музее:

«Я посоветую Вам сделать так. Хлопотать о разрешении переехать в Красноярский лагерь военнопленных. Когда Вам это удастся, Вы войдёте в сношения с Музеем, и мы со своей стороны постараемся сделать так, чтобы Вам было разрешено работать в Музее. Во всяком случае, для личного интереса Вы всегда можете рассчитывать иметь возможность заниматься в Красноярском музее. Отказаться от Вашего платного труда я буду вынужден, если так случится, только по финансовым соображениям»[17].

В следующем письме учёные обсуждают уже конкретные вопросы, связанные с приездом Мергарта и его обязанностями в музее:

«Ваше прошение Коменданту лагеря и Ваше письмо ко мне я получил. Одновременно с этим письмом я пишу г. Коменданту, поддерживая Ваше ходатайство и надеюсь, что скоро дело устроится, и Вы будете в Красноярске. К сожалению, обстоятельства так складываются, что лично я не буду иметь возможности встретить вас в Музее - на днях я уезжаю на месяц из города. Однако я поручаю моему помощнику представить Вам некоторые коллекции с соответствующими desiderata[18]*, так что моё отсутствие не помешает Вам начать работу немедленно по приезде в Красноярск. По моём возвращении, я надеюсь, мы окончательно условимся о характере и программе Ваших работ»*[19].

Одновременно Тугаринов даёт ряд ценных советов относительно планирования дальнейшей работы Мергарта:

«Я полагаю, будет весьма интересным и для Вас, если Вы на первое время сделаете ряд экскурсий в окрестностях Красноярска, ознакомитесь с условиями находок археологического материала и соберёте коллекции. Нужно воспользоваться моментом для сбора материала, кабинетные же работы продуктивнее отложить до осени и зимы»[20].

Сомнения Тугаринова насчёт того, что он не сможет встретить Мергарта в музее лично, не оправдались. Из-за длительных бюрократических проволочек лишь несколько месяцев спустя, 3 ноября

1919 г., Мергарту удаётся приступить к работе - сначала в качестве реставратора, а с января 1920 г. - в должности заведующего отделом древней истории музея. Под его руководством и при непосредственном участии были произведены систематизация, классификация, обработка и реставрация археологических коллекций Красноярского музея, частично Минусинского и Енисейского музеев, пополнен фонд древностей Красноярского музея, разработана концепция будущей экспозиции по древней истории, намечена и частично воплощена в жизнь перспективная программа археологического изучения Приенисейского края, открыты новые палеолитические памятники. Значительное влияние Мергарт оказал на формирование взглядов и мировоззрения красноярских археологов, успешно продолживших намеченную им программу исследований.

О том, какую важную роль сыграл в его дальнейшей судьбе и творческих успехах Тугаринов, Мергарт неоднократно упоминает в своих книгах и письмах. Вспоминает он и о том, каким авторитетом пользовался Тугаринов в музейном сообществе. Об этом свидетельствует, к примеру, фрагмент из мемуаров Мергарта, в котором описывается заседание музейной коллегии:

«Ежедневно в 12 часов самовар собирал всё общество в канцелярии, поистине пёструю коллегию. Среди них только два или три человека имели законченное высшее образование. Некоторых царская полиции прогнала из университета в Сибирь, сослала в какой-нибудь город или даже отдалённую деревню, других забросил сюда штурм Первой мировой и гражданской войн <…> Женский элемент сплотился вокруг доброй Марии Васильевны[21] *<…> ну а в лице Аркадия Яковлевича все видели своего главу и вождя, который всем подавал пример в страстной любви к музейному делу и изучению края <…>»* [Merhart, 2008: 207-208].

А ещё консерватора Красноярского музея отличали простота и скромность. Он не гнушался никакой работы, во всех делах участвовал наравне с другими членами музейного коллектива. Так, по словам Мергарта, проживавшего, как и Тугаринов, в самом здании музея, когда *«дрова подходили к концу <…> выходили по утрам Аркадий Яковлевич и я, чтобы распилить позаимствованное в соседнем школьном дворе бревно»* [Merhart 2008: 77].

Надежды и чаяния Тугаринова были связаны с достройкой нового здания музея. Понятно поэтому было его отчаяние, когда его

«творение» и *«детище»,* то есть едва начавший отстраиваться вновь музей, *«пало жертвой глупости и халатности человека, которому было приказано продезинфицировать заражённое тифом здание»* [Merhart 2008: 96]. Речь идёт о пожаре 1920 г., практически уничтожившем здание, а с ним и мечту Тугаринова. Как следует из писем музейщиков, в итоге это стало одной из причин его отъезда в Ленинград:

«Но после юбилея Аркадий Яковлевич оставил Красноярск и уехал в Ленинград, где ему предложили место в Зоологическом музее Академии Наук. Летом А[ркадий] Я[ковлевич] предполагает принять участие в экспедиции Академии, отправляющейся в Монголию. Вопрос о возвращении в Красноярск он ставит в связь с достройкой музея <…> Аркадий Яковлевич хочет вернуться в Красноярск только в том случае, если у нас будут необходимые условия для научной работы»[22].

Однако в 1919 г. и в начале 1920 г. никто не мог подозревать о таком повороте событий. Тугаринов, Мергарт и остальные музейщики были полны планов на будущее, составляли программу перспективных исследований и поездок. Об одном из таких путешествий - в следующем эпизоде.

Вниз по Енисею

«Когда поэтому Аркадий Яковлевич предложил спуститься с ним и ещё одним охотником до Енисейска, я не медлил ни минуты, тем более, что этот путь археологически едва ли был исследован <…>».

Из мемуаров Г. фон Мергарта
«Далёко: картины из сибирских будней»[23]

«С 23 по 30 июля Тугаринов и Мергарт обследуют на правом берегу Енисея древнее городище Няша <…>. С 18 по 28 августа этими же лицами был пройден маршрут от Красноярска до Енисейска».

Из статьи Н.П. Макарова «К истории
изучения и экспонирования археологических коллекций»[24]

Летом 1920 г. Мергарт выполнил обширную программу экскурсий, провёл раскопки и разведки в Минусинской котловине

и на севере Красноярского края. Письма 1920 г. иллюстрируют поездку Мергарта на юг края и представляют собой редкий для данной переписки момент диалога - письмо Тугаринова и ответ на него Мергарта[25]. Мергарт сообщает Тугаринову о результатах раскопок и намечает программу дальнейших исследований. Тугаринов, в свою очередь, помимо ответов на просьбы Мергарта бытового характера, сообщает новости о музейной жизни и о том, что намеревается совершить поездку на лодке на север края:

«Теперь я надеюсь сделать экск[урсию] по берегам Енисея вниз, на лодке, если только достанем лодку, намерен осмотреть лёссы»[26].

Компанию в поездке вниз по Енисею консерватору составил Мергарт. Тесное общение за пределами музея и вне официальной обстановки позволило ему увидеть и узнать другого Тугаринова: не только мудрого руководителя, кабинетного ученого, но и общительного человека, надежного товарища, опытного путешественника и отменного охотника, эрудиция и юмор которого помогали скрасить мелкие невзгоды в пути. На долю Аркадия Яковлевича выпала миссия снабжать небольшую экспедицию провизией. Эту задачу он выполнял с блеском:

«Аркадий Яковлевич с завидным постоянством ежедневно убивал трёх уток; на гарнир были грибы и картофель. Хлеб и сухари мы везли с собой, также не брезговали по дороге покупать творог и огурцы. Ягодами в изобилии снабжает сибирский лес, но фрукты в этой стране долгих морозов не растут. Так что огурцы получили почётное повышение до звания десерта, не утратив своей прелести и в качестве закуски. Поэтому мы растягивали обед на три блюда, за которыми следовали бесчисленные чашки чая, так что можете мне поверить - после трапезы, основное блюдо которой составляла целая утка, мы испытывали приятное чувство сытости» [Merhart 2008: 151-152].

Во время обратного путешествия по тракту вместе с Тугариновым Мергарту довелось стать свидетелем довольно опасного и одновременно курьёзного происшествия:

«Аркадий Яковлевич и я однажды едва избежали катастрофы. Спускаясь кратчайшим путем и пришпоривая лошадь, мы одолели половину крутого холма, когда наверху появилась кре-

стьянка со своей упряжкой. Сначала мы не обратили на неё должного внимания, но потом мой провожатый что-то прокричал нашему извозчику, и тогда я увидел, что женщина потеряла контроль над повозкой и с бешеным конем и дико подпрыгивающей телегой мчится прямо на нас. Было отчего потерять дыхание. Наш возница изрядно побледнел, однако оставался совершенно спокойным, соразмерил расстояние до надвигающейся гибели, потом до дна, которое к тому же пересекало русло ручья, медленно ослабил поводья и постарался свернуть в сторону. На наше счастье, другая телега потеряла колесо, которое удрало огромными скачками. Это затормозило бешеную скачку, так что беглец после слегка конвульсивной финишной гонки приземлился рядом с нами и почти у ручья. Но на последнем рывке добрая женщина рухнула всей массой и вертикально в воздух простёрла две мощные, абсолютно нагие ноги. Громким смехом, далёким от представления о европейской воспитанности, мы освободились от перенесённого страха, помогли восстановить повозку и продолжили дальше путешествие, которое едва не было прервано столь злосчастным образом» [Merhart 2008: 173].

Несмотря на скудность археологической добычи, путешествие на север края во многом способствовало обогащению личного опыта австрийского учёного сведениями об обычаях и нравах сибиряков, позволило погрузиться в удивительный мир сибирской природы. Сориентироваться в этом незнакомом мире, в чуждой обстановке стало возможным благодаря поддержке и опыту сибирских коллег, в первую очередь, Тугаринова. Это путешествие навсегда осталось в памяти австрийского учёного как одно из самых ярких и дорогих сердцу впечатлений, которые он привёз из Сибири.

Тугаринов и Мергарт: продолжение диалога

Классификация выставленного археологического материала была произведена заведывающим Отделом д-ром Мергарт. Этот археолог, в продолжении двух лет изучавший собранные коллекции в местных музеях здесь в Красноярске, в Минусинске, Енисейске и Канске и ознакомившийся с самыми дюнными стоянками доисторического человека (по берегам р. Енисея) и

его погребениями (в Абаканской степи) и производя лично ряд раскопок, сделал новые выводы, несколько расходящиеся с ранее установленными. В результате работ этого учёного были четыре чрезвычайно ценных по своим открытиям статьи в рукописях, хранящиеся в Музее Приенисейского края. Д-р Мергарт, бывший военнопленный, уроженец Мюнхена, в прошлом году возвратился на родину и по дороге в Москве и Петербурге сделал доклады в Археологических обществах, заинтересовавшие наших русских археологов. Статьи д-ра Мергарт, как он недавно сообщил музею, за невозможностью отпечатать их в Баварии, переводятся на английский язык с тем, чтобы потом отпечатать их в Америке».

Из статьи «В Музее Приенисейского края»[27]

Из заграничных учёных Музей находится в постоянном сношении с профессором Мюнхенского университета Д-ром Мергартом, до 1921 года бывшим заведующим археологическим отделом Музея. После отъезда за границу Д-р Мергарт работает над материалами археологического отдела Музея, по которым напечатал ряд работ в европейских и американских изданиях, а в отчётном году опубликовал большую монографию <…>

Из отчёта о работе
Музея Приенисейского края за 1925-1926 гг.[28]

Личное общение учёных прервалось с отъездом Мергарта на родину 29 июня 1920 г. Ни в Сибири, куда Мергарт так страстно хотел вернуться, ни в Ленинграде, куда Тугаринов уехал в 1926 г., они не встречались. Общение продолжилось в переписке.

В архиве Мергарта в Марбурге хранится в общей сложности девять писем, из которых семь написаны Тугариновым Мергарту (охватывают период с 1919 по 1926 гг.), а два письма, 1924 и 1925 гг., представляют собой дубликаты либо черновики писем Мергарта Тугаринову. Помимо этого, в письмах Тугаринова имеются отсылки на получение других писем от Мергарта.

Условно письма можно разделить на два блока: относящиеся ко времени пребывания Мергарта в России и написанные им после возвращения на родину. Первый блок включает в себя три письма. О посланиях 1919 и 1920 гг., связанных непосредственно с историей появления и работой Мергарта в Красноярском музее, уже упоми-

налось. Письма 1921 г., направленные Мергартом в музей из Москвы и Петрограда, номинально адресованы коллегии музея, фактически же А.Я. Тугаринову. В них австрийский археолог описывает свой путь на родину, пребывание в столичных городах и встречах с ведущими российскими археологами. Затем в переписке наступает перерыв длиной в два года[29].

Следующее письмо (14 июня 1923 г.) начинается с поздравления Мергарта с рождением сына[30]. Об этом событии в музее узнали из *«извещения»* самого Мергарта (это наводит на мысль о том, что пробел в переписке - кажущийся; возможно, просто сохранились не все письма). Доминантная тема письма - события, происходящие в музее. Это и сведения бытового плана, сопровождающие текущую работу (*«летом был ремонт, у нас теперь чисто и тепло <…> печатается библиография Приенисейского края <…> я привлечён к работам по сбору и изготовлению экспонатов для Всероссийской сельскохозяйственной выставке в Москве»*[31]), и новости, касающиеся сотрудников, которых Мергарт знал лично. Трудности, испытываемые музеем, перманентны: это кадровый голод (*«прошла волна сокращений»,* в результате чего на огромный музей осталось всего 8 штатных сотрудников[32]) и недостаточное финансирование. Дефицит кадров, в свою очередь, породил анормальную персональную нагрузку для каждого члена музейного коллектива:

«Одному и тому же лицу приходится касаться нескольких отделов, т.е. вести запись новых поступлений и т.д. А принимая во внимание, что платят нам очень мало и что каждый старается работать и ещё где-нибудь - станет понятно, что современный штат находит время и силы лишь для того, чтобы сберечь уже имеющееся и поддерживать дело на прежней высоте»[33].

Извечной проблемой музея остаётся скудность выделяемых на его содержание и на научные исследования средств, которых не хватает ни на достойную оплату труда его сотрудников, ни на привлечение вспомогательных сил (*«на поездки, покупки - денег нет»*[34]). Подробно останавливается консерватор Красноярского музея на дальнейших планах своей работы:

«Осенью собираюсь в Петроград, чтобы поработать месяца 2-3 в Зоологическом Музее Академии Наук. Хочется хоть немного привести в порядок и систему свои наблюдения за много лет, а быть может, и написать работу, чего в Красноярске я никогда не сделаю»[35].

С сожалением он констатирует, что вести на должном уровне научную работу в таких условиях довольно сложно. Уже в этом письме присутствуют интонации, предваряющие последующий переезд Тугаринова в Ленинград:

«Если раньше, работая в Музее, я лично не мог вести никакой научной работы, зато я получал удовлетворение, ибо видел, что я помогаю вести ее другим. А сейчас и этого не осталось и все сводится к борьбе за существование, заботе о средствах при постоянной тревоге, что вот-вот останешься с 2-3 человеками. Я уже говорил своим друзьям, что я такого положения не перенесу, я не смогу участвовать в разрушении, быть свидетелем гибели того дела, которому я отдал 18 лет своей жизни»[36].

Несомненный интерес в письмах представляют пассажи, связанные с профессиональными темами. В частности, Тугаринов высказывает своё мнение по спорному до сих пор вопросу относительно лёсса Афонтовой горы. Он придерживается теории Л.С. Берга[37], рассматривая афонтовский лёсс *«как дилювий, изменённый последующими почвенными процессами»*[38]. Эту же тему Тугаринов развивает в следующем письме от 28 мая 1924 г., ещё более утвердившись в «не-эоловом» происхождении лёсса, подтверждением чему есть *«достаточно основательных данных»,*[39] и планирует продолжить заниматься этой темой. Аркадий Яковлевич при этом расширяет сферу своих интересов, переходя от орнитологической проблематики к комплексному изучению ландшафтов бассейна Енисея, подчёркивая, прежде всего, важность геологического обследования этих территорий. Для Мергарта, геолога по образованию, эта тема особенно актуальна, о чём он говорит в своём ответном послании. Тем более, именно в уязвимости его позиций в знании геологии Сибири заключалась суть конфликта Мергарта с одним из ведущих русских археологов В.А. Городцовым[40].

Подробно на содержании писем Тугаринова и ответов Мергарта останавливаться не будем, так как тексты приведены в приложении[41]. Темы довольно традиционны: это новости из жизни самого Тугаринова, музейщиков, достижения сибирской и русской архео-

логии и т.д. Но есть и любопытные нюансы. Желание Мергарта вернуться в Сибирь было столь велико, что он предлагает Тугаринову осуществить конкретный план - организовать кинематографическую экспедицию для съёмки фильма об аборигенных народах сибирского Севера. К сожалению, этот проект не был реализован. Все попытки Мергарта снова попасть в Россию не увенчались успехом. Однако другая идея, высказанная им в письмах Тугаринову, нашла своё воплощение. Речь идёт о сибирских мемуарах Мергарта «Далёко: картины из сибирских будней».

Еще раньше, в 1922 г., Мергарт опубликовал статью, повествующую о событиях Гражданской войны, жизни в Красноярске в этот период, а также об условиях работы в музее[42]. Эта изначально небольшая, в несколько страниц, публикация позднее переросла в полноценное литературное произведение. Работу над ним Мергарт начал в 1923 г. Об этом можно с уверенностью судить, опираясь на строки из его письма коллеге и многолетнему другу по переписке А.М. Тальгрену. В письме от 5 сентября 1923 г. из Цюриха Мергарт пишет ему, что *«одно издательство заказало популярную книжицу о моей работе в Сибири, об этом я теперь и пишу. Ведь я трудился при таких особенных обстоятельствах, что можно еще рассказывать о многом, что непосредственно не касается науки»[43].*

К 1925 г. Мергарт заканчивает мемуары. Об этом он также сообщает в одном из писем Тальгрену:

«Вы ведь знаете, что уже третье лето я описываю мои путевые впечатления <…> И теперь эти мемуары господина Страленберга-второго завершены»[44].

К Тугаринову Мергарт обращается с просьбой прислать снимки сибирских ландшафтов, чтобы проиллюстрировать книгу. Тугаринов приветствует мысль издать воспоминания о сибирских годах и высылает несколько фотографий, за что Мергарт ему искренне благодарен[45]. В письмах 1924-1925 гг. этой теме уделено много внимания[46].

Однако в процессе создания труда первоначально задуманный вариант претерпел некоторые изменения. К примеру, в своих более ранних письмах Мергарт, повествуя о пребывании в столичных городах, значительное место уделяет встречам с одним из ведущих археологов России В.А. Городцовым. Но, несмотря на значимость этой персоны и на то, что автор подробно описывает в «Далёко» фигуры других российских коллег, имя Городцова не упоминается в мемуарах вовсе. Объяснить это можно тем, что к моменту завершения книги между Мергартом и Городцовым произошел серьёзный профессионально-личностный конфликт, бросивший тень на их дальнейшие отношения и ставший, по всей видимости, причиной того, что этот эпизод в окончательный вариант мемуаров не вошёл. Сам инцидент находит отражение и в переписке Мергарта с Тугариновым в 1924 г. Подробно причины, развитие и последствия конфликта проанализированы в отдельной статье[47].

Несмотря на это, отношения Мергарта и Тугаринова не претерпели каких-либо серьёзных изменений. Переписка угасает вследствие других причин. Не в последнюю очередь повинна в том политическая атмосфера в стране и мире в конце 1920-1930-х гг. Тем не менее, истинные мотивы прекращения общения Мергарта и Тугаринова неизвестны.

Тугаринов не был единственным, кто вёл переписку с Мергартом от имени музея. Активно переписывался с австрийским ученым Н.К. Ауэрбах[48]. В отсутствие Тугаринова, во время его поездок в Ленинград, на письма отвечали М.В. Красножёнова[49] и А.Н. Соболев[50]. Из их посланий явствует, сколь значимой фигурой в жизни музейного сообщества был Тугаринов, как *«боятся его потерять»[51]* музейщики. Даже во время его временных отлучек жилось *«без него плохо»[52].* Из этих писем мы узнаём также о подробностях отъезда Аркадия Яковлевича из Красноярска и о том, что он, проживая и работая в других городах, не забывал музей и вёл переписку с красноярцами.

Последнее письмо Тугаринова Мергарту датируется 1926 г., отправлено оно из Саратова. В том же году консерватор Красноярского музея уезжает в Ленинград. Временный, как планировалось сначала, отъезд из Красноярска обернулся тем, что город он покинул навсегда. Мергарту он пишет:

«Лично я сейчас надолго выехал из Красноярска, с февраля до мая буду работать в Ленинграде в Зоологическом Музее Академии Наук, куда и прошу писать. Летом надеюсь поехать в Монголию. Был момент очень острой нужды в средствах и полная неопределённость существования Музея, что заставило меня думать об уходе из Красноярска совсем, но теперь положение

изменилось к лучшему. Однако по-прежнему безнадёжно дело с печатанием работ. Это тем досаднее, что в нескольких областях нами сделаны большие достижения»[53].

Письмо короткое, сопровождает одну из работ Тугаринова *«географического характера»*[54], которую он посылает Мергарту и интересуется мнением того как профессионального геолога. Ответно он также просит австрийского коллегу о присылке *«новейшей работы, отражающей современные взгляды на историю плейстоценовой эпохи или хотя бы постглациального времени»*[55] и надеется на продолжение переписки. Её, увы, не последовало.

Если говорить в целом о стиле и интонации писем, отчетливо прослеживается то, что и на эпистолярное общение Мергарт переносит огромное уважение, пиетет, который он питал к личности Тугаринова. К своему старшему - фактически только на 6 лет, но духовно в чем-то более зрелому и мудрому - учёному собрату Мергарт часто обращался за советом. Короткая фраза в одном из писем Тугаринова - *«если бы можно было побеседовать так, как мы беседовали вечерами, я много мог бы Вам сказать, а в письме всего не напишешь»*[56] - также говорит о многом. Первоклассным специалистам и просто образованным, интеллигентным людям, какими были и Тугаринов, и Мергарт, было о чём поговорить. Возможно, и об Урянхайском крае[57], исследование которого Тугаринов планировал ещё в бытность работы Мергарта в Красноярске. Позднее, в 1930-е гг., когда его связь с русскими учёными оборвалась окончательно, Мергарт упоминает об этом в одном из писем своему немецкому коллеге, исследователю Тувы д-ру Вернеру Ляймбаху:

«Шеф моего музея в Красноярске А. Тугаринов, которого Вы также цитируете, путешествовал по Урянхаю и делал множество снимков, так что я имел некоторое представление, тем более что об этом крае много говорилось»[58].

Талантливый организатор, руководитель, сумевший сплотить коллектив, работающий в едином ритме, на одном дыхании, Тугаринов состоялся и как превосходный исследователь, академический учёный. Такое сочетание - большая редкость. Оставаться при этом скромным и добрым человеком, быть надёжной опорой для окружающих - это уже исключение из правила. Однако образованность и талант руководителя в Тугаринове шли именно рука об руку с человечностью. Таким он остался в памяти Геро фон Мергарта. Имя Аркадия Яковлевича постоянно появляется в «сибирских» статьях австрийского учёного. А его образ с любовью и большим уважением выписан автором в мемуарах «Далёко», фрагменты из которых приводятся выше.

Приложение

Г. ф. Мергарт А.Я. Тугаринову
Цюрих, 26.08.1924

Дорогой Аркадий Яковлевич!

Прошу прощения, что так долго оставлял без ответа Ваше большое письмо. Тем более, что оно содержит множество прекрасных снимков, которые я приветствовал с огромнейшей радостью. Для меня, несмотря на все бедствия и лишения, время, прожитое у вас, - великое время, и любое воспоминание о нём мне дорого. Поэтому и фотографии мне дороги, прежде всего, как память, а удовлетворение запросов издателя гораздо менее значимо. И потенциальные читатели моей книжонки, вероятно, никогда не смогут понять, что значило для меня то время. Книга будет носить название «Далёко», а Ваши фотографии, конечно, будут лучше любых слов. Не сердитесь, если я поклянчу ещё, так как знаю, что Вы нынче были в Красноярске и что у Вас там много прекрасных вещей. Так что будьте снисходительны и ещё раз поройтесь в Ваших богатствах. Я даже не могу описать то, чего бы хотел ещё, так как невозможно прислать всё, что кажется интересным, - этого ведь так много, и неизвестно, что Вы мне сможете дать. Вы сами прекрасный фотограф и так хорошо знаете ландшафты и картины жизни на Енисее, что я полностью предоставляю выбор Вам. Подумайте просто о том, что мы хотим передать людям идею многообразия и этнологического богатства и природной самобытности края. Я думаю, что воспользуюсь всеми присланными до сих пор фотографиями, потому что они все прекрасны. Только чёрная тайга, к сожалению, имеет блик. Может быть, у Вас есть ещё и хороший «бык». И мне необходимо иметь фото с челноком. Совершенно потрясающа Бирюса! Ну, больше об этом я не буду распространяться, так как Вы меня поймёте, и то, что я очень упрям, Вы тоже знаете. Как и то, что я сделаю всё возможное, даже если потребуется большое терпение, это в музее знают. Так что я вверяю мою новую просьбу Вашему компетентному мнению.

Ваши работы интересуют меня чрезвычайно, как фаунистические, так и палеографические. То, что лёсс послеледниковый или постглациальный, это хотя и может встретить здесь у нас много возражений, но лично я думаю, что Вы правы, во всяком случае, в отношении енисейского лёсса. Когда-нибудь задачей огромной важности станет проведение параллелей между делювием Европы и северо-азиатским, для чего пока что существует мало возможностей. Точная геология Костёнок могла бы совершить значительный прогресс, в особенности, найденная сейчас Ефименко[59] великолепная статуэтка, истинное сокровище[60]. У нас они, бесспорно, были бы ориньякскими[61] и должны были бы находиться в верхнем слое лёсса. Но как это в России? К сожалению, у меня нет более подробного известия о находке, только изображение, которое мне любезно прислал Теплоухов. Я полон интереса узнать что-либо подробнее.

С особой радостью я прочитал, что Вы вместе со специальным сотрудником-геологом[62] хотите проработать террасы Енисея. Вы, конечно, помните, что я всегда пытался пробудить интерес к этой работе. Она крайне важна для Европы и Азии и для изучения делювия. Мне всегда мешало то, что моя маленькая работа о палеолите[63] очень слабо подтверждена с точки зрения геологии. Она привлекла некоторое внимание, и все мы жаждем того нового, что придёт к нам из Азии. Потому что, как это поняли специалисты из моих штудий, при оценке тех областей нельзя просто исходить из европейских отношений. И что значит любая работа по доистории без хорошего геологического базиса? Поэтому от всего сердца я Вам желаю успешного лета и уже сейчас прошу о скорейшей присылке появляющихся у Вас работ, чтобы я смог реферировать их как можно быстрее. В речные отложение лёсса лично я не очень верю. Тем серьёзнее я буду размышлять над Вашими аргументами, чтобы по справедливости оценить важность дела. Я с большой радостью наблюдаю новую мощную научную жизнь у Вас на Енисее, и это побуждает меня выполнять любую задачу, за которую я берусь, то есть, выполнять свою часть, чтобы результаты работы моих русских друзей быстро становились известными у нас и при работе здесь принимались бы во внимание, как они этого требуют. Евразия - единый континент и не может изучаться по частям. Это значит - работать рука об руку, и успехи будут очень значительными!

Ефименко я считаю надеждой России. Он станет человеком, который возвысит палеолит России до надлежащего ему значения, как Обермайер[64] возвысил палеолит Испании до его истинной значимости[65]. Это

задача, которая навечно впишет имя её исполнителя в анналы науки. И, бесспорно, Ефименко - человек, который может её выполнить. Если Вы сможете что-то сделать для того, чтобы я быстро получил что-нибудь для реферирования, я буду Вам очень благодарен. Я так часто просил о рефератах и всегда был вынужден кормить людей завтраками, потому что не получаю ничего из напечатанного у Вас. Что касается Петри[66], то Вы увидите из моего реферата о сибирском палеолите и неолите[67], который сейчас находится у корректора, но, к сожалению, останется лежать до осени, что я не могу безоговорочно принять его взгляды[68]. Так было уже и тогда, когда я переписывался с ним в Сибири и ещё яснее выразится в следующем реферате, в котором я буду докладывать о новых работах по эпохе металла. Но всё-таки его заслуги в исследованиях велики и их нельзя оспаривать. Хотя Вы совершенно правильно заметили, что он увяз в старых схемах. Сломать которые призваны исследования по доистории Сибири. Мне доставляет истинное удовольствие то, что я сделал первый шаг к этому своими штудиями по палеолиту и полагаю, что и те из коллег, которые в Москве очень скептически воспринимали мой реферат[69], собственной дальнейшей работой были убеждены в обратном. Небольшая книга о бронзовой культуре[70], которая, возможно, появится осенью, будет ещё одним шагом в этом направлении. И только недавно я писал Тальгрену, как рад тому, что Теплоухов сразу сможет приступить к критике моей работы и что, таким образом, эта работа не будет пылиться в библиотеке. Также и Боровка[71], о котором мне с признательностью пишет Тальгрен, найдёт там идеи, которые не вполне соответствуют его собственным. Так что он определённо подключится к критике, и я извлеку много полезного из этой критики. Истина никем из нас не арендована. Она откроется только в результате совместной работы. Тальгрен тоже привёз из последнего путешествия новые сведения, которые его очень впечатлили. И этот превосходный знаток также должен немного поправить то, что до сих пор ему казалось очевидным[72]. Мы ведём очень оживлённую переписку по проблемам русской археологии, и в любом случае в следующем году он снова будет в России.

Этого хотел бы и я, но не знаю, как всё сложится. В моём распоряжении немного денег. Если это совпадёт с конгрессом[73], я очень надеюсь, что Советы пригласят меня в качестве гостя, так как уже путешествие до границы будет для меня довольно дорогим. Но есть и другой план, о котором я хотел бы написать Вам. Что Вы думаете об идее совершить киноэкспедицию, к примеру, снять фильм об инородцах? У меня есть люди,

которые интересуются чем-то подобным и вложат нужную сумму. Я представляю дело так: заинтересованная сторона посылает оператора, который также был бы этнографом или хотя бы образованным путешественником. Плюс вспомогательный элемент, по совместительству учёный, антрополог. И, наконец, некий Геро Вальтерович, который интересуется первобытной историей. И кроме того может быть переводчиком. Итак, эти три человека прибыли бы, снабжённые необходимыми разрешениями, в Енисейскую губернию и получили бы в музее проводника, который знает местность и к тому же работает на музей. Экспедиция не собирается забирать коллекции за рубеж. Ну, тот или иной предмет может быть взят без ущерба для России. Однако все результаты сборов принципиально остались бы в стране. Вообще целью путешествия являются не коллекционные сборы, а съёмка безупречного с научной точки зрения фильма и фотосъёмка в музеях примерно так, как это в своё время делал Мартин[74]. Фильмы по доистории и статичные съемки, конечно, также войдут в программу. Относительно копий снимков будут заключены соглашения, так как в любом случае они будут проявлены там, этого, вероятно, потребует цензура. Деньги для такого предприятия можно получить здесь. Но как осуществить план с наибольшей выгодой? Практически возможно было бы поработать как у енисейцев, так и у сойотов? Примерно так, чтобы поснимать весной в музеях Екатеринбурга, Омска, Томска, Красноярска, потом спуститься по Енисею и пофотографировать енисейцев и, где можно, тунгусов, быстро обернуться (на телеге) в Минусинск и там ещё снять фильм о сойотах и татарах вкупе с бабами, курганами, городищами и.т.д. Затем осенью - музей, Иркутск, Чита. Считаете ли Вы такое путешествие осуществимым за одно лето? Или нужно составить какую-нибудь другую, но всё-таки насыщенную программу? Не поедете ли и Вы с нами? Не сможете ли взять с собой еще и «таёжника»? Верите ли Вы или верит ли Энрика Павловна[75], которая разбирается в этом лучше, можно ли получить для такого путешествия со стороны Советов документальную, практическую и моральную поддержку, без чего не достичь успеха в деле? Пожалуйста, хорошенько поразмыслите над этим планом и напишите мне об этом, так как это серьёзное дело, за которое я возьмусь только, если оно будет хорошо подготовлено. Но открою Вам, что запрос насчет его реализации очень серьёзен. Ведь предприниматель хочет быть полностью уверен в том, что увидит снова свои аппараты, фильмы и деньги. Я сам с большой охотой использовал бы такой удобный случай, чтобы снова побывать у Вас, и мне это тем более интересно, когда я взялся писать о до-

истории Восточной Европы, Северной Азии и древнего Востока. Поездка в Сибирь и Россию обеспечила бы меня всем материалом для этих областей более лучшим и пригодным образом, чем если бы я получил это у моих тамошних друзей. К тому же я бы хотел просмотреть литературу, которой я здесь не получаю. Одним словом, я бы убил одним ударом как минимум трёх мух и к тому же снова приехал бы в Красноярск. Так что подумайте об этом, дорогой Аркадий Яковлевич, это грандиозный план, но, полагаю, Вы знаете, что я забочусь и о том, чтобы не обойти вниманием наш музей. «Доктор» ещё ощущает себя старым музейщиком, пусть и отдел не забывает, что ему он шлёт свои публикации.

Я не знаю, кто из Ваших летом ещё будет на Енисее, когда дойдёт это письмо. Теплоухову в любом случае я напишу на днях в Ленинград. Но куда я должен писать Георгию Петровичу[76]? Для Вас и всех моих знакомых, которых Вы встречаете, я сообщаю, что мой адрес с этого момента: приват-доцент д-р Геро ф. Мергарт, университет, Инсбрук, Австрия. Я также перенял маленький доисторический отдел в тамошнем музее Фердинанда. Это снова доставляет много хлопот, так как коллекция очень велика и в намного меньшем порядке, чем это было в Музее Приенисейского края. Но если я останусь здоровым и сохраню мои глаза еще на несколько лет, тогда я приведу всё в порядок. В следующем семестре я буду читать 2-х-часовое введение в первобытную историю и к тому же ещё читаю практикум. Можно ли сделать так, чтобы Георгий Петрович когда-нибудь был командирован за границу? Здесь он мог бы многому поучиться, ему это необходимо, так как в Сибири его ждут большие задачи. С хорошей школой он когда-нибудь станет дельным человеком. Но если он всё время будет оставаться среди людей с ограниченными взглядами, то в лучшем случае станет славным местным исследователем. В отношении его это было бы жаль.

Мария Васильевна[77] хотела что-нибудь узнать о новых событиях в науке. Сначала ещё раз большое спасибо за «Библиографию»[78], которая была очень желанным посланием. В науке произошло не очень многое. Мы слишком зависим от условий «мира», и деньги редки. Поэтому нужно быть очень скромным и работать в прежних условиях. В страну приходит мало нового. К счастью, во времена старого немецкого рейха было сделано многое для науки и музеев, так что оборудование и фондохранилища велики. Громадный антропологический материал был поднят во время войны в концлагерях. Потребуются годы для проработки. Международные отношения восстановлены лишь частично.

Особенно Франция вследствие очень энергичной пропаганды живет в подлинном психозе и снова пытается держать немецких учёных на расстоянии от конгрессов и прочей совместной работы. Конечно, наука терпит ущерб от таких изоляционистских тенденций, счастье то, что остальной мир не позволяет до конца убедить себя, что немецкие учёные лишь развязные и бессовестные боши, с которыми нельзя общаться. Журналы в основном очень скудно перебивались в годы денежного упадка, но потихоньку снова оживают. Также постепенно появляются и более крупные произведения, так, например, сейчас выходит первый том большого лексикона реалий по доистории[79]. Вы знаете, что Арвед Шульц[80] издал краеведение Сибири? VIII = 212=34 страниц с 17 картами и 36 иллюстрациями. Эберт написал книгу «Южная Россия в древности»[81], но она, мне кажется, поставлена далеко в тень ростовцевскими «Иранцами и греками»[82]. Это сделано серьёзно и блестяще. Очень интересны и многообещающи археологические исследования одного шведа, Андерсона[83], который в качестве геолога жил в Китае и там открыл неолитическую культуру с расписной керамикой и переход к эпохе металла. Оттуда мы получим очень важные сведения. Но Вы видите, что большей частью происходят мелочи. Не могу сообщить о теории относительности Эйнштейна из-за дефицита знаний по этой дисциплине - это, бесспорно, главное событие современности. Удавшееся сейчас получение золота из ртути пока что имеет только лабораторное значение.

Ну и несколько слов обо мне. Моя дорогая жена в декабре пережила тяжелый коллапс сердца и ещё не совсем поправилась. Ей разрешено ходить только по 20 минут в день, чаще всего она вынуждена лежать и нуждается в очень бережном отношении. Так что она уже давно живет у своей матери, а я только иногда посещаю семью. Это очень печально, но по-другому вряд ли возможно, если мы не сможем получить квартиру в Инсбруке. А Ули[84] растёт очень хорошо, крепкий малыш. Но я, конечно, чувствую себя не особенно счастливым при такой жизни на расстоянии, так как после долго плена я бы желал радостей совместной жизни со своей семьёй, а на это нет надежды. В жизни я никогда не был полностью счастлив, но никогда не был и абсолютно несчастен. С этим я должен научиться справляться. Пожалуйста, передайте самые сердечные приветы всем старым музейщикам. Я часто вспоминаю о Красноярске и о той дружбе, которую я там встретил. Это было тяжёлое, но щедрое время, и я его никогда не забуду. И могу только повторить, что навсегда чувствую себя связанным с музеем. Пожалуйста, передавайте множество приветов Вере Ивановне[85] и поблагодарите её за ее приветы.

Все-таки думаю, что мы когда-нибудь увидимся!

А.Я. Тугаринов Г. ф. Мергарту
Красноярск 8.03.1925 г.[86]

Дорогой доктор!

Я очень виноват перед Вами за своё долгое молчание. Получив Ваше письмо от августа прошлого года, я за массою работы не успел вскоре на него ответить, а потом не мог его найти. Только теперь, разбирая бумаги, я вновь его обнаружил. Примиритесь со славянской натурой и призовите на помощь германскую выдержку. Посылаю Вам ещё несколько снимков. К сожалению, у меня нет снимка лодки на Енисее, который Вы просите. Некот[орое] представление даёт снимок Енисея против р. Караульной - это наша экскурсия туда в августе прошлого года[87], вам это может напомнить наше путешествие. Нам трудно сейчас делать хорошие снимки, нет хороших пластинок, а главное бумаги.

Прошлым летом я с музеянами сделал разведку карауленских пещер. Добыл интересную костяную индустрию, аналогов мы её пока в Музее не имели, интересны принадлежности для тканья. Там же собрал большую остеологическую коллекцию - мне важно было установить состав фауны. Материал уже в Ак[адемии] Наук. Летом хочу продолжить эту работу. Был также на Мане, сделал физико-географическое обследование пещер. Наши археологи копали удачно, о чём Вам вероятно писал Георгий Петрович. Будущим летом работы возобновятся. Мы получили сведения о месте работ Савенкова[88] и рукопись об его раскопках. Много интересных деталей. Везде у него конечно «Мустье»[89]. Был у нас Городцов. Он уже что-то написал об Афонтовой горе[90], что он сообщил нам - узнаете из протокола, который посылаю[91]. Я всё больше и больше перестаю соглашаться с ним, он способен вносить в науку совершенно превратные представления. Самым авторитетным специалистом по палеолиту я считаю Ефименко. Мы с ним теперь большие друзья. Знаете ли Вы, что он на Донце летом нашел настоящее Мустье? Слышали ли о находке в Крыму неандертальца[92]? Настоящий. Я думаю, со временем сумею показать, что афонтовский человек хронологически значит[ельно] позднее (как и вся культура) и не синхроничен европ[ейскому] палеолиту. У нас вырабатывается схема послеледниковых событий. Хорошо у нас работает Громов, Ауэрбах больше импонирует.

Старые знакомые вам музеяне все на лицо. Есть 50% шансов за то, что новое здание будет достраиваться[93]. Это обстоятельство помешало м[ежду] пр[очим] мне продолжить этой зимой свои занятия в Академии, хотя в декабре и январе я был в Ленинграде. Кстати, знаете ли Вы о находке Теплоуховым палеолитического слоя в Батенях (не на берегу Енисея)[94]. Он надеется летом его исследовать. Геор[гий] Петро[вич] будет работать у него.

По поводу Вашего запроса о кинематографической экспедиции думаю, что такая программа в одно лето не выполнима. Так как я отвечаю Вам слишком поздно, то вероятно обсуждение плана, по существу, является уже излишним.

Музей сильно посещается, работает много молодёжи. Летом был ремонт, очень чисто, тепло, уютно. Ваша комната превращена в кабинет для чтения и отчасти библиотеку. Персонал работает по кабинетам. Там, где когда-то мы выгребали снег (в большом зале), теперь выставки, тепло. Я бы хотел, чтобы теперь Вы у нас поработали, работать уже возможно. У нас хорошая связь с центрами, получаем литературу. Могу смело сказать: Красноярск деятельнее, чем университетский Томск. А когда построят Музей, это будет большой центр - тогда обязательно Вы должны приехать. Сейчас заканчиваю работу - географические ландшафты Приенисейского края, будет печататься здесь. Летом собираюсь в Канский уезд, в южную [слово неразборчиво - Е.Д.], которую я не знаю.

Привет Вам от всех музеян, от Веры Ивановны. Сообщите о получении этого письма. Будьте здоровы и благополучны, желаю успеха в работе.

Ваш А. Тугаринов.

P.S. Что знаете о Марии Викторовне[95]? Её адрес?

Г. ф. Мергарт А.Я. Тугаринову

Инсбрук, 5.04.1925 г.

Дорогой Аркадий Яковлевич!

Ваше письмо с фотографиями и протоколом я получил. Большое спасибо. Добрый старый Енисей! Я не могу его забыть и всегда живу надеждой, что снова его увижу. В этом году не получится. Питаю слабое подозрение, что Вы дипломатично не могли найти вовремя моё письмо и ответили так поздно, так как запланированная киноэкспедиция чем-то Вам не подходила. Хотя Вы знаете меня, как, вероятно, и то, что я сделал такое предложение не наобум, а подхожу к делу серьёзно, когда что-то начинаю. Но вижу из Вашего ответа, что любой подход к моему плану

избегается, что он Вам не симпатичен. Так что давайте пока оставим его до лучших времен. Полагаю, что всё же немного узнал Вас и, конечно, не сержусь. Но когда-нибудь нужно отыскать способ, который позволит мне ещё раз поработать у вас!!!

Вы полагаете, что фотобумага прибудет, если я пошлю Вам таковую? Я мог бы спокойно послать небольшой пакетик. А пока Вы должны были получить обе мои последние работы по доистории Енисея и Сибири. Чем больше работ я получу оттуда, тем больше я прореферирую. В Европе большой интерес к Вашим работам и меня всегда просят о сообщениях. К сожалению, мне присылают так мало. От Городцова, например, я не получил даже самой маленькой работы.

Да, Городцов!! В приложении Вы получите письмо, которое я сегодня пишу и которое восходит к Вашему протоколу. Я прошу Вас принять его официально, так как соответствующее мнение ведь должен высказать и Ваш Отдел и Вы должны занять определенную позицию в этом вопросе. Правильно ли я все понял? Поняли ли присутствовавшие это так же, как и я? Возможно ли, чтобы в музее, в котором я работал полтора года, какой-то человек, хоть и Городцов, может встать и пусть даже только и намёками обвинить меня в известной махинации. Над чем-то подобным я мог посмеяться, когда Вы меня еще не знали и когда Энрика Павловна считала меня обманщиком. Но теперь я больше не буду молчать. И прошу Вас высказаться о том, правильно ли я всё понял, и почему ни один из тех людей, кто работал со мной, не встал и не заступился за меня, не сказал, что в Музее Приенисейского края никто не принимает меня за лжеца, но мои прежние коллеги отказались, выслушав такой намёк, занять противоположную позицию. Знаете, дорогой Аркадий Яковлевич, когда я прочел этот пассаж в протоколе, тогда почувствовал разницу между мной и Вами. Я полюбил вас и думал, что вы также вспоминаете обо мне хорошо. Но мы оба ошиблись, мы - германцы, а вы - славяне. То есть, разные. У нас немедленно встал бы человек и сказал: «Василий Алексеевич, мы долго работали с Мергартом и уважаем его как честного учёного, который принесёт любую жертву во имя науки. Вы делаете намёк, который затрагивает честь этого человека. Мы должны просить Вас обосновать Ваш намёк или взять его обратно, так как Мергарт - наш коллега, и мы должны хранить честь нашего Общества незапятнанной».

Так сказал бы немец. Но вы промолчали, хотя, как я смею надеяться, никто из вас не принял слова Городцова всерьёз.

И напишите мне, пожалуйста, что это за сомнительный предмет, и если возможно, вышлите мне его фотографию. Это самое малое, чего я могу ожидать, после того, как дело зашло так далеко. Если Городцов мне не ответит, то я соответственно обнародую дело, так как не могу рисковать, что когда-нибудь кем-то оно будет раздуто. Я не могу допустить и тени подозрения на моей чести. История, конечно, абсурдна, это правда, так как кроме Городцова (я сожалею, что должен сказать такую вещь), в голове которого палеолит превратился в неясную путаницу, мимо чего специалисты всего мира пройдут, качая головой, не ввязываясь в это, кроме него, конечно, никто не верит, что имеет смысл фабриковать рисунок, я же никогда не утверждал, что палеолит на Енисее - ориньяк. Это может прочитать любой учёный в моей работе. Только дилетант может усмотреть в этом что-то другое. Я не имею ничего против, что хронологически он позднее или может быть более поздним, чем наш верхний палеолит. Впрочем, Вы и не настаиваете на ахенском колебании, хотя сам Пенк долго от него не отступался[96]. Оно намного меньшего масштаба, чем он раньше думал. И вообще сегодня бесполезно сравнивать сибирские ледники с европейскими. Сначала Вы должны исследовать свой гляциал на месте, а потому проведение параллелей с нашим еще впереди. Но обо всём этом Городцов имеет смутное представление. Тогда ему нужно сначала изучить геологию. В общем, дело крайне глупо. Но это не важно, я должен защищать свою честь и в отношениях с коллегами, которые не поняли моей работы. Такое чувство, будто Гордцов неохотно признает то, что я одним из первых представил мнение о палеолите, хотя до этого он сам ни разу не был на месте. Он уже в Москве оспаривал мой доклад, когда даже Ефименко, которого лично я считаю лучшим специалистом России, ещё говорил о кампиньи[97]. Итак, я уже тогда сказал ему, что он должен ехать туда и сам увидеть Енисей. Сегодня немногие сомневаются в правильности в целом моего толкования. Будущее прояснит это. Но это Вы можете прочитать в моем реферате, который я послал. К тому же должен сказать, что, полагаю, мои русские коллеги должны были высказать больше коллегиальности при этом обсуждении, когда Городцов возводил против меня такое невероятное и бессмысленное обвинение.

Другие Ваши сообщения были очень интересны для меня. Всегда узнаёшь что-то новое о Енисее. И я действительно без зависти радуюсь Вашим успехам в работе. Толкования, мнения, теории можно и нужно критиковать. Позитивные достижения в работе и прогресс в науке нужно признавать без зависти и мелочности, иначе ты не учёный. Таково мое

мнение. И теперь я прошу Вас об ответе и об официальной проработке прилагаемого письма. В этом пункте я не позволю испытывать моё «немецкое терпение», так как речь идёт о моей чести, а она в России и Германии одна и та же.

Множество приветов всем старым музейщикам, Вере Ивановне и Вам. Мария Новодворская в Варшаве, прилежно учится. Она писала несколько раз Вере Ивановне и жалуется, что не может получить ответ. Её адрес я напишу после… [Конец письма отсутствует - Е.Д.].



Лейтенант Геро фон Мергарт. 1910



Геро фон Мергарт. Марбург. 1947

Примечания

1. *За помощь в подготовке статьи сердечно благодарю моих коллег С.В. Кузьминых (Москва, Институт археологии РАН) и А.М. Буровского (Санкт-Петербург, Институт сервиса и экономики).*
2. *АКККМ ф. 1609, оп. 1, д. 366. Отчёт Государственного Музея Приенисейского края за 1927-1928 гг.*
3. *АКККМ ф. 1611, оп. 1, д. 368. Отчёт Государственного Музея Приенисейского края за 1929-1930 гг.*
4. *Тальгрен Арне Михаэль (Tallgren Aarne Michaël) (1885-1945), известный финский археолог, профессор университетов в Тарту и Хельсинки, автор фундаментальных работ по бронзовому и раннему железному векам Северной Евразии.*
5. *Финдайзен Ганс (Findeisen Hans) (1903-1968), немецкий этнолог, религиовед, языковед, исследователь культур аборигенных народов Сибири и Дальнего Востока.*
6. *АКККМ ф. 1609, оп. 1, д. 366. Отчёт Государственного Музея Приенисейского края за 1927-28 гг.*
7. *КККМ о/ф 7886 ПИр 194 Г. Финдайзен «Из поездки к енисейским остякам». Доклад, читанный 8.02.1928 г. в Государственном музее Приенисейского края, г. Красноярск. Впоследствии этот доклад лёг в основу статьи Г. Финдайзена «Из поездки к кэто (енисейским остякам)» (1929).*
8. *АААКК, ф. 1380, оп. 1, д. 11.*
9. *Мергарт Геро, фон Бернегг (Merhart Gero, von Bernegg) (1886-1959), известный европейский учёный, первый штатный профессор первобытной истории Германии, автор публикаций по археологии Сибири.*
10. *АКККМ ф. 1599, оп. 1, д. 356. Отчёт по Красноярскому городскому музею за 1919 г.*
11. *Мергарт в то время находился в лагере для военнопленных в г. Канске, но имел возможность заниматься исследованиями, сотрудничал с местным музеем и совершил ряд разведочных экскурсий в окрестностях Канска.*

12-15. *АМУ, ф. Г. Мергарта // Письмо А.Я. Тугаринова Г. Мергарту от 7.03.1919 г.*

16-17. *Теплоухов Сергей Александрович (1888 - 1934) - археолог, антрополог, орнитолог, с именем которого связана первая классифи-*

кация и периодизация памятников Минусинской котловины от неолита до средневековья из 12 последовательных культурных ступеней.

18. *Описание единицы хранения, редкости или фрагмента текста, либо краткое объяснение причины хранения или возникающих по поводу единицы хранения или редкости вопросов.*
19-20. *АМУ, ф. Г. Мергарта // Письмо А.Я. Тугаринова Г. Мергарту от 2.06.1919 г.*
21. *Красножёнова. См. прим. 49.*
22. *АМУ, ф. Г. Мергарта // Письмо Н.К. Ауэрбаха Г. Мергарту от 1926 г.*
23. *Merhart, 2008. S. 151.*
24. *Макаров, 1989. С. 145.*
25. *Полностью текст письма приведен (Детлова, 2007).*
26. *АМУ, ф. Г. Мергарта // Письмо А.Я. Тугаринова Г. Мергарту от 3.07.1920 г.*
27. *«Красноярский рабочий», № 205 от 12.09.1922 г.*
28. *АКККМ ф. 1607, оп. 0, д. 364. Отчёт Государственного музея Приенисейского края за 1925-26 гг.*
29. *Текст писем полностью приведён (Детлова, 2007).*
30. *Ульрих Мергарт родился 23 мая 1923 г.*
31. *АМУ, ф. Г. Мергарта // Письмо А.Я. Тугаринова Г. Мергарту от 14.06.1923 г.*
32. *Для сравнения: по данным сайта Красноярского краевого краеведческого музея на 22.04.2010 г. нынешний штат музея составляет 147 человек, из них 69 научных сотрудников.*
33-36. *АМУ, ф. Г. Мергарта // Письмо А.Я. Тугаринова Г. Мергарту от 14.06.1923 г.*
37. *Согласно почвенной теории Льва Семёновича Берга (1876-1950), лёсс и лёссовидные породы образуются из разнообразных пород в результате выветривания и почвообразования в условиях сухого климата. В соответствии же с теорией Владимира Афанасьевича Обручева (1863-1956) об эоловом происхождении лёсса, его накопление происходит в результате переноса ветром мелких минеральных частиц.*
38. *АМУ, ф. Г. Мергарта. Письмо А.Я.Тугаринова Г. Мергарту от 14.06.1923 г.*
39. *Там же. Письмо А.Я. Тугаринова Г. Мергарту от 28.05.1924 г.*
40. *Городцов Василий Алексеевич (1860-1945), русский и советский археолог, один из основоположников отечественной археологии, автор фундаментальных трудов и циклов лекций по археологии России.*
41. *Текст письма Тугаринова от 28.05.1924 г. полностью приведён в статье Детлова. (В печати).*
42. *Merhart, 1921-1922.*
43. *РОБХУ, коллекция 230-9. Письмо Г. Мергарта А.М. Тальгрену от 5.09.1923 г.*
44. *Там же. Письмо Г. Мергарта А.М. Тальгрену от 19.09.1925 г.*
45. *Загадкой остаётся то, почему фотографии не были использованы и почему первоначальный вариант мемуаров не был проиллюстрирован. Эта неосуществившаяся при жизни Мергарта идея была реализована в наше время. Группа российских, немецких и австрийских учёных задалась целью переиздать эту книгу, имеющую огромную ценность для истории Сибири. Новое издание, снабжённое комментариями и оформленное иллюстрациями, увидело свет в 2009 году. Хоть и с опозданием на полвека, но желание австрийского археолога было исполнено.*
46. *См. приложение.*
47. *Детлова, Буровский. В печати.*
48. *Ауэрбах Николай Константинович (1892-1930), археолог, историк, педагог, общественный деятель и краевед, автор ряда работ по истории, археологии, педагогике. После отъезда Мергарта, не являясь штатным сотрудником музея, он фактически исполнял обязанности заведующего отделом археологии.*
49. *Красножёнова Мария Васильевна (1871-1942), фольклорист, этнограф, педагог, позже - заведующая историко-бытовым и художественным отделами музея.*
50. *Соболев Александр Николаевич (1888-1930), заведующий геологическим отделом, помощник консерватора, после отъезда А.Я. Тугаринова в Ленинград исполнял обязанности директора музея. 30 марта 1930 г., не выдержав преследований со стороны властей как бывший офицер колчаковской армии, покончил жизнь самоубийством.*
51. *АМУ, ф. Г. Мергарта. Письмо М.В. Красножёновой Г. Мергарту от 1923 г.*
52. *АМУ. Письмо М.В. Красножёновой Г. Мергарту от 8.05.1924 г.*
53. *АМУ, ф. Г. Мергарта. Письмо А.Я. Тугаринова Г. Мергарту от 25.01.1926 г.*

54-55. Речь об одной из работ Тугаринова 1925 г. (Тугаринов, 1925 a, 1925 b).

56. АМУ, ф. Г. Мергарта. Письмо А.Я. Тугаринова Г. Мергарту от 14.06.1923 г.

57. Русское название Тувы в 1914-1921 гг.

58. АМУ, ф. Г. Мергарта. Письмо Г. Мергарта Вернеру Ляймбаху от 17.02.1936 г.

59. Ефименко Петр Петрович (1884-1969), русский и советский археолог, известный специалист в области палеолита, впервые предложил периодизацию памятников палеолита на территории СССР и разработал новую методику исследования палеолитических поселений. Раскопки палеолитических стоянок в селах Костёнки и Боршево Ефименко вел в 1923-1925 гг. и позднее.

60. Среди уникальных находок, сделанных Ефименко в Костёнках, - женская статуэтка из бивня мамонта.

61. Ступень верхнего палеолита (34-22 тыс. лет назад). Ранее распространялась археологами на всю территорию ойкумены, ныне характеризуется как одна из двух основных культурных областей начальной стадии верхнего палеолита для Западной и Центральной Европы.

62. Громов Валериан Иннокентьевич (1896-1978), геолог, палеонтолог, занимался вопросами стратиграфии четвертичных отложений, впервые установил на территории СССР последовательность в смене четвертичной фауны, её значение в стратиграфии и датировке палеолитических стоянок.

63. Merhart, 1923.

64. Обермайер Гуго (Obermaier Hugo) (1877-1946), немецкий археолог, известный исследователь палеолита, один из учителей и коллег Геро Мергарта.

65. С началом Первой мировой войны Обермайер переехал из Германии в Испанию. Проводил раскопки в окрестностях Мадрида, на Иберийском полуострове. С его именем связано появление кафедры первобытной истории в Мадридском университете, а его работы оказали решающее влияние на развитие палеолитоведения Испании.

66. Петри Бернгард Эдуардович (1884-1937), известный российский археолог и этнолог, с 1918 г. возглавлял единственную в Сибири кафедру истории первобытной культуры в Иркутске, давшей Сибири плеяду талантливых исследователей палеоэтнологического направления, организовал планомерное исследование памятников Восточной Сибири, предложил свою культурно-хронологическую схему развития древних культур Сибири от палеолита до начала эпохи металла.

67. Merhart, 1924.

68. О некоторых разногласиях Мергарта и Петри см.(Савельев, 1991).

69. Во время пребывания в Москве, помимо изучения коллекций музеев и встреч со столичными археологами, Мергарт также выступал с докладом, посвященным сибирскому палеолиту, в Обществе друзей Исторического музея и Московском археологическом обществе.

70. «Книжицей о бронзовой культуре» Мергарт называл свою монографию «Бронзовый век на Енисее» (Merhart, 1926).

71. Боровка Григорий Иосифович (1894-1941), археолог, историк скифского и античного искусства. Мнения Боровки и Мергарта разошлись в вопросе об истоках звериного стиля.

72. Полемика, которую на протяжении 1920-х гг. ведут в переписке Мергарт и Тальгрен касается датировки, культурной принадлежности и взаимосвязи фатьяновской, сейминской и галичской культур Средней России. Мергарт придерживается мнения об одновременности Сеймы и Галича, отделяет их от Фатьяново, которое он датирует 2000 г. до н.э. Сейма, по его мнению, соответствует приблизительно 1200 г. до н.э. Тальгрен изначально настаивал на удревнении Сеймы до 2000-1700 гг. до н.э., однако к 1925-1926 гг., под влиянием аргументов Мергарта и погружения в материалы степи и лесостепи Восточной Европы, он изменяет своё первоначальное мнение и соглашается с австрийским коллегой.

73. Видимо, подразумевается празднование 200-летнего юбилея Академии наук СССР в 1925 г., на который было приглашено множество учёных из разных стран. Мергарт в их число, к сожалению, не попал.

74. Мартин Фредерик Роберт (1868-1933), известный шведский учёный-ориенталист. В 1890-91 гг. совершил путешествие по Сибири, результаты которого опубликовал в работе «Sibirica» (Martin, 1897).

75. Миклашевская Генрика Павловна (1871-1930), научный сотрудник Красноярского краеведческого музея с 1915 г. Занималась ботаническими сборами, определяла накопленный ботанический материал. Позже заведовала отделом сельского хозяйства и экономики. Имела определенное влияние в партийных кругах, например, выступала в качестве поручителя в деле А.Н. Соболева.

76. Сосновский Георгий Петрович (1899-1941), крупный исследователь палеолита, бронзового и раннего железного веков Южной и Восточной Сибири, ученик Б.Э. Петри, в 1919-1920 гг. сотрудник Музея Приенисейского края; совместная работа с Мергартом в музее и в поле, безусловно, сыграла важную роль в становлении Сосновского как исследователя.
77. Красножёнова.
78. В 1917 г. Вячеслав Петрович Косованов и другие члены Географического общества начали составление библиографического указателя «Библиография Приенисейского края». В 1923 г. был напечатан один из четырех предполагавшихся томов.
79. Речь идет о Reallexikon der Vorgeschichte, который издавался немецким археологом Максом Эбертом в 1924-1932 гг. Всего вышло 15 томов издания. Это энциклопедический словарь по археологии и древней истории, охватывающий хронологически все эпохи, территориально - все страны мира, включая и Россию. Среди авторов статей - известные европейские археологи, в том числе и Геро ф. Мергарт.
80. Schultz, 1923.
81. Ebert, 1921.
82. Ростовцев, 1918.
83. В 1921 г. шведский археолог Ю.Г. Андерсон открыл вблизи деревни Яншао в Китае остатки культуры эпохи неолита.
84. Сокращенное от «Ульрих».
85. Супруга А.Я. Тугаринова.
86. Стиль оригинала, орфография, пунктуация сохранены.
87. «В сентябре 1924 года под руководством директора музея А.Я. Тугаринова проведены раскопки одной из пещер у р. Караульной. В результате работ была получена интересная коллекция предметов железного века» (Макаров, 1989. С. 148).
88. Савенков Иван Тимофеевич (1846-1914), педагог, учёный, общественный деятель, археолог. Первооткрыватель палеолита Афонтовой горы (1884).
89. Эпоха нижнего палеолита (120-100 тыс. - 40 тыс. лет назад).
90. Первая по времени открытия палеолитическая стоянка в Сибири расположена на левом берегу Енисея у г. Красноярска. Первые открытия грубых каменных и костяных орудий вместе с костями мамонта, северного оленя, дикого быка и других вымерших

животных были сделаны И.Т. Савенковым (1884). В 1919-1920 гг. исследования Афонтовой горы вёл Г. Мергарт, в 1923-1925 гг. масштабные раскопки стоянки организуют Н.К. Ауэрбах, В.И. Громов и Г.П. Сосновский, в результате было обнаружено несколько культурных горизонтов, собраны около 2000 каменных и костяных орудий и украшений, а также остатки костей и зуб палеолитического человека - первая находка в Северной Азии.
91. АМУ, ф. Г. Мергарта. Протокол совместного заседания Красноярского подотдела Русского географического общества и коллегии Музея Приенисейского края от 31.08.1924 г. Критические замечания Городцова в адрес Мергарта, зафиксированные в протоколе, спровоцировали их конфликт.
92. Известный советский антрополог и археолог Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский (1890-1943) в 1924 г. в гроте Киик-Коба впервые в СССР обнаружил остатки неандертальца.
93. Здание музея было достроено в 1929 г.
94. Систематические раскопки 1920-1929 гг. С.А. Теплоухова близ с. Батени (Хакасия) позволили ему создать известную классификацию археологических культур юга Сибири.
95. Новодворская Мария Викторовна (1896-?), сотрудница-практикантка по археологии в 1920-1921 гг., ассистентка Г. Мергарта. Позже оставила Красноярск, переехала в Варшаву, где продолжила изучать археологию.
96. Известные немецкие геоморфологи Альбрехт Пенк (1858-1945) и Эдуард Брюкнер (1862-1927) разработали и опубликовали в своем труде «Альпы в ледниковый период» (Penck , Bruckner, 1901-1909) концепцию древнего оледенения, предложив деление ледникового периода на 4 ледниковые и 3 межледниковые эпохи. Ахенское колебание было отнесено к 3-ей межледниковой эпохе, предшествовавшей послеледниковому периоду.
97. Кампиньи - культура раннего неолита во Франции (6-4 тыс. до н.э.)

Литература

1. *Детлова Е.В. Письма Геро Мергарта в Красноярский музей // Енисейская провинция: Альманах. Вып. 3. Красноярск: РИО КГПУ, 2007. С. 76-87.*
2. *Детлова Е.В., Буровский А.М. Конфликт профессиональных культур (к истории взаимоотношений В.А. Городцова и Геро Мергарта). В печати.*
3. *Детлова Е.В. «Я часто вспоминаю о Красноярске и о дружбе, которую я там встретил..» (По страницам писем и мемуаров Геро фон Мергарта). В печати.*
4. *Макаров Н.П. К истории изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижничества. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1989. С. 131-189.*
5. *Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России. Петроград, 1918.*
6. *Савельев Н.А. Вклад Б.Э. Петри в изучение сибирского неолита // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1991. С. 75-93.*
7. *Тугаринов А.Я. К послетретичной истории ландшафтов Сибири // Доклады АН СССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. С. 22-25.*
8. *Тугаринов А.Я. Зоогеографические участки Приенисейской Сибири // Доклады АН СССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. С. 115-118.*
9. *Тугаринов А.Я. Географические ландшафты Приенисейского края. Красноярск: Изд-во Енис. губ. зем.упр., 1925.*
10. *Тугаринов А.Я. Последние комлажи // Северная Азия. М., 1926. С. 75-88.*
11. *Тугаринов А.Я. Туземцы Приенисейского Севера. Красноярск: Бюро краеведения при Красноярском подотделе Русского географического общества. № 16. 1927. С. 1-15.*
12. *Финдейзен Г. Из поездки к кэто (енисейским остякам) // Северная Азия №2. М.,1929. С. 126-131.*
13. *Яворский А.Л., Макаров Н.П. Двадцать лет во главе музея // Век подвижничества. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1989. С. 24-42.*
15. *Ebert M. Südrussland im Altertum. Bonn: Schroeder, 1921.*
16. *Findeisen H. Tugarinow A.Ja. Die Eingeborenen des nördlichen Jenisseilandes // Ethnologischer Anzeiger. Stuttgart, 1928. S. 198-200*

17. *Hoernes M. Kultur der Urzeit. B.II Bronzezeit. - Leipzig: G.J. Göschen, 1912.*
18. *Leimbach W. Landeskunde von Tuwa: das Gebiet des Jenissei-Oberlaufes - Hannover, Gotha: Perthes, 1936.*
19. *Martin F.R. Sibirica. Stockholm, 1897.*
20. *Merhart G. Gräber mit bemalter Keramik aus Beilngries (Oberpfalz) // Beiträge zur Anthropologie und Urgeschichte Bayerns - München, 1912. S. 37-55.*
21. *Merhart G. Erinnerungen an Räterußland // Münchner Neueste Nachrichten. 24/25.12. 1921; 31/12.1921; 21/22/1.1922.*
22. *Merhart G. The palaeolithic period in Sibiria: Contributions to the prehistory of the Jenissei region // American Anthropologist, vol. 25:1 - USA, 1923. Pp. 23-55.*
23. *Merhart G. Neuere Literatur über die Steinzeit Sibiriens // Wiener Prähistorische Zeitschrift, B. 11. - Wien: Wiener Prähistorische Gesellschaft, 1924. S. 139-148.*
24. *Merhart G. Bronzezeit am Jenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. Wien: Verlag von Anton Schroll, 1926.*
25. *Merhart G. Daljoko: Bilder aus sibirischen Arbeitstagen (hrsg. von H.Parzinger). - Wien-Köln-Weimar: Böhlau Verlag GmbH und Co. KG, 2008*
26. *Penck A., Bruckner E. Die Alpen im Eiszeitalter, Bd. I-III. Leipzig, 1901-1909.*
27. *Reallexikon der Vorgeschichte (hrsg. von Max Ebert), B.I - XV - Berlin: Walter Gruyter & Co, 1924-1932.*
28. *Schultz A. Sibirien. Eine Landeskunde. - Breslau, 1923.*

Сокращения

1. *АААКК - Архивное агентство администрации Красноярского края.*
2. *АКККМ - Архив Красноярского краевого краеведческого музея.*
3. *АМУ - Архив Марбургского университета.*
4. *РАН - Российская академия наук.*
5. *РОБХУ - Рукописный отдел библиотеки Хельсинкского университета.*

Т.А. Громова

Письма А.Я. Тугаринова к С.А. Бутурлину в фондах Ульяновского краеведческого музея

В фондах Ульяновского областного краеведческого музея коллекций хранятся 24 письма известного в стране в первой половине XX века учёного ботаника, орнитолога, зоогеографа, путешественника, заведующего музеем Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела РГО (ныне Красноярский краевой краеведческий музей) *Аркадия Яковлевича Тугаринова* (1880-1948). Письма адресованы его коллеге, учёному-орнитологу с мировым именем, автору 5-томного «Полного определителя птиц СССР» (последние в соавторстве с Г.П. Дементьевым), охотоведу, знатоку охотничьего оружия, исследователю Русского Севера, одному из основоположников природоохранного дела в СССР *Сергею Александровичу Бутурлину* (1872-1938).

Переписка двух учёных охватывает период с октября 1907 года по ноябрь 1915 года. Её пик приходится на время их совместной работы над «Материалами по птицам Енисейской губернии», которая вышла из печати в 1911 году.

Из 24 писем, присланных А.Я. Тугариновым С.А. Бутурлину 14 писем написаны на почтовых открытках, остальные укладываются в один рукописный лист тетрадного формата, и лишь письмо от 30 сентября 1910 года - объёмом в 4 тетрадных листа. Последнее из датированных писем имеет бланковую печать Красноярского музея - подотдела ИРГО. Одно письмо не имеет датировки. Почти все письма написаны из Красноярска. Два письма из Петербурга (январь 1907 г.) и одно письмо от 15 июля 1914 года написано из Самары. По годам количество писем располагается следующим образом: 1907 г. - 2 письма, 1908 - 6, 1909 - 4, 1910 - 7, 1911 - 2, 1914 - 1, 1915 - 1, недатированных - 1.

Несколько слов о том, как оказались эти письма (наряду со многими документами из архива С.А. Бутурлина) в Ульяновском краеведческом музее. Известно, что С.А. Бутурлин по рождению принадлежал к старинной дворянской фамилии. В нескольких губерниях страны, включая и Симбирскую губернию, его семье принадлежали родовые вотчины. С 1883 по 1890 годы С.А. Бутурлин жил с родителями в Симбирске, учился в мужской классической гимназии, летние каникулы проводил в родовом имении отца в селе Белый Ключ Карсунского уезда Симбирской губернии, где самозабвенно занимался под руководством отца охотой и изучением птиц бассейна реки Суры в её среднем течении. С 1890 по 1894 годы он проходил курс наук в Императорском Училище Правоведения в Петербурге, там же был определён младшим кандидатом на судебные должности при окружном суде. В 1897 году он получил место мирового судьи в г. Везенберг (ныне г. Раквере, Эстония), которое занимал до 1918 года. Скромная должность вполне устраивала С.А. Бутурлина, поскольку она позволяла совершать частые поездки, связанные с его научной деятельностью по орнитологии. С 1900 по 1918 годы С.А. Бутурлин совершил 3 продолжительные экспедиции (о. Колгуев и о. Новая Земля, 1900, 1902; Колымский край, 1905; Кулундинская степь, 1909) по сбору орнитологического материала и научных данных для своих работ по птицам, главной из которых считал подготовку «Определителя птиц Российской империи». В 1916 году, когда германская армия вплотную подошла к Везенбергу, С.А. Бутурлин, спасая свой научный архив, упаковал его в ящики и переправил подальше от фронта в Симбирскую губернию под надзор своих соседей по имению дворян Кротковых. В годы Гражданской войны архив С.А. Бутурлина (рукописи, научная и семейная переписка, фотографии, книги) был экспроприирован и через Губернский отдел народного образования в 1918 году передан в Симбирский народный музей (ныне Ульяновский краеведческий музей), где находится по настоящее время и насчитывает 6,5 тысяч единиц хранения[1]. Письма А.Я. Тугаринова занимают определённое место среди научной переписки С.А. Бутурлина, включающей около 2 тысяч писем от разных лиц.

Письмо от 7 ноября 1907 г.,
Красноярск. УКМ. БФ. Оп. 23. № 26910/1

Многоуважаемый Сергей Александрович!

Спешу поделиться с Вами в высшей степени интересным наблюдением. В 20-х числах апреля под Красноярском было добыто 3 экземпляра ***Cholnicopterus roseus*** (розовый фламинго), а примерно в те же числа - 2 под Минусинском. Два красноярских экземпляра попали ко мне в музей, оба минусинские - в Минусинский музей. Обе имеющиеся у меня птицы ещё не вполне взрослые, минусинские же типично белорозового окраса тела и голых частей. Я послал заметку об этом случае в «Охотничий вестник», но вместе с тем сообщаю и Вам, быть может, Вы найдёте интересным этот факт для заграничной печати[2]. Не так давно писал Вам пространное письмо и теперь надеюсь получить от Вас ответ.

Искренне уважающий Вас, А.Тугаринов.

Письмо от 20 декабря 1907 г.,
Красноярск. УКМ. БФ. Оп. 23. № 26910/2

Многоуважаемый Сергей Александрович!

На днях получил Ваше любезное письмо и говорю Вам искреннее спасибо. По всем данным я вырвусь в Россию перед Рождеством, а в Петербурге надеюсь быть в первых числах января. Конечно, мне со своей стороны очень и очень жаль, что не удастся увидеться в Петербурге, но есть шанс, что я приеду в Везенберг, должно быть, сделаю это перед Петербургом. Я боюсь, что кое-кто из публики, которую желательно будет там увидеть, разъедется на праздники, а потому провести день-другой у Вас будет вполне целесообразно и продуктивно. Ввиду этого я буду просить Вас сообщить, могли ли бы Вы уделить время для наших свиданий примерно 5-6 января, а затем, что бы Вам интересно было просмотреть из моих сборов? Спрашиваю потому, чтобы знать заранее, что мне везти с собой, быть может, я прислал бы кое-что и даже почтой. Далее я хотел Вам предложить, что если Вас интересуют какие-либо отдельные роды или виды птиц из Сибири, то я с полной готовностью предоставлю Вам материалы моего Музея, а если Вы скажете это теперь, то я и сам бы их и привёз. Всего у нас в Музее до 1500 шкурок, материал только местный.

На Ваши вопросы о ***Tringa subarquata*** (кулик-краснозобик) и ***Branta ruficollis*** (краснозобая казарка), увы, должен ответить отрицательно. Краснозобика я ни разу даже не встретил, относительно же ***Branta ruficollis*** имею лишь точные сведения об её пребывании под Гольгирий и в так называемой Луковой протоке - 69º48´с.ш. Нужно заметить, что я в тундру попал, к сожалению, довольно поздно, 1 июля, и большинство птиц в это время уже вывело, хотя, например, в Луковой я во второй трети июля ещё находил гнёзда ***Charadrius fulvus*** (азиатская бурокрылая ржанка) и ***Har. glacialis*** (?). Но, например, гусиные гнёзда были уже пусты. Что касается ***Phylloscopus tristis*** (сибирская теньковка), то я с уверенностью могу сказать, что она доходит примерно до 71º, то есть до границы кустарных зарослей в 1м высоты. ***Phylloscopus trochilus*** (у Бутурлина сибирская пеночка-кузнечик, в наст. время пеночка-весничка) под 69º, то же (? не разборчиво - прим.авт.) даже многочисленней предыдущей. Оговариваюсь, что речь идёт непосредственно о долине Енисея и прибрежных овражных зарослях. Однако, я надеюсь, что ещё успеем переговорить обо всём при личном свидании.

Ещё раз благодарю за предложение и остаюсь в ожидании Вашего ответа. Искренне уважающий, А. Тугаринов.

Открытое письмо от 9 января 1908 года,
Петербург. УКМ. БФ. Оп. 23. № 26910/3

Многоуважаемый Сергей Александрович!

К сожалению, обстоятельства сложились таким образом, что я не мог приехать к Вам в условленный ранее срок: как всегда в Петербурге легко разрушаются предварительные расчёты на месте. Тем не менее, 11, самое позднее 12, я выеду в Везенберг. Поэтому пока до свидания, если что понадобится написать - мой адрес: Зоологический музей Академии. Искренне преданный, А.Тугаринов.

Открытое письмо от 14 января 1908 г.,
Петербург. УКМ. БФ. Оп. 23. № 26910/4

Глубокоуважаемый Сергей Александрович!

Бианки[3] дроздов просмотрел и нашёл, что все 3 экземпляра несомненно ***Turdus fuscatus*** (?)!! Моё указание на чёрный цвет и пегую руль ***Turdus atrigularis*** (чернозобый дрозд) - окончательно отверг. ***Anthus*** (коньки) определять отказался, по-видимому, молодой ***cervinus*** (краснозобый конёк).

посвящается...

Если имеете что написать, то до 21 я в Петербурге, адрес на Геологический музей Академии Наук. Ваш А. Тугаринов.

P.S. Не откажетесь ли написать Вашему препаратору и узнать его принципиальное мнение о поездке на Таз[4].

Открытое письмо от 15 октября 1908 г.,
Красноярск. УКМ. БФ. Оп. 23. № 26910/5

Многоуважаемый Сергей Александрович!

Сегодня по просьбе Ивана Александровича[5] посылаю на имя ИРГО первую посылку со шкурками Ваших птиц для дальнейшей пересылки Вам. Письмо получил, на днях пишу ещё. Всего лучшего. Ваш А. Тугаринов.

P.S. Посылаю свой «Отчёт».

Открытое письмо от 28 октября 1908 г.,
Красноярск. УКМ. БФ. Оп. 23. № 26910/6

Многоуважаемый Сергей Александрович!

Сегодня посылаю третью и последнюю посылку с Вашими птицами. На бланке каждый раз излагал просьбу препроводить посылки Вам. Завтра-послезавтра посылаю Вам большое письмо и посылку с птицами от себя для обмена. ***Pyrrhula cineracea*** (восточный сибирский снегирь) сейчас, к сожалению, не имею. Что же касается Цельмина, то вероятно, он уже побывал у Вас, а в настоящее время находится на попечении своей супруги. Иван Александрович (Шульга - прим.авт.) давно послал Вам письмо, удивлён, что Вы всё ещё его не получили. Я постепенно начинаю освобождаться от работы и надеюсь скоро приняться поближе. Пока до свидания. Ваш А. Тугаринов.

Открытое письмо от 24 декабря 1908 г.,
Красноярск. УКМ. БФ. Оп. 23. № 26910/7

Многоуважаемый Сергей Александрович!

В посланную вчера посылку я ещё положил ***Sernium lapponicus*** (подорожник), ***Fuligula nigra*** (? хохлатая чернеть) и ***Falco vespertinus*** (кобчик). Это тоже Вам для обмена. Жду Ваших писем.

Ваш А. Тугаринов

Анализ писем А.Я. Тугаринова к С.А. Бутурлину
из фондов Ульяновского краеведческого музея

Открытое письмо от 3 февраля 1908 г.,
Красноярск. УКМ. БФ. Оп.23. № 26910/8

Многоуважаемый Сергей Александрович!

Птиц получил, очень благодарен. Мой препаратор готов препарировать сборы Кенгиса[6], которые просит выслать и по возможности теперь же, так как вместе с наступлением теплого времени начнётся работа, главным образом работа по добыче материала, а летом он поедет со мной. В недалёком будущем, вероятно, вышлю Вам наших дроздов, всего коллекция около 100 экземпляров. Одновременно, вероятно, пришлю Вам и следующую порцию на осмотр. Очень благодарен за оттиски. На днях констатировал под Красноярском ***Leucosticte bruneinucha*** (курильский вьюрок) для нашего края ещё в литературе, кажется, не называвшегося. Не найдётся ли у Вас дублетов этого и близких видов? Ваш А. Тугаринов.

Приписка сверху: «Как Вы определили присланных Вам оляпок? Пожалуйста сообщите, были ли определения, с которыми вы не согласны?».

Открытое письмо 10 марта 1909 г.,
Красноярск. УКМ. БФ. Оп.23. № 26910/9

Многоуважаемый Сергей Александрович!

Посылку получил, но письма до сих пор нет. Вы ли задержались или оно пропало? Птицы начнут работаться немедленно. Сообщите, пожалуйста, думаете ли Вы включать эти сборы в нашу работу или нет. Получили ли дроздов и оляпок? Жду с нетерпеньем ответ. Ваш А. Тугаринов.

Открытое письмо 13 марта 1909 г.,
Красноярск. УКМ. БФ. Оп.23. № 26910/10

Многоуважаемый Сергей Александрович!

Теперь окончательно выяснилось, что одно из Ваших писем пропало, именно при первой посылке с птицами. Так как Вы прислали и сделанных птиц, то я заключаю, что Вы их прислали мне для включения в нашу работу. Напишите, на каких условиях, Вы их сдаёте в работу, зачем прислали гуменника с Новой Земли, тоже для чучеления? Имейте в виду, что он побит под крыльями молью. Я обработал до камышевок.

Сообщите, какие у меня неправильности в технике рукописи и пр. Пришлите, пожалуйста, лист-другой мне для знакомства, какой вид принимает рукопись после Вашей руки. Привет Вере Владимировне[7]. Ваш А. Тугаринов.

Письмо от 26 июля 1909 г., с. Назаровское, Ачинский уезд, Енисейской губернии. - УКМ. БФ. Оп.23. № 26910/11

Многоуважаемый Сергей Александрович!

Мои дальние странствия этого года приходят к концу, через несколько дней буду уже в Красноярске. Следовательно, по получению этого письма Вы уже можете писать мне по прежнему адресу. Пользуясь свободной минутой, хочу поделиться с Вами некоторыми результатами экскурсии. В Минусинском уезде в южной степной его части я нашёл ряд видов свойственных отчасти Западной Сибири, отчасти Восточной. Так очень многочисленны ***Totanus calidris*** (кулик-травник) гнездуют, обе ***Tadorna*** (пеганка), Oedemia fusca (турпан), шилоклювка, ***Otocorys Brandti*** (казахстанский рогатый жаворонок), ***Charadrius cautianus*** (вид зуйка) - гнёзда, ***Otis*** (дрофа) - не знаю ещё какая форма, очень многочисленны ***Lusciniola schwarz*** (тонкоклювая камышевка) по речкам, особенно у Енисея. На реке Чёрный Нос найден ***Tringa subminuta*** (длиннопалый песочник), в Абаканской степи - ***Tringa platyrincha*** (грязовик). Оба последних вида, правда, из стаек, хотя и июнь месяц. По Чулыму я сплыл более 400 вёрст и на этом протяжении река идёт то в степь, то в тайгу, а отсюда и разнообразие фауны. Если сегодня Вы стреляете ***Uragus sibiricus*** (урагус, долгохвостая чечевица), ***Pyrrhula vulgaris*** (снегирь обыкновенный), ***Locustella fasciolata*** (таёжный сверчок), ***Larvivora cyane*** (синий соловей) и т.д., то завтра находите ***Anthus richardi*** (степной конёк), ***Perdix barbata*** (бородатая куропатка), ***Nimenius phaeopus*** (средний кроншнеп), которых очень много, ***Grus vipio*** (красавка) и т.д. Нашёл ***Limosa*** (веретеник), но нет (не разборч. латынь), хотя и очень его искал.

Вообще, я очень доволен поездкой, выяснились некоторые границы и районы обитания незнакомых мне ранее птиц.

Очень интересно, как прошла Ваша поездка, что у Вас нового и интересного? Вы теперь уже получили и моё письмо из Минусинска и две посылки с птицами и рукописью. Буду ждать от Вас уведомления об их прибытии, а также и вообще о состоянии дел с нашей работой. Я как приеду, тотчас же примусь за продолжение её. Так как я надеюсь, что

наш обмен шкурками продолжится и в этом году, то пишите теперь же, что Вам нужно будет с юга и вообще, не худо было бы, если бы Вы возобновили Ваши (не разборч.). Кое-что от меня у Вас теперь уже есть, и я затрудняюсь, что посылать, нужны ли ещё дублеты от птиц ранее присланных. Лучше сделайте это теперь, так как, быть может, нужное Вам разойдётся. Всё что найдётся, пошлю. Пока всего лучшего. Мой привет Вере Владимировне. Ваш А.Тугаринов.

Письмо от 7 августа 1909 года, Красноярск. УКМ. БФ. Оп. 23. № 26910/12

Многоуважаемый Сергей Александрович!

Обращаюсь к Вам с покорной просьбой пояснить одно мне недоумение. Дело же вот в чём. Перед отъездом ещё в экскурсию из Енисейского музея я получил, между прочим, с другими шкурками чучело незнакомого мне улита. Справившись с определителем, я готов был признать его за ***Totanus incanus*** (американский пепельный улит), основываясь на указаниях Ваших в «Синоптических таблицах»[8] - плюсна сзади сетчатая. Согласно вашим таблицам именно только у этого вида плюсна сетчатая, а этот признак на моём экземпляре прекрасно выражен. Но тут же сказано «передний край ноздрей отстоит… на 2/3 длины culm». Очевидно, это не точная редакция и речь идёт о бороздке, в которой находятся ноздри. Но дело не в этом, но даже и эта бороздка доходит только до половины длины клюва, т.е. признак ***Totanus incanus brevipes*** (сибирский (азиатский) пепельный улит). Я забыл сказать, что экземпляр этот убит под Енисейском (точной даты нет). Другие признаки в виде сплошь тёмных подмышечных, маховые без белого цвета - на лице. На всякий случай даю описание птицы: голова, задняя сторона шеи, спина, плечевые, кроющие крыла и мелкие из верхних кроющих хвоста однообразно серые. Самое длинное из верхних кроющих хвоста с 2-3 поперечными белыми полосками на концах и белыми кончиками. Рулевые однообразно светло-серые; маховые тёмно-серые с буроватым оттенком, стержень 1 мохового белый, остальные маховые светло-роговые. Подмышечные однообразно светло-серые с узкими беловатыми кончиками, нижние кроющие крыла серые с белыми каймами. Уздечка буровато-серая, над глазом ото лба до затылка - сливаясь с опереньем боков шеи - белая полоса. Подбородок и верхняя часть горла чисто белые; щёки, бока шеи, грудь и бока белые, испещрённые узкими попе-

речными серыми полосками, более широкими на боках тела и мелкими на зобе. Середина брюха и нижние кроющие хвоста белые, некоторые из последних с узкими предвершинными серыми полосками. Клюв (от углов рта) 40 mm, крыло 160 mm, хвост 68 mm, пл.34 mm, средний палец с когтем 31 mm, задний палец 8 mm. Длина клюва по коньку 39 mm, длина носовой борозды 20 mm. Оперенье сильно поношенное. Итак, какая же это будет птица?

Давно я собираюсь спросить Вас о предполагающейся, если не ошибаюсь, в Вене международной охотничьей выставке. Насколько серьёзно она организована и стоит ли, например, принять на ней участие хотя бы нашему музею, выставив коллекцию местных охотничьих птиц? За сообщение этих подробностей буду очень признателен. Быть может, у Вас есть проспекты?

У меня есть теперь дублеты ***Lusciniola schwarz*** (тонкоклювая камышевка?) и при первой посылке Вам птиц могу Вам их прислать. С нетерпением жду от Вас писем. Мой привет Вере Владимировне. Ваш А. Тугаринов.

P.S. Будите ли на съезде в Москве?

Письмо от 30 сентября 1910 года,
Красноярск. УКМ. БФ. Оп. 23. № 26910/13

Многоуважаемый Сергей Александрович!

Только что получил Ваше письмо и пользуюсь свободным часом, чтобы ответить. Вы очень меня порадовали, сообщив, что я, в общем, не слишком далёк был от истины, разбираясь с такими путанными группами, как ***Motacilla*** (трясогузки), ***Anthus*** (коньки) или чечётки. Сознаюсь, что иногда у меня прямо руки опускаются в беспомощности. Литература - Hartert[9] и Точановский[10], сравнительных материалов - около десятка птиц. И значит, время, потраченное на эти попытки разобраться, не прошли даром. По поводу материалов не присылавшихся, скажу, что (латынь не разборч.) Вы не просили послать, почему и не послал их. Что же касается чечёток - это 2 или 3 экземпляра чучел Енисейского музея. Из Ваших слов я заключаю, что Вы как бы предполагаете, что измерения птиц будут напечатаны особо, в виде, например, приложения. Тут маленькое недоразумение. Я был уверен, что мы решили выкинуть массовые измерения, оставив их только в необходимых случаях. В противном случае нужно ли было бы выкраивать их из текста,

раз место позволяло бы напечатать и их. И поэтому, просматривая уже присланную Вами часть рукописи и видя там измерения, я думал, что это сделано Вами не в целях приведения и Ваших измерений, а ради необходимости дать их там, где они необходимы. Предлагая печатать нашу работу здесь, я предвидел не помещение измерительных таблиц. Во-первых, это заметно увеличит число печатных листов и ещё более удорожит издание, т.к. за сплошной набор цифр типография возьмёт значительно дороже. После того как нам пришлось отказаться от помещения всех измерений, я перестал делать при описании сплошной промер, видя, к тому же, что Вы снова их перемериваете.

Во время наших личных перемеров, Вы сообщили, что таких птиц как галку, ворон, воронов, грачей, стрижей, желну, вертишейку, ***Nyctea*** (белая сова), ***Asio otus*** (ушастая сова), ***Strix funerea*** (обыкновенный мохноногий сыч), чеглока (кроме означен.), кобчика, пустельгу, дербника и скопу Вам присылать не нужно. Остаётесь ли Вы при этом мнении и теперь или же что-нибудь из этих птиц Вам теперь необходимо? Теперь насчёт печатанья. В присланной Вам общей части есть предполагавшийся мною порядок работ, и Вы увидите, как я его себе представлял. Теперь положение меняется, и я скажу, как я его представляю. Под «представляю» я разумею только небольшое описание, скорее историю появления нашей работы, то есть обзор материалов, их происхождение, цели и задачи работы, пожалуй, маршруты, хотя их лучше отнести и к географическому очерку. По моему предположению это и идёт за погинацией (нумерация страниц - прим. автора) I, II, III и т.д., а, в общем, вероятно, максимум ½ листа. Затем идёт специальная часть. И уже после того, как пояснения к ней, географический очерк, список видов с характеристикой их пребывания у нас, обзор орнитологического изучения долины Енисея и т.д. Список литературы и указатель географических пунктов - в примечаниях. И всё это за текущей погинацией после систематической части. И не будет ли неудобно общую, сравнительно значительную часть, вероятно не менее 80-100 страниц, помещать за погинацией I, II, III..., когда будут пестрить страницы вроде XXXVIII и т.д., непривычные для глаза. Позволяю себе высказать своё соображение, но отнюдь не собираюсь на них упорствовать. Я слишком глубоко ценю Вашу многолетнюю научную и литературную деятельность и опытность и готов подчиниться Вашему решению. Поэтому, чтобы покончить с этим вопросом, напишите Ваше окончательное мнение, знать которое мне, ведя корректуру весьма желательно, об

этих деталях меня просили сообщить и в типографии. Когда буду читать первый лист, пришлю Вам его оттиск.

Не могу не мотивировать предложенные мною названия. Не в угоду скромности, а главным образом, по существу дела я предложил «Материалы». Ведь о некоторых видах, как например ***Strix*** …(неясыть), ***Ciconia nigra*** (чёрный аист), ***Glaucidium passerinum*** (воробьиный сыч) и немало других за отсутствием данных приходится о биологии не говорить ни слова. Полного биологического очерка удалось дать по отношению к сравнительно очень немногим видам. В то же время мы говорим не только о «Среднем» и «Нижнем Енисее», но и о пунктах, удалённых от него на сотни вёрст (Ваша <не разб.> коллекция). И говорим не только как о сравнительном материале оттуда, но некоторые виды приводим лишь на основании тамошних находок, на Енисее только предполагаемых (напр., ***Phylloscopus*** <латынь не разб.> - пеночка…). Поэтому я не включал в название понятия о собственно Енисее, а говорил о бассейне его, боясь, что будущая критика учтёт это обстоятельство, да и по существу оно так. Но в тоже время я вполне с Вами согласен «птицы» и «орнитология» обстоятельства весьма существенные и если первое понятно, то второе - жупел. Быть может «Енисей» совсем выкинуть из заглавия. Мне кажется «бассейн Среднего Енисея» звучит не привычно, да к тому же, если, например, Ангара впадает в среднюю часть течения, начинается оно далеко на юге. Поэтому, быть может, проще будет сказать «Птицы Центральной и Северной части Енисейской губернии». Немножечко длинно, зато обнимает именно наш район и не связывает только с Енисеем. Буду и на сей предмет ждать Вашего окончательного решения.

О том, как дошла посылка, я Вам уже писал. О ***Tetrax volgensis*** (волжский глухарь) письмо получил - спасибо. Лоудону[11] Вы, кажется, действительно забыли послать. Не будете ли добры прислать мне одну из Ваших коробок для птиц. Я попытаюсь заказать их здесь, но если будет дороже, то попрошу Вас заказать их для меня в Везенберге.

Говоря в работе о кречете, я сидел и так ничего не высидел, не мог прийти к окончательному решению, что мой экземпляр ***islandicus*** (сибирский кречет) или ***gyrfalcon*** (***Falco gyrfalcon*** - лапландский, или норвежский кречет), нет ни экземпляра, для сравнения ни описания кроме мензбировского[12]. Трудно так работать в глуши!

Уже сейчас могу сказать, что летом никуда не поеду. Придётся торчать в Омске на выставке, где наш музей будет выставляться. Досадно

мне это очень. Наша работа будет помещена в томе, посвящённом памяти Палласа по случаю столетия его смерти (1911 год). Будет фигурировать и в научном отделе выставки в качестве наших изданий. Вот, между прочим, мотив возможно скорого её окончания.

Пока всего хорошего. Привет Вере Владимировне. Ваш А. Тугаринов.

Открытое письмо от 11 октября 1910 года Красноярск. УКМ. БФ. Оп. 23. № 26910/14

Многоуважаемый Сергей Александрович!

Адрес Шульги - Саратов, почвенная лаборатория Губернского земства. Он сейчас ведёт почвенные исследования в Пензенской губернии, кроме того, по поручению переселенческого управления в Туркестане, где, кажется, находится в данный момент. Не имею от него ни строчки, но адрес точен. Рукопись получил. Не понимаю, как случилось, что у Вас не оказалось моих чечёток, я послал решительно всё, что было. Ручаюсь, что усылал, не залежались ли у Вас где-нибудь? Чечёток переделаю по Вашим указаниям. Жду ответа насчёт таблицы измерений. Ваш А. Тугаринов.

Письмо (не датировано, предположительно конец 1910 - начало 1911 гг.). УКМ. БФ. Оп.23. № 26910/24

Многоуважаемый Сергей Александрович!

Посылку и письмо получил. По поводу первой меня берёт сомнение, не пострадала ли она в дороге. Хотя она и была получена забитой, но из верхних рядов при проверке не хватает нескольких штук. Впрочем, может быть, Вы их почему-либо пока не послали? Не хватает следующих: 2 оляпок ***baicalensis*** (Cinclus cinclus baicalensis Dresse, синоним ***Cinclus c. bianchii Sushk.***- белобрюхая обыкновенная оляпка) из моей коллекции от 14.12.1908 и 11.01.1909, одной ***C. bianchii*** от 21.11.1908, самки.

Из 25 ***Saxicola oenanthe Lönnberg*** (S.oenanthe Lönnberg европейско-азиатская каменка) получено 8. Нет 4 (из 7) ***Cyanecula s. pallidogul.*** (светлогорлая варакушка) и столько же ***C. svecica typ*** (варакушка), нет так же ***C. s. robusta***. (якутская варакушка); нет самца от 19.05.1908 г. ***Calliope*** (соловей-красношейка), обоих корольков, ***Acroceph. dumet***. (***Acrocephalus dumetorum*** - садовая камышевка), самца от 27.05.1907 г. Из

11 ***Locust. fasciolata*** (Locustella fasciolata таёжный сверчок) нет 3. Верхние ряды были не полны и не укреплены бумагой.

Печатанье начал. По некоторым обстоятельствам местного характера очень бы хотелось докончить всё к Рождеству. Хотя сознаюсь, завален сейчас работой страшно, работаю урывками. Предисловие написано вновь, работа пойдёт в «Записках» по общей географии. На днях начну высылку следующих коллекций. Посылать ли Вам орлов, в сушкинские схемы наши укладываются. Если, Сергей Александрович, найдёте свободную минуту, просмотрите общую часть и вышлите.

Большое спасибо за описание ***Tetrax volgensis*** (волжский глухарь). У нас есть чёрт её знает какая-то белобрюхая форма. На случай, обращаю ещё Ваше внимание на один экземпляр ястреба-тетеревятника - малый размер и очень слабые ноги.

Пока всего хорошего. Привет Вере Владимировне. Ваш А. Тугаринов.

Письмо от 18 октября 1910 г., Красноярск.
УКМ. БФ. Оп.23. № 26910/15

Глубокоуважаемый Сергей Александрович!

Сегодня я посылаю шестую посылку Вам через ИРГО. Наша почта попрежнему отказывается принимать посылки (казённые) на имя частных лиц, хотя бы и членов центрального ГО, почему приходится прибегать к этой излишней процедуре. Я думаю, будет хорошо, если Вы напомните открыткой в Г.О. о высылке Вам этих посылок, чтобы они там не заваля-лись.

В одной из посылок (латынь не разборч.), которых не посылал Вам, т.к. имел от Вас в одном из прошлых писем известие, что их можно не присылать. Посылаю часть рукописи с врановыми, хищниками до уток. В этих пределах посылаю Вам всё, что составляет сбор Кенгиса, и то из остальных материалов, что требуют Вашего просмотра. А вообще, в делах, руководствуюсь Вашими словами в то время как я был у Вас в Везенберге. Посылаю, впрочем, 1 экземпляр ***Asio otus*** (ушастая сова), порадовавший меня своим очень светлым общим окрасом и как Вы обусловили лишь одного взрослого ***Falco subbuteo*** (чеглок).

Я не мог разобраться с большими пёстрыми дятлами. По Вашему списку дятлов в № 3 «Орнитологического вестника» видно, что у нас должна быть только одна форма, но мне кажется, что они не все войдут в «***sibiricus***», так как есть окрашенные очень заметно. Поэтому оставил

для Вас чистые листы и потому же не мог привести характеристики распространения. Под сомнением оставляю в смысле формы и зимородка, мохноногого сыча. Единственного ***C. aeruginosus*** (болотный или камышовый лунь) не посылаю, т.к. это чучело. Повозился порядочно с ***Buteo*** (канюки), но выделить ***plumipes*** не мог, подозрительным мне кажется 1 экземпляр с Ангары из моей коллекции. Среди ***Archibuteo*** есть экземпляры очень не подходящие под ***pullidus***. Орлы с сушкинской таблицей определились легко, и при тщательных измерениях все уложились в его схему. Интересен один (латынь не разборч.) взрослый, но с замечательно тонкой плюсной. В единственном нашем ***Hirfalco*** (кречет), не уверен, не имею ни пера для сравнения. Выпь, по-моему, Ваша, ***orientalis*** (?), хотя не имею для сравнения из России. Печатанье понемногу двигается вперёд. Посылаю Вам первый лист, мне кажется, вполне удовлетворительно. Ваш А. Тугаринов.

Письмо от 29 октября 1910 г., Красноярск.
УКМ. БФ. Оп.23. № 26910/16

Многоуважаемый Сергей Александрович!

Сегодня, 21 октября, получил от Вас письмо и немедленно отвечаю. Жалко, что праздники, и нельзя послать ответ сегодня же. Присылаю лист измерений казарок. Я и сам имею от П.П. Сушкина[13] выражение крайнего недоразумения по поводу тона заметки Алфераки[14]. Я беспокоился, не пропал ли материал, а раз он уже у Вас - говорить не о чем, но ведь я не знал этого. С измерениями сделаемся так. Я постараюсь включить полные таблицы, но не для всех видов, а когда это по тем или иным соображениям желательно. Думаю, это удастся, хотя и оттянет несколько время. Поэтому так и условимся - пишите, какие необходимо поместить измерения полностью, и я их буду подбирать. А что касается уже просмотренной Вами части, то поступлю по своему разумению, воспользовавшись, конечно, Вашими указаниями в последнем письме.

Послал Вам, кажется, уже 7 посылок, немного стесняюсь затруднять центр. Г.О., подействуйте ещё Вы на них. На заглавие - согласен. Сушкин пишет, что заканчивает работу о Минусинском уезде, теперь у него больше свободного времени. Пока всего лучшего. Привет Вере Владимировне. Ваш А. Тугаринов.

P.S. На днях шлю новые посылки.

посвящается...

Открытое письмо от 13 декабря 1910 г., Красноярск.
УКМ. БФ. Оп.23. № 26910/17

Многоуважаемый Сергей Александрович!

Печатанье идёт непрерывно и записей рукописи у меня не остаётся. Материалы усланы все уже давно. Если что есть готового, пожалуйста, посылайте немедленно, чтобы не было задержек. Я заканчиваю общую часть, осталось совсем немного. Рукопись Вам послал ценной посылкой. Сообщите, пожалуйста, нельзя ли как-нибудь избежать уплаты пошлин при получении из-за границы шкурок, и имеют ли они вообще право брать пошлину с таксидермистов? Помогите прислать каким-нибудь образом коробки для птиц. Если найдёте в отпечатанных листах какие-нибудь дефекты, пропуски или опечатки, пожалуйста, напишите, можно будет сделать в конце дополнения. Ваш А. Тугаринов.

Открытое письмо от 30 декабря 1910 г., Красноярск.
УКМ. БФ. Оп.23. № 26910/18

Глубокоуважаемый Сергей Александрович!

Виды, о которых Вы пишете, находятся как раз в тех ящиках, которые Вы ещё не раскупоривали; по тем, что Вы уже видели и прислали замечания, турпанов нет, ***Podiceps*** (поганка) я Вам привозил, когда был последний раз у Вас. Очень просил бы прислать рукопись, хотя бы ещё лист, работа вот-вот станет. Летний рябчик есть только один и он Вам послан. Писал ли я Вам о Grus ***viridirestris*** (уссурийский журавль) из Енисейской губернии из Усинского округа? Знаю точно место нахождения, имею голову и ноги, добыта пара. Не забудьте, что за Вами ещё список литературы и история изучения Енисейской губернии. Ваш А. Тугаринов.

Открытое письмо от 31 января 1911 г., Красноярск.
УКМ. БФ. Оп.23. № 26910/19

Глубокоуважаемый Сергей Александрович!

Сейчас послал для Вас посылку через Г.О. с чайками ***L. canus*** (сизая чайка) и ***L. affinis*** (восточная форма сибирской хохотуньи), а также положил и голубя. Вся рукопись от Вас получена. Так как чайки в самом конце, то отправив систематические замечания по ним недели через

две, предоставляется возможность включить их в работу. Посылаю ещё три листа отпечатанных. Ваш А. Тугаринов.

Открытое письмо от 14 марта 1911 г., Красноярск.
УКМ. БФ. Оп.23. № 26910/20

Многоуважаемый Сергей Александрович!

Печатанье систематической части близко к окончанию, как обстоят у Вас дела с дополнениями (чайки) и очерком орнитологического изучения Енисейской губернии, а также списком литературы?

Зная Вашу хроническую перегруженность работой, я до сих пор не надоедал Вам с напоминаниями, но теперь дело подходит к концу. Во всяком случае, задержу печатанье до Вашего ответа, т.е. о чайках, чтобы не вышло недоразумения. Хорошо было бы, если бы Вы смогли в марте, послать остающиеся коллекции - куликов, часть хищников и т. д. Все ли получили листы? Больше месяца как ничего от Вас не имею. Сам я сейчас страшно завален работой, птицами некогда даже заняться. Итак, жду известий. Ваш А. Тугаринов.

Открытое письмо от 06.10.1911 г., Красноярск.
УКМ. БФ. Оп.23. № 26910/21

Многоуважаемый Сергей Александрович!

Я никак не могу дождаться от Вас письма. Писал я Вам и летом из Омска, писал в конце августа из Красноярска - а от Вас ни слова. В последнем письме я поставил ряд вопросов, на которые хотелось бы иметь от Вас ответы. Настоящим я вновь и вновь напоминаю Вам о своём существовании. Последнее письмо от Вас было в апреле. Всего лучшего. Ваш А. Тугаринов.

Открытое письмо от 15 июля 1914 г., Самара.
УКМ. БФ. Оп.23. № 26910/22

Многоуважаемый Сергей Александрович!

Видимо Вы решили окончательно бойкотировать меня. Кажется год, как Вы не обмолвились ни словом, не смотря на мои повременные осведомления о своих делах и планах. Я сейчас нахожусь на пути в Сибирь, возвращаюсь из-за границы. Был в Британском музее, Франции и

Берлине. В Москве видел И.А. Шульгу, который кратко осведомил меня о Ваших планах!!! Нет у меня и последних Ваших работ. Летом Вы, как будто, свободнее и найдёте, быть может, время написать мне пару слов. Если на Рождество будет съезд деятелей музеев, то рассчитываю снова быть в России, тогда, быть может, увидимся. Пока всего хорошего. Привет Вере Владимировне. Ваш А. Тугаринов.

Письмо от 30 ноября 1915 г., Красноярск (на бланке Красноярского музея). УКМ. БФ. Оп.23. № 26910/23

Глубокоуважаемый Сергей Александрович!

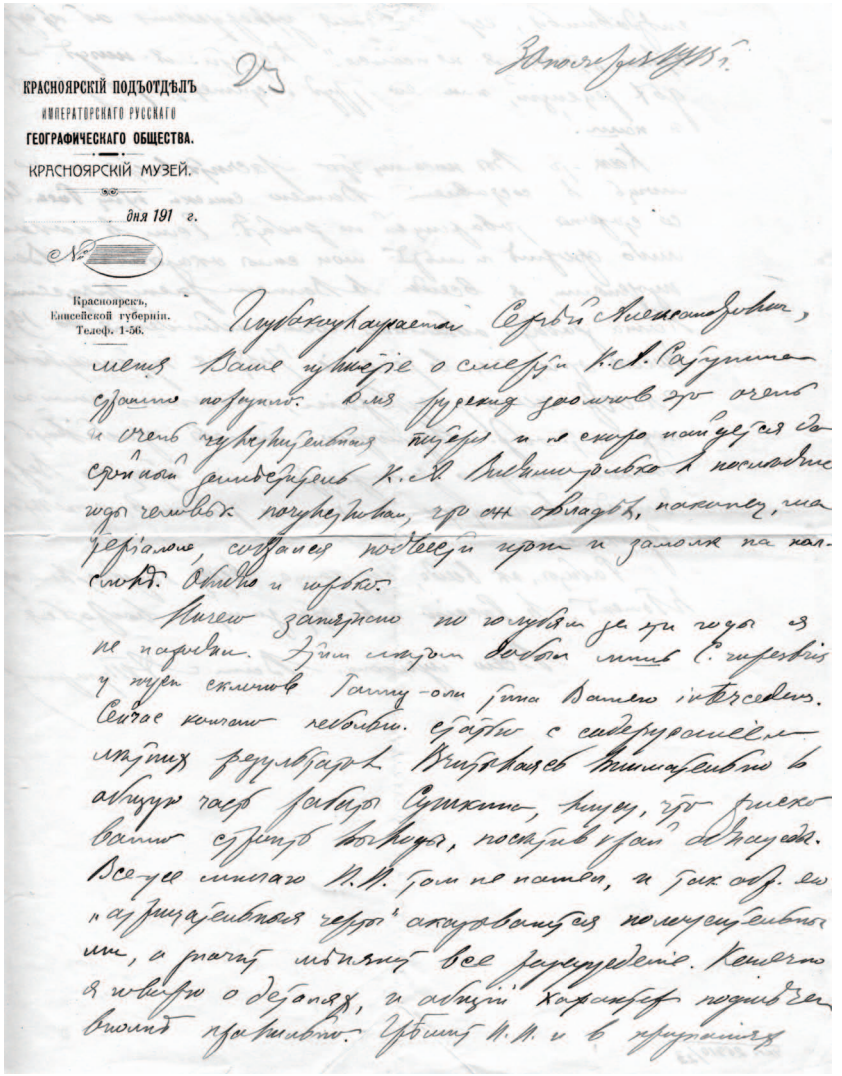
Меня ваше известие о смерти К.А. Сатунина[15] странно поразило. Для русских зоологов это очень и очень чувствительная потеря и не скоро найдётся достойный заместитель К.А. Видимо только в последние годы человек почувствовал, что он овладел наконец-то, материалом, собрался подвести итоги и замолк на полуслове. Обидно и горько.

Ничего занятного по голубям за эти годы я не находил. Этим летом добыл лишь ***C. rupestris*** (скалистый голубь) у тех же склонов Толлу-ола типа Вашего ***ivercedius***. Сейчас кончаю небольшие статьи с содержанием летних результатов. Вчитываюсь внимательно в общую часть работы Сушкина, вижу, что рискованно строить выводы, посетив край однажды. Всё же многого П.П. там не нашёл и, таким образом, его «отрицательные черты» оказываются положительными, а, значит, меняют все рассуждения. Конечно, я говорю о деталях, а общий характер подмечен правильно. Грешит П.П. и в признаниях гнездования, есть смелые утверждения об отсутствии «так как я не нашёл». Кстати: я нигде не видел рецензий, или его труд постигнет та же участь, что и наш?[16]

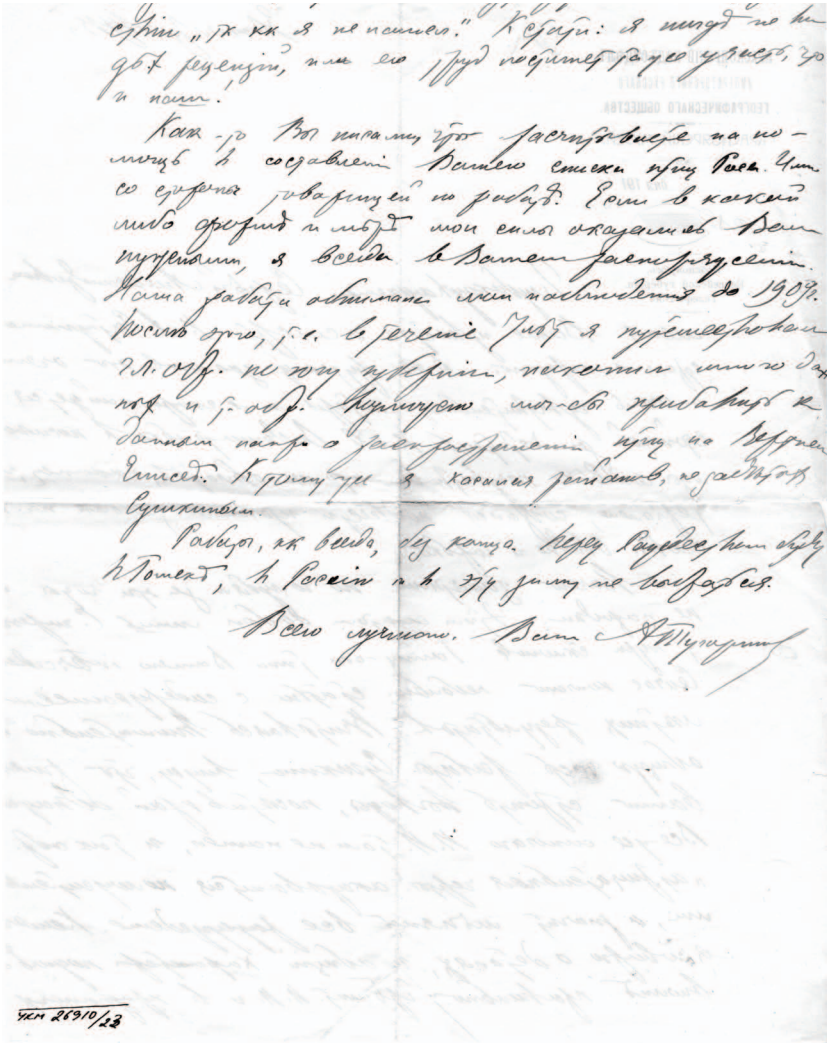
Как-то Вы писали, что рассчитываете на помощь в составлении Вашего списка птиц Российской империи со стороны товарищей по работе. Если в какой-либо форме и мере мои силы окажутся Вам нужными, я всегда в Вашем распоряжении.

Наша работа обнимала мои наблюдения до 1909 года. После этого, т.е. в течение 7 лет я путешествовал, главным образом, по югу губернии, накопил много данных, и т.о. возможно мог бы прибавить к данным, например, о распространении птиц на Верхнем Енисее. К тому же я касался районов не задетых Сушкиным.

Работы как видно без конца. Перед Рождеством буду в Томске, в Россию в эту зиму не выберусь. Всего лучшего. Ваш А. Тугаринов.

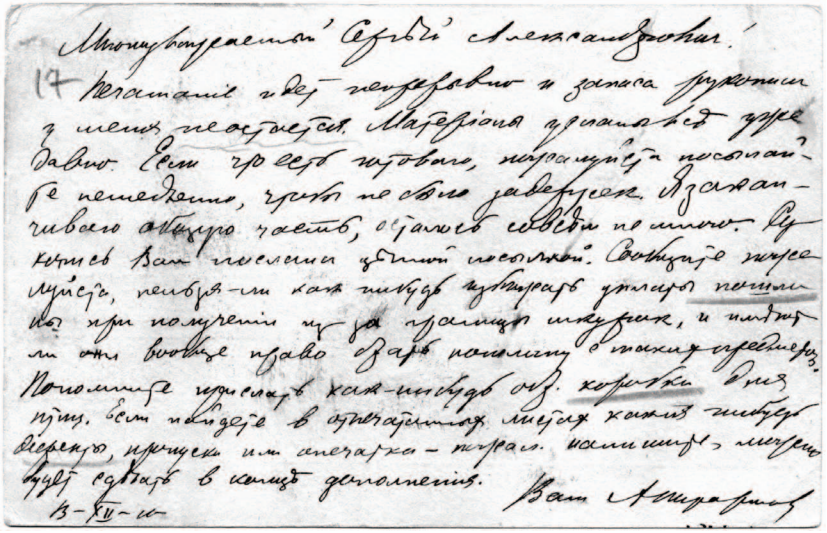

КРАСНОЯРСКІЙ ПОДЪОТДѢЛЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО
ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.
КРАСНОЯРСКІЙ МУЗЕЙ.
дня 191 г.
№
Красноярскъ,
Енисейской губерніи.
Телеф. 1-56.

Письмо от 30 ноября 1915 г., Красноярск (на бланке Красноярского музея) УКМ. БФ. Оп.23. № 26910/23



Письмо от 30 ноября 1915 г., Красноярск (на бланке Красноярского музея)
УКМ. БФ. Оп.23. № 26910/23





Открытое письмо от 13 декабря 1910 г., Красноярск
УКМ. БФ. Оп.23. № 26910/17

Примечания

1. *Козлова М.М. Сергей Александрович Бутурлин. - М.: Наука, 2001. - 114 с.*
2. *В 1911 году в «Орнитологическом вестнике» в «Обзоре орнитологических статей русских охотничьих журналов» С.А. Бутурлин укажет на статью А.Я. Тугаринова «Фламинго в Сибири», опубликованную в журнале «Наша охота», № VI за 1909 год.*
3. *Василий Львович Бианки - зоолог, главный хранитель Зоологического музея Петербургской АН.*
4. *Речь идёт, вероятно, о препараторе С.А. Бутурлина, прибалтийском крестьянине Августе Карловиче Цельмине. (Т.А. Громова. Письма А.К. Цельмина к С.А. Бутурлину // Природа Симбирского Поволжья, вып. 1. Ульяновск, 2000. С. 16-22).*
5. *Иван Александрович Шульга - чиновник из Саратова, работал вместе с А.Я. Тугариновым в Саратовском земстве. В качестве ботаника, почвоведа и фотографа участвовал с С.А. Бутурлиным в экспедициях на Новую Землю, 1902 г. и Колыму, 1905. (Т.А. Громова. Колымская экспедиция С.А. Бутурлина и её участники // Бутурлинский сборник. Вып. 2. Ульяновск, 2005. С. 18-28).*
6. *Гуго Эрнестович Кенгис - молодой прибалтийский крестьянин, охотник, прошедший выучку по таксидермии у бывшего препаратора С.А. Бутурлина А.К.Цельмина, был препаратором у С.А. Бутурлина в экспедиции 1909 г. по долине р. Алей и Кулундинской степи. (Т.А. Громова. Алейская экспедиция С.А. Бутурлина // Бутурлинский сборник. Вып. 3. Ульяновск, 2010. С. 128-154).*
7. *Вера Владимировна Бутурлина, урождённая Маркова (1873-?) - первая жена С.А. Бутурлина.*
8. *Бутурлин С.А. Синоптические таблицы охотничьих птиц Российской империи. СПб., 1901.*
9. *Эрнст Хартерт (Hartert), английский орнитолог из Трингского зоологического музея. (Т.А. Громова. Письма Э. Хартерта в Ульяновском краеведческом музее // Природа Симбирского Поволжья, вып. 8. Ульяновск, 2007. С. 212-218).*
10. *Тачановский Вл. (Taszanowski L.), орнитолог конца 19 в., публиковал обзоры по птицам Средней и южной Европы, Восточной Сибири.*

11. *Барон Гарольд Викторович Лоудон, орнитолог из Прибалтики. (Т.А. Громова. Письма Г.В. Лоудона к С.А. Бутурлину // Природа Симбирского Поволжья, вып. 7. Ульяновск, 2006. С. 50-58).*
12. *Михаил Александрович Мензбир (1855 - 1935), зоолог, составил первую краткую сводку по систематике и биологии птиц России.*
13. *Пётр Петрович Сушкин, член ИРГО, зоолог, путешественник.*
14. *Сергей Николаевич Алфераки, член ИРГО, энтомолог-лепидоптеролог и орнитолог. (Т.А. Громова. Письма С.Н. Алфераки в архиве С.А. Бутурлина // Природа Симбирского Поволжья, вып. 4. Ульяновск, 2003. С. 13 - 19).*
15. *Константин Алексеевич Сатунин (1863 - 10.11.1915) - зоолог-маммолог, зоограф, автор трёхтомника «Звери России», «Определителя млекопитающих Российской Империи», последние годы жил и работал в Грузии.*
16. *Вероятно, речь идёт о работе П.П. Сушкина «Птицы Минусинского уезда», вышедшей в 1915 г.*

А.Л. Яворский

Двадцать лет на Енисее

Об Аркадии Яковлевиче Тугаринове

Бывает так, и не редко, что какой-то человек родится, живет и умирает в одном и том же месте. А случается и по-другому, когда человек родится в одном месте, живет в другом, а умирает в третьем. Казалось бы, у этих, по-разному проживших свой век людей, должно быть и разное отношение к месту своего обитания. Первый чаще всего бывает от начала до конца патриотом своей родины, а второму приходится, покидая её, часто вспоминать и даже грустить о ней. А бывает и так, что, уезжая со своей родины, человек находит так называемую вторую родину и остаётся здесь, совершенно забывая о месте своего рождения. Конечно, для нас, советских людей, наш союз - это наша общая родина, а для русских это то, что раньше умещалось в одном слове Россия. Но в каждом местечке есть, кроме того, и свой узкий, так называемый местный патриотизм, и в этом нет ничего удивительного. Москвич восторженно говорит о Москве и старается оправдать это своё отношение к своей родине не только словами, но и делами. То же и житель другой точки нашего отечества. Другое дело, когда человек, покинувший своё место рождения, влюбляется в край своей второй родины и делается её патриотом. Вот к такой категории людей и относился Аркадий Яковлевич Тугаринов, перекочевавший из Саратова, где родился и провел свои детские и юношеские годы, на Енисей, где и провёл двадцать лет жизни в кипучих поисках учёного-исследователя, и только когда потребовались обобщения всей его проделанной на Енисее работы, он не без грусти оторвался от Сибири и Енисея и уехал в Ленинград. Кто знает, когда ему было тяжелее? Тогда ли, когда он покидал свою родину Саратов или когда прощался с Енисеем, столько давшим ему нового и так его заинтересовавшего. Вот об этом то человеке, отдавшем двадцать лет своей второй родине, и хочется рассказать в последующем изложении. Может быть, это поможет тем, кто, думая ехать в далекую Сибирь, боится своего путешествия и той неизвестности, которая всегда связана с этим передвижением из родных насиженных мест.

Чтобы яснее представить себе А.Я. Турагинова, необходимо хотя бы вкратце познакомиться с той средой, в которой рос у себя в Саратове этот интересный человек. Такому знакомству, несомненно, помогут воспоминания самого Тугаринова, которые так бережно сохранила и предоставила автору этих строк Вера Ивановна Тугаринова, его жена и спутник многих его путешествий.

Прежде всего, о родителях. Для этого знакомства обратимся к автобиографической характеристике своей семьи, написанной когда-то самим Тугариновым в его взрослые годы. Кто же может лучше сказать о своих родителях, как не их сын. Вот дословная передача этой характеристики.

Автобиографическая характеристика своей семьи

У народов востока есть изречение: «Будь проклят тот, кто не знает своих предков до 7-го колена». Если так, то меня, как громадное большинство моих соотечественников, нужно трижды проклясть. Все мы, в лучшем случае, знаем свою родословную до прадеда. Я не говорю, конечно, об аристократических фамилиях, умудрявшихся выводить себя от Рюрика, что, вероятно, стоило им не дешёво. А всякий служилый люд, купечество, духовенство - знают обычно не дальше деда. Так было в нашей семье, и поэтому, как это ни досадно, моя родословная теряется в третьем поколении назад.

Мой дед по отцу был солдатский сын, из кантонистов, родом не знаю откуда. Звали его Яков Карпович. О его родителях я никогда не слыхал. Единственным источником этих сведений была бы бабушка, но ещё в отроческих годах я застал её в сильной степени старческого маразма. Рассказы ее были путаны, нелепы. Что же касается отца, то я не помню случая, чтобы он когда-нибудь говорил на эти темы, то есть о семье деда, как и вообще о своем прошлом. И если бы не документ, который случайно сохранился в его бумагах, я так бы и не знал. Теперь же я знаю, что дед мой в ( ) году начал, в качестве солдата, свою военную карьеру. Как видно из послужного списка, он проделал кампанию 1812 года, участвовал во многих сражениях, был при осаде Парижа и в ( ) году получил отставку и был произведён в первый офицерский чин. Кажется, он ни разу не был ранен, имел какие-то медали за беспорочную службу. Производство в офицеры было сопряжено с получением потомственного дворянства. Это дало ему право занести себя с нисходящим потомством в дворянские книги Саратовской губернии, и, таким образом, появился

на свет потомственный дворянин Яков Карпович, сын Тугаринов. В ( ) году новоявленный дворянин решил сочетаться браком с девицей, тоже из дворян, Верой Николаевной Поповой, дочерью какого-то мелкопоместного дворянина Саратовской губернии Камышинского уезда. Это не была какая-либо выгодная комбинация, в смысле материальном, для деда, никакого недвижимого имущества или крепостных он не приобрел и должен был начать казенную службу. Из рассказов бабушки помню, что в качестве мест службы была слобода Рудня, г. Елец Орловской губ. И, кажется, последним местом - озеро Эльтон Астраханской губернии, где он состоял соляным приставом.

По-видимому, когда материальные дела несколько поправились, дворянская чета решила обзавестись крепостными. Знаю это потому, что имею купчую на покупку бабушкой 3-х дворовых людей. Вспоминаю, что, по ее рассказам, эти дворовые люди не отказались от возможности в 1861 году самим распорядиться своей судьбой и покинули своих «господ».

О семье, родственных связях и пр. бабушки Веры Николаевны ничего не знаю. Помню только, что при каждом удобном и неудобном случае она любила повторять, что она столбовая дворянка, чем приводила меня в крайнее недоумение, ибо я совершенно не мог понять, причем тут столб. Умерла она в глубокой старости 78 лет в ( ) году.

Кроме отца, в семье деда было еще двое детей: дочь Сашенька и сын, кажется по имени Андрей. Оба они умерли до появления моего на свет, сын скончался в г. Аткарске Саратовской губ., и у него осталась жена по имени Александра Николаевна. Её я знал, и это одна из колоритных фигур, связанных с моим детством и юностью. Как и полагается, она всегда была горда сознанием, что она дворянка. Но, видимо, ничего, кроме этого звания, она от супруга не наследовала и жила тем, что на знаменитой саратовской толкучке «Пешке» торговала с лотка платками. Дальше интересов толкучки кругозор ее не шел. Время от времени она заявлялась к нам в семью по-родственному. Это значило, появившись среди дня, она оставалась обедать, потом до вечернего чая, а иногда и до следующего дня. Мать, как человек вообще замкнутый, ее страшно не любила, да и слишком нудны были ее визиты. Пока жива была бабушка, она отводила душу с ней. Мать пробовала пускаться на хитрость: при перемене квартиры ей не давала нового адреса, но проходило несколько дней, и Александра Николаевна вдруг появлялась опять. «Иду себе, вижу занавески знакомые и цветы тоже, дай, думаю, проведаю».

Прожила она долго, умерла после 1905 года, т.е. года моего переезда из Саратова в Сибирь. Между прочим, когда она узнала, что я уехал в Сибирь, то никак не хотела верить, что я уехал сам. «Какой же добрый человек сам поедет». Нужно сказать, что после распада нашей семьи, т.е. приблизительно в 1900 г., она у нас не бывала, и я ее не видел.

Вот, в сущности, все те люди, которых я знаю и которые связаны для меня с семьей отца. Живыми из них я видел пришедшую в детство бабушку - его мать и жену его брата. Ни та, ни другая в мои воспоминания не вносят ничего, что бы оставило след в юной душе, чем-нибудь ее обогатило или сохранило какие-нибудь эмоции.

Дед мой со стороны матери имел отношение к духовному сословию именно тем, что отец его был дьячком в соборной церкви г. Петровска Саратовской духовной семинарии и по окончании ее принял фамилию Конвокеева. Звали его Гермогеном Петровичем. Однако он не остался в среде духовенства, как ни уговаривал его отец, и, если верить рассказам теток - его дочерей, сам преосвященный сана не принял и сделался учителем. Едва ли не первым местом его учительства был г. Астрахань, куда он, по воспоминаниям теток, возвращаясь на службе в Саратов - семья ехала на пароходе, что было тогда еще в диковинку. От Астрахани до Саратова тянулись что-то около 3-х недель. В Саратове дед учительство оставил и поступил на службу в присутственное место. Стаж его не известен, но одно из последних его мест было Советник губернского правления. Можно заключить из этого, что он сделал блестящую карьеру, чем был обязан исключительно природным способностям. Семья его жила, по-видимому, безбедно, появился и свой домик, правда, неважный, деревянный, на краю города. Известно, кто же из уважающих себя обывателей не стремился в прошлом к собственному домику. Но у деда Гермогена Петровича был порок, приведший его в раннюю могилу, - он пил. Болезнь прогрессировала. За периодами нормальной жизни наступали дни запоя, и кончилось это «белой горячкой». Тетка помнила сцены, когда больной гонялся по комнате за чертями, прыгал, хватал их по стенам. Вне приступов болезни человек он был деятельный, живой, многим интересовался. Мать говорила о большой его любви к цветам, которые он разводил, выписывал, от него она помнила ряд латинских названий растений. Вообще интересы духовного порядка были ему не чужды. Он стремился, видимо, дать развитие и детям, мать, бывшая старшей, была отдана в закрытый пансион, сын в гимназию. Однако его влияние в семье сказывалось лишь в первые годы, болезнь, видимо, уронила его

положение «главы» дома, семьи, и руководящая роль отошла к жене, бабушке по матери Анне Михайловне.

Ее я помню очень смутно, только один случай посещения их дома остался у меня в памяти в раннем детстве. Помню высокую, сухую, строгую фигуру в черном, с желто-восковым цветом лица и тонкими губами. Это был жестокий, властный человек. О ее происхождении ничего не знаю, как будто она тоже имела отношение к духовенству, в свое время она воспользовалась, чтобы сбыть с рук мою мать, отдав 16-летнюю девицу замуж. Более крупная и неожиданная история разыгралась с ее сыном, моим тезкой Аркадием Гермогеновичем. У юноши было страстное желание учиться, отец этому сочувствовал, но мать была против. Окончив

когда-то начальную школу, мальчик стремился в гимназию. Отец собирался отдать, получилась коллизия в доме, распри. Неожиданно сын исчез бесследно. Были поиски, оказавшиеся безрезультатными. В семье осталось убеждение, так говорила мать и тетки, что брат не погиб, но ушел из дома не без содействия сочувствующих лиц, в том числе и властей, и устроился где-то учиться. Отцу и деду, при его связях с губернатором, можно было это дело уладить и настроить. Так о нем никто с тех пор ничего и не слыхал. Это долго давало повод потом полушутя, хоть и скрытно, смутно, с надеждой говорить и ждать, не будет ли вызова наследников к умершему богатому родственнику. Думали, что он переменил и фамилию. Под жестокой рукой бабушки Анны Михайловны осталось три дочери: Зинаида, Серафима и Алевтина. Как и чем жила семья после смерти деда - то не знаю. Домишко пришел в ветхость, ютились в его нижнем этаже, а на жизнь стали добывать шитьем. Откуда-то гнездилась мысль, что мы «благородные» барышни, и ложный стыд заставлял скрывать от людей, что средства добываются таким низким занятием, как шитье. Не знаю, в силу каких обстоятельств, но в тот момент, как я помню эту семью, в нем жили еще два человека - сестры бабушки Анны Михайловны - Олимпиада Михайловна и Авдотья Михайловна. Первая, уже очень пожилая, вспоминается мне в годы раннего детства потому, что, приходя к нам, она наделяла меня неизменно крендельком. Видимо, это был скромный, тихий, незлобивый человек. Вторая, Авдотья Михайловна, была человеком со странностями. Это был большой нелюдим. Даже когда я с сестрой - детьми - приходили к теткам, она упорно сидела в своем углу за ширмой. «Не ко мне пришли, зачем я пойду», - вот все, что я слышал от нее. Месяцами она никуда не ходила, даже в церковь, и единственное ее развлечение было игра на скрипке. Меня это обстоятельство ребенком невероятно интриговало. Во-первых, я никогда не слыхал, как так играют на скрипке, а во-вторых, образ этой таинственной тети, которую я знал, сидит вот там, за ширмой, а я только вижу кончик ее туфли. Помнится, только однажды, при каких-то обстоятельствах, уже значительно позже, я видел ее, о чем-то говорил, и опять меня поразило бледно-желтое, длинное лицо, обрамленное черным платком… Насколько я знаю, никакого участия в заботах семьи, в том числе и в заработке, она не принимала, и была, как бы теперь сказали, иждивенкой на все 100 процентов. О чем она думала, на что надеялась, что согревало жизнь этого человека, и сейчас не могу понять! И откуда скрипка - почему скрипка, о чем пела она ее душе?

Тетки Зинаида, Серафима и Алевтина были теми людьми, вне дома

с которыми я начал сталкиваться с первых дней сознания, и поэтому на воспоминаниях о них я должен остановиться. А, кроме того, эти сестры были три совершенно различные индивидуальности, отразившие, кажется, наследственные черты. Старшая из них, Зинаида Гермогеновна, была человек со странностями. Прежде всего, она жила с психологией человека, подавленного каким-то роком. Это не была «божья воля», как она могла бы формулировать, а говоря ее же словами, «мне так надо». Она была очень нетребовательна, до болезненности мало ела, некоторые виды пищи абсолютно не переносила. Если ей сказать, что она ела поросенка, то можно было вызвать дурноту. Не выносила некоторых жестов, и нам, ребятишкам, достаточно было взять друг друга за горло, что она готова была упасть в обморок, и это нас забавляло! Работала она как вол, вывозила остальных сестер. Бегала по заказчикам, ходила продавать на рынок, что можно было продать, на что уходило масса времени в ущерб работе. В силу подвижности, нервности, она не умела и организовать жизнь. Металась, спешила, не высыпалась. Много уходило времени и на церковные службы! В то же время я не назвал бы ее человеком глубоко религиозным, хотя не было и тени ханжества. Вела знакомство с монашками, но за попами, архиереем не бегала. Обрядовую сторону религии выполняла строго. В последние годы жила экономкой в некоторых состоятельных семьях, где, видя ее бедственность, ее страшно эксплуатировали. Сестра, Александра Яковлевна, уже живя своей семьей, не раз пыталась заручить ее в дом, думая облегчить человеку жизнь. Кажется, были уже случаи, что она появлялась, пробовала жить, но очень скоро ей оказывалось необходимым куда-то ехать. Кто ее ждал и т.д., и она исчезала и снова везла на себе работу, устраивала совершенно чужих людей. «Мне так надо». Какой-то мятущийся дух. Все она точно что-то искала, куда-то торопилась,

все, что было, было не то. Узнать же от нее, что же собственно ей нужно, чего она ищет, каких людей, дела, обстановку - добиться от нее нельзя было. Личной жизнью она тоже никогда не жила. Безусловно, больной, с ненормальной психикой человек. Умерла она старенькой от водянки.

Примечание: На этом заканчиваются записи о воспоминаниях своего детства… продолжения не последовало…

Чрезвычайно характерны для А.Я. Тугаринова эти записки, показывающие его беспредвзятый анализ явлений в данном случае своего детства. Какая наблюдательность, анализ и обобщающие выводы. Можно сказать: «Каким ты был, таким остался». С малых лет и до глубоких седин. Всегда и во всем исследовательский метод. Преамбула, анализ и резюме. Даже в своей автобиографии.

Краткие сведения о жизни Тугаринова А.Я. до переезда в 1905 г. на Енисей

Из отдельных дошедших до нас сведений мы узнаем постепенно некоторые подробности из жизни Тугаринова в России, до его переезда на Енисей в 1905 году. Вот эти краткие сведения:

1896 г. Первая поездка в Москву на Нижегородскую выставку.

1897 г. Вступил в члены Общества естествоиспытателей в Саратове.

Первое знакомство с Музеем естествоиспытателей в Саратове.

Экскурсии под Саратовом с известным ботаником Борисом Александровичем Келлером.

На свои средства первые самостоятельные ботанические экскурсии, позднее - на средства Саратовского общества естествоиспытателей, а еще позднее - на средства Казанского общества естествоиспытателей.

Зарабатывал деньги, репетируя или готовя к поступлению, несмотря на свои еще 17 лет. Вообще, добывать деньги своим трудом ему пришлось довольно рано, т.к. в семье не было достатка.

1898 г. Оказался без службы отец, работавший в земстве.

1899 г. Поступил в статистический отдел земства. Лето провел на даче Симонова.

Произошел разрыв с отцом на почве семейных отношений.

1900 г. Первые самостоятельные ботанические экскурсии в Аткарском уезде Саратовской губернии. Теперь была совершена поездка на длительное время.

Был приглашен работать на метеорологическую станцию Саратовского общества естествоиспытателей в Чемизовке (это имение жены председателя общества). В качестве наблюдателя. Осенью умер отец.

1901 г. Служба в Оценке - Отдел губернского земства. Работал в земстве, давал уроки.

Был в Балашевском уезде Саратовской губернии с ботанической целью и, конечно, собирал гербарий. Это в 10-дневный отпуск. Летом же жил на даче Агафонова, где познакомился с Верой Ивановной Вюртц, высланной из Петербурга за демонстрацию 1901 года.Отравившись сулемой, умерла старшая сестра.

Поездка в Юднев Балашевского уезда с почвоведами Тарасом Петровичем Гордеевым и Иваном Александрович Шульгой. Тугаринов поступил в только что открывшуюся в Саратове почвенную лабораторию, где и подружился со своими новыми коллегами по работе, так же, как и он, любившими природу и работу, связанную с исследованиями, поездками и сборами объектов в природе. В декабре был в Петербурге на съезде естествоиспытателей и врачей.

1902 г. Первая поездка на Баскунчак (озеро в низовьях Волги). Поездка с Гордеевым в Царицынский уезд. Две поездки по Астраханской губернии с Гордеевым.

Осенью поездка в Казань. Здесь в ботаническом кабинете университета Тугаринов обрабатывал собранный им гербарий низовий Волги.

1903 г. Продолжается работа в почвенной лаборатории. С весны в музее естествоиспытателей. Летом экскурсия в Ханскую ставку по командировке казанского общества естествоиспытателей. Ещё в мае месяце этого года заведующий биологической станцией при Саратовском обществе естествоиспытателей получил из Владивостока просьбу рекомендовать кого-нибудь на заведывание Владивостокским музеем. В письме указывались условия: проезд, квартира, месячный оклад (100 рублей) и т.д. Все это было так соблазнительно. Неизведанный край, самостоятельная работа на новом месте, масса нового. У Тугаринова уже давно в голове бродили мысли о перемене места работы и именно в новом, необжитом еще и не исследованном месте, и он намерен был дать согласие. Но вскоре узнал, что место это уже занято другим.

1904 г. С первого марта ведёт фенологические наблюдения. 12 марта - смерть матери.

4 апреля куплен понтер «Каро» 3-х месячным щенком. Первый выход с «Каро» на охоту в Валуйки и на остров у деревни Пудовкино. Женится на В.И. Вюртц.

15-17 июня - экскурсия на Валуйки, на Костычевскую сельско-хозяйственную станцию, 1 сентября экскурсия в Займище и 5 сентября - в Елшанку.

В декабре поездка в Петербург. Эта поездка оказалась для Тугаринова многозначительным событием, и вот почему. Для того, чтобы внести ясность, переключимся от событий, связанных пока с Саратовом, намного километров на восток, в город Красноярск, и посмотрим, что в это время происходило там.

Шла непопулярная в народе Русско-японская война. Царское правительство надеялось выиграть войну и производило одну мобилизацию за другой. Во время такой очередной мобилизации призван на военную службу консерватор Красноярского музея И.И. Муромов, и музей закрылся на целых 10 месяцев. Географическое общество, в ведении которого был музей, начало хлопоты по подысканию нового заведующего музеем и поручило своему члену, ботанику И.П. Толмачеву, озаботиться подысканием такого в центре России, за что Толмачёв и взялся.

А.Я. Тугаринов

Воспоминания детства

Когда уже взрослым я старался узнать, сколько мне было лет, когда случились со мной описанные ниже происшествия, то оказывалось, что мне было около 3-х лет, 52 года назад. Однако, вспоминая о них, я могу воспроизвести топографию усадьбы, вернее городского двора, представляю себе крыльцо, служебные постройки, в одном случае, погоду: яркий солнечный день. Итак, первое, более раннее: я подошел к индюку, который, надувшись, разгуливал по двору. Рост мой был не велик и индюку не трудно было клюнуть меня, кажется, в нос. Я помню близость индюшиной головы, удар и больше ничего. Мать говорила, что ревел я здорово. Второе впечатление было более отчетливо. Сестра посадила меня верхом на охотничью собаку отца, рыжего сеттера. Придерживая меня, и таща другой рукой собаку за ошейник, она катает меня по двору. Мне страшно. Было это на Старо Острожной улице в г. Саратове. Замечательно: оба эти, самые ранние, сохранившиеся в памяти собы-

тия, связаны с животными. (Случайно ли то, что мои центры удержали впечатления этого года) и я готов спросить: случайно это или не случайно? Как будто эти центры внимания к животным первыми, и, во всяком случае, наиболее глубоко, резко, стали воспринимать и фиксировать внешние впечатления. Третье, но уже совсем другого рода воспоминание, принадлежит к этой же поре. Пасха, в новом костюмчике я сижу за праздничным столом. Передо мной блестяще вычищенный самовар и в нем я вижу свое отражение. Меня поражает уродливость лица, отражающегося на округлой поверхности самовара. Отдаляюсь - лицо вытягивается, наклонюсь ближе, становится широким. После нескольких экспериментов и наблюдений я чересчур близко наклонился к самовару, коснулся лбом и заревел от боли. Память об этом в виде пятнышка ожога с двугривенный величиной я ношу всю жизнь.

При всем желании я не смог бы описать последовательность получившихся мною восприятий, знаний. И снова думаю, что, очевидно, те факты, которые я помню, наиболее гармонировали с прирожденными мне интересами. Мать рассказывала, что в 3-4 года я был вообще молчалив, не капризен и, очень много, играя, говорил сам с собой. Какие это были мысли, какие фантазии, представления, понятия роились тогда в моей голове - к сожалению не знаю. Скажу поэтому о тех, случайно запомнившихся моментах, которые сохранились в памяти. Зима. Я безвыходно сижу дома. В семье совершенно не заботились о том, чтобы прогуливать ребенка. Но меня до крайности интересует, что происходит на дворе, на улице. Я забрался сначала на подоконник, прилип лбом к стеклу и вижу, как летят снежинки. Одна прилипла к стеклу, другая рассыпалась внизу на раме. Снег идет и идет, а я все сижу, как прикованный к какому-то очаровательному зрелищу и не могу оторваться. Уже темнело, но я замечаю, что если смотреть через тень от фонаря - то мелькание снежинок еще видно. Улица стала чистой, гладкой и это меня почему-то восторгает. Пробежала собака, оставила след. Мне досадно, я почти зол на нее за то, что она нарушила, испортила вид этой гладкой чистой улицы. На утро, я едва поднявшись с кровати, бегу к окну, чтобы посмотреть на улицу. Какое разочарование! Снега мало, он шапками лежит на столбах, на заборах: повсюду следы полозьев, людей. Кто-то грубо прошел поперек улицы, взрыхлил, истоптал белую скатерть. Обидно, досадно, прогнать бы всех, чтоб не ходили. Не знаю отчего, может быть потому, что зимнее время было для меня, так сказать, чем-то потусторонним; я был огражден от него стеной комнаты, но первые

годы детства зима была полна какой-то особой таинственной прелестью. И позже, до юности, это особое романтическое отношение к зиме долго сохранялось. Найдя в хрестоматии описание зимы, начиная с Державинского: «С белыми», кончая Некрасовским «Морозко», я зачитывался этими описаниями, выучивая наизусть. И еще в 5 классе помню, писал классное сочинение, где фигурировала зима в Финляндии. Я написал на 5 с +. Единственный, кажется, раз я писал сочинение с увлечением. Но я забегаю вперед, сейчас же, еще раз, хочу отметить, что потребность наблюдать, и именно явления природы, выявились у меня с самых ранних детских лет. Никто и ничто меня не наталкивал на это занятие и для меня несомненно, что это было врожденное свойство. Натуралистом я был рожден…

1905 г.

1. Приезд в Красноярск, первые впечатления, работа, знакомства.

Еще в декабре 1901 года, когда А.Я. Тугаринов был в Петербурге на Съезде естествоиспытателей и врачей, Толмачев познакомился с начинающим ботаником Тугариновым и обратил на него внимание. Узнав о разносторонней научно-исследовательской деятельности молодого человека и о его желании работать самостоятельно, Толмачев и предложил ему заведывание Красноярским музеем. После завязавшейся переписки выяснилось, что Тугаринов не прочь занять предлагаемое место в Красноярске. Вот что находим в отчете красноярского географического общества за 1904 год: - «На заседании распорядительного комитета 4 декабря 1904 г. председателем (Григорьевым) доложено письмо И.И. Толмачева, относительно рекомендуемого последним, консерватора в Красноярский музей г. Тугаринова. Из письма видно, что г. Тугаринов, будучи по специальности ботаником, заявил себя в этой области дельными работами, уже имеет в музейном деле опыт, ибо до последнего времени состоял заведующим Саратовского музея. По словам И.И. Толмачева, г. Тугаринов может быть препаратом зоологических коллекций, а также умеет составлять и другие коллекции. Предполагается, что прежде отъезда своего в Красноярск, г. Тугаринов заедет в Петербург и здесь ознакомится с организацией нескольких музеев».

Доложена еще телеграмма г. Толмачева от 1 сего декабря - «Тугаринов работает здесь (в Петербурге) в музеях, думает выехать в середине декабря».

Оказалось, что в Петербурге А.Я. Тугаринов задержался дольше

предположенного потому, что он решил как можно больше охватить постановку музейного дела и побывал в следующих музеях столицы:

Музей ботанического сада Академии наук.

Музей Александра III.

Вольно-экономического общества.

Эрмитаж.

Лесного института.

По приезде в Красноярск обо всем этом он написал доклад.

Телеграммой от 7 января 1905 года Тугаринов извещал о выезде из Саратова в Красноярск, но приехал он только 17 января. Пришлось ехать сначала на пароходе по Волге, а затем по железной дороге. Да и пришлось задержаться в Саратове. Ведь он ехал не на малое количество времени, а всерьез и надолго. В Саратове оставались его младшая сестра и жена Вера Ивановна. Нужно было собраться, да и дорога в те времена была довольно не легкая и дальняя.

Приехал А.Я. в Красноярск вместе со своим другом Федором Васильевичем Даниловичем, который также пытал счастье попасть в «места не столь отдаленные», где бы он смог найти себе работу по душе.

Сразу же по приезде в Красноярск Тугаринов, можно сказать, с головой ушел в музейные дела. Прежде всего, надо было узнать, что же к этому времени представляет из себя вверенный ему Красноярский музей. Поэтому он начал с полного просмотра его тогда еще не многочисленных, коллекций и попутно вел учет всего музейного имущества, как научного, так и вспомогательного. В результате такого ревизионного просмотра было выявлено, что со времени основания музея и по 1905 год в нем состояло в виде коллекций всего 26405 предметов. А по годам это было так: за время заведования музеем города, т.е. до 1903 года в нем было 15183 предмета, а за время заведования Географическим обществом (1903 - 1905) - 11222 предмета. Этот обзор музея, сделанный по наличию коллекций и по инвентарям, был и ревизией и, с другой стороны, показывал, насколько было целесообразно передать музей в ведение этого научного учреждения, ограждавшего от чисто чиновнического попечительства (не имевшего никакого отношения к науке) города. Теперь стало ясно, что только Географическое общество смогло дать музею за эти два года (1903 - 1905) такое большое пополнение его коллекций, которое почти равно пятнадцати предыдущим годам.

Второе, что удалось выяснить новому консерватору музея, это случайность коллекций, поступавших в музей, особенно за период го-

родского попечительства. Третье - это никчемное ведение двух параллельных инвентарей, когда одни коллекции заносились в городской инвентарь, а другие - в географический, чем создавалась путаница в пользовании коллекциями в тех же выставках. Но особенно, на что обратил внимание консерватор, это общая неисследованность края по его географическим зонам. Такой богатый край, по обе стороны от Енисея, на расстоянии до четырех с половиной тысяч верст по меридиану, и не представлен в музее. Это надо исправить, за это надо взяться и немедленно.

Музей Тугаринов застал на Старобазарной площади в помещении гостиных рядов, построенных в 1861 году в плохо приспособленном здании с низкими потолками и подслеповатыми окнами. Все помещение было забито коллекциями, не совсем рационально разместившимися в этом не приспособленном для экспозиции здании. Молодой человек, которого звали Антошей, был временным его хранителем. Это оказался житель одного из расположенных против музея домов Антон Алексеевич Авксентьев. Он, как любитель, и был приспособлен к хранению музейных ценностей до приезда нового заведующего, или, как тогда называлась эта должность, - консерватора. С ним и работал первое время новый приезжий консерватор. Вскоре Антоша ушел на другую работу, так как на его попечении были мать и две сестры, а в музее платили мало. Но он сохранил свою привязанность к музею до конца своих недолгих лет и был бесплатным его сотрудником, особенно по вечерам, помогая во всякой работе консерватору.

Обещанная квартира при музее оказалась совершенно не приспособленной для проживания. Сразу же начинаются хлопоты как о реорганизации самого музея как выставочного помещения, так и обустройстве заведующего.

О том, какое первое впечатление произвел на А.Я. Тугаринова город его будущей жизни, можно узнать из его первого письма к жене, написанного в Саратов.

Письмо Аркадия Яковлевича Тугаринова из Красноярска к жене Вере Ивановне Тугариновой в Саратов (первые впечатления о городе, музее)

«Красноярск 17.1-05.

… Опишу тебе сегодняшний день и первые впечатления от Красноярска. После утреннего чаю, отправился на телеграф и послал тебе

телеграмму о приезде, которую ты должна получить, вероятно, 17-го. Затем пошел представляться новому начальству - Председателю Отдела - Григорьеву. Встретил он меня очень любезно, поговорили о музейных делах, накормил он меня пирогом, познакомил с супругой. Первое впечатление от первого знакомства вполне удовлетворительное. С ним, повидимому, ладить можно. Затем отправились с ним в музей. Последний был перевезен осенью в новое помещение. Сейчас там они временно пригласили какого-то юношу, приблизительно разобраться в нем, чтобы сделать возможный осмотр. Не знаю, чем объяснить, но на меня музей, как таковой, произвел неважное впечатление, именно благодаря своей запущенности. Не видно заботливой руки хозяина. Пыльно, неуютно, не говоря уже о красоте и полном отсутствии декоративной части. Другими словами, чуть-чуть получше, чем я застал свой музей в Саратове. Словом, мне придется переделывать все заново. Это меня, конечно, не пугает, даже лучше, когда можно будет навести свои порядки. По составу коллекций музей довольно богатый и разнообразный, даже чересчур, так как есть вещи художественные, вроде каких-то картин. У них до сих пор не было системы и стройности в подборе коллекций, почему и замечается такая пестрота. Словом, предстоит немало созидательной работы. Много есть предметов, не говоря о вещах этнографического и археологического характера, но даже птиц, млекопитающих и т.д., мне незнакомых, вроде чучел оленя, козы, сов - мне незнакомых. На днях, как устроюсь, начну приемку музея по каталогам. Посещается публикою музей довольно охотно, судя по цифрам, в особенности для такого, по сравнению с Саратовом, небольшого города, как Красноярск. Само помещение музея не большое, низкое, во втором этаже, бывшего гостиного двора.

Теперь о Красноярске. Город по площади большой, не меньше должно быть Саратова, но страшно разбросанный. Кругом местность гористая, горы значительно выше, чем кругом Саратова. С некоторых сторон эти горы поросли сосновым и еловым лесом, некоторые голые (кот. пониже). Енисея еще не видел. Красноярском называется потому, что крутые и обрывистые места гор обнажают красные породы. Сам город, по сравнению с Саратовом, конечно, хуже. Внешность его имеет такой вид, как это было в Саратове лет 10-12 тому назад. Электричество есть только в одном большом частном магазине и на всей площади железнодорожных мастерских и вокзале. В остальных местах керосиновое. Дома в громадном большинстве деревянные, преобладают одноэтажные. Луч-

шая, так называемая «Большая улица», и как более видная. Тут магазины, булочная, колбасная и пр. На ней же и гулянье, вроде нашей Немецкой. Очень хорош городской сад, лучше, чем у нас. Достать здесь можно конечно все, не исключая и модных открыток и разных безделушек. Проще говоря, нет той эффектности и специализации магазинов, нет внешности, и блеска. Движение, конечно, по улицам, тише, чем у нас или так, как у нас где-нибудь на Малой Сергиевской. С непривычки это сразу бросается в глаза. Здесь существуют свои базарные дни, два раза в неделю, когда и подлежит делать закупки привозных продуктов. О ценах пока сказать ничего не могу, знаю только, что сейчас они действительно поднялись благодаря войне. Я здесь еще ничего не покупал, потому и не знаю, а в гостинице, где я сегодня обедал (там же, где и остановился) конечно, как и везде дерут. Словом обживусь, узнаю все и напишу тогда.

Вот теперь, когда я после недельного путешествия уже у цели, впечатления более однообразны, я как-то конкретнее почувствовал, что я уже не в Саратове, что никто не знает, когда я в него попаду. И появилась какая-то легкая, тихая грусть... Как ни как, а это город, в котором я вырос, те окрестности, которые связали меня с природой и дали направление и цель моей жизненной работы. С другой стороны, что я бросил сейчас там: два-три человека близких знакомых, да Шуру и только. Но все-таки есть что-то еще, не сформулируемое, что можно только чувствовать. Это, конечно, пройдет, я просто делюсь с тобою теми мыслями, которые у меня сейчас... А кроме того, постараюсь завалить себя работой, чтобы и скучать некогда было. Мне думается, Верочка, право, вот в таком городе, как я здесь, с большой пользой для себя, для собственной работы или развития, время проводить можно. Кружась всюду в Саратове, мы забываем о себе. Общих впечатлений так много, что одними ими заполняются интересы, нет времени работать для себя. Почему, например, мы с тобой так и не собрались заняться языками? Почему мы так мало читаем текущих журналов. По-моему, всё потому же. Посему, мне, кажется, и тебе в особенности, не следует смотреть на новое место жительство, как отказ от многих потребностей, которые вырабатывает большой город, а нужно постараться, раз это так случилось, использовать время. Поверь мне, что ни ты, ни я впоследствии не раскаемся в том, что забрались сюда, каждый из нас вывезет отсюда немало для себя хорошего; нужно только умеючи использовать время. Сегодня, между прочим, выяснилось, почти наверно, что библиотека перейдет в мои руки, так что я буду получать более 50 р. На днях накуплю красноярских открыток и пошлю тебе. Увидишь, какие тут есть

чудные места... Что можно, сообщи из письма Федору, ему я как-нибудь особо напишу, как более познакомлюсь с местной охотой и охотниками.

Твой Адя».

1905 г.

В письме жене от 7 февраля 1905 года Тугаринов сообщает, что 5 февраля было заседание распорядительного комитета Географического общества. На нем, во-первых, почтили вставанием память петербургских жертв. Во-вторых, было решено ходатайствовать через главного председателя центрального Географического общества в Петербурге, сенатора Семенова-Тяньшанского, об освобождении арестованного на днях в Томске известного в Сибири путешественника и ученого Григория Николаевича Потанина, уже глубокого старика. Его имя стояло наряду с лучшими исследователями и общественными деятелями Сибири. На этом же заседании постановили ассигновать А.Я. Тугаринову на исследования и экскурсии 150 рублей.

По поводу последнего постановления Тугаринов замечает в письме: «Перспектива этого лета пока очень заманчива. В городе дел никаких». Видимо, налаживание музея уже шло по нужному руслу, и новый директор или, как его тогда официально называли, консерватор музея, уже представлял себе, что к лету в выставочных залах музея все будет налажено. На очереди - исследовательская работа и поездки.

В апреле приехала жена Вера Ивановна, которая также включилась добровольно в посильную музейную работу. Летом Тугариновы устроились на жительство в ближайшую деревню Базаиху. Этому устройству помогла заведующая Красноярской библиотекой Любовь Михайловна Розинг, новая знакомая Тугариновых. Вообще, саратовцы довольно быстро прибрели некоторое число новых знакомых, которые впоследствии всегда помогали во всех музейных делах и перипетиях.

К этому времени музей имел уже какой-то внешний порядок, но это временное никак не устраивало взыскательного нового его хранителя.

Параллельно с работой по благоустройству музея ведется работа в Географическом обществе и в природе, вне стен музея. Лучше всего рассмотреть всю проделанную работу в хронологическом порядке, привлекая для этого сохранившиеся документы - от печатных страниц отчетов и до воспоминаний близких музею людей.

5 февраля состоялось заседание распорядительного комитета Географического общества, на котором председатель В.Ю. Григорьев и В.П.

Матонин рекомендовали принять в действительные члены общества ботаника и консерватора музея Аркадия Яковлевича Тугаринова.

Здесь же был заслушан доклад нового консерватора о состоянии музея и о его предполагаемой реконструкции. После доклада последовали рекомендации правления Географического общества заняться следующими работами по музею: 1 - наиболее целесообразное размещение всех музейных материалов;

2 - составление основного и предметного инвентаря с попутным этикетированием материалов;

3 - сверка материалов музея с инвентарём Лимкенса и инвентарём П/О, выяснение, нет ли утрат.

9 февраля начаты первые фенологические наблюдения, продолжавшиеся до 24 мая. Эти наблюдения велись, главным образом, в самом городе, а также на ближних островах Татышева, Телячьем и Конном.

25 марта - заседание общего собрания Географического общества, на котором Тугаринов был утвержден действительным членом о-ва.

24 апреля - заседание распорядительного комитета Географического общества, на котором доложено об организации А.Л. Яковлевым и А.Я. Тугариновым фенологических наблюдений в Енисейской губернии, в связи с чем необходимо напечатать программу этих наблюдений, которую и разослать любителям природы. Стоимость печати такой программы обойдется в 12 рублей. Это мероприятие было одобрено распорядительным комитетом, и программа вскоре была напечатана.

29 мая Тугаринов совершает свою первую экскурсию на ближайшую к городу реку Ману. Дикий таежный пейзаж гористой и скалистой Маны произвел неизгладимое впечатление на экскурсанта. Такая красота и так близко от города! Фотографирование, сборы объектов природы обогатили новым, еще не виданным материалом, и зажгли жажду новых искательств в таком доступном ближайшем окружении города. Действительно, надо начинать с малого, с самого близкого к городу, и в дальнейшем развивать планы исследований на большие экспедиции по краю. С этой поездки вернулся 5 июня и привез с собой много интересных материалов.

14 июня он совершает поездку на север от Красноярска. По дороге ведутся наблюдения в природе, а по проезжающим населенным пунктам - знакомство с населением и его занятиями. В этой поездке его сопровождает его друг Федор Васильевич Данилевич. В оставленной в

документах записи поездки Тугаринова имеется как самый маршрут, так и проделанные версты постаночно, которые и приводим здесь:

Красноярск - Дрокино 25 верст.

Дрокино - Заледеево 35 верст (оба связаны с р. Качей).

Заледеево - Никольское 67 верст (по направлению на р. Кемчуг).

Никольское - Терехтюль 43 версты.

Терехтюль - Ушканчиков 12 верст.

Ушканчиков - Медведа 10 верст (район р. Кемчика Малого).

Медведа - Покровское 15 верст (поворот на восточное направление).

Покровское-Талая 25 верст (система р. Бузима).

Талая-Шошкино 40 верст.

Шошкино-Шила 60 верст.

Шила-Еловское 35 верст.

Еловское-Абакшина 3 версты (на Енисее против устья р. Кана).

Абакшина-Хлоптутова (дальше версты не указаны, видимо, отсюда Тугаринов плыл по Енисею до Красноярска или ехал параллельно этой реки до Красноярска). (Здесь поставлена цифра 367 верст). Подсчеты говорят за то, что все эти цифры нуждаются в проверке, особенно если они во время переездов взяты от возчиков. Все эти версты, особенно на проселочных дорогах, сугубо относительны. А вымерять их по карте было почти невозможно, т.к. точных карт тогда не было и на них даже много позже не были помечены указанные в списке этапы дороги, на некоторых из них были только что организуемые переселенческие хуторки. Во всяком случае, для первого знакомства с северной частью Красноярского уезда было сделано много, тем более, в первые же месяцы своего пребывания здесь. Эти же цифры имеют и другое значение для исследователя, т.к. они показывают особенности счета сибиряками протяженности своих дорог. Есть же такой полуанекдот. Попавшегося на пути встречного спрашивает впервые идущий по дороге: «Сколько верст до такого то пункта?» А в ответ: «А как пойдешь: если тихо, то верстов 10 будет, а если пойдешь быстро, то не боле трех верст». Может быть, исследователю хотелось записать эти расстояния именно так, как их считают местные жители.

В этой поездке попадались обширные хлебородные поля сибирского, неизмеримого и мало учитываемого лесостепного раздолья. Встречалась и таежная глухомань, обжитая только разве смолокурами да охотниками, и то только в определенные периоды года. Все это было

чрезвычайно интересно, и исследователь, кроме сбора коллекций для музея, ведет записи своих наблюдений.

Взявшись круто за полную реконструкцию всего музея и не имея помощника, Тугаринов сильно уставал, особенно от физической работы. В том же письме к жене он признается: «Здесь работы вдвое больше, чем в саратовском музее». Сначала ему помогал во всем работавший до него в музее молодой человек Антоша Авксентьев, но, не будучи достаточно обеспеченным и имея семью, этот юноша ушел. Поэтому, консерватору приходилось самому и печки топить во всех помещениях музея. Работал он с утра до вечера.

А.Я. побывал у прежнего консерватора музея, Михаила Ефимовича Киборта, уже 75-летнего человека. Это был в прошлом студент медико-хирургической академии, который в 60-х годах по политическому процессу отсидел в Петропавловской крепости и был сослан в Якутскую губернию. Затем поселился в Красноярске, всегда крайне нуждался, давал уроки и служил в городской управе, а затем - в губернском статистическом комитете. С 90-х годов и до 1905 года он был хранителем Красноярского музея. Киборт очень любезно принял Тугаринова. Он ушел из музея после того как о нем наговорили всяких компрометирующих вещей. Со своей стороны, Киборт пожаловался на свое окружение и выразился о произошедшем как об «обычной провинциальной истории», имея в виду какую-то и кем-то из завистников затеянную склоку. А.Я. решил не вникать в подробности и не впутываться в общие сплетни по этому вопросу.

Тугаринов старался произвести просмотр и перегруппировку выставочного материала до лета, которое ему обещали как экскурсионный период, и в сравнении со своим прежним положением в саратовском музее он считал себя более свободным в выборе работы. Он намеревался побывать на различных местных экскурсиях, в которых им бы собирался нужный музею материал, а заодно происходило бы знакомство с окрестностями Красноярска.

Летом, как и предполагалось, Тугариновы поселились на даче в деревне Базаиха. Эта пригородная деревушка, расположенная на правом берегу Енисея при впадении в него речки, тоже именуемой Базаихой, была обычно в летнюю пору обитаема горожанами. Снималась комната с верандой, на которой в жаркое время года, по существу, и жили дачники, тогда как самая комната была спальней. От Базаихи к реке Енисею, т.е. на север, был пустырь, выше которого, по обе стороны речки, и была

расположена эта деревня. Вернее, это было скорее село, т.к. в нем была церковь, первый признак села. На восток, прямо к селу, спускалась щебенистая гора Вышка, из-за которой и вытекала быстрая, горная, шумная речка. С запада и юга село окружали горы, покрытые смешанным лесом, который чем дальше на юг, тем больше, переходил в хвойный, в так называемую тайгу. Там, верстах в 18 от села, протекала красивая таежная река Мана, на которой были сенокосные и промысловые угодья крестьян ближайших к Красноярску поселков: Овсянки, Базаихи, Торгашино и Маганска. Сама речка Базаиха была красива своими скалистыми высокими берегами. Поселившись в Базаихе, Тугаринов начал обследование окрестностей этого села. Обычно он ходил с ружьем и добывал для коллекции птиц, которых сам и препарировал. Однажды, когда он взобрался на большую возвышенность на запад от села, он устал и решил отдохнуть. Сев на пень и закурив папироску, стал осматриваться вокруг и вдруг заметил на земле сердцевидный листок. Он встал и поднял его. Что такое? Лист, знакомый по форме с детских лет. Да, конечно, это липа. Но ведь липы нет в Сибири. И тут он вспомнил недавно найденную в библиотеке книжку, в которой было рассказано о нахождении липы в окрестностях Красноярска, в районе левобережья Енисея, против устья реки Маны. Реликтовая липа была найдена Прейном, ботаником, проживавшим в Красноярске в конце прошлого столетия, с тех пор это местонахождение стали называть Липовым хребтом. Но встреча липы у Базаихи не была указана; этот листик обязывал ко многому, и прежде всего, к регистрации нового местонахождения. Вскоре, осмотревшись вокруг места своего отдыха, А.Я. нашел и самое деревцо липы. С любовью осмотрел он этот небольшой полукустик-полудеревцо как доброго старого знакомого. Вернувшись домой, он рассказал о своей встрече Вере Ивановне, и решил назавтра же сходить снова и отрезать от деревца веточку для гербария. Но сколько ни искал он этого места, так его и не нашел. Долго впоследствии он ругал себя за такую опрометчивость.

На берегу Енисея, начиная от впадения в него речки Базаихи по направлению к Лалетиной, идут песчаные наносы дюн. Ветер всегда перегоняет пески и, идя по ним, можно часто находить на выдувах остатки культуры когда-то живших здесь древних обитателей енисейских берегов. Сколько таких находок сделал Тугаринов за время своих путешествий по этим дюнам! Попутно знакомится он и с бытом крестьян сибиряков и их укладом жизни. Это и хлеборобы, и промышленники, потомки казаков-землепроходцев, живущих здесь с основания Красноярского остро-

га, люди замкнутые, но, как все сибиряки, радушные. Этому их научила тяжелая действительность прошлого.

Летом А.Я. Тугаринов съездил на пароходе в Минусинск, где познакомился с местным музеем, о котором он, несомненно, слышал еще в Казани, когда он там под руководством Келлера вел определение своих саратовских сборов растений. Основатель Минусинского музея, Николай Михайлович Мартьянов, был также связан с Казанью. Там он был провизором аптеки, участвовал в работе Общества естествоиспытателей при Казанском университете и печатал там свои ботанические работы еще в 1880 и 1882 годах. Конечно, Тугаринов знал об этом, и вот теперь он сам, так же как и Мартьянов, приехал в Сибирь и тоже на Енисей.

С большим любопытством осматривал новый хранитель Красноярского музея этот первый музей Енисейской губернии. Полгода назад умер его создатель и неутомимый собиратель, посвятивший всю свою жизнь минусинскому югу. На севере, в Енисейске, такой же энтузиаст, Александр Игнатьевич Кытманов, создал музей севера губернии. Тугаринову придется работать в центре Енисейской губернии. Надо сделать так: создать из маленького бывшего Красноярского городского музея музей всего Красноярского края, объединив в нем всю Приенисейскую Сибирь. С этими мыслями и возвратился он из поездки в Минусинск. Да! Это должно быть, конечно, не что иное, как Краевой музей. А для этого надо собрать и охарактеризовать Енисей от крайнего севера до крайнего юга. Эта мысль не давала покоя, и в одно из заседаний Тугаринов вносит проект об экспедиции на 1906 год на р. Подкаменную Тунгуску, но по каким-то причинам, не указанным в отчете, из которого мы узнали об этом проекте, ему было отказано в средствах. Видимо, действительно отсутствие средств и было причиной отказа.

Еще раз летом, в июле месяце, Тугаринов, вместе со своим другом Данилевичем, отправляется вторично на р. Ману через манскую тропу, от деревни Базаиха до Сосновки. Их сопровождает базайский охотник Семен Иванович Мезенин, для которого Мана является второй родиной и он пропадает на этой Мане, по крайней мере, две трети своей жизни. Кстати, время покосов, и у Семена Ивановича там своя кошенина. Многое узнал Тугаринов у опытного охотника-промышленника и собрал, как и в первый раз, большой материал как научного значения для кабинетов, так и показательного для экспозиции.

С 18 по 25 октября ведутся фенологические наблюдения, главным образом, в городе. Вообще, с этих пор всегда Тугаринов ведет наблюдения, где бы он ни был, и записывает также со слов других. Этот богатый материал не раз пригодится ему впоследствии.

Из печатного отчета за 1905 год видно, что за все свои поездки и экскурсии Тугариновым было собрано: около 400 видов растений, 167 предметов зоологии, этнографии, археологии, 9 образцов горных пород с р. Маны. Если сюда же причислить сборы у самого Красноярска, особенно с базайских стоянок, то количество всех предметов за год будет свыше 1500 номеров.

Тугаринов составил полный годовой отчет, в который включил и свои наблюдения за 1905 год. Начиная с этого года, главные пополнения музея идут не за счет пожертвований, а за счет сборов самого музейного хранителя и его окружения, так называемых друзей музея, которых новый хранитель быстро сумел организовать вокруг себя.

Начались работы по определению ботанических коллекций, и сразу же выяснилось, что во время экскурсий этого года уже удалось собрать 6 видов растений.

На одном из заседаний хранитель музея сделал предложение о создании при отделе редакционной коллегии для печатания трудов в Красноярске, так как то, что было напечатано раньше, имело массу грубых ошибок и опечаток. Кроме того, цена издания была высока и малодоступна для покупателя. Предложение Тугаринова было принято, и ему было поручено создать издательскую коллегию под его председательством.

За этот год у Тугариновых уже появились новые знакомые-красноярцы, а у музея - его друзья. Прежде всего, надо отметить в числе таких друзей архитектора Л.А. Чернышева и художника Д.И. Каратанова, которые и в последующие годы всегда приходили на помощь музею как своими советами, так и работой по специальности.

1906 г.

Проявленная Тугариновым инициатива и его большая работоспособность, а также значительная эрудиция в музейных вопросах были причиной того, что на него в Географическом обществе сразу же обратили внимание и решили заинтересовать его материально с целью удержания в дальнейшем на посту консерватора музея. Было решено увеличить ему жалование, и для рассмотрения и продвижения этого вопроса была создана специальная комиссия, которая вынесла следующее решение: 1 - объединить коллекции Городского музея и музея Геогра-

фического общества в одно целое, имея на учете этих коллекций пока разные инвентари;

2 - расширить помещение музея;

3 - увеличить содержание консерватору на 300 рублей в год, т.е. 800 рублей, а в 1907 году довести эту сумму до 1200 рублей.

В музее своим чередом идет работа по приведению в порядок коллекций, их экспонированию, распределению. Сборы прошлого года значительно пополнили инвентари музея, но выставочные залы были пока те же, и выставлять новое, не потеснив старое, было негде. Вполне своевременным встал вопрос о расширении музейного помещения.

Получив отпуск, Тугаринов с 20 марта по 20 апреля едет на родину, в Саратов, где осталась его младшая сестра Александра Яковлевна, и там проводит время. После возвращения в Красноярск снова общие дела по музею, которые никак не переделаешь. Средств на привлечение каких-нибудь помощников не было, поэтому приходилось делать все своими силами. Хорошо еще, что сторож музея оказался плотником. С его помощью и делались те немногие витрины и стеллажи, на которых размещались коллекции. Но большая часть была сложена все же в ящиках и для обозрения не была доступна.

Правитель дел Географического общества В.И. Анучин в этом году направляется в Туруханский край в экспедицию по исследованию остяков-енисейцев на средства двух петербургских музеев этнографии - государственного и академического. Уезжая, он не сдал дела, несмотря на предупреждение. Тогда было решено переизбрать правителя дел, и им оказался химик А.В. Вессель. Уже осенью в Красноярск из экспедиции вернулся Анучин и заявил претензию об избрании нового правителя дел. Он заявил, что это незаконно, и потребовал общего собрания, что и было сделано. 30 сентября состоялось собрание, которое подтвердило избрание нового правителя дел, Весселя. Тогда Анучин выступил со статьёй в местной газете «Енисейское слово» и за подписью правителя дел написал о незаконном его смещении. Дела он все-таки так и не сдал. Затем он пожаловался Иркутскому генерал-губернатору о незаконности действий ГО. Издавая в Красноярске листок «Красноярский дневник», он поместил в нем статью «К общественному пирогу», в которой он обвинил Тугаринова к пристраиванию к общественному пирогу через прибавление ему годичного содержания на 600 рублей больше, чем прежде. Все это очень нервировало консерватора, хотя все красноярцы хорошо знали склочность Анучина, видевшего в лице Тугаринова своего

рода конкурента на научном поприще. Но все же это было неприятно. Теперь, при новой ставке, должность консерватора музея становилась уже хорошо оплачиваемой, а в ближайшем времени вполне обеспечивающей. Это все, конечно, имело свое влияние на поведение В.И. Анучина, ревниво относящегося к новому ученому из Саратова, так быстро завоевавшему свое место под скупым сибирским солнцем.

Представители города, заседавшие совместно с представителями от Географического общества, выразили свое пожелание, чтобы консерватор музея ежегодно ездил в научные командировки по краю с целью сборов материала для пополнения музея. Такого же мнения было и само Географическое общество. Все дело было в средствах, которые доставались нелегко. Пока не были изысканы средства на большую экспедицию, Тугаринов в этом году решил провести летние месяцы - июнь, июль и август - в недалекой от Красноярска деревне Додоново на правобережье Енисея. Это место было выбрано после того как он в прошлом году возвращался из своей поездки на север и восток от Красноярска. Теперь это будет юго-восток, которым и будет завершено обследование всех окрестностей Красноярска по его ближайшим радиусам. Это местечко интересно еще и тем, что тут как бы стык лесостепного района с подтаёжьем. Вблизи Додоново и немного выше по течению Енисея, справа, в него впадает речка Кантат, по которой тайга, спускаясь с гор, подходит близко к реке Енисею. Ниже по Енисею село Атамановское, и Енисей делает поворот на север. А выше село Частоостровское, с массой островов, а еще выше - село Есаульское со знаменитым сосновым бором, куда ездят отдыхать многие красноярские семьи. Такое разнообразие местности было особенно выгодно как в смысле разнообразия растительного покрова, так и по количеству представителей пернатого населения. Исторически эти места также интересны, ведь это первые выселки из Красноярского острога, на что указывают самые названия сел, такие как Атамановское, Есауловское и др. Это все казачьи выселки, и, возможно, в них сохранились и старые пережитки и устои, которые тоже небезынтересно записать, а кое-что и подсобрать для музея.

Сама деревня Додоново в то время состояла всего из 48 дворов с количеством жителей в 280 человек обоего пола. Вот в такое-то захолустье и приехал на летовку вместе со своей женой Верой Ивановной Аркадий Яковлевич Тугаринов. Вера Ивановна еще в прошлом году помогала в сборах гербария. Это же она делала и теперь в продолжение целого лета. За время пребывания в Додоново, Тугаринов побывал во всех ее инте-

ресных окрестностях, где все время вел различные сборы. Он незаметно переходит на зоологические объекты, поручая ботанические своему верному помощнику жене. Эта летняя стационарная работа дала хорошие результаты, и Тугариновы вывезли в Красноярск много материалов. Так, по зоологии было собрано: 13 экземпляров млекопитающих, 77 шкурок птиц, 29 экземпляров рыб, 248 насекомых, более 30 представителей водной фауны беспозвоночных и других предметов, всего 436 номеров. По линии ботанической: гербарий из 650 экземпляров растений и из них 25 образцов древесины и 53 уродливости и прочее, всего около 1086 номеров.

Кроме Антоши Авксентьева, появился ещё один молодой друг музея, гимназист Александр Яворский, который принес 21 экземпляр ботанических объектов и с этих пор начал регулярно посещать музей по вечерам, делая посильные работы из любви к искусству. А работы в музее было много. Часто делали, казалось бы, и ненужную работу, как говорится, из пустого в порожнее переливали. А происходило это потому, что за неимением достаточной площади для выставки одно упаковывали, а другое выставляли. Так показывали публике и новые поступления, добытые во время летних поездок. Продолжались монтаж коллекций и их систематизация. Консерватор, которого начали теперь все чаще называть хранителем, делал шкурки или чучела млекопитающих и птиц. Так, в этом году им были сделаны два чучела медведя и тюленя. Первого он поставил выходящим из-за скалы, причем эта скала напоминала столбовский сиенит. Декорацию к этой экспозиции в виде фона тайги сделал друг музея художник Д.И. Каратанов. Это был интересный, запоминающийся уголок тайги. Тюлень был помещен на льдине, а фон, написанный в масле тем же Каратановым, изображал безбрежье Ледовитого океана, на переднем плане которого, на ползучей льдине, белый полярный медведь поедает пойманного им в воде тюленя. Вообще нужно сказать, что Тугаринов умел сам многое делать, так же, как и привлекать и заинтересовывать других своей работой и энтузиазмом. В вечерние часы, особенно в долгие зимние вечера, производились эти работы. Всего было набито чучел: 13 экземпляров птиц и 6 млекопитающих. В этот же год впервые в музейной экспозиции появились рыбы в спирту, наклеенные на цветных стеклах, отчего они рельефно выделялись в цилиндрических сосудах с прозрачным спиртом. Сначала стекло было синеватое, а затем заменено белым молочным, отчего объекты только выиграли. Черепа млекопитающих были помещены на деревянных покрашенных досках и подвешены

к стенам. Вообще, чем дальше, тем все больше и больше стены начинают играть роль спасительного от тесноты средства.

Много среди коллекций музея было неопределенного материала. Хотелось всему этому неизвестному дать настоящие научные имена. С этой целью хранителем музея предпринимаются первые шаги, в результате которых много научного материала отсылалось периодически разным большим специалистам - в Петербург, главным образом. Эти коллекции после их обработки периодически возвращались назад в музей и впоследствии стали началом научно подобранного гербария, коллекции птиц, млекопитающих и другого рода систематически обработанных материалов, являвшихся ценным справочным наглядным пособием для желающих заниматься науками на отечественных объектах. Один за другим возникали отделы музея - ботанический, зоологический и некоторые другие. Уже становилось трудно заведовать таким большим материалом одному хранителю, и сам собой вставал вопрос о помощнике. Но средств пока еще не было, и этот вопрос разрешался за счет добровольных друзей музея из молодежи.

Очень осложняла работу музея его двуведомственность, в силу которой получался параллелизм и неразбериха. Одни коллекции были городские, другие подотдельские. Эта путаница была и в инвентарях. Наконец, для выяснения отношений между двумя дающими музею руками, в заседании 11 октября этого года дума назначила особую комиссию, которой было дано задание определить эти взаимоотношения. На странице 32 «Исторического очерка Красноярского музея со времени его основания», составленного в 1914 году А.Я. Тугариновым, находим такое разъяснение по вопросу взаимоотношений: «В результате своих работ комиссия представила доклад, в котором в понятие соглашения ввела следующие изменения и дополнения: а) к отчету по музею прилагается перечень предметов, поступивших в собственность города; б) городским общественным управлением предоставляется для музея помещение, ремонт и отопление его; в) коллекциям городского музея ведутся особые инвентари по образцу инвентарей Подотдела; д) все пожертвования от частных лиц поступают в Городской музей, если жертвователем не оговорено, что он передаёт их Подотделу. В тех случаях, когда консерватор командируется на средства музея, его сборы поступают в собственность города. Если же консерватор получает средства на поездку от Подотдела, сборы составляют собственность последнего, городу же отчисляются дублеты. 28 ноября Дума рассмотрела заключения комиссии, утверди-

ла их и, кроме того, внесла дополнение, чтобы консерватор не менее одного раза в лето командировался в экскурсии для сбора коллекций собственно для городского музея». Вот такие задачи встали перед консерватором Тугариновым как исполнителем. С одной стороны, Дума старалась через ежегодные экспедиции своего подчиненного доставлять в музей как можно больше коллекций и богатеть, показывая при случае пухнувшие цифры музейных коллекций, то есть цифры ради цифр, вне в зависимости от возможности их реализации в выставке. Подотделу же Географического общества было важно исследовать как можно больше пространств края в богатейшей долине великой сибирской реки Енисея. Председатель ГО Виктор Ювентинович Григорьев был в то же время и начальником Переселенческого управления Енисейской губернии, а это обязывало его, с одной стороны, знать лучше свой край как базу для переселения крестьянства из-за Урала, с другой набивать себе цену всяческими переселенческими удачами расселения и заселения вверенной ему губернии. Поэтому ему также были выгодны все поездки Тугаринова, всегда приносящие новые знания о посещаемых районах. Тугаринову было нелегко быть между этими двумя, казалось бы, общими тенденциями освоения Приенисейского края. В чем он резко расходился с Думой, так это с ее нежеланием отыскать лучшее здание для музея, где бы можно было показать весь край. Здесь на его стороне был и Подотдел в целом, который тоже был заинтересован в конкретном показе материальных ценностей богатого края. Подотдел не гнался за цифрой как за таковой, ему достаточно было показать на примере выставленных коллекций обилие земли, ее плодородие и животноводческий раздел. Поэтому сельскохозяйственный отдел и статистика его интересовали больше всего. Но пока такой раздел в музее был очень незначительным. С точки зрения переселенческого чиновника, это наглядный плакат для переселенческих ходоков, ищущих собственной земли.

Из всего вышесказанного было ясно, что надо извлечь пользу для музея из обеих тенденций. Для Тугаринова было очевидно: что край надо исследовать и собирать коллекции. Но, прежде всего, надо сохранить то, что было собрано до сих пор как им самим, так и его предшественниками, а главное - поставить все на твердую научную основу и придать четкость всей экспозиции. Но здесь-то и была пробка, которая никак не вынималась из заколдованной бутылки. И это с самого основания музея. Вот уже третье здание меняет музей, а выставлять похорошему, как это должно быть, негде. Постановление комиссии заставило хранителя потерять очень много дорогого времени на составление нового специального городского инвентаря и вновь перебрать многие коллекции.

Желание в свободное от музейных занятий время посвятить своим научным работам никак не осуществлялось из-за недостатка этого свободного времени. А хотелось вплотную заняться изучением орнитофауны края и уже начал подбираться большой и интересный материал по этому вопросу. И только урывками он занимается измерением птиц и их описанием.

К этому времени музей и его хранитель были уже неотделимы друг от друга. Аркадий Яковлевич Тугаринов был настоящим энтузиастом музейного дела, и интересы своего музея он ставил превыше всего. Для него в этом отношении не существовало ни города, ни подотдела, а был просто музей Приенисейского края, в который он и вкладывал большую частицу своей жизни.

В конце года Тугаринов представил «Краткий обзор городского музея», который был напечатан в 3-м выпуске II тома «Известий». Здесь вся специальная часть написана им.

В этом году вышел том II вып. I «Известий Географического общества» с несколькими некрологами и воспоминаниями, а также статьями членов общества юридического и ботанического содержания; редакцию этого выпуска вел Тугаринов.

1907 г.

Начавшийся год, как и всякое начало, был полон подытоживания поступлений, регистрацией, обновлений выставочных залов новыми экспонатами из привезенных сборов и прочим, незаметным для посетителей циклом работ. Недаром работу музея всегда сравнивают с айсбергом, у которого видна на поверхности воды только одна седьмая или одна девятая часть, в зависимости от прочности льда, а шесть седьмых или восемь девятых скрыто под водой. Так и музейно-выставочная работа. Прежде чем на выставке появится какая-нибудь новая вещь, сколько с ней работают там, внутри мастерской, иногда и не один человек.

Весной, как и всегда, велись фенологические наблюдения. Стоило директору музея выйти с крыльца на площадь, объекты наблюдений были и здесь на большой базарной площади перед зданием музея. Это разные птички, прилетавшие кормиться остатками базара в виде рассыпанного зерна и т.п. На берегу Енисея и Качи своя жизнь: кувыркаясь

в воздухе, пролетают вороны, чувствуется весеннее настроение птиц. Все это надо записать, оно потом когда-то пригодится в какой-то сводке. Острова Татышев, Телячий и Конный также давали много фенологического материала и были, можно сказать, под рукой.

С 3 мая в географическом обществе на Тугаринова были возложены обязанности правителя дел. Вопросы заседаний, печати, отчетности, таким образом, оказались сферой его забот и деятельности.

Кроме того, отнимало немало времени заведование библиотекой общества. Он был самым рьяным читателем уже тогда хорошей библиотеки, но все же запись новых поступлений, а, главное, получение из других отделов Географического общества обменных материалов на свои красноярские издания тоже отнимало время. Благодаря Тугаринову в библиотеку стали приходить многие издания из многих городов России и, главным образом, из Москвы и Петербурга.

По воскресным дням музей открывался для посетителей, и это дневное время было самым беспокойным. Нужно было ходить все время по залам и следить за посетителями, среди которых было немало мальчишек, всегда отличавшихся всякого рода озорством. Правда, в эти дни всегда приходил кто-нибудь из друзей музея, особенно молодежи, и помогал в досмотре. Воскресный день. В музее буквально негде пройти, надо кого-то обходить или пережидать, когда кто-то пройдет и даст дорогу. И вот в это время раздается треск стекла. Тугаринов, бывший у входа, поспешил в крайний зал, откуда шел звук. Оказалась взломанной витрина с выставленной нумизматикой и похищены золотые монеты через продавленное стекло. Так ничего в сплошной массе посетителей не нашли. Сразу же убрали нумизматические коллекции, которые больше никогда и не выставлялись.

Одним из больших событий в жизни музея в 1907 году была первая экспедиция в низовья Енисея. Экспедиция совершена на средства и по заданию Красноярского географического общества. В составе экспедиции были только супруги Тугариновы. Но как бы попутно, на средства одного коллекционера Костарева, по этому же маршруту ехал и красноярский художник Дмитрий Иннокентьевич Каратанов.

Из Красноярска выехали 19 мая на барже «Бадарма», буксируемой пароходом срочного казенного пароходства «Туруханск».

22 мая были в Енисейске, где пароход и баржа собирали рыбаков и их суда на путину в низовьях Енисея. Ехали на барже в каюте. Из Енисейска выехали 23 мая.

27 мая были в Селиванихе. При временной остановке в Монастырком, оно же и Туруханск или Новый Туруханск, был осмотрен монастырь и его достопримечательности, в том числе гроб перевезенного сюда местного святого приказчика купца Василия Мангазейского, бывшего раньше в Мангазее на Тазу. Ревнители благочестия берут щепки от этого гроба. Гробница основателя монастыря Тихона, вериги, крест, евангелие - дар Анны Иоанновны, а также икона Василия Мангазейского, ныне запрещенная. Описание церкви только в 1750 году, т.к. за более ранние сроки все сгорело в один из пожаров. Здесь Каратанов встретил знакомого монаха из красноярского пригородного монастыря, которого сослали за пьянство. Теперь здесь было 5 монахов, и монастырь обветшал.

Селиваниха. В этом станке, как называются многие поселения Туруханщины, было всего 5 жилых домов. Жители - рыбаки и промышленники. Раньше здесь жили скопцы, которых не так давно выслали в Якутскую губернию, в с. Марху. В Селиванихе сеют картофель, есть лошади и коровы. Тайга с большими заболоченными участками. Причиной этой заболоченности служит вечная мерзлота. Здесь уже была весна в полном разгаре. Велись фенологические наблюдения и собирались коллекции из объектов оживающей природы. Тугаринова интересовало все, начиная с природы и кончая человеком, делались описания, фотографии, велись расспросы, а художник сделал для музея несколько этюдов. Эта первая остановка дала много нового и интересного материала для участников экспедиции.

12 июня сверху подошел пароход «Лена» с двумя лихтерами и паузком, груженным лодками рыбаков. Путина в разгаре, и все суда переполнены рыбаками. После выезда началась сильная качка, и паузок с лодками стал тонуть. Пришлось его разгружать и часть груза оставить в устье Курейки, где, воспользовавшись небольшой остановкой, также немного понаблюдали, поколлекционировали.

Со всякими препятствиями и особенно с погрузкой рыбаков на долго задержались в дальнейшем плавании и только 1 июля пришли в Гольчиху. Небольшие остановки в Курейке, Дудинке, на В. Бреховском и Насоновском островах, на песке Гостином дали возможность хоть немного что-то собрать и записать. Так что смена тайги лесотундрой все же была, хотя и на немногих и недолгих стоянках, отмечена.

Гольчиха и Мыс Зверовский были уже тундрой. Здесь после расширения Енисея в Бреховских островах чуть ли не до сотни верст, оба берега Енисея сходятся до 7 верст, а дальше снова расходятся, образуя залив. Хотя вода здесь еще пресная, но отливы и приливы уже дают знать о себе.

Кругом тундра. Поселок расположен на острове и имеет всего два дома русских засельников и несколько юрт в ближайших окрестностях. Здесь самоеды, юраки и долганы как бы соприкасаются своими границами. Всюду вода, мох, торф и в понижениях плавник, попавший сюда в полую воду. Солнце не заходит за горизонт и целыми сутками то поднимается над ним чуть не в зенит, то подходит к нему. Из-за ненастной погоды так и не видели солнца и только чувствовали его присутствие за затянутым облаками небом.

За неимением места в домах пришлось сделать себе квартиру в чьем-то заброшенном торфяном шалаше, внутри которого натянули холщовую палатку, где и прожили десять дней. Снова обследования, записи, сборы материалов, знакомство с националами и пр. В это время вблизи станка было до 7-и чумов самоедов. Кроме обычных сведений, Тугаринова интересовало рыболовство самого примитивного характера, засолка рыбы, копчение. Экзотически выглядели собачьи и оленьи упряжки, которые здесь, кроме лодок, являются единственным способом передвижения, особенно зимой и в глубь материка.

Все время Тугаринов вел свой дневник, в который он заносил все, что его интересовало. А интересовало его буквально все. Вот небольшой список вопросов, на которые любознательный человек искал ответы то у немой природы, то у разговорчивого человека; его догадки и мысли по поводу виденного и слышанного.

Фотографирование. Фенология. Наблюдения. Очертание берегов. Зоология. Ботаника. Геология. Этнография (чертеж Турбовского двора в Селиванихе). Костюмы, самоловы, переметы, ловушки, коптилки. Торговля, товар, обмен. Описание могил. Описание станков. О рыбаках (условия их работы). Список поселений. Наблюдение за погодой (визуально, барометр, термометры). Жилища нацменьшинств, балки, нарты. Песцы. Способ ловли оленей самоедами. Охота с доской на дикого (скрад). Долгане и их быт. И многое-многое другое. Если кто-нибудь изъявлял желание помочь или быть полезным в сборе материала, ему давались наставления и даже показывались все хитрости таксидермии. Так, один из местных русских жителей, бывший жандарм, занимавшийся теперь в Гольчихе торговлей с нацменьшинствами, по фамилии Прокопчук, заинтересовался препарированием птичьих шкурок. Пришлось показать ему весь процесс, и он обещал коллекционировать для музея птиц низовья Енисея.

11 июля на пароходе «Лена» при ясной безветренной погоде выехали из Гольчихи вверх по Енисею и через 36 часов были в Луковой протоке.

С 12 июля начинается наконец-то стационарное исследование тундры на правобережной стороне Енисея за одним из островов в расширенной дельте великой сибирской реки. На виду громадный низменный остров, который отделяет от материка широкая, но пересыхающая под осень протока. Это и есть та Луковая протока, о которой слыхал еще в Красноярске исследователь и в которой, после долгого плавания, так хотелось поработать стационарно, не торопясь и не зависеть от случая заезда парохода. На протоке стояли пароход «Ангара» и баржа. Здесь жила и работала группа водолазов и до 30 рабочих. Работа заключалась в поднятии со дня затопленных рельс, в 1905 году привезенных сюда морским путем из Гамбурга для нужд железнодорожной магистрали. Была уже поздняя осень, и приехавшие, не дождавшись приемщиков, сбросили рельсы и ушли в океан, а там - на запад, а рельсы так и лежали на дне. Теперь их отыскивали водолазы, закрепляли и лебедкой парохода тащили на баржу. В пологом возвышенном берегу была выстроена изба, и от нее вниз к воде шли ступеньки. В одной половине избы, где была русская печь, поселилась Вера Ивановна Тугаринова. Здесь же варили и сушили в дождливую погоду гербарий. В меньшей половине поселились мужчины, Тугаринов и Каратанов. На следующий же день началась работа по систематическим обследованиям и сборам. Каждое утро выходили по тропинке вверх в тундру, и каждый занимался своим делом. Велись и систематические срочные наблюдения по тем немногим метеорологическим приборам, которые были в распоряжении экспедиции. Быстро завязали знакомство с жителями баржи и парохода. На барже можно было купить масло и свежий хлеб, так как там был магазин, кашеварня и пекарня для команды. Был самый разгар лета в тундре, и так как растения спешили появиться, развиться, расцвести и дать плоды в ограниченное время (июль-август), то они появлялись ежедневно, другие уже отцветали, третьи были уже с плодами. Надо было успевать. То же и с зоологическими объектами. В каких только фазах развития не были здесь птицы - от полных гнезд с малонасиженными яйцами до пуховиков и линюков. Работы было много. Вечерами, которые узнавали только по часам, все трое собирались к избушке у костра, в котором горел кардифский уголь, одновременно завезенный сюда с рельсами, читали взятого из Красноярска Чехова. Вот какое сочетание присутствовало здесь: Луковая протока, низовья Енисея, Красноярск, Саратов, Кардиф и Гамбург.

Вначале тундра одарила гостей яркими цветами. Каратанов писал этюды с красочных тундровых ковров, а Тугаринов даже написал стихот-

ворение, подписанное Бальмонт, по поводу приколотого его супругой у себя на груди пышного соцветия тундряной ромашки, поражающего своей величиной и красотой.

Луковая протока, которая находится на правой стороне Енисея между мысами Селякиным и Казанским под 69 градусом 48 минут северной широты и 80 градусом восточной долготы, имеет длину 7 верст, в ширину полверсты и представляет хорошее укрытие для судов во время сильного шторма на Енисее. Когда эта протока пересыхает в верхней части, она служит прекрасной гаванью для судов. Вода здесь доходит до 15-16 градусов по Реомюру и можно купаться, не боясь простуды. Вот здесь-то и провела экспедиция полярное лето, пробыв 52 дня. За время стационарного пребывания здесь и регулярных наблюдений много записей в периодических явлениях природы. Если в Гольчихе комаров было мало, то в Луковой протоке они давали себя почувствовать, и сетки вполне оправдали свое существование. Масса озер и ширина водного пространства давали возможность для наблюдений за различными видами утиных, гагар, куликов и чаек. Экспедиционеры были довольны своими работами. За это время тесно познакомились с работниками парохода «Ангара» и бывали друг у друга.

2 сентября снизу подошел пароход «Туруханск», на лихтере которого № 5 началось обратное путешествие к родным пенатам. Вместе с шедшим на юг пароходом туда же улетали караваны гусей и других пернатых, покидая гостеприимную тундру до следующего года. Мысли бродили и в голове Тугаринова: обязательно побывать в этих краях еще и, может быть, не один раз. В Енисейске были только 25 сентября. Этот переезд был долгий, а так хотелось поскорее попасть домой и приняться за обработку собранного материала. Многое вспоминалось из прожитого, казавшегося даже каким-то невероятным. Ведь не раз видели северное сияние, и каждый раз оно поражало своим особым видом, совсем не похожим на предыдущий. Видели и даже испугались шаровой молнии, когда огненный шар катился с горы в сторону Енисея, и многое другое, ранее никогда не виданное. А вспомнив Селиваниху, невольно вспомнили тех ссыльных, которые ехали в трюме парохода под конвоем для отбывания ссылки в Туруханском крае. И тех ссыльных, которые жили на поселении в самой Селиванихе. Вера Ивановна вспомнила, как она однажды обжарила утку одному ссыльному, а когда через два года в Красноярске (в 1909 г.) она получила письмо от него из Лондона, куда он пробрался, бежав из туруханской ссылки, то долго не могла поверить такой связи, как Селиваниха-Лондон. Только последующие письма помогли разобраться в случившемся. После многого необычайного, что повстречали Тугариновы в Туруханщине, было много и неожиданного, как это сочетание.

В Енисейске во время остановки были в местном музее и осмотрели его. Этот осмотр показал Тугаринову еще раз, что оба местных музея, как Минусинсий, так и Енисейский, тем и интересны, что дают хорошее представление каждый о своем окружении и что Красноярский музей, конечно, должен быть как центральный, объединяющий край в целом, то есть краевой музей Приенисейского края.

Из Енисейска выехали пароходом «Святой Николай» и 4 октября были в Красноярске, потратив на переезд из Луковой протоки с остановкой в Енисейске в общем 32 дня. Общее количество верст, проделанных экспедицией в оба конца, было 4600.

Результаты поездки сказались сразу же. Во-первых, по согласию распорядительного комитета на общем собрании Географического общества Тугариновым был прочитан доклад «За полярным кругом». Далее, в изданном в конце года сборнике «Известий Красноярского географического общества» том II выпуск 3-4 было напечатано 1) «Краткий обзор Красноярского Музея, состоящего в заведывании Красноярского подотдела Импер. Русского Географ. О-ва», где Тугаринову принадлежит самый обзор музея со всеми относящимися к нему приложениями, а также на 97-138 страницах «Предварительный отчет о поездке в Низовья Енисея». Из этого отчета видно, что всего собрано 150 экземпляров птиц и млекопитающих, 1500 высших растений, 300 экземпляров низших растений, приобретено до 20 предметов быта у нацменьшинств, 100 экз. горных пород и окаменелостей. Кроме того, сделано несколько десятков фотографий, а также произведены метеорологические наблюдения. Художник Каратанов сделал несколько этюдов. При подсчете видов оказалось, что птиц собрано 93 вида, а это, если и не исчерпывало полностью состав туруханской орнитофауны, то во всяком случае было близко к этому. В списке даются как местонахождения, так и другие заметки, в частности, о гнездовании и сезонном оперении.

В таблице метеорологических наблюдений даются следующие рубрики: пункты наблюдения, число и месяц, показание барометра, минимального и максимального термометров и прочие наблюдения, в которых даны отметки о северных явлениях, направлении ветра и облачности. Наиболее важными надо считать наблюдения во время более

продолжительных стоянок: село Селиваниха с 27 мая по 12 июня, село Гольчиха с 1 июля по 12 июля и Луковая протока с 14 июля по 2 сентября.

Зимой этого года Тугаринов во время своего отпуска был в Петербурге и Саратове у сестры.

1908 г.

Только в 1908 году дело о переоборудования музея было реализовано в результате работы специально выбранной подотделом комиссии из Тугаринова, Весселя и (неразборчиво), которые в сотрудничестве с архитектором Л. Чернышевым составили план этой реорганизации. Решено было начать переустройство с весны с тем, чтобы все сделать за лето и осенью начать работу музея в новом, более приспособленном помещении. В связи с предполагавшейся работой по переоборудованию, коллекции музея пришлось прятать в ящики, на что ушло много времени и труда. На заседании распорядительного комитета Географического общества А.Я. Тугаринов доложил план новой поездки в Туруханский край, из которого можно было судить об общей схеме этой поездки. На эту поездку подотделом было ассигновано 500 рублей и, кроме того, в ней материально принимал участие петербургский музей этнографии Александра III. Маршрут экспедиции был таков: вверх по р. Пакулихе и с вершины ее волоком на р. Таз. Этим путем в начале XIX столетия доставлялся на р. Таз хлеб для хлебозапасных магазинов. Перейдя в систему р. Таза и сплыв по этой реке возможно дальше, нужно было одним из волоков выйти на р. Турухан. Затем на Енисей, с таким расчетом, чтобы успеть с последними пароходами вернуться в Красноярск. Задачей экспедиции были съёмка пути, сбор естественноисторических и этнографических коллекций, производство метеорологических и иных наблюдений. Описание и исследование страны. В состав экспедиции входили Тугаринов, студент петербургского университета И.Е. Бойков (орнитолог), препаратор Бутурлина, А.К. Цельмин и лесной кондуктор А.П. Ермолаев в качестве рабочего.

Выехали из Красноярска на пароходе «Лена» 17-го мая и по каким-то пароходским делам остановились в г. Енисейске, где были 18-го в 6 часов вечера. Еще прошлогоднее знакомство помогло устроиться на пароходе. Экспедиция живет на пароходе и только 21 мая пароход, покинув Енисейск, пошел дальше на низ.

О том, что делали некоторые члены экспедиции в Енисейске, лучше всего расскажет приводимое ниже письмо Тугаринова от 20 мая с парохода «Лена» своей жене Вере Ивановне в Красноярск.

«Лена» 20-V-08

Вчера часов в 6 вечера я получил твою милую телеграмму, которая меня тронула своим теплом, милым содержанием. Жаль, что не прислала ты ее сегодня, всё бы имел от тебя весть днем позже. Пришли мы в Енисейск, как ты уж знаешь, 18 в 6 ч. вечера, прошли благополучно. Остаток дня мы провели в хлопотах по приисканию лодки, побывали также у Кытманова. В хлопотах с лодкой прошла и половина вчерашнего дня - 19 мая. Наконец нашли одну и купили, большую, как у рыбаков. Не знаю, как мы будем перетаскивать ее на волоке. В 12 ч. вчера пошли к Кытманову - сначала посидели у него вместе с Исаченко и его помощником, а потом пошли в музей, где и пробыли до 5 час. вечера. Вчера же сделали всё, что было нужно, дополнили снаряжение и теперь дело уже не за нами. Сегодняшний день мы с И.Е. отправились на экскурсию, и я убил первую утку из нового ружья и первую в этом году. Цельмин ходил на экскурсию вчера на целый день. Всего в Енисейске мы уже добыли до 2 десятков птиц. Жаль только погода тут плохая - ветер, дождь и гораздо холоднее, чем в Красноярске. Енисейск здорово затопляло водой и следы наводнения видны еще и теперь: заборы лежат, тротуары поперек улиц, нижние этажи пусты и сушатся. Вода была на набережном бульваре. В Енисейске встретили коекого из старых знакомых - Адьку, Харченко и пр. Все справляются, едешь ли и ты. Своим присутствием, а в особенности работой в виде снимания шкурок, мы приводим всех в искреннее недоумение. Недурен бывает и Цельмин, когда его начинают расспрашивать, что он делает и для чего это. С пароходскими у меня наилучшие отношения. Пумпур провел к нам в каюту электрическую лампочку, капитан мило здоровается, о А.П. нечего и говорить. Пишу это письмо в его каюте, которую он мне предоставил в полное распоряжение. Народу на ту... поедет, кажется, не очень много. Уходим завтра в 12 дня. Я не знаю, Шульга должно быть не понял меня - никаких пластинок ему не прислано, а есть лишь две расписки, которые посылаю и которые присланы как оправдательные документы. Передай их ему с моим приветом. Веруся, на те деньги, которые получишь из Питера, купи себе, пожалуйста, макинтош, какой тебе захочется. Вот что еще: быть может, мне удастся послать еще одно письмо уже с волока, когда будут возвращаться наши рабочие. Но особенно не жди, это только может быть. Мы все здоровы, первые дни только Ермолаев страдал животом - расстройством. Я по-прежнему спокоен за ход наших работ, т.к. сделал всё, что мог и что можно было сделать вообще. Если бы ты посмотрела на нашу последнюю ладью, то, наверное, оставила бы всякую мысль о

возможности из нее вывалиться, т.к., не преувеличивая, можно 2-м человекам спать на борту, и она не перевернется. Право не вру!! Словом она может поднять I00 пудов груза. Карошка здоров, Каро (собака) работал на охоте, но еще не бросил городской привычки, сухой хлеб не ест. На пароходе его потрепал владимировский пес, за что последний был мною избит. О Каро все заботятся, ходят с ним гулять, Цельмин очень его любит. Ермолаев помогает снимать шкурки и когда на него зевают пассажиры, чувствует себя героем. В общем, тебе могу очень мало еще сообщить интересного, и всё слагается из уже изложенных мелочей. Ко всем поручениям могу еще только прибавить одно, напечатай и пошли Тарасу нашу карточку. Бумага и вираж фиксаж есть у меня в конторке. Не забудь отнести в библиотеку книги на французском языке о птицах. Прости, родная, но больше нет ничего написать. П.А. просит передать почтение. Бойков низкий поклон».

25 мая были в Нижне-Имбацком, где разгружались и перегружались в лодки. Теперь предстояло сначала сплывать по течению до Верещагиной, покрыв расстояние в 40 верст до станка Верещагино, и оттуда перебираться на левую сторону Енисея к устью р. Пакулиха (расстояние в 15 верст). Погода не благоприятствовала сплаву, т.к. на Енисее была из-за низового ветра сильная волна. В общем, в Верещагино были только 27 мая. Об этом периоде хорошо говорит сам Тугаринов в своем очередном письме своей жене в Красноярск от 29 мая, которое и приводим целиком. А пока обратимся к спутникам Тугаринова и дадим им некоторую характеристику.

Прежде всего, препаратор Август Карлович Цельмин. В экспедиции русского ученого, орнитолога Сергея Александровича Бутурлина в Колымский край, этот, известный в Европе, препаратор сопровождал орнитолога. Благодаря его работе Бутурлин собрал большое количество орнитологических материалов. Умение добывать, препарировать и консервировать птиц, было поистине поразительное, а сделанные им чучела были художественны в полном смысле этого слова. Аккуратность и быстрота, которыми препаратор обладал, поражала даже специалистов таксидермии. Для Цельмина ничего не стоило сделать прекрасное чучело из рваной и загрязненной шкурки птицы. Собирая по перышку, отмачивая, разглаживая и распушая в крахмальной муке, он производил кропотливую работу реставрации заведомо испорченного материала и получал отличные результаты. Если сюда прибавить удивительную работоспособность, то перед нами замечательный помощник особенно необходимый к экспедиции. Рекомендация Бутурлиным Цельмина вполне оправдала себя и Тугаринов, конечно, был доволен своим препаратором.

Александр Петрович Ермолаев, взятый как рабочий, сначала произвел на начальника экспедиции неблагоприятное впечатление. Но это мнение было результатом поспешности суждений. Впоследствии из Ермолаева вышел большой пытливости человек, ко многим работам которого не нашел бы придирки самый взыскательный и требовательный ученый. Все, чтобы не начинал делать Ермолаев, он делал на базе солидной подготовки себя к этой работе. А занимался он многим. Прежде всего, он подбирал литературный материал, говорящий о достижениях его предшественников в данной области. Затем составлял план действий и часто новаторски подходил к исследованию материала темы. А занимался он в своей жизни ботаникой, зоологией, этнографией, археологией, языкознанием и всегда задеваемые вопросы этих наук он старался развивать как в глубину, так и в ширину. К сожалению, прожил он не долго. Но то, что им было сделано, до сих пор достойно и уважения к его труду и даже подражания его методам работы. Впоследствии он был прекрасным помощником Тугаринова и они друг другом были довольны. Молодой студент Иван Емельянович Бойков оказался просто участником экспедиции и впоследствии, как и всякая случайная фигура, исчез из памяти.

Верещагина 29-V-08.

Как видишь, сегодня, 29 мая, и мы еще не выбрались с Енисея. Причин к тому несколько, а главная погода. Все подробности ты узнаешь из посланного вместе письма к Григорьеву. Подробности эти исчерпывают фактическую сторону дела. Что же касается личной стороны, то, как и раньше, могу сказать немного. Все здоровы, не хворали. Во время бывшего переезда на лодках из Н-Имбацкого в Верещагину не спали 2 ночи, зато, при приезде сюда, спали, не просыпаясь, 12 часов. Много хлопот с багажом: приходится следить, чтобы не подмочило, не сорвало ветром, не захлестнуло волной. Сейчас пережидаем снова погоду. Наши маленькие лодки (кроме большой), будучи загружены, сидят очень мелко и чуть волна, их начинает заливать. Тогда мы пристаем к берегу и, смотря по силе волнения, вытаскиваем их на берег. Я жду не дождусь, когда мы уйдем с Енисея на спокойную Пакулиху и пойдем спокойно. Теперь большая задача найти гребцов. Вчера приходил один обруселый остяк наниматься в проводники и пожелал получить по 3 р. в день. Был, конеч-

но, обруган и отставлен. Кажется, придется воспользоваться услугами политических. Теперь их здесь 12 чел., в том числе 10 новых. Погода хмурая, осенняя, сеется дождь, ветер, хоть и не сильный. Пакулиха против нас, близко, а не попадешь никак. В Верещагиной мы живем на земской, наводим на жителей страх и уныние своим видом, а, главное, занятиями. Они давно уже решили, что кто в бога не верует, тот такими делами заниматься не станет. Непонятно все от начала и до конца. Особенное впечатление производит, кажется, Цельмин. Тем не менее, хозяйка решила, что мы должно быть из благородных, чай выносит на подносе и угощает. Все так честно, хорошо. Каро тоже объект наблюдения и удивлений, особенно поражают уши. В Фатьянихе мы убили 13 штук разных уток. Цельмин работает очень усердно, если так дело пойдет дальше, то привезем не менее тысячи одних птиц. Растительности нет еще никакой, березы только что распускаются. Ермолаевым я не очень доволен. Он рохля, всё ему нужно указывать, но с другой стороны нельзя ничего поручить самостоятельно, т. к. напутает. Еще мне в нем не нравится, что он старается быть умнее и больше того, чем он есть. Однако, я, не стесняясь, останавливаю его. ИВ. ЕМ. добросовестно относится к своему делу, как помощник он хороший, однако сведений у него не так много, как я думал, и в птицах он слаб. У меня если и были моменты недовольства, то только Ермолаевым.

1 июня. Просидели мы здесь до сегодняшнего дня. Всё время была мерзкая погода - дождь и ветер, почему я не решался пуститься через Енисей, хотя Пакулиха напротив, на том берегу. Гребцами нанял политиков, насилу нашел, никто не хочет ехать, а крестьяне на промыслах. Нанялись они на всем готовом за 2.50 к. в день человеку. Словом подъем по реке мог влететь в шишку, однако, иначе положение безвыходное. И то, едут, чуть ли не из одолжения. Передай письмо Григорьеву и попроси его тебе прочитать. Мы всё время упорно коллектируем, уже собрано 130 шкурок птиц. Все здоровы, ни в чем не нуждаемся. Итак пока до свиданья до след. письма, которое, кажется, получишь в начале июля почтою из Туруханска, уже с волока. Будь здорова. Я часто не раз в день думаю о тебе, надежда, что ты цела, здорово бодрит меня».

Быстрая таёжная река Пакулиха недружелюбно встретила экспедицию. К такому далекому и трудному пути многое оказалось неприспособленным. Прежде всего, в это время здесь была еще весна и полые воды от тающих снегов создали быстроту течения, с которым сразу же пришлось бороться. Берега были затоплены и бичевника не было. Пришлось

идти к крайнему средству, употребляемому только в исключительных местах, заводом бичевы в легкой лодке и подтягивание тяжелой лодки, груженой почти до бортов. Конечно, пройти далеко было трудно при таких условиях плавания. Кроме того, те двое рабочих, которые были наняты, были не местные люди и не были приспособлены самой жизнью к местным тяжелым условиям жизни и труда. Не было и соответствующей одежды и других приспособлений, обычных у жителей данной таежной полосы Туруханщины. Так, когда появился настоящий бич лета, комар, у участников экспедиции не было даже матерчатых индивидуальных пологов, и они не имели отдыха даже за ночь от утомительной, изнуряющей дневной и ежедневной работы. Все это создавало те условия, при которых начальнику экспедиции пришлось принять единственное благоразумное решение повернуться на 180 градусов и вернуться к устью негостеприимной реки Пакулихи, что и было сделано. Действительно, это был единственный исход. Кроме того, на Пакулихе совершенно отсутствовало какое либо постоянное население, с помощью и советами которого можно было продолжать этот нелегкий поход. Встреченные заломы леса были одной из основных причин такого решения вернуться к исходному положению, тем более, что впереди еще было много неизвестного, могущего быть и роковой неожиданностью для членов экспедиции в целом, или для ее отдельных членов. Минимум средств для найма рабочей силы играл также не малую, а, пожалуй, и значительную роль в этом деле. Наконец, здесь всё котировалось временем, а громада маршрута никак не укладывалась в этом, незначительным для туруханского лета, времени. Ведь если, посмотрев на географическую карту этих мест и подсчитать, хотя бы приблизительно, километры пути и возможное время для их преодоления даже в нормальных условиях, то и тут имеется видимый диссонанс их сочетания. Может быть, впервые для Тугаринова, был сам собой поставлен вопрос о целесообразности такой наметки в такой непродолжительный срок. Но, в тоже время, это была та наука, после которой, вторая оплошность не должна повториться. И мы знаем, как впоследствии он учитывал все, возможные случиться в пути, обстоятельства. Вплоть до того, что им были разработаны схемы как общих маршрутов, так и таких, казалось мелочей к ним, как, что нужно брать с собой для поездки на север, и что для южных широт. Здесь были учтены все климатические особенности местности. Узнал он впервые и то, что простой комар в туруханской лесной зоне не только назойливый гнус, как его называют сибиряки, а большой климатический фактор, борьба с которым должна

вестись при освоении местности так же, как с холодом или жарой, с непомерной влажностью или чрезвычайной сухостью. И как это впоследствии пригодилось исследователю. О тех, приблизительно 20-ти, проведенных на Пакулихе днях, хорошо можно узнать из письма от 22 июня.

С. Бакланиха 22-VI-08

Я представляю себе твою удивленную и обрадованную рожицу, когда ты получишь это письмо. Да, признаться, если бы 5 дней тому назад, мне кто-нибудь сказал об этом, а тем более в помеченном выше пункте, я бы сам не поверил. Однако, факт на лицо, и для того, чтобы тебе понятнее было, расскажу всё по порядку. Ты уже знаешь из письма, посланного из Верещагиной, что мы выехали на Пакулиху 1 июня. День был ненастный, я долго колебался ехать или нет, т. к. на Енисее ходил порядочный вал, и я боялся за наши маленькие лодки. Однако поехали, ждать было некогда, а во время переправы были моменты, когда я усиленно курил, словом, и не был уверен, что будет через 5 минут. Однако всё кончилось благополучно, и мы переехали на устье Пакулихи и остановились до завтра, чтобы кое-что окончательно устроить, набраться сил и ехать вверх. Пакулиха нас не побаловала. Первые же вёрсты заставила напрячь все силы, чтобы выгрестись против воды, а после обеда мы окончательно спасовали, бешеное течение остановило наше движение. Идти бичевой было невозможно - берег весь был покрыт затопленным тальником, тальник занимал и всю прибрежную полосу воды. Тогда мы прибегли к исключительному способу. На маленькой порожной лодочке завозили вперед веревку, привязав ее к кустам подтягивали лодки, привязывались к кустам сами, снова завозили веревку и т.д., словом, за пол дня прошли версту. На второй день попробовали идти на веслах, кое-как выбивались и вот, делая по 5-6 верст в день, шли так до 10 июня. Нужно добавить, что к этому времени уже началась жаркая, безветренная погода и появились комары. Последних появилось такое количество, что и представить себе трудно. У нас начались бессонные ночи. Спали рядом с костром в сетках, укутавшись в одежду. Но чуть заснем, становится душно, нельзя дышать. Раскроешься, впивается тотчас же армия комаров. Это действительно бич, это обстоятельство первейшей важности в жизни края и с этим фактором приходится считаться также как, например, с климатом или почвой. И как мы не уставали за день, ночью спать все же не могли, и кому за сутки урывками удавалось соснуть часа 4-5 - считал себя удовлетворительным. Это страшно сказалось на силах всех участников, особенно страдал один из рабочих - политиков - российский. Я тоже измотался порядочно. Наконец, несчастное 13 число подарило нас первым солидным несчастьем. Совершенно неожиданно мы наткнулись на такое место реки, где она на расстоянии 50 саженей оказалась забитой сломанным и принесенным лесом. Нам ничего не оставалось делать, как перетащить весь багаж и свои 3 лодки на это расстояние по берегу. За этим малоинтересным и мучительным занятием мы провели 14 число и 15 снова поплыли. Мы проплыли еще 4 дня и вот 17 июня встретили новый такой же завал, только вдвое больший. К этому времени мы сделали всего около 100 верст. Это за 16 дней пути. Теперь передо мной стала дилемма - идти или не идти дальше. С одной стороны, не идти, значит отказаться от всей программы лета, отказаться от Таза, экспедиции, о которой думал 2 года, отказаться от всех тех плюсов, которые она давала, как и в отвлеченно научном и географическом значении, так и в личном. Идти? Но тут-то и разные «но»…

1. Если бы дальше и не встретили ни одного нового завала реки, что мало вероятно, то на озере мы были бы не ранее 5-10 июля, принимая во внимание скорость движения нашего. Если же встретились бы завалы, то мы могли бы пройти всю реку не ранее 15 июля.

2. Считая, что рабочим за каждый день я плачу 5р., до 15 июля я должен был бы им заплатить 225 р., т.е. почти весь свой запас денег, а впереди должны быть еще покупки и волока.

3. Приехав так поздно на Таз мы должны бы были все силы употребить только на возможность выбраться с Таза, что лишило бы нас возможности коллекционировать, мы могли бы опоздать к пароходам и застрять на неопределенное время. Нет гарантии, что мы непременно встретим остяков в верховьях реки, что на половину должно обесценить выбранный путь и пр. Принимая всё это во внимание, я решил повернуть обратно, не переходя второго завала. Это было ночью с 17 на 18 июня. Я много передумал за это время, советовался с И.Е., кот. тоже был совершенно обескуражен. Нужно было еще считаться и с самочувствием всей публики. Все измучились, повесили носы, энергия пала. И вот, 18 утром, мы повернули назад. На конечном месте нашего пути срубили березу, поставили крест и вырезали дату. Кто знает, когда еще попадут туда люди. 3 недели мы плыли, и за это время ни разу не видели следов человеческой деятельности, видели только следы медведей, птиц, раз слышали, как медведь ломал деревья. Вниз поплыли мы быстро. В ночь с 18 на 19 были на первом заломе, т.е. в день вниз прошли то, что вверх шли 4 дня. 19 числа при адской жаре и комарах перетаскивались снова

через тот же волок и в ночь вышли на низ. Лодки связали вместе, шли на две смены гребцов и день и ночь, и 21 утром были на берегу Енисея. Был абсолютный штиль, мы легко переправились через Енисей. Пообедали, причем позволил себе роскоши после трудов: конфеты, коржики, сушки. В 6 ч. вечера попали в д. Бакланиху, 30 верст ниже Верещагиной. Что же вы будете делать дальше, спросишь ты. Во всяком случае, было бы неблагоразумно ликвидировать дело и ехать обратно. Я решил хотя бы набрать коллекций. Так как сделать этого здесь нельзя за отсутствием инородцев и однообразием местности, поэтому я решил снова, как и в прошлом году, ехать на низ. Числа 25-го здесь пройдет «Лена». Мы сядем на нос и поедем в Глубокую, где проживем месяц, и выедем 5 сентября домой. Так. обр., ты можешь послать мне письмо с пароходом, кот. выйдет из Красноярска 10 июля газеты, словом, все, что будет можно. Все это получу 31 июля. С моей стороны, с каждой возможностью я буду тебе писать. Послать нам письма ты можешь ещё 30 и 31 июля. Пересылку, д.б., легче будет сделать через Ледашнова или Власова, так как ведь ни «Туруханск», ни «Лена» не будут в Красноярске. Милая детка! Я тебе признаюсь, что были дни, когда я сильно скучал по тебе. Однажды у меня болели зубы, так, что не спал целую ночь, а однажды и прихворнул еще вообще. Вылечился коньяком. Если бы ты знала, как я благодарен тебе за перчатки, кот. ты мне положила. Без них я бы пропал от комаров. Пригодилась и простыня: ей я обвертывал голову от комаров. Если бы ты посмотрела, в каком виде вышли мы из тайги. Умываться было невозможно от комаров, мыло не трогали, а мазались смолой и дегтем. Пили через сетки, а ели уткнувшись головой в костер. Разложим 5-6 костров из гнилушек, чтобы больше дымили и сидим. Один из рабочих намазал всё лицо и шею дегтем и ходил как черт из «Черевичек». Мой желтый костюм оказался великолепным. На нем ни дырки, сшит крепко и удобно. Мочил нас еще дождь, фунтов 10 белых сухарей пропало. Все время была жара, духота. Однажды проплывали такое место, что нет берегов. Вода и верхушки затопленных деревьев. Пристать, поесть негде было, почему мы ели только сухари, размачивая их в реке. Теперь ты, я думаю, не пожалеешь, что не поехала. Каро страдал тоже, но мало, мы его все время укрывали палаткой, так он и ехал на лодке, завернутый в нее. Как-то ты родная поживаешь, как идут твои сборы. У нас по гербарию собрано еще очень мало. Ехали всё время местами только что вышедшими из-под воды и цветов никаких не было. Что нового в городе среди знакомых. Напиши всё только подробно, как я написал. Одновременно пишу обо всем Григорьеву. Напиши, как обстоит дело с ремонтом, с сторожами. Верушка, если можно будет, навари побольше варенья, а если много будет грибов, то намаринуй их. Их маринуют, кажется, также как бруснику, только без сахара, а с солью.

Перемена программы лета подняла настроение кк. тк знаешь, как я люблю тундру, а по Тазу мы до нее не добрались бы. Однако, я все-таки пока чувствую себя усталым, на пароходе хотя уверен, удастся отдохнуть. Сегодня у нас праздник. Сидим в избе, комаров нет, переоделись, умылись, причесались. Мне все штаны стали широкими. Милый детик! В нашем расписании некот. перемены. Я и раньше побаивался, как бы ни вышло осложнения с пароходом, станок маленький, зайдет ли он за нами, если даже и выехать навстречу. Сейчас проехал вниз Козлов и рассказал мне малоутешительные, в этом отношении, примеры. Вот почему я решил не ждать парохода здесь, а ехать в Селиваниху на земских подводах, т.е. лодках. Таким образом, завтра, 23, не позднее полудня, мы едем в дорогую Селиваниху. Там-то мы пароход уже поймаем. А доехать за 5 дней до 27, когда там должна быть «Лена», мы, безусловно, поспеем. Итак, это письмо я отправлю тебе с «Туруханском», думаю, что дойдет оно тогда скорее, чем почтой. Ты его должна получить не позже 15 июля.

20.3 ч. ночи. Родная Верушка. Я только что написал эти строки и вышел на улицу прогуляться на ночь с Каро. Вижу, с низу идет какой-то пароход. Бинокль - это «Туруханск». Негодяй, на целую неделю идет раньше расписания. Я на берег, с И.Е. в лодку, захватил и твое это письмо, а главное, поехал просить, чтобы Изотов передал «Лене» взять нас отсюда. Встретил и Власова, который с «Леной» поедет обратно. Обещал зайти за нами и, прости дорогая, я так был обрадован об (неразборчиво) дела, что забыл передать это письмо. Посылаю его почтой, которая пройдет здесь 24-25 числа. На этот раз нам фартонуло. Итак, до свиданья. С момента получения этого письма половина разлуки уже пройдет. Будь здорова дорогая, пусть хранит тебя судьба. Крепко тебя целую, пиши больше.

Твой Адя.

Р. Если на имя кого-либо из спутников будут письма, тоже пошли. Пошли также I экз. оттиска моей работы о прошлогодней поездке. Оборот дела сохраняет у меня один-два десятка рублей».

Воспользовавшись проходящим пароходом «Леной», члены экспедиции на лихтере № 5 сплыли до речки Глубокой, и как ехали в каюте, так и остались в ней, что очень устроило всех в смысле всяческих удобств. Имея

постоянное удобное помещение можно было отсюда делать всевозможные выходы и выезды. Речка Глубокая находится на правом берегу Енисея в 57 верстах от устья с. от Гольчихи, и в 2506 от г. Красноярска. Местность тундряная. Прибыли сюда 1 июля и прожили здесь до 20 августа. Начинаются регулярные обследования окрестностей и сбор материалов по всем разделам. Ведутся фенологические и метеорологические наблюдения. Пригодились и мельчайшего диаметра сеточки для планктона, которыми были добыты микроскопические объекты воды, служащие для рыб пищей. Жизнь идет размеренным шагом, и ежедневные прогулки по тундре дают ощутимые результаты, что радует и воодушевляет коллекционеров.

Здесь в устье р. Глубокой экспедицию посетил Окулич, начальник земледелия и землеустройства Енисейской губернии, а также Исаченко, рыбовед, с которыми Тугаринов разговаривал об экспедиции. По всему было видно, что неудача с Пакулихой была поводом для создания не особенного дружелюбия в отношениях при встрече. Видимо, вообще кое-кому не нравилось то, что только что, приехавший из чужой земли человек, ведет себя слишком самостоятельно и проявляет большую инициативу. Если здесь это отношение сказалось только в некоторой натянутости при разговорах, то по приезде в Красноярск, со стороны этого начальства были высказаны некоторые соображения по поводу Пакулихской неудачи уже в более определенной форме. Обычная зависть к чужой инициативе - это обычное явление среди чиновствующей интеллигенции. А что отношения были испорчены видно из письма жены Тугаринова к нему из Красноярска в Глубокую. Вот несколько строк: «… Что у тебя вышло с Исаченко? Когда Мария Константиновна была у меня, то по манере рассказывать о тебе, я ясно поняла, что Иосиф Константинович что-то против тебя имеет, и я перестала расспрашивать. Оказывается, Исаченко остался очень недоволен своим визитом к тебе, будто бы ты не дал не только сведений, какие он желал иметь о Туруханском крае, не дал ему и советов, что взять с собой из продуктов. Что касается последнего, то это ложь, т.е. я сама помню твои советы, о первом же не помню. Вообще из разговоров Мар. Конст. Выяснилось, будто бы ты весьма демонстративно отнесся к этой экспедиции Окулича. Как пример лодка, которую ты не дал землемеру, должно быть в Глубокую. Все сие меня очень задело, потому и спешу уведомить тебя об этом обстоятельстве, чтоб ты не заблуждался насчет отношений…».

Конечно, приехав в Красноярск, Окулич и Исаченко пожаловались Председателю Географического общества В.Ю. Григорьеву. Из всего этого видно только одно. Каждый чиновник, давая отчет о своей деятельности

вышестоящему лицу или организации, должен был подкрепить данные какими-то конкретными цифрами или фактическим материалом. Таких данных у начальства не было, и оно попросило их у уже бывавшего в низовьях Енисея Тугаринова, а так как, возможно, он их не дал, имея в виду сам использовать свои труды, то и получился такой конфликт. Конечно, это всё неприятно подействовало на экспедиционеров и особенно на руководителя Тугаринова. Но повседневная работа по коллекционированию быстро замела собой следы этой неприятности, и работа продолжалась. Вот одно письмо жене в Красноярск из Глубокой от 6 июля 1908 года:

«Лена» пришла и уходит раньше срока, а потому большого письма не могу тебе послать. Мы живем на лихтере № 5 в Глубокой, очень удобно, в каютах, все здоровы. Коллектируем по мере сил. Об нас тебе может кое-что рассказать Окулич, сходи к ним. Надеюсь, что ты получила мое письмо из Бакланихи и знаешь обо всем прошлом, также надеюсь, что получу письмо о тебя с 4 м рейсом. Мы, вероятно, проживем здесь все лето до 20 августа. Многое мог бы написать, но не могу, нет времени. Мы с И.Е. вероятно сделаем небольшую экскурсию вверх по Глубокой. Во всяком случае, с последним рейсом ты что-нибудь да пришлёшь мне… Поклон всем знакомым, пиши, как в музее?...»

А в музее в это время шла усиленными темпами реконструкция помещения, как музея, так и квартиры Тугариновых. Чернышев старался, чтобы к возвращению из экспедиции все было готово.

И еще одно письмо из Глубокой от 25 августа 1908 года. «…Повторяется та же история, пароход пришел на 5 дней раньше и потому большого письма послать не могу. Вкратце могу сообщить следующее: Мы все живы, здоровы, не хворали. У меня самочувствие лучше. Живем пока также хорошо и удобно, как и в прошлом году. Друг с другом свыклись, изучили, почему не бывает каких-либо недовольств и недоразумений. Собрали большой материал, одних птиц уже 700. Во всяком случае, гораздо больше, чем в прошлом году. Я думаю, что в этом году пароход не опоздает также с приходом в Енисейск, как в прошлом, почему 25-26 сентября будем дома. Бродили с И.Е. вверх по Глубокой, была очень интересная поездка, но не удалось пробраться дальше 50 верст. Очень мелкая река. Нашли порядочно интересных новинок - рыб, птиц. Погода теперь хорошая, бывает 15 градусов тепла, а раньше мерзли. Черные свои сухари мы обменяли на белые. Продукты еще есть в достаточном количестве, едим хорошо, больше дичь, покупаем и рыбу. Готовит Ермолаев, я его узнал поближе, он не так глуп, как кажется, больше не

развит. Цельминым я доволен, а И.Е. ( ) порядочный, но мы с ним ладим. Это последнее письмо от меня, теперь жди уже телеграммы из Енисейска, пиши последним рейсом. Мы потеряли счет дням и числам, в работе день идет за днем. Однако, скоро начнутся ночи и вечера, будем их коротать. Не знаем, что делается на свете, да и не думается об этом. Думаю часто о доме,…. Думаю, как устроимся на зиму. У меня уже намечаются планы работ зимних. Многое мог бы рассказать из своих думок, но подлый пароход не будет ждать, никак не думал, что он так поспешит…».

Из дневника 1908 г. Р. Глубокая

«8-VIII. Редкий в тундре день. С утра потянуло S, потом немного W, но легкий. С утра слышно было гром, по небу бродили тучи, но неба не было видно, кругом висела туманная пелена, солнце светило красноватым светом.

В 2 часа отправились под парусом вверх по Глубокой. В 4 часа началась гроза, туман начал сгущаться, солнце скрылось совершенно, брызгал дождь. Было очень тепло, даже немножко душно, совершенно заштилело. К вечеру туман сгустился еще более, окрестности пропали в неясной пелене. Было темно настолько, что пламя костра в тумане давало зарево. Тишина стояла могильная, ни звука, ни птицы, ни зверя, ни человека, ни воды. Видна лишь вода, а кругом бесформенная, непроглядная, бледно-молочная пелена, недвижимая, бесконечная. Находишься где-то вне времени и пространства. Нет масштаба, нет ориентировочных пунктов. В 3 часа туман несколько рассеялся, потянул N, но к 4 часам опять заштилело, и туман усилился, а вскоре потянул опять S.

8-VIII. - Весь день дома, поджидал своих. Отдыхаю, читаю, думаю. Тихо, хорошо. Весь день какая-то туманность, не ясно, но солнце светит во всю, тепло, тихо. Вечером на закате залив потонул в неподвижном тумане. Горизонт и неясное небо слились, штиль. Именно так как художники рисуют штиль. И чайки также вьются и лодка одинокая на воде. Бросить бы пару камней на береге и картина из типа Айвазовского готова. И гагары на озерах стонут сразу, как сговорившись, Пролетают, переговариваясь стайки песчанок и камнешарка, иногда захохочет чайка и донесется с тундры крик летящих на кормежку гусей. Чайка уселась на отмели, и отражается белыми пятнами на неподвижной воде. Шайтанский мыс весь в тумане, берега не видно, только темнеет он. Чуть-чуть пробежит изредка ветерок. Без умолку разговаривают гуси на лихтере. Как только начнут рыбаки бросать рыбу, сейчас является откуда-то чайка и начинает кружиться. Ее товарка с ближней отмели заметит это, снимется и тоже летит. Начинается ссора отгоняющих друг друга от плывущей рыбешки птиц. Это как бы сигнал для всех соседей. Сразу откуда-то набираются они до десятка, полутора и более штук, и начинается промысел. В компанию врезается поморник, чаще всего ловким движением кидается к чайке, только что собравшейся проглотить пойманную рыбешку, и отнимает ее. Чайка конфузливо, раздосадованная, отлетает в сторону.

Соколята на лихтере прижились. Растут, оперяются. С удовольствием едят птичек, для чего предварительно ощипывают их, хотя и не начисто. Есть начинают с головы, мозг выдавливают. Ссорятся, отнимают друг от друга.

5-VIII. - Спутники все уехали вверх по Глубокой в 12 часов дня. Я один, тихо, ни с кем не надо считаться. Хорошо. Снимаю шкурки. Читаю. Всё время S. Бал 2-3. Тепло».

А.Я. Тугаринов

Солнце стояло уже высоко над тундрой, когда старая Кыдунэ первой открыла полог, привстала на своем месте. В чуме еще спали, сама она еще боролась со сном. Она запустила обе руки в свои перепутавшиеся, давно не чесанные волосы, и принялась скрести в голове. Громкое позевывание Кыдунэ привлекло внимание спящей рядом с ней собаки - она приподнялась, ткнула своей мордочкой хозяйку и опять свернулась поудобнее под боком ленивого Тунулы. Кыдунэ встала, потянула на себе парку и вышла из чума. Скоро она вернулась с охапкой пустырника, который она вчера надергала в логу и на дне тундряного овражка. От куска сухого поленца, привезенного издалека, с берега могучего Ожедома (Енисея), настрогала стружек для разжига, и скоро столб дыма из чума богатого Тунулы дал знать, что в нем уже начался день. Кыдунэ подвесила котел с водой и время от времени маленьким мехом раздувала плохо раздувавшийся и разгоравшийся сырой тальник. Ее возня вызвала из дремоты ветхую Фанку. Слепнувшими, слезящимися глазами она долго смотрела на огонь, как будто что-то соображая, трясущимися руками набила трубку, придвинулась к огню и как будто застыла в этой позе.

Теперь Фанка из милости доживала свой век в чуме своего богатого дальнего родственника. Ее старик умер много лет тому назад, а сын, вот уже вторую весну, как ушел смотреть дальние пасти и до сих пор не

возвращался. Никто его не видел и что стало с неутомимым промышленником - люди так и не узнали. А когда-то Фанка была хозяйкой богатого чума. Ее старик выкрал ее у богатого брата, просившего за нее непосильный калым. Э-дя, так звали ее старика, увез ее далеко в свои кочевья, и молодые зажили своим чумом. Э-дя был удачливым в своем промысле. Тогда было еще много дикого оленя. Редкий год в его пасти не попадало несколько десятков песцов. Табуны его оленей были так велики, что только ещё у двоих родовичей зверей было больше, чем у Э-ди. Много лет кочевал со своим стадом Э-дя, то подходя к темной зимней поре на грань лесов, то удаляясь далеко на север до самого моря, пока однажды, когда он по первому пути спешил к лесам, его оленей поймала болезнь. Каждый день десятками падали звери и когда Э-дя дошел до своего зимовья, кроме тех оленей, что везли его санки, с ним было лишь около десятка быков и три важенки.

Тяжелый был для людей тот год: те, что вчера были богатыми - стали последними бедняками. Не прошло и года, как злой дух напустил болезнь в чум Э-ди: друг за другом умерли старший парень и девка, а сам он едва избежал смерти. Надломилась сила бедного самодина. И когда кончилось лето и снова наступила темная пора - его душа перенеслась в другой мир. Фанка осталась жить с сыном, думала о спокойной старости в его чуме. Судьба лишила ее и этой надежды. И вот теперь, чужая всем, без семьи и родных, она доживает свой тяжелый век в чуме Танулы, приютившего ее. А что осталось от былого богатства - нарядная парка, которую она бережно хранит в своей санке: ее поднимут на нее, когда будут провожать ее в новый неземной мир.

Способность Тугаринова работать всегда с нагрузкой и в широком масштабе здесь, в Глубокой, сказалась и на его спутниках. Все работали, отдавая свои силы полностью и всесторонне. В результате проведенного лета экспедиция, кроме дневников, которые вели все ее члены, вывезла много коллекционного материала, а также данных станков по Енисею, карты р. Глубокой на 50-верстном расстоянии от устья, метеорологических наблюдений, фотоснимков, образцов целинной тундры и пр. Вот данные по разделам привезённого материала:

Шкурок и спиртов. препаратов млекопитающих
(в том числе череп песца и белухи) - 18
Шкурок птиц - 278
Птенцов - 17
Гнёзд и яиц - 222

Лягушек - 3
Рыб (в спиртовых препаратах) - 30
Ракообразных - 10 пробирок
Насекомых - 266
Разных препаратов по животному миру - 15
Проб планктона - 18
Моллюсков - 6 пробирок
Гербарий ботанических образцов - 532
Образцов горных пород - 9
Палеонтологические колл. Кости крупн. млекопитающих
(в том числе череп мускусного быка) - 12

Обратный путь на пароходе, который забирал по пескам рыбаков и их грузы, был долгим, и члены экспедиции, удобно расположившись в каютах, уже проделывали обработку своих наблюдений и подводили итоги сделанному, приводя в порядок свои сборы. А время тянулось медленно, вечера становились больше, чем казалось надо было, и все с нетерпением ждали Красноярска, куда прибыли только 19 сентября, подгоняемые и ветрами, да и снегом, который, правда, сразу же таял.

Произведены были и подсчёты пройденного пути:
Красноярск-Глубокая и обратно - 4800
(2400+2400)
Река Пакулиха - 300
(150+150)
Река Глубокая - 100
(50+50)
итого: 5200

По приезде сразу же включились в работу. Здание было готово, и в нем была выделена рабочая комната, где производилась всякая монтировка коллекций. Начиналась вновь распаковка спрятанных в ящики на время ремонта коллекций и их новая расстановка. Так, впервые был поставлен мамонт, которому габарит здания в высоту никак не позволял все равно показаться во весь свой слоновий рост. Вообще, он после этого часто менял свое место и даже залы музея, и в бытность музея в этом здании на старом базаре он бывал в одиннадцати местах. А эти перемены мест были, как говорится, кровавой необходимостью, иначе, за неимением просторного места, нельзя бы было показать того нового, что

ежегодно поступало в музей как от пожертвований, так, особенно, от его экспедиций в разные места Енисейской губернии. Нужно было особое умение на малой площади сделать не только многое, но и показать зрителю всю массу музейных экспонатов. Этим умением Тугаринов обладал вполне, но это была и сизифова работа, когда приходилось большую часть своего времени то выставлять, то запаковывать только что выставленное. И, как это всегда было обидно, делать и ломать. Но другого выхода не было. Сам собой вставал мучительный вопрос о своем собственном здании, приспособленном для экспозиции. В новой мастерской теперь занимались вместе с директором Тугариновым препаратор из Вейстберга Цельмин, который делал теперь чучела птиц и зверей для выставки. А новая экспозиция должна была показать тундру с ее обитателями как растительного, так и животного происхождения. Какие чудесные чучела делал препаратор! Над тундрой трепетали в полете неспокойные чайки и крачки, а на растительности тут и там были расположены водоплавающие обитатели тундры: гагары, гуси, лебеди, утки и кулики. Некоторые около своих гнезд, полные кладки которых насчитывали до десятка яиц. Сколько было труда директору спланировать это все в одном комплексе. Если сюда прибавить написанную Каратановым панораму тундры с ее заболоченными местами, картина получалась действительно интересная, всегда останавливающая посетителя. Сколько благодарности было после за эти меняющиеся постановки. Теперь помощником в музее был А.П. Ермолаев, которого наконец-то оценил за его труд и способности сомневавшийся ранее в нем директор. Из любителей работали два гимназиста - В. Митич и А. Яворский. По вечерам музейная мастерская оживала. По единому плану работы этим коллективом делалось все, что надо при общем старании и дружном взаимодействии. Таков, за неимением средств, был общий стиль работы музея, всегда державшийся на энтузиазме любителей-болельщиков. И все это, как в центре, сходилось в одной точке вокруг Тугаринова. Его способность привлекать и интересно занимать работой людей была на удивление исключительно умелой и нужной музею.

Кроме других, новых экспозиций, был поставлен чум остяков, почти в естественную величину, со всем ему принадлежащим инвентарем. Во вновь оборудованной фотокомнате печатались привезенные снимки и дополняли картину тундры.

За работой забывались все невзгоды, выпавшие на долю исследователей в Туруханском крае, особенно в пакулиховский период, когда увидевший их на Енисее тот же Окулич высказал свое замечание в следующем выражении - «очень печальный вид у всех их». Теперь это в прошлом. Работа над привезенным захватила всех полностью, и в результате этой работы получились интересные выставки.

При приезде в сентябре месяце и до конца года, Тугаринов в Географическом обществе занимает должность временного исполняющего обязанности правителя дел. Пришлось распутывать много того, что скомкал, уходя, предыдущий правитель дел В.И. Анучин. Но многое восстановить так и не удалось. Кроме прочих работ, Тугариновым в этом году были написаны следующие работы: «В долине Енисея». Охотничье-орнитологический очерк, напечатанный в журнале «Природа и люди» за 1908 г. Книжка: 3, 5-6, 9.

«Зимняя орнитофауна в окрестностях Красноярска», напечатанная в журнале «Любитель природы» за 1908 г. кн. 3.

«К характеристике низового рыболовства на р. Енисее». Напечатано в «Вестнике рыбопромышленности» за 1908 г. в № 10.

Из фотографий этого года, которые приходилось видеть:

1. Отъезд из Нижне-Имбацкого.
2. Устье Пакулихи.
3. То же.
4. Первый бор.
5. Разлив.
6. Гнездо кулика Мородунки.
7. Первый завал на Пакулихе.
8. То же.
9. Перетаскивание лодок.
10. Второй завал на Пакулихе.
11. То же.
12. Крест, поставленный на Пакулихе экспедицией.
13. Караван экспедиции на устье Пакулихи.
14. То же.
15. На берегу Енисея 21 июня.
16. То же.
17. Пакулиха. 13 июня. На обеде.
18. Тоже.
19. Участники экспедиции. Снимок в квартире Тугаринова перед отправкой.
20. Участники после выхода на Енисей в Бакланихе.

1909 г.

А.Я. Тугаринов исполняет обязанности правителя дел Подотдела Географического общества. Это, с одной стороны, дает ему как будто лишнюю нагрузку в работе, но с другой стороны, он всегда в курсе дел Географического общества, что важно как для музея, так и для него самого.

В этом году исполняется юбилейная дата - 20-летие Красноярского музея, отмеченная заседанием, с привлечением красноярской общественности. Это торжественное заседание состоялось в доме работников Просвещения, и на нем директор Музея сделал обстоятельный доклад об истории красноярского музея, напечатанный вскоре в «Известиях Красноярского подотдела». Т. II. вып. 5.

В заседании распорядительного комитета Тугаринов сделал доклад о предпринятой им в лето 1908 года, по поручению распорядительного комитета, поездке в Туруханский край на рр. Пакулиху и Глубокую. В этом докладе он сообщил о тех неудачах, которые постигли его экспедицию на этой капризной низовой реке и о пребывании на р. Глубокой, где были собраны значительные коллекции для пополнения музея.

31 марта, по рекомендации члена совета Географического общества А.В. Андрианова, Тугаринов едет в город Томск, где повторяет свою лекцию - «За полярным кругом». Лекция платная, и чистая прибыль от билетов в 130 рублей была поделена поровну, по 65 рублей, между устроителями лекции, студенчеством Томска и Красноярским Географическим обществом. Сохранившаяся программа лекции показывает широту задетых в ней вопросов. А живой язык автора красочно говорит о всесторонней экзотике холодного туруханского севера. Ставятся и хозяйственные задачи в связи с эксплуатацией этой далекой сибирской окраины: звероловство и рыбопромышленность, а также торговля. Особое внимание уделяется климатическим особенностям края, препятствующим его быстрому освоению и тем трудностям, которые встречаются там в связи со слабой его изученностью. Много посвящается населению севера, как русскому, так и нацменьшинствам. Автор останавливается на всех пяти национальностях края и говорит об их быте, занятиях, верованиях, отношениях с русским населением и, особенно, о меновой торговле и неимоверном закабалении нацменьшинств русскими купцами и их приказчиками. Все эти вопросы севера и его описание иллюстрируются демонстрацией фотографий, а также этюдов и рисунков красноярского художника Д.И. Каратанова, который в 1907 году был в одной экспедиции с лектором. По отзывам, лекция была содержательной и

интересной. На заседании 16 апреля Тугаринов вносит предложение о проектируемой им поездке в это лето на трехмесячный срок для сбора коллекций и изучения местности в Минусинский и Ачинский уезды. В остальном, это Минусинские степи и р. Чулым в его верхнем течении. При рассмотрении этого проекта комитет, в общем, согласился с ним, однако же рекомендовал по возможности кратко ознакомиться с минусинскими степями, т.к. о них уже имеется литература, а главное внимание обратить на систему Июсов и на р. Чулым. Дело в том, что председатель Географического общества Григорьев был, как заведующий Переселенческим управлением, заинтересован данными о природе и климате Чулыма, как района, могущего быть базой для переселения. Получив санкцию начальства, Тугаринов начал готовиться к экспедиции. В это время он уже имел платного помощника в лице А.П. Ермолаева, которого он теперь особенно ценил как работника исключительного упорства и большой любознательности. Третьим компаньоном был гимназист А.Л. Яворский, давно уже интересовавшийся птицами и, как доброволец, работавший в музее. Он едет без всякой оплаты, просто из любви к музейному делу. Все трое умеют препарировать и могут быть незаменимыми помощниками в поездке как по своей невзыскательности, так и по выносливости.

20 мая на пароходе «Россия» экспедиция отпылала на Минусинск. Пароход с баржей и загруженный до отказа переселенцами идет тихо. Проехав устье р. Маны, остановились в Скиту, где по обычаю того времени для каждого идущего вверх парохода служился молебен о благополучном его плавании, хотя никаких препятствий со стороны реки там не было. Просто надуманная монахами доходная статья. Только через 8 часов пароход прошел рч. Бирюсу в 55 верстах от города. В этот день прошли Дербино. С палубы парохода ведется наблюдение за жизнью пернатого населения берегов Енисея. 21-го прошли Даурское, и здесь, с появлением островов в русле Енисея, заметно прибавление в ассортименте птиц: гуси, чайки, крачки и др. более мелкие представители орнитофауны. Прошли Ермолаевку, Кривошееву, Комо и только ночью были под Новосёловой. 22-го, к вечеру - около Унюка и завода Баландиной, вернее мельницы. Уже появляется степной район, о чем красноречиво свидетельствуют табуны скота и голые безлесные утесы, выходящие к Енисею из какой-то неведомой глубины степи. Эти хакасские богатыри вышли на Енисей, по-разному одетые в свои боевые кольчуги. То это горизонтальные напластования осадочных пород, то вертикальные, то

наклонные в одну или другую сторону. Недаром столько красивых легенд и сказаний об этих степных выходцах у местного населения. 23-го, в Сорокиной, большая выгрузка какого-то товара и задержка парохода, а как хочется поскорее начать настоящее путешествие по степи. Кругом царство островов, они здесь всюду, и куда пойдет пароход, трудно себе представить, и только по бакенам можно сказать приблизительно о фарватере. Иногда пароход идет настолько вбок, что опасаешься, чтобы он не повернул и не пошёл назад в Красноярск. На берегах появляются курганы. Проехав Комаркову и Быстрое, мы, наконец, прибыли в Минусинск и, найдя гостиницу, остановились на ночевку.

24-го осмотр города и решили найти могилу Мартьянова, но проискав и не найдя, пошли в сторожку, чтобы узнать у сторожа. Но и он сам ничего не сказал, как и все встреченные посетители кладбища. И тогда, когда спросили - где похоронен аптекарь Мартьянов, нам указали на скромную, обычного типа, насыпную могилку без надгробья. Вот как плохо знают минусинцы своего, можно сказать, первого человека, Николая Михайловича Мартьянова. Он для них, к сожалению, только аптекарь. Наш музейный патриотизм был совершенно раздавлен этим маленьким событием. Неужели это в самом деле так? Далее пошел осмотр музея, метеорологической будки в садике на задах музея, и только взгляд на библиотеку, в которой по слухам много интересного и ценного. Надо торопиться с отъездом, и мы пошли искать подводы для выезда на озеро Алтайское, как и предполагалось по нашему маршруту, принятому еще в Красноярске. Насилу нашли возчика. На Карнаковский завод на озере Алтайском с нас, за трех лошадей и две подводы, взяли 7 рублей. Расстояние 35 верст. Посидевши вечером у протоки, пошли к двум знакомым препараторам, только что приехавшим из Саян, и довольно долго проговорили с ними по интересующим Тугаринова вопросам, ведь в ближайшие годы и ему придется ехать в эти загадочные горы.

25-го, нагрузив телеги багажом, экспедиция выехала со двора гостиницы и взяла курс на юг. Проехав большой по величие Тагарский остров, выехали на Енисей и через плашкоут переправились на левый берег реки. По дороге, вблизи качинского становища Ключи, в 15 верстах от Минусинска, увидев далеко на горизонте движущиеся белые предметы и приняв их, с легкой руки нашего возницы, за дроф, сделали боковой заезд на небольшое болотце. После выстрела оказалось, что предполагаемая дрофа превратилась в пеструю поганку, которую и добыли как

первый номер коллекции в этой поездке. Вскоре были в юртовище Ключи. Здесь небольшая остановка. Осмотрели юрты и их устройство и внутреннее расположение жилища. Снимали качинцев и пили чай, укрывшись от жары под телегами. Поехали дальше и в сумерках подъехали к Карнаковскому солеваренному заводу на Алтайском озере. От Ключей до завода 10 верст. Завод расположен на северной оконечности озера. Здесь же огороды и бахчи служащих завода. Познакомились с заведующим и его помощником. Заведующий Никифор Степанович Федоров оказался большим любителем природы. Он ведет наблюдения на примитивной метеорологической станции и интересуется жизнью природы ближайшего района озера, что было на руку и нашей экспедиции, и потому беседа с ним была для членов экспедиции очень нужной.

Алтайское озеро, а по качински - Ачкель, состоит из двух озер. Первое, близлежащее, горько-соленое и своей насыщенностью служит местом добычи соли. Длина его 600 сажен, а ширина 45 сажен при глубине до 1 аршина. Второе озеро, лежащее почти непосредственно за первым во время половодья, теперь отделено от него довольно большим перешейком из песчаной почвы, пропитанной солью и покрытой ближе к первому озеру солончаковой растительностью. Само пресное озеро представляет из себя нечто вроде круга длиной в 460 сажен и шириной в 450 сажен и пополняется двумя источниками хорошей питьевой воды. Вблизи источника полянка, покрытая деревьями. Кругом степь, а на горизонте, на юг, за степью, вырисовываются на сумрачном небе, покрытые кое-где снегом, вершины Саянского хребта, называемого здесь Берёзовым Таскылом. На озерах много дичи, особенно на пресном, и кричащих сверху встревоженных чибисов. Они своим присутствием особенно оживляют тихие, и почему-то кажущиеся печальными, эти степные озера. На степи кое-где колючие колки низкорослого караганника (карагана пигмеа). Есть немного и других кустарников из черемухи, шиповника, боярышника и кизильника, а под их тенью густая трава, покрывающая все пространство между стволиками. Чистая же степь покрыта преимущественно злаками и прутиками солодки. Солнце парит нестерпимо, а ночью только спать под шубой. Что значат потоки холода, идущие на степь с Таскыл в виде нисходящих воздушных потоков.

Три дня провели на Алтайском и решили посмотреть степь еще южнее. С этой целью, 29-го мая, поехали, сопровождаемые Федоровым и его помощником, на озера, известные под названием Сорох. После проезда так называемого Березового борка, состоящего из одних боров, по-

встречали первое озеро, где и заночевали, т.к. уже наступили сумерки. Утром 30-го мая поехали искать главное из озер Сорох и нашли его. Это большая лыва до 2-х верст в длину. Середина чистая, а бока поросли густым камышом, причем, самый берег и вода на расстоянии 3-5 сажен тоже голы и свободны от камыша. Небольшая глубина одного или полутора аршин позволила ходить по озерку и охотиться за камышевками. День ясный, и над озером плавно летают луни. У озера есть юртовище богатого качинца, с которым и познакомились вскоре же. Они пришел навестить приехавших сам. Видели гарцующих по степи наездников, сторожащих скот, разговаривали с качинцами. Оказалось, что у богатого качинца 12 сыновей и ни одной дочери. Несколько тысяч его скота пасут сыновья и пастухи.

Охотились на Сорохе и ходили на близлежащее озеро Столбовое, с отвесными берегами и множеством дичи. Собрав много представителей орнитофауны, мы двинулись в обратный путь. Ермолаев, который ведал ботанической частью экспедиции, набрал много растений и то и дело перекладывал их в прессах скорейшей сушки.

Снова Алтайское озеро и экскурсии в его окрестностях. С 2-го по 6 прожили на Алтайском. За эти дни много собрали, как из растительного, так и из животного мира. А 5-го наблюдали почти полное солнечное затмение. 3-го, наконец-то, удалось добыть большого кулика шилоклювку с ее известным кверху клювом, которым она так искусно, на бегу, бороздит по дну водоема и выискивает свою добычу.

Наглядевшись на минусинскую степь и собрав достаточный материал для ее характеристики, 6-го июня выехали в г. Минусинск, куда и прибыли под вечер, переехав на пароме через Енисей, т.к. плашкоут оторвало и унесло. Побывали в музее 7-го июня и после недолгих сборов выехали из Минусинска и, пересекая Тагарский остров по направлению на устье Абакана, преодолев по пути два парома (один с 3-мя лошадьми, а другой через Абакан с двумя, как конная тяга для вращения колес) въехали в село Усть-Абаканское, где и прожили до 11-го июня, собирая материалы по Абакану в его устье, среди островков дельты этой реки, имеющей при устье до 150 сажен шириной.

Снова сборы и добыча того, чего еще не было. В частности, гнездо зимородка в яру и гнездо удода в дупле. На северо-запад знакомый уже хребет Куня и Майдаши, а по ту сторону Абакана - хребет Самохвал. Вокруг Усть-Абаканского много курганов, этих своеобразных надгробий легендарной Чуди. Курганы, вместе с выходящими на Енисей хребтами

- богатырями, дают незабываемую картину священной для качинца земли, с ее степными просторами и оживающими в воображении, пожалуй, также легендарными водами Енисея и Абакана. Все здесь дышит стариной и историей сменявших друг друга народов Минусинской котловины. Как ни хорошо было в Усть-Абаканском, но надо было двигаться дальше, и, найдя возчика, обруселого качинца Семена, экспедиция двинулась дальше утром 11-го июня. Теперь общее направление на С-З-З к системе р. Чулыма, который начинается от слияния Черного и Белого Июсов у д. Сютик.

Сначала путь лежит вдоль Енисея на север, до устья речки Биджи. Проезжая хребет Куня, видели на нем массу галок-клушиц с красными ногами и кривыми, красными же носами. По пути к Куне подъехали к устью речки Ташаба и при улусе Бажадаевском переехали ее. По дороге много могильных плит. После переезда хребта Куня стали на ночлег против устья р. Тубы. Над павшим жеребенком парят осторожные орлы.

12-го июня, выехав, ехали параллельно Енисея до устья р. Биджи. Затем ехали по Биджe параллельно хребту Куня. Долго ехали вдоль Биджи, и справа показались уже лесистые горы подтаежья. Под вечер были у Верхней Биджи. Горы с севера покрыты лиственницей, а с юга - сосной. Ширина этого лесистого перемычка до 30 верст. Эти горы, поворачивая на юго-запад, идут к Кузнецкому Алатау. Верхне-Биджинск - небольшой улусик. Жители занимаются хлебопашеством, но бахчи не разводят. Пасут скот и в близлежащей тайге промышляют разного зверя, но больше всего косули. Ружья - кремневки на сошках. Здесь сделали ночевку и ночью ходили на солонцы сидеть на коз, но козы не шли и, вернувшись, залегли спать.

13-го июня поехали дальше на север от Биджи и стали переваливать лесистые хребты. У истока Биджи остановились и лазали на Красный камень. Здесь достали из гнезда орла двух пуховиков и поехали дальше. Сделали заезд в сторону, к пещере в Белых Сопках. Пещера на южном склоне с двумя отдушинами и коридором в 5 сажен. Длина собственно пещеры 46 шагов, ширина до 15 и высота до 18 шагов. Известковая. Во время непогоды, по рассказам Семена, пастухи загоняют в эту пещеру до 1000 овец. Поехав дальше, спустились с гор в речку Коксу. Недоезжая до улуса Подъельник, видели пасущегося самца косули.

14-го июня, проснувшись, стали собирать свои импровизированные постели, и Аркадий Яковлевич, подняв одежду, на которой он спал, увидел на нижней подстилке свернувшуюся клубком гадюку. Пригретая те-

плом человеческого тела, она была малоподвижна и дала возможность быстро ее схватить и посадить в банку со спиртом. Едем между гор и спускаемся к речке Сухая Тесь, она здесь всего полтора аршина шириной. С этой речкой кончаются горы и лес, и на север раскинулась голая степь с бесконечными курганами. Ночевали в березняке, где всю ночь трещал козодой.

15-го июня едем в Потехину, она же Большая Ерба. Местность лесная, гористая, иногда между гор попадается степной участок, и тогда на нем снова курганы. Далее медный рудник «Юлия», расположенный в логу. Работ на руднике нет, т.к. происходит суд рабочих с хозяевами, т.е. банкротство предприятия. Проехав рудник, спустились к озерку в 100 сажен в сторону в диаметре. По озеру плавали гагары, но близко не подпускают. Отъехали в сторону и остановились в леске на ночь. Ночью попытались сидеть на солонце, но безрезультатно, к солонцу никто не подходил.

16-го выехали на Сон.

17-го едем на озеро Шира, где курорт и всегда много заезжих не только из Сибири, но и из других частей России. На почте Шира сдавали посылки с многочисленными коллекциями и, отъехав 10 верст, остановились на ночь на Круглом озере, где какие-то рыболовы уже успели поймать и засолить до 20 пудов рыбы, главным образом щуку, линя и окуня. По рассказам, они лучат. На озере дров нет и, чтобы попить чаю, пришлось идти версты за две, где и набрали сучков у лиственницы, одиноко стоявшей на возвышенном месте. Вся степь выжжена солнцем.

18-го выехали на Чебаки, оно же Покровское, расположенное на Черном Июсе. Предварительно переехали Белый Июс и около ельника на Тарче расположились на ночь. Как и везде на границе степи и леса, встречаются косули.

19-го едем на Чебаки, где и были в 3 часа дня. Прожили здесь до 22-го. Бродили и собирали представителей таежной флоры и фауны.

23-го июня едем на Чулым. Черный и Белый Июсы сливаются у Сютика и отсюда идут в северном направлении до Назаровой. После Назаровой река делает подкову в 500 верст и подходит к Ачинску. Нам предстоит плыть, по крайней мере, до Назаровой и расстояние тоже около 500 верст.

Доехав до деревни Копьевой, сделали остановку. Здесь купили две лодки-плоскодонки и в них отплыли вниз по течению. Лодки сильно бегут, явление это обычное. Со временем они замокнут, а пока усиленно

отливаем воду. Чулым здесь в среднем до 75 сажен шириной. Отзывы об Июсах в Копьевой такие: Черный Июс в весеннюю воду сплавной от Чебаков и выше, а Белый Июс не сплавной, а третий Июс, имеющий название Сарала-Июс и впадающий в Черный, даже не считается за речку. У Чулыма течение тихое, и он весь в островах. Над рекой обычны утки, чайки, крачки. Ночевали недалеко от деревни Тургужак. Охотимся за всеми представителями пернатого населения реки, перед сном обдираем шкурки. На стоянках, да и на сплаву, собираем растения. Работают несколько прессов.

25-го июня ночевали в затончике около какого-то поселка.

26-го выехали и петляем в островах. Нас догнали и обогнали три плота с гребцами из нацмен, ловко отбивающихся от берегов в поворотах. Ночь между Корелкой и Марьясовой. Здесь паром через Чулым. Местность то гористая, то горы отходят от берегов. Лес, главным образом, березовый, и часто горы совсем безлесны. 26-го, проплывая Карелку, купили там продуктов. Эта Карелка запомнилась нам на несколько дней. Дело в том, что закупать продукты ходил А.П. Ермолаев. К нему подошел какой-то крестьянин и потребовал документы. Ермолаев ему сказал, что он человеку без кокарды документов показывать не будет, т.к. спрашивать документы имеет право только человек, имеющий власть, доказательством чего служит кокарда или бляха. Так они и разошлись по своим делам каждый. Оказалось, что это был староста д. Карелки, и он дал телеграмму по Чулыму - задержать троих с собакой в двух лодках. Население Чулыма было поднято властями на ноги и нас караулили целыми деревнями, сменяя день и ночь караулы на берегу Чулыма. Чтобы не пропустить, жгли ночами костры. А трое с собакой в двух лодках плыли себе спокойно и недоумевали, что это во всех населенных пунктах им кричат - Причаливай! На Чулыме пошли слухи о бежавших каторжниках, или о том, что незаконно плавят золото из приисков Иваницкого с Чебаков, и другие версии незаконных наших поступков.

В деревне Легостайке экспедицию уже задержали и препроводили в волость, где под вооруженным конвоем Тугаринов и Яворский проспали ночь, а Ермолаев, также под конвоем, оставался с лодками на берегу и сушил у костра гербарий. Тугаринову, как начальнику экспедиции, пришлось выезжать на Енисей в село Новоселово, к крестьянскому начальнику, и выяснять наше положение. Благо, что до этого начальственного центра на Чулыме было всего 10 верст. К вечеру он приехал обратно, и экспедиция тронулась в дальнейший путь, а по Чулыму была дана теле-

грамма об отмене первой задерживающей. Итак, 30-го выехали из Легостайки и почти сразу остановились на ночлег. Дни жаркие, а ночи холодные. Начиная с 2-го июля, экспедиции пришлось преодолевать слани, т.е. перегороженные поперек Чулыма перегородки, отводящие воду к мельницам. А при этом приходилось сначала выгружать имущество из лодок, затем перетаскивать по суше вокруг мельниц лодки, затем переносить весь свой багаж и тогда уже ехать. Это каждый раз задерживало не менее как на 2-3 часа. Таких перегрузок было больше десяти, а иногда и по две в день. Снова сплав и сбор всего, что кажется нужным и интересным. На берегах Чулыма вовсю идет сенокосная пора. Каждый день одна и та же работа по сбору коллекций. Настали туманные дни и ночи. Часты стали дожди, как и часто во время сенокоса. 5-го июля, впервые с начала поездки, в костре горела лиственница. Зажгли свои огоньки Ивановы светлячки.

6-го июля у д. Таловой, в яру, нашли отпечатки растений, видимо, папоротников.

7-го июля в селе Балахта, где на почте сдавали посылки с коллекциями на Красноярское Географическое общество, что развязывало намного руки, и поплыли дальше. На почте же Тугаринов и Ермолаев получили письма от своих жен. Очень хорошо, что бывшие матерчатые бланки Географического общества дают возможность бесплатно переправлять весом до пуда, куда угодно, по всей стране, разного рода научные материалы. На Чулыме встречаются большие оползни и часть берега вместе с растущим на нем березняком так и сползает в реку. Деревни Малый и Большой Сыр стоят на таких оползнях. Оказалось, что крестьяне из Большого Сыра ходят промышлять на речку Бирюсу, что в 55 верстах выше Красноярска впадает слева в Енисей. Начиная с д. Парновой, жители занимаются, кроме хлебопашества и охоты, еще и пчеловодством. Пасеки в 200 лежачих колодок не редкость здесь.

11-го июля остановились у горы Катушки высотой в 100 метров. Здесь выделялась тайга в виде небольшого участка, в котором имеется скотогонная тропа, выводящая с юга на линию железной дороги, где-то около станции Козулька. Остановились около дегтярни. Типичная таежная местность с буреломом, густым ельником и скалистыми обнажениями к реке. Измеряли высоту Катушки по одновременному отсчету на двух анероидах. Когда Тугаринов и Яворский зашли на Катушку, то там вспомнили о полученном с почты в Балахте письме, и Аркадий Яковлевич решил в такой торжественной обстановке, на высоте 200 метров, вскрыть

письмо от жены из ее поездки с учительской экскурсией за границу. Оказалось, что письмо писано из Египта и с вершины пирамиды, куда русских экскурсантов завели египетские гиды. Получилась очень интересная как бы перекличка двух возвышенных точек: сибирская гора Катушка на Чулыме и пирамида над Нилом, в Африке. Таёжка всего 40 верст шириной и простирается на запад между Курбатовой и Борсуком. Интересны острова в зоне этой таежки. На них в середине ельник, сбоку ивняки. Один пожилой крестьянин уверял нас, что эти таежные островки нанесены чуть ли не на его памяти. Проехали другую высоту, Верблюд, около которой под вечер видели, как рыбаки при феерическом освещении берегов смольем, горевшим на козе, лучили рыбу.

18-го июля. После Борсука тайга сменилась лесостепью, а по Чулыму вновь острова с ивовыми зарослями. Щеки кончились вместе с тайгой, и Чулым здесь раздался в ширину. Проехали большое село Подсосенское и остановились на ночь у деревни Шадриной. Ночью дождь, гром, а когда дождь прекратился, наблюдали лунную радугу в виде широкой желтой округлой полосы, идущей из тучи в Чулым.

19-го. Сегодня коллекционно повезло Александру Петровичу. Он убил сокола чеглока, в лапах которого был стрижок, а в голове у стрижка - надувшийся клещ. Тройная добыча.

21-го июля. Вновь подтаежье. Чулым быстрый и узкий, всего до 30 сажен шириной. Горы Чулымо-Кемчугского водораздела. Много новосельских поселков, как здесь говорят, новаков.

25-го июля приехали в Назарово, конечный путь нашей экспедиции. Село очень большое и через Чулым мост. В селе речка Ададым, шириною у устья в одну сажень. Числа 27-го июля из Назаровой на лошадях уехали в город Ачинск. Тугаринов и Ермолаев назавтра же уехали поездом в Красноярск, а Яворский остался на некоторое время в Ачинске в своей семье.

Подсчитав в Красноярске весь маршрут летней поездки, оказалось, что экспедиция преодолела путь:

От Красноярска до Минусинска пароходом - 510 верст
Заезд от Минусинска до озера Сорох и обратно - 74
От Минусинска до Копьевой на лошадях - 468
Сплав лодками по Чулыму до Назаровой - 500
От Назаровой на лошадях до Ачинска - 30
От Ачинска по железной дороге до Красноярска - 67
Итого: 1729 верст

По приезде в Красноярске начинается снова налаживание музейных выставок и разбор привезенных коллекций.

Всего было привезено из летней поездки до 3000 различных экспонатов.

В этом же году, интересуясь прошлым края, Тугаринов делает записи о быте красноярцев, с которым знакомится по рассказам старого красноярца Иннокентия Ивановича Каратанова.

6-го декабря Тугаринов делает сообщение о поездке летом 1909 года по Ачинскому и Минусинскому уездам на заседании распорядительного комитета.

Зимой А.Я. Тугаринов едет в Петербург, где завязывает научные связи с видными русскими учеными.

В этом же году в 11-м № журнала «Наша охота» им была дана статья под заголовком: «О некоторых новых и редких птицах Енисейской губернии».

1910 г.

Одной из больших забот директора музея, из года в год тяготившей его, была недостача помещения. Этот вопрос музейной площади, достаточной для хотя бы приблизительно удовлетворительной расстановки основных коллекций музея, теперь становится вопросом номером один. Сколько непроизводительной работы у музея, когда новое, только что собранное, можно выставить лишь за счет другого, снятого и закупоренного в ящик. Нет даже достаточной кладовой, где бы можно было надежно хранить ценные экспонаты. Сколько раз подотдел входил с ходатайством в городскую думу с проектом о расширении площади музея, но все напрасно. У города не было никаких возможностей строительства, и всегда был отказ, без обнадеживающих обещаний в будущем. Этот год начался с приглашения гласных думы в музей, где они, осмотрев груженное коллекциями здание, вздыхали, думали и ушли, выразив только сочувствие к положению музея и его безысходному состоянию.

А коллекции, все более накапливающиеся по разным отделам, между тем сами как бы выдвигали вопрос об их не только хранении, но и обработке. Так, впервые был основан почвенный отдел из материалов, отданных в музей из различных экспозиций переселенческого управления. Консерватор давно уже начал обработку орнитологических сборов и с помощью орнитолога С.А. Бутурлина уже приступил к описанию орнитофауны Приенисейского края.

Как и всегда, директор музея вел фенологические наблюдения как в городе, так и в его ближайших окрестностях, с первого марта до десятого мая. Эти ежегодные наблюдения Тугаринова много способствовали впоследствии в описании им отдельных явлений в жизни птичьего населения края и делали эти описания интересными и живыми, связанными с той природой, в которой обитали эти пернатые представители, и различным их поведением в разные периоды их жизни.

Для наилучшего и более детального изучения края необходимо было привлечение наибольшего числа наблюдателей и коллекционеров. С этой целью подотделом была сделана попытка привлечь, прежде всего, членов географического общества, которым, по долгу своей службы, приходится разъезжать по краю. Тугаринов возглавил группу из членов общества, которая выработала инструкцию для производства сборов, вскоре и напечатанную. В эту группу вошли: Н.Н. Волков, Г.П. Сибирцев, С.Д. Розинг и, конечно, А.Я. Тугаринов.

Передавая экспозицией музея знания о крае посетителям, невольно в голове директора стоял вопрос о просвещении вообще. Хотелось, чтобы как можно больше знали и те, которые почему-то не бывают в музее. И вот пришла мысль: нельзя ли провести в городе Красноярске этнографический вечер, на котором познакомить красноярскую общественность с обычаями сибирского наследия. В процессе обдумывания уже была составлена программа, а к ее осуществлению нужно было заручиться большим количеством добровольных актеров и вообще сотрудников из самостоятельных сил города. За выявлением живых сил дело не стало. Дело в том, что с самого своего приезда в Красноярск Тугаринов быстро стал обрастать знакомыми, так или иначе заинтересованными в просвещении. Особая способность нового директора музея находить людей и их заинтересовывать в знаниях была также одной из важных организаторских его сторон. Теперь высказанные мысли об этнографическом вечере сразу нашли поддержку как в среде подотдела, так и среди красноярской общественности. Кроме того, отозвались и организованные в труппу лица из Красноярского железнодорожного собрания, где в это время ставились украинские различные пьесы. Вскоре уже был готов собранный коллектив к разным отделениям программ этнографического вечера. Через этнографа Майнагашева из минусинских степей был приглашен качинский шаман Петр Сарлин, который и приехал со своим земляком К. Каркиным и пока поселился среди шкафов библиотеки музея. Таким образом, в конце марта все было готово к действию.

В это же время в стенах музея готовились к постановке разной бутафории. Печатались фотографические отпечатки, которыми должны были торговать во время вечера. По разным помещениям в городе велись репетиции хоров. Бездействовал только один шаман, ведь ему репетиция не нужна, и от безделья оба хакаса бродили около музейного здания, ходили на остров Татышев, что за старым собором, и сидели на берегу Енисея. За эти дни они, набрав где-то дощечек, проволоки и выдрав на отвалах из черепа собаки зубы, соорудили их национальный струнный инструмент четырган и играли на нем, забывая время за национальными песнями. Вечер происходил в Пушкинском народом доме. Были сделаны киоски, и в главном фойе, силами музеям, имитирована таёжная избушка в косогоре, занесенная снегом. Перед ней, у костра, сидел промышленник ангарец с ружьем и собакой. Всю постановку объединял как главный организатор А.Я. Тугаринов. У него было больше всего заботы обо всем, что должно было быть сделано и показано. Вечер состоялся 4-го апреля при полном сборе и даже с подставными и стоячими местами, входными билетами. Программа вечера была большая, и представление, начавшееся в семь с половиной часов вечера, затянулось за полночь. Согласно сохранившейся программе этого художественно-этнографического вечера было показано: 1 - Татарская свадьба;

2 - Праздник на улице сибирской деревни;

3 - Вечер на сеножати;

4 - Отделение песен: а) киргизские, б) русские, в) татарские, г) малорусские;

5 - Камлание.

Театр, переполненный публикой, впервые в своих стенах услыхал так много наречий, сменявших друг друга. Но особенно большое впечатление у зрителей оставило камлание. Сарлин поразил зрителей своеобразием обряда камлания. Особенно интересным оказался какой-то приглушенный свист, который издавал шаман. Он шел откуда-то, как будто из-под земли, и от него невольно мороз проходил по коже слушателей. Камлание шло долго. Во всяком случае, не менее 2-х часов, и в театре была гробовая тишина. Потушенный свет и только свет костра около шамана производили впечатление чего-то таинственного, действительно потустороннего. Вполне понятно, что такая таинственность должна была производить большое впечатление на слушающих шамана соотечественников, там у себя, в родной степи. В камлании всякую помощь по поддержке костра, даче воды, горячих углей, которые шаман глотал не хуже церковного фокусника, нес его помощник К. Каркин, который, кстати сказать, был более цивилизованным человеком, чем безграмотный шаман Сарлин. Вторым помощником был какой-то молодой хакас, ученик учительской семинарии в Красноярске. Вообще было много интересного, и все посетители вечера были довольны. Доволен был и организатор вечера директор Тугаринов, сумевший так хорошо показать со сцены многонациональную Сибирь. Кроме чисто научного и художественного значения, вечер дал еще и финансовую помощь музею. Чистого дохода в пользу музея осталось 337 рублей 67 копеек. При общем плохом бюджете это была большая помощь сочувствующей общественности. Вечер еще больше объединил красноярцев с музеем и создал Тугаринову славу хорошего и умелого организатора.

Не успел пройти этнографический вечер, как надо было собираться в большой объезд промышленных предприятий южной части губернии. Музей, основанный в 1889 году, вскоре же участвовал в промышленной и сельскохозяйственной выставке в Красноярске. С этой выставки в него попало 379 предметов сельскохозяйственного и промышленного производства, и этот отдел был одним из запущенных и совершенно не отражал тех изменений, которые произошли с тех пор в губернии. Мало того, некоторые промыслы вовсе не были на нем представлены. Естественно, что вопрос пополнения такого рода экспонатов должен был встать перед музеем. Поэтому в план сборов этого года Тугаринов поставил объезд некоторых производств и сбор по ним коллекций. Предполагалось объехать, прежде всего, Минусинский уезд и попутно дополнить, что не удалось собрать и осмотреть в предыдущем году. Эту большую поездку директор музея совершил в промежуток времени между 15 мая и 31 августа, потратив на поездку, таким образом, всё лето.

На пароходе до Пристани Батени и отсюда на лошадях на прииски, работающие по добыче и плавке меди. Были посещены рудники: «Юлия», принадлежавший акционерному обществу енисейской меди, и рудник «Улень» Минусинского товарищества меди. На обоих рудниках взяты образцы руды и продуктов ее плавки. Попутно собирались и естественноисторические коллекции. Из «Уленя», находящегося на рч. Улене, правом притоке Белого Июса, через степь была совершена поездка на реку Уйбат, левый приток Абакана, в местечко Капчалы, где находится солеваренный завод Войцеховского. Здесь были исчерпывающе собраны в экспонатах все стадии производства соли, начиная от бузуна и кончая чистой поваренной соли. От Капчалы Тугаринов повернул круто

на Ю-Ю-З, на Абакан, где в предгорьях западного Саяна он задержался дольше, наблюдая, собирая впервые им встреченных представителей предгорий Саян. Абаканский железоделательный завод был и чугуноплавильным и принадлежал Радькову-Рожнову. Своими изделиями он снабжал как русское население, так и нацменьшинства степей. Здесь Тугаринов набрал всяких образцов железных и чугунных изделий. Особенно интересны художественно литые чугунные изделия, подражающие уральским кассельским образцам. Кстати, некоторые рабочие здесь были с Урала и, видимо, с ними-то и пришло на берега Абакана это художественное литьё.

Из Абазы, как здесь зовут абаканский железный завод, Тугаринов сделал заезд на прииск Кузнецовых по р. Кызасу. Прииски дали свои материалы, и снова предгорья с их своеобразием.

Насмотревшись вдоволь на предгорья Саян, Тугаринов все же не мог посвятить им больше времени, и оставил эту интересную область до следующего раза, дав себе слово обязательно побывать и в самих Саянах в специальной горной экспедиции.

Из Кызаса снова в Абазу и отсюда по Абакану до его устья. Отсюда к устью Тубы. Много слыхал он о загадочных горных озерах на речке Можарке. Ходили слухи, что там имеются скиты ушедших искать зеленый клин вдали от грешной земли кержаков. Хотелось посмотреть эти озера, и было решено съездить туда. Сначала дорога шла по сравнительно густонаселенному земледельческому району реки Тубы, правого большого притока Енисея, а от Тюхтята, что на берегу реки того же имени, впадающей в правый приток Тубы, Казыра, пришлось ехать верхами. Можаркие озера, а их не одно, заворожили путника, и мысль побывать более долгое время в горах еще больше утвердилась в сознании такого любителя природы, каким был Тугаринов. Сделав ряд снимков и немного собрав высокогорной растительности и некоторое количество птиц, он поспешил назад. На Тюхтяте снова пересел с седла в возок и направился к устью Абакана, где, купив лодку, стал спускаться по Енисею.

Попутно были сделаны остановки в разных местах и особенно около горы Унюк на мельнице Баландиной, где собраны образцы мукомольного дела. Так, по Енисею, делая остановки в наиболее интересных местах, Тугаринов и приехал в Красноярск. По пути он делал записи населенных мест по берегам Енисея. Всего было проделано водным путем 1333 версты и столько же по сухопутью. Кроме того, в седле 100 верст.

За всю эту поездку было собрано:
90 экземпляров насекомых - 2 разреза почвы из Минусинского уезда;
18 гнезд - 37 образцов мукомольного производства;
132 шкурки птиц - 13 образцов пимокатного производства;
7 низших водной фауны - 9 солевареного;
81 гербарный экземпляр горно-альпийской флоры Западного Саяна - 8 дегтярного;
272 - экз. горных пород, руд и продуктов плавки руды по заводам;
216 - железо и чугунно литейного;
10 - крестьянского тканья - 10 крестьян колонистов/латыши.

«К характеристике охотничьей орнитофауны юга Енисейской губернии» напечатано в ж. «Наша охота» 1910 г. № 1.
«Фламинго в Сибири». «Наша охота» № 11.
«Орнитологические мелочи». Там же.
«Интересные находки под Красноярском». «Орнитологический вестник», 1910 г. № 4.
«Гуси нижнего Енисея». «Орнитологический вестник», № 11.

Когда только успевал Аркадий Яковлевич делать эти свои сообщения в разных изданиях. Приходится удивляться его работоспособности. Ведь в его материалах о птицах… столько фактического материала, и все приводимые данные о жизни птиц и их повадках, как и техническая вся сторона издания, принадлежит только ему. Бутурлин, как большой специалист-систематик, помогал в систематизации, не касаясь жизни птиц.

Работа по экспозиции привезенных материалов сразу после поездки заняла не так много времени. На одной из стен музейного зала появилась полная экспозиция привезенного материала и, прежде всего, с Абаканского железоделательного и чугунно-литейного завода. Эта экспозиция впервые знакомила красноярцев с далекой Абазой и ее работами. Но для того, чтобы выставить эту интересную коллекцию, пришлось многое свернуть из прошлого, что было выставлено на этом месте раньше. А как это было обидно. Выходило, что работа шла из пустого в порожнее, как говорится в русской пословице. Но это уже входило в обычай. Свертывание одного и развертывание другого. В музее даже появился термин - Повременная выставка, или Выставка года.

Теперь помощником Тугаринова является Александр Петрович Ермолаев, неугомонный исследователь и собиратель, который меняет

свои специальности и во всех проявляет как отличное знание материала, так и чрезвычайное рвение коллекционера. Начав с ботаники, он также увлекся зоологией и особенно энтомологией, затем он освоил этнографию и сменил ее на археологию. И что бы он ни собирал, всегда его сборы были и многочисленны и интересны. Это был второй Тугаринов по своей хватке материала и по научной заинтересованности в нем. Теперь музей особенно быстро стал пополняться, а разработка некоторых материалов музея Ермолаевым избавляла Тугаринова от лишней работы, и он больше уделял внимания миру животных. Теперь он готовил список млекопитающих и выбирал для своей сводки литературные данные.

1911 г.

В 1911 году в городе Омске предполагалась выставка, в связи с чем по Западной Сибири было распространено предварительное решение ее устроителей о проекте организации и приглашении некоторых предприятий и, в частности, Красноярского музея, к участию в ее устройстве. В Красноярске побывал представитель выставки и вел разговоры в Географическом обществе. Результатом этих переговоров было выделение обществом ее представителей в виде организационной работы под председательством А.Я. Тугаринова, которая и должна была составить план участия Географического общества в лице подведомственного ему музея в этой выставке. В составе комиссии, кроме Тугаринова, были еще два члена Географического общества - Г.П. Сибирцев и И.А. Шульга. На организацию выставки давалась субсидия в 3000 рублей. Эта комиссия наметила план работ по подготовке к выставке и распределила участие других членов красноярского подотдела в составлении плана по специальности в следующем виде:

Сельское хозяйство - Г.П. Сибирцев и Н.Н. Волков
Лесоводство - С.Д. Розинг
Кустарное дело - Д.С. Каргаполов
Фабрично-заводское - П.И. Чефранов
Горная промышленность - И.К. Знаменский
Охота - И.И. Бердников
Рыболовство - В.Л. Исаченко

А ландшафты края, характеризующие как природу, так и человека с его типом, были поручены Тугаринову, который и составил план экспозиции музея на омской сельскохозяйственной и промышленной выставке в 1911 году. Предполагалось по этому плану дать 10 открытых экспозиций

с задним красочным планом местности, на фоне которого и разместить населяющий данную зону народ в какой-нибудь бытовой сцене, подчеркнув экспонатами особенные черты хозяйственной жизни данной народности. Здесь составитель плана экспозиции проявил всю свойственную ему находчивость и знания как природного, так и бытового раздела ландшафтного объединения и создал на удивление интересные в научном отношении группы, поучительные и живо смотрящиеся зрителями. Отличаясь хорошим организационным умением, он сумел подыскать и привлечь к работе над изготовлением этих природно-этнографических экспозиций, различных специалистов, которые под его руководством и приступили, еще в конце этого года, к изготовлению поочередно витрин, задников, манекенов, скульптурных голов и рук и компоновке всего этого материала в единое целое. Работа закипела, и особенно по вечерам в мастерской музея, где собирался этот коллектив, было шумно, деловито и даже весело, т.к. техника изготовления не требовала тишины, а потому раздавались и песни, под которые все, как один, работали, каждый по своей специальности.

С января и до середины июня идет продолжение той же кропотливой работы по подготовке материалов к Омской выставке. Главный комиссар Западносибирской выставки Г.В. Катанаев, посетивший П/О Географического общества еще осенью 1910 года, запрашивал о состоянии работы по подготовке со стороны музея. Приходилось нажимать на работу. А так как перед тем как упаковывать каждую отдельную экспозицию для отправки ее надо было представить на суд красноярской общественности, которая была бы критиком и как бы своими замечаниями санкционировала эту экспозицию или ее отвергала, то волокита с постановкой, показом, исправлением и упаковкой была долгой и нудной для работников музея.

Все же все двигалось так, как это было намечено. Работали в это время по экспозиции следующие лица: А.Я. Тугаринов как главный объединяющий центр, по проектам которого делалось все оформление. Местный художник Д.И. Каратанов, который писал задники-фоны масляной краской на полотне размером 4 аршина на 7 аршин. И.П. Головко, местный скульптор, который делал по фотографиям головы и руки нацменьшинств для переднего плана экспозиции. А.Л. Яворский, А.Ф. Тулунин и В.П. Ермолаев создавали манекены, обряжали их в костюмы, строили жилища (чумы, внутренность юрты), расставляли фигуры на возвышающемся на один аршин над полом постаменте и подбирали землю

и травянистый покров поверхности почвы, а также делали искусственные нагромождения скал из картона, создавая видимость камня, где это было нужно.

Мелкой и порой непредвиденной работы было много. Приходилось и переделывать, улучшая тем всю экспозицию. Самым, пожалуй, трудным было свести в одно целое нижнюю часть масляного полотна с дальним краем помоста так, чтобы этот переход не был заметен. Имитировались кочки, обнажения, лужицы воды и многое другое, что в целом придавало всей экспозиции интересное и поучительное зрелище. Такая витрина, окаймленная сзади, с боков и спереди черной материей, создавала впечатление картины в раме и выигрывала от этого обрамления. Только музейный работник знает, сколько незаметного для зрителя труда бывает вложено в такого рода монтажи. Время шло незаметно, день за днем, оно подгоняло работу, и все, не считаясь со временем, работали напряженно. Больше всего, конечно, было ответственности на Тугаринове, но в его характере была такая особенность: чем больше он работал, тем больше он был и удовлетворен своими достижениями. А всякому успеху радовались все. Всех витрин было 10. Каждая витрина была по ее окончании во время просмотра публикой зафотографирована, чтобы уже на выставке, распаковав ящик и повесив полотно, сразу же приступить к монтажу. Все до мельчайших подробностей было захвачено и упаковано в ящики. Всех витрин не удалось вспомнить, но некоторые как сейчас воскресли в памяти. Побережье океана. Задник изображает бесконечную даль с серым неприветливым холодным небом и сливающимся с этим небом океаном. Вода в полной ряби от набежавшего ветерка. Впереди, на горизонтальном помосте, почти голая каменистая тундра с массой пернатого населения. Здесь кое у кого и гнезда с кладкой яиц. А над тундрой с распластанными крыльями крачки и чайки. Витрина тайги. Задник - справа берег таежной реки. Слева - чум тунгусов. Около него шаманит шаман и сидит группа из мужчины, женщины и ребенка. Тундра. Задник - пейзаж мохово-лишайниковой тундры с озерком и около него пасущиеся олени. На переднем плане остановка самоедов. Взрослый сидит и сагудает рыбину, около него женщина и ребенок. Тут же стоит санка. Степь. Курганные камни и на одном из них сидит монгольская галка клушица с красным загнутым носом и красными же ногами. На заднике - пасущиеся вдали косяки лошадей. Внутренность качинской юрты. В центре очаг и в котле с отводными деревянными трубами варится молочная водка арака. Саяны. Задник дает (вид) оснеженных горных

вершин. На переднем плане скала с джимом (сибирский горный козел - ред.) наверху. Тут же улар или горная индейка.

Время от времени Тугаринов выходил поблизости за черту города и вел свои обязательные фенологические наблюдения. Они датированы у него в этом году с 8-го марта и до 25 апреля.

На выставку в Омск поехал вместе с Тугариновым студент киевского университета Яворский, и к 15 мая они были на месте. Началась не менее кропотливая работа по восстановлению всех десяти витрин. Казалось бы, чего проще, по готовому разместить каждую из них, показав Приенисейский край с севера на юг. На деле оказалось не так-то и просто. Дело в том, что на выставке музей должен выставляться в научном павильоне, построенном в египетском стиле, со сфинксами и обелисками перед входом. Верх частично из листового железа, а частично из стекла, причем эти два материала чередуются между собой. Выходит, что освещение верхнее или полуверхнее, если витрина приходится под железным покрытием. Этот верхний свет дал совершенно другой эффект, и пришлось, принимая во внимание это обстоятельство, кое-что кое-где видоизменить. Кроме того, здесь, на выставке, было всего двое, и жара была под железом и стеклом просто изнурительная. Но, как бы то ни было, а к 15 июня, т.е. ко дню открытия выставки, у красноярского музея все было готово. Кроме витрин от музея был статистический и картографический материал, знакомящий посетителя со всем краем в целом по линии статистических, этнографических и географических данных. Тугаринов остался на выставке до ее конца и проводил по разделу Приенисейского края разъяснения посетителям. Закрылась выставка 15-го августа, а 20-го все коллекции были уже в Красноярске. За эту выставку музей получил высшую награду по выставке, почетный диплом, а директор получил малую золотую медаль.

Во время подготовки выставки к открытию все же удалось в один из воскресных дней вырвать и использовать пароход, идущий на гулянье, взглянуть на окрестности Омска. Пароход шел за 50 верст вниз по Иртышу к деревне Красноярской. С этим пароходом на гулянье были вместе с Тугариновым тоже Яворский и Тулунин. Последний уже работал по выставке в качестве обслуживающего выставку по части мебели. Хорошо помог по оборудованию выставки ее главный и единственный архитектор, друг красноярского музея, архитектор-художник Л.А. Чернышев.

Вместе с возвращением экспонатов с выставки встал сам собой коренной и наболевший вопрос - куда это все девать. Выставить было не-

возможно, а снова показывать одно за счет запаковывания другого не было никакого смысла. Вопрос об увеличении площади музея, много раз поднимавшийся, снова и снова вставал как проблема № 1. Просто на заседаниях думы и Географического общества этот вопрос оставался в плоскости: быть или не быть музею вообще. Даже выдвигался вопрос о постройке специального собственного здания для музея со всеми, для такого рода учреждения, соответствующими приспособлениями. По этому вопросу не раз заседали и дума и Географическое общество, но воз оставался на прежнем месте. Вокруг музея велись разговоры и дискуссии и среди красноярской общественности. Разговаривали и о форме будущего музейного здания - каким оно должно быть. Кто-то предлагал общую форму музея в виде юрты, т.е. большого круга, в котором все выставочные залы разместились бы вкруговую. Был даже проект внешнего облика в виде громады Второго Столба. Это что-то вроде индийского сабургана и т.п. В это время архитектор Чернышев быстро спроектировал Музейное здание в виде египетского храма и, вычертив его схему, представил ее в Географическое общество. У будущего нового музея стало все больше его защитников, но пробить крепкую стену города никак не удавалось. Все тормозили те 90 тысяч, которых негде было взять. А расширять музей на одну две комнаты не было смысла, т.к. это была бы временная полумера. Тугаринов больше всех чувствовал этот недостаток экспозиционного помещения. Везде, где можно, было уже выступлено, но толку было мало. В 1911 году из-за Омской выставки не было никаких экспедиций.

Вот как говорилось о положении музея словами Тугаринова (смотри: его доклад к 25-летию музея, напечатанный в специальном выпуске Географического общества в 1915 году).

Страница 36

«Заграможденность музея коллекциями привела к тому, что выставлять новые поступления оказалось немыслимо. Поэтому, чтобы, хотя отчасти, ознакомить с новыми сборами и оживить музей, оставался один способ, по мере поступления материалов, выставлять их, чтобы затем убрать и заменить новыми. Ранее выставленное укладывалось в ящики, забивалось и хранится в таком виде. Так как при музее никаких особых кладовых не имеется, кроме маленькой холодной площадки над лестницей, пришлось, при помощи особой расстановки шкафов, отделить углы, где и составить все эти ящики, коробки или отдельные предметы. Число

таких сложенных коллекций все растет, и в настоящее время у музея отнято уже два порядочных угла, загроможденных складами материалов». Как видно из этого отрывка, положение музея, как говорится, было никакое. Пробы новой, более экономичной, в смысле лучшего использования, площади, были частыми. Примером этому может служить мамонт. Его кости перебывали в одиннадцати местах и даже висели и были сложены в одном из подоконников окон, чем совершенно был загорожен свет для остальных экспонатов этого отдела. Были заняты верхи шкафов, потолки и в пределе музей стал походить на кладовую Плюшкина. Это было самое больное место музея и, вместе с тем, и его творца, директора Тугаринова. Он особенно болезненного переживал этот недостаток, лишавший его возможности развернуться и показать край так, как он должен был быть показан. Материалы были уже на большой территории и при достатке помещения музей, как показала омская выставка, мог дать то, что требовалось от настоящего, научно обоснованного показа. Нужно сказать, что музей и его директор были неотделимыми друг от друга. Тугаринов был из тех энтузиастов, которые, несмотря на всякие трудности, многое могли и делали сами. Кроме того, он обладал обширным диапазоном знаний, и это все рвалось наружу, но площадь не давала возможности для этого нужного разворота. Это так огорчало директора, что он, порой задавал себе вопрос: не напрасно ли он так нервничает и есть ли смысл искать невозможное, если оно не в его силах и власти. К этому времени относятся тезисы доклада А.Я. Тугаринова «Тип краеведческого музея», в которых, не видя выхода из создавшегося положения, он как бы мечтая об идеальном построении музея, делится своими мыслями на эту злободневную для него тему с другими. Конечно, Тугаринов был энтузиаст и большой умелец музейного дела. Но жизнь повернулась к нему спиной. И поэтому он решил, пока со зданием и экспозицией ничего не может быть хорошего, продолжать исследование края и копить для будущих людей те ценности в виде коллекций, которые он так умел видеть и собирать. Хотелось бы их и показать, но это пока невозможно. Надо не унывать и верить, что когда-то все это будет пусть не им, но кем-то доведено до зрителя. Эти надежды окрыляли его, и он тешил себя надеждой на лучшее завтра.

Тезисы доклада А.Я. Тугаринова
Тип краеведческого музея

1. Каждый краевой музей является органической функцией краеведческой деятельности.

2. Поскольку краеведение составляет деятельность, направленную к изучению всякого рода предметов и явлений из жизни природы, человека, его хозяйства и культурного состояния, постольку всякий краеведческий музей должен содержать объекты, характеризующие край в указанных отношениях.

3. Задачами краеведческого музея являются:

а) Накопление и обработка материалов, характеризующих природу, человеческое население, его труд и хозяйство.

б) Демонстрирование этих материалов в целях распространения знаний о крае среди населения, являясь тем самым и первоисточником для изучения края в школе.

в) Привлечение к своей работе всех интересующихся, создание кадров местных исследователей, выполняя, таким образом, задачи нового института краеведения.

4. Наряду с просветительным значением каждый краеведческий музей должен явиться энциклопедией знаний о крае для вопросов и практики, беря, однако, на себя задачи практически-показательные и инструктивные.

5. Функционирование музея слагается из двух моментов: работы внутренней, лабораторной, самодеятельности персонала и занимающихся, и работы среди посетителей в открытых залах музея.

6. Работа с посетителями должна носить строго организационный характер, вестись сведущими руководителями и отнюдь не должна состоять в осмотре музея вообще, но в планомерном изучении отдельных явлений или понятий.

7. Правильно поставленный музей должен явиться органически связанным с делом преподавания, в нем могут проводиться школьные занятия, прорабатываться отдельные темы.

8. Выставочные помещения музея должны быть так организованы, чтобы содержание их давало наиболее целостное, яркое и типичное представление об иллюстрируемом понятии и крае в целом.

9. С этой точки зрения, выставленные собрания не должны быть загромождены деталями, содержать серии отнотипных предметов, как не должно стремиться представить исчерпывающее разнообразие, напр., видового состава фауны или флоры - место таких собраний должно быть в закрытых кабинетах музея.

10. В силу разнообразия собираемого материала представляется затруднительным положить единый принцип в размещение коллекций.

Как общее требование надо считать: каждое понятие или явление должно рассматриваться в причинной связи с другим, должно быть синтезировано.

11. Принимая во внимание общеобразовательные задачи музея, необходимо комбинацией предметов и методами экспозиций демонстрировать общие понятия и законы из той или иной дисциплины (приспособляемость организмов, борьба за жизнь, эволюция, организм и среда, человек и климат и т.д.), поскольку краевой материал представляет к тому возможности.

12. Размещение коллекций и обзор выставок должен происходить в определенной хронологической последовательности; поверхность и ее история, климат, воды, органическая жизнь, человек в его прошлом и настоящем, хозяйство, экономика, культурная жизнь.

13. Экспонаты, характеризующие геологическую историю, аэро- и гидросферу, захватывают край в целом. Характеристика почвенная, ботаническая и зоологическая даются по географическим ландшафтам совместно, объединяя всю органическую жизнь. Доистория, в зависимости от состояния знаний, выявляется в хронологическом порядке или по культурам, или, наконец, по территориальному признаку. Этнографические собрания группируются по ландшафтным зонам, подчеркивая связь быта и хозяйства со средой. Быт городского населения - характеризуется группой в жизненной обстановке. Хозяйство - по его формам, подчеркивая связь его с природными ресурсами и возможностями.

14. Характеристика обрабатывающей промышленности, ее техника и продукция не составляют экспонаты краеведческого музея, поскольку они не несут каких-либо чисто местных особенностей, состояние ее характеризуется лишь графическими материалами в общем отделе экономики.

15. Материалами, отражающими культурную жизнь и подлежащими хранению в краеведческом музее, являются произведения печати, изобразительные материалы и произведения искусства.

16. В отделе печати собираются всякого рода произведения тиснения, выходящие в отраженном музеем крае.

17. Художественный отдел, состоящий из произведений искусства, не связанных с краем, не может составить прямой задачи краевого музея. Но, при условии отсутствия в городе художественного хранилища, краевой музей не должен отказываться от возможности иметь у себя картинную галерею, как единственное средство для эстетического воспитания масс.

В этом году впервые был организован отдел негативов, пока в нем было всего за 400 номеров. Тугаринов придавал большое значение этому документальному разделу музея. Сам он был хорошим фотографом и старался, по возможности, во время своих экспедиций делать фотосъемки, зная, что этот раздел может быть и уникальным. Ведь на снимках может быть сохранено то, что вот-вот в процессе нового может быть или переоборудовано, или даже заменено новым и, реже, просто уничтожено.

В связи с большими поступлениями церковной утвари был организован новый отдел церковной археологии, куда вошло много привезенных икон, вышедших из церковного обихода за их упразднением святейшим синодом. Это были, главным образом, разные иконы местных, часто анонимных, авторов. В употреблении церкви оставалась плоскостная икона. Придавая большое значение народным умельцам, Тугаринов особенно дорожил резьбой, которая вместе с другой церковной стариной давала полное основание к выделению этого материала в особый отдел, что и было сделано.

В этом году вышел в свет монументальный труд А.Я. Тугаринова и С.А. Бутурлина - «Материалы по птицам Енисейской губернии», в котором собраны все наблюдения Тугаринова во время его поездок по губернии. Книга вышла как записки отдела Географического общества. Выпуски 2-4 впоследствии (1925) были переведены на немецкий язык.

1912 г.

С 1-го марта по 9 мая Тугариновым велись фенологические наблюдения в окр. Красноярска.

В этом же году Тугаринов запроектировал экспедицию в Саяны. Еще в 1909 и 1910 годах его манили эти горы юга Приенисейского края, с которых по вечерам веяло таким холодом. Что там, на этих вершинах Восточного Саяна? Западный Саян он уже видел в вершинах Белого Июса и Кызасу. Хотелось взглянуть и на Восточный Саян. Конкретно экспедиция должна была состояться на Манские озера, о которых так много слышал от охотников, не раз бывавших там. Тот же Семен Иванович Мезенин, с которым он ездил по Мане в 1905 году, рассказывал об охоте на маралов в пределах верховий Маны. Проект был такой. Красноярск-Камарчага-Нарва-Выезжий лог-Манские озера и обратно тем же путем до Выезжего Лога, и отсюда на лодках сплыть до Красноярска.

Спутниками поездки должны быть жена Вера Ивановна, художник Д.И. Каратанов и В.П. Ермолаев как помощник, постоянно работавший в музее как доброволец.

17 го-мая выехали из Красноярска по железной дороге до ж.д. станции Камарчага. Здесь наняли подводу до Нарвы, расположенной на Мане. Это обычный маршрут многих красноярцев, посещающих Ману во время летних отпусков. Отсюда обычно спускаются в лодке или на плотиках вниз до Красноярска. Экспедиция, выехав на Ману, держала путь в противоположную сторону, вверх по р. Мане, вернее, параллельно ей до поселка Выезжий Лог. В Выезжем Логу остановились на заимке Зайкова и решили провести здесь несколько дней для ознакомления с окрестностями. В это же время надо было найти вьючных лошадей для членов экспедиции и багажа и переоборудовать свое имущество для этой поездки по таежной тропе, сопряженной со всякого рода необычными способами преодоления пути. Сделав базу на заимке, решили пойти на небольшую экскурсию дня на три. Пошли Тугаринов, Ермолаев и Каратанов.

Общая ориентировка на местности познакомила с характером горного рельефа и показала, что приблизительно можно было ждать впереди во время поездки к Манским озерам. Во время этой прогулки был собран кое-какой материал по орнитологии, а художник сделал этюд и зарисовки местности.

По возвращении в Выезжий Лог начали приспосабливать багаж для вьюков и искать лошадей и проводника. Однако это было не так просто, ведь лошадей требовалось для каждого по одной, плюс под багаж и для проводника. Это 7, и притом бывавших в тайге. За это время собирался гербарий, охотились на птичью мелкоту и делали шкурки. Время зря не проходило, и всё же хотелось скорее ехать в Саяны, на белогорья, как здесь называют верховья Маны. Наконец нашелся проводник с достаточным количеством лошадей. Правда, вместо семи оказалось только шесть лошадей, но подумавши, спланировали багаж на одну лошадь, а кое-что, разделив, поместили на вьюки вместе с верховиками, и 9 июня выехали на Манские озера. Предстояло проехать верхами 80 верст. Сначала дорога была широкой, но вскоре же она превратилась в тропу и путники начали привыкать к этому трудному для городского жителя способу передвижения. Тропа медленно, но верно забиралась вверх. Встречались буревалы, которые приходилось объезжать кругом, а иногда и делать броды через многочисленные притоки Маны у их устья и даже перебродить саму Ману. Тропа выбирала свой путь, избегая отвесных склонов,

что не всегда было возможно. Постепенно сосны и березы начинали редеть и уступали свое место ели и кедру, с которыми и выехали в белогорье. Высокотравные таежные луга сменялись альпийскими лугами, а кедры, с повышением местности, из типа боевых кедрачей величиной с телеграфный столб, переходили в кедры, которые здесь называют толстяком, с толстым стволом внизу у основания и через 3-5 аршин сходящие на хлыст, с омертвелыми ветками с боков. Это, с точки зрения промышленника, кедр-дурнина. Заболоченные луговины некоторых, более широких ручьев, поросли высокой черемшой, которую можно рвать, не слезая с седла. Здесь же царство рододендронов и бадана, этих твердокожих растений высокогорья. По пути останавливались на ночевки и через 3 дня были уже на Манском озере.

Здесь была база экспедиции и была расставлена палатка. Само Манское озеро двойное, с серединным узким проливом между его двумя половинами. Выше находится альпийский луг с прекрасными большими цветами и ничтожными стебельками под цветком. Таковы горечавки, фиалки, некоторые другие растения такого луга. За альпийским лугом лежит тундряная зона с лишайниками и мхами, а также скалистыми образованиями. Отсюда, с высоты видны, озерки трех речных систем - Манской, Канской и Шиндинской, с наклоном покати на юг, к речке Тубе. Подковы снежных цирков с нетающими забоями лежат выше озер, и из них в эти высокогорные озера и озерки идут десятки ручейков-погремушек. И все же за короткое высокогорное лето эти забои снега не успевают стаять и остаются на следующий год. Накапливаясь из года в год, они и создают впечатление белых гор. Отсюда и народное название Белогорий. Здесь для охотника хорошие естественные угодья. Медведи, маралы, соболь - вот первое и обязательное, что привлекает промышленника. Кроме того, озера изобилуют рыбой, особенно много здесь хариуса, этой горной сибирской форели. На озере всегда зимует сеть, оставленная рыбаками для лова будущего года. Богатство дополняет предгорная сплошная тайга из почти одного кедра, дающего массу кедровых орехов и называемого здесь боевым кедрачом.

Для ботаника и для зоолога Манские озера, как и все белогорья, давали много нового материала, и здесь было не до отдыха. Добывалось много как зоологического, так и ботанического. Не успевали снимать (шкурки? - ред.) птиц и сушить растения. Если сюда еще прибавить, что погода на белогорье бывает часто с утра туманная и что такие туманы могут длиться и весь день, а иногда захватить и следующий, то вполне

понятно, что первые же дни с солнцем были использованы на все сто процентов и заполнены сборами. Тугаринов все же с проводником уехал на три дня и побывал на Пезинском озере из соседней системы Кана, а также на Тезо, притоке Маны, и, выйдя на его вершину, поднялся до озера того же названия. Нужно сказать, что в горах почти все речки текут из озер. А так как притоки здесь многочисленные, то многочисленные и озера. Около этих озер и кормятся маралы, за рогами которых сюда ходят промышленники. Добывается здесь много, но вывоз плох. Почему многие промышленники добывают и сохраняют, скажем, кедровые орехи до зимы, в особо устроенных срубах-сусеках, из которых зимой, проторив дорогу, и вывозят продукты своего промысла. То же и с рыбой. Хорошим дубителем является бадан, но опять - таки все зависит от вывоза. Неудобства дорог делают эти богатые всем белогорья отчужденным краем. За этот десяток дней, которые были проведены у Манского озера, было собрано много интересного материала, и надо было все зимой вывезти по трудной дороге, а потому поспешили в обратный путь, и 2-го были уже в Выезжем Логу. Теперь предстояло сплывать по Мане на Красноярск. Долгое время ушло на приискание лодок, а их требовалось не одна, а две, так как было набрано много материала, да еще предстояло собирать во время сплава.

Лодки пока что не находились, и было решено отправить на ближайшие к Выезжему Логу гольцы Кутурчин и Ангул. Кутурчин в 20 верстах, и на него пошли четверо. Высота над уровнем моря вершины этого хребта была 1528 метров. Самая вершина имела вид большой продольной россыпи с причудливой формой отдельными складчатыми глыбами и совершенно безлесная - голец. Другая вершина, хребет Ангул, была в 10 верстах от Выезжего Лога и имела высоту в 1189 метров. На нее пошли Тугаринов и Ермолаев.

Когда ходили на Кутурчин, Ермолаев увлекся охотой на косачей и заблудился. Его ждали, и так как не могли дождаться, решили идти обратно, а он взял направление самостоятельно на Выезжий Лог, как он потом сообщил: «шесть поперечных хребтов перевалил, радуясь быть в одиночестве, не торопясь отшагал примерно тридцать километров. Шел с раннего утра и до заката солнца. Тайга была не очень торна, я порядком пооборвался. Вышел я точно напротив Выезжего Лога. То была моя победа над моей бедой». По мере поднятия и опускания с Выезжего Лога на Манские озера и обратно Тугариновым велись барометрические измерения.

10 июля все было улажено с багажом для его дальнейшего продвижения в Красноярск, и на двух лодках выплыли вниз по течению Маны. А 18-го июля причалили к берегу около старого базара, окончив, тем самым, поездку на Манские озера в течение 62-х дней. Красивые берега Маны были сплошным удовольствием для путников. С Нарвы пошли уже знакомые места для того же Каратанова, а с Борети - для Тугаринова. Ермолаеву и Тугариновой Мана впервые открыла свои задумчивые берега, они здесь еще не были. Та же работа каждого дня была и на Мане. Сбор и охота. А если сюда прибавить фотографирование, то вот и весь ежедневный комплекс работ обычного дня экспедиции. Редкие поселки, иногда даже в виде одинокой охотничье-промысловой избушки, и ничем не нарушаемая тишина Манских берегов сопровождали лодки на всем их следовании. Казачья полынья, Круги, Урманские стены, Изыхи, порог и две петли остановили на себе внимание и здесь задержались на более длительное время. Застреленная утка или крохаль и пойманный на удочку хариус помогали в питании. Мана извивалась своим быстрым течением, и иногда казалось, что вместо общего направления на С-С-З идет совершенно в обратном направлении, так причудливо изгибаются ее небольшие плесы, в которых она особенно кажется быстрой. Наоборот, в длинных и редких плёсах она величественно и, кажется, тихо катит свои несговорчивые воды. Иногда по верху течения ходят круги, которые здесь указывают на подводные камни, невидимые сверху. Это, как здесь говорят, Кармакулы. У устья Мана длинным плесом, чуть не под прямым углом, входит в подпирающий ее Енисей и долго томит путников ожиданием встречи с великой сибирской рекой. Но вот и Енисей. Сразу видна его ширина и мощь. Но по сравнению с Маной он мутен и тих. Знакомые места всем участникам экспедиции, и они с нетерпением ждут берега, а он, как назло, где-то прячется за мостом, в самом краю города. Но вот и дома.

От публичной лекции, прочитанной Тугариновым «В Манском Белогорье», музей получил 65 рублей чистой прибыли.

В этом году музей впервые получил электрическое освещение. В конце года Тугаринов едет в отпуск к себе на родину, в Саратов.

В «Орнитологическом вестнике» за 1912 год, № 2 помещена его статья - «К орнитофауне Енисейской губернии».

Всего сделано экспедицией 732 версты. Из них по ж/д 80, по воде 357. В седле 160 и на телеге 135 верст.

1913 г.

Второй этнографический вечер.

31 марта 1913 года в городском театре Красноярска силами красноярской общественности и по инициативе А.Я. Тугаринова был поставлен этнографический вечер в пользу музея.

На этом вечере в пяти его разделах были показаны многочисленной публике следующие пять частей:

Свадьба в сибирской деревне. Бытовые картины в 4 действиях.

Еврейские песни.

Польские народные песни.

Праздник ЛИГО - сцена из древнелатышкой жизни.

Апофеоз - Ермак над Иртышом.

Перед началом вечера со сцены со вступительным словом к зрителям обратился А.Я. Тугаринов. По оставшейся его рукописи передаем это вступительное слово:

«Повседневные наблюдения каждого из нас, научная и изящная литература, окружающая действительность неизменно свидетельствуют нам о том, как быстро и безвозвратно утрачиваются из жизни народной черты старого уклада, старого быта. Если в этом отношении Сибирь дольше удерживала формы прошлой жизни, если благодаря своей отрезанности и отдаленности от культурных центров, ее города, а тем более сельские поселения, продолжали жить по заветам старины, то теперь, вместе с приобщением нашей громадной страны к мировой культуре, волна новых требований и условий жизни, заботившая городские центры, перебрасывается и в самую глухую провинцию. Возьмем ли мы внешнюю сторону народного быта - жилище, костюмы, порядок жизни, присмотримся ли к внутренней ее стороне, к жизни духовной, нравственной, и здесь неизменно забываются прежние традиции, взгляды, мораль стародавней жизни, сменяясь вкусами и условностями города. Происходит коренная ломка, быстро и бесповоротно забывается и утрачивается все то, что хранилось доселе поколениями. Но, наряду с только что отмеченным изменением, изучая современный быт русского населения сибирской деревни, нельзя не констатировать явления, общего для всякой народности - явления значительной сохранности обычаев старины и некоторые особо знаменательные моменты жизни. Такими моментами являются, с одной стороны, праздники, а с другой - выдающиеся события личной жизни. К числу последних следует, бесспорно, отнести брак. Как для брачующихся,

а особенно для невесты, так и для их семейных, брак является событием чрезвычайной важности, часто в корне изменяющим условия жизни семьи. В свадьбе, в свадебных условностях, наговорах, песнях, причитаниях невесты - во всем мы не можем не проследить тех взглядов и построений, которые складывались то более, то менее заинтересованными в ней лицами. Самые действия и обряды свадьбы также неизбежно отражают или символизируют то пережитки иных, подчас дохристианских, форм брака, то те разнообразные влияния и миросозерцание русского народа, которые имели место на его историческом пути. В подтверждение сказанного я позволю себе сделать сейчас краткий обзор свадебного ритуала, как он сохранился еще в сибирской деревне, раскрыть, так сказать, его внутренний смысл. Считаю необходимым сделать это, чтобы в тех картинах, которые пройдут здесь перед Вами, зрителю, незнакомому с обрядовой стороной сибирской свадьбы, были более понятны те или иные ее моменты.

Вступительные шаги к свадьбе, сватовство, является уже строго обусловленным в порядке своего действия. Со стороны родителей приличие требует отыскивать всякие поводы отказа, тогда как сваты, заинтересованные в успехе своего дела, противопоставляют возможные возражения, подчеркивая качества жениха. Здесь характерно звучит в фигуральной речи сватов рассматривание невесты как товар, который они стараются купить... Индивидуальность и личность невесты в расчет не принимается - наследие восточного взгляда на женщину. Фраза отца - раздевайтесь, сватушки - знаменует согласие родителей на брак, а последующее рукобитие сватов и отца закрепляет бесповоротно дело. Невеста, до сих пор лишь безмолвно следившая за ходом переговоров, ищет теперь утешение в последнем общении с подругами, собирая их к себе, в песнях и причитаниях изливая волнующие ее чувства.

Подруги, со своей стороны, всячески стараются утешить невесту. Наступает девичник, вечер, когда жених, подчас сравнительно близко, знакомится с невестой. Здесь мы встречаемся с одним из главных персонажей крестьянской свадьбы - дружкой. На роль последнего женихом избирается наиболее расторопный деятельный пожилой крестьянин, знающий все свадебные наговоры, порядок и этикет. Если теперь часто роль дружки сводится к безобидному распорядительству, если в настоящем это добродушный церемониймейстер, то в прошлом это, прежде всего хранитель чистоты свадебного ритуала с одной стороны, а с другой, лицо на котором лежит вся ответственность за благополучный исход дела. Злые люди могут испортить невесту, заворожить коней, напустить

болезнь - дружка должен все предвидеть, знать соответственные наговоры и заклинания, по трафарету они повторяются им и сейчас, при отъезде покуда к венцу.

На девичник дружка приносит невесте подарки жениха в традиционной коробке, а отдав, делает наставления о порядке встречи жениха. В наговорах дружки слышатся отголоски старинного уклада русской жизни. И размеренная речь, отдельные фразы и слова, упоминания о таких забытых понятиях, как красное крыльцо, терем, ковры сорочинские, седельца черкасские, море Хвалынское и т.д. Все это, конечно, не вяжется с современной речью нашего крестьянства и повторяется как заученные фразы. Невеста все время плачет, «припахивается», как говорят, то к родителям, то к подругам.

Последние неотступно находятся при ней, утешая песнями, содержание которых отображает то самочувствие невесты, то происходящее кругом. Тем временем дружка успел съездить к жениху, чтобы привести его на девичник. Последний вскоре жалует и начинается угощение жениха и его спутников - бояр. Невеста по-прежнему стремится к подругам, оставляет пирующих, и уходит в куть. Перед отходом девушки, перерядив невесту, предлагают жениху найти ее среди подруг в кути, стараясь помешать в этом жениху... Отпускают его только тогда, когда он ее, наконец, узнает. Интересно, что обычай этот свойственен, между прочим, некоторым инородческим племенам. Только сумевший найти свою суженую среди подруг получает право жениться на ней. В то же время это попытка как бы представительниц интересов невесты помешать отпустить ее из своей среды.

Наступает следующий день - освящение брака церковью. Та часть обряда, которая протекает до венца, в доме невесты, носит характерное название «бранья». Невесту «берут» из дому родительского. Теперь она проводит в родном доме последние минуты. Наступает момент расплетания косы. Девушка расстается со своей «девичьей красотой», этим символом девичества. Родные и подруги участвуют в этом церемониале, невеста принимает родительские благословения идти под венец. Заунывный мотив благословленной песни расстраивает еще более и невесту и присутствующих, особенно женщин. Благословение кончилось, слышен шум въехавшего во двор поезда. Невеста как бедная пленница бросается то к родителям, то к брату или к сестре, ища как бы у них последней защиты. А на пороге уже дружка с женихом и боярами. Еще последнюю попытку девушки делают не отпустить от себя подруги, сговорившись для этого с бра-

том. На приехавших, сидя за столом с невестой, они как бы не обращают внимания. У дружки происходит торг с братом невесты; дружка старается устранить защитника невесты, тот не сдается и попытка дружки подарить его деньгами и вином кончается общей атакой на него девушек. Это и есть момент продажи косы - выродившийся теперь в эту форму шутливой сцены, пережиток былого умыкания невест. Теперь роль девушек кончена, они присутствуют на свадьбе в качестве гостей и певиц, их подруга не вернется более в их среду. Невесту сдают жениху «рука в руку», нареченных благословляют, и под пение девушек, как последних отзвуков жизни под отчим кровом, невеста со всем поездом уезжает к венцу.

Свадебный поезд возвращается из церкви. Все приезжают в дом жениха, хотя бывает, что жениха берут «в дом», т.е. он входит в семью невесты. Возвращение от венца сопровождается тем же церемониалом. Дружка ведет поезд с особым наговором, молодых осыпают зерном и хмелем - символизирующим благопожелания им богатства и взаимности. Поздравив молодых с законным браком, дружка организует окручивание невесты. Сваха заплетает ее волосы «по-бабьи», в 2 косы, и повязывает платком. Теперь перед присутствующими уже не невеста, а молодуха, эти две косы останутся на всю жизнь признаком замужества, показаться уже с непокрытой головой она не имеет права. Начинается угощение и пирушка. Одно за другим подаются затейливые блюда, специально на случай свадебного стола приготовляемые. Затеваются песни. В конце столов подаются корабли, особое печенье, изготовленное и разукрашенное наподобие корабля, преподносимое стряпкой с особыми церемониями, под дружкины наговоры. Гости расходятся, одна песня сменяется другой, свадебная пирушка во всем разгаре, продолжается в течение 3-4 дней, пока не обойдут дома едва ли не всех присутствовавших на свадьбе.

Западноевропейские страны уже давно имеют целые общества и союзы, поставившие своей задачей собирание, хранение и ознакомление интересующихся с обычаями, верованиями, бытом, одеждой, духовной культурой во всем национальном многообразии. Время от времени такие кружки хранителей национальной древней культуры организуют публичные выступления, в живых образах знакомя с жизнью далекого прошлого. В этом отношении в России вообще, а в нашей глухой провинции в особенности, ничего подобного мы не знаем. Настоящий этнографический вечер, а в частности воспроизведение свадебного обряда сибирской деревни, преследует ту же цель, представляет опыт сценической популяризации этого момента в жизни сибирского крестьянина, так как она встает пе-

ред Вами м.г. и м.г., свадьба отживает последние дни. Стремление дать жизненно правдивую картину быта в прошлом или настоящем той или иной национальности, познакомить с достояниями духовной культуры их - будь то песня, игры, сказка, былина, пластическое искусство, миф или музыка - вот задача этнографического вечера: в виде сцен народной жизни ознакомить зрителя с интересным бытовым моментом, с постановкой свадьбы в сибирской деревне.

Репертуар свадьбы Тугаринов составил сам как сценарист, а также перевел на ноты песни, которые и были разучены хором исполнителей. Нужно сказать, что он обладал совершенным музыкальным слухом, и для него ничего не стоило сделать это. Как говорится, у него был абсолютный слух, а играть на пианино он умел с детства. Эти способности и дали ему возможность создать сценарий свадьбы, а материал он мог получить от своей хорошей знакомой этнографа-фольклориста Марии Васильевны Красноженовой, с которой был знаком, как говорится, домами и которая всегда была другом музея.

Вместе с новым годом встал на очереди самый насущный вопрос о дополнительной музейной площади, без которой показ музейных коллекций был совершенно немыслим. Уже в прошлом году было намечено новое течение, по этому поводу приведшее к мысли постройки собственного здания. Насколько быстро росли музейные коллекции за последние 10 лет видно, из простого сопоставления цифр этих поступлений. Если за четырнадцать первых лет от основания в музее было 16 тысяч коллекций, то за следующие 10 лет было равно 64 тысячам, приблизительно при том же количестве помещения или чуть больше. Естественно, что музей быстро превращался в хранилище, в котором сколько-нибудь хорошей экспозиции сделать было невозможно. Так тянулось дело до октября месяца, когда в Красноярск на губернаторство приехал из Якутска новый губернатор Иван Иванович Крафт. Это был культурный человек, уже организовавший в Якутске музей. По приезде он сразу же вступил в ряды членов Географического общества и поддержал начинания красноярской научной общественности в вопросе постройки нового собственного здания для музея. Одно за другим идут заседания как комитета по изысканию средств, так и строительного комитета. На квартире у Крафта, на особом заседании, Тугаринов делает доклад «О современном состоянии музея и перспективах его развития». Проводится подписка. Тут же началось собирание средств, и к первой тысяче рублей, пожертвованной Крафтом, присоединилось еще несколько тысяч, плюс 8 тысяч кирпича

внес гласный городской думы инженер А.В. Телегин. Если сюда прибавить безвозмездное и полное руководство постройкой музея со стороны архитектора-художника Л.А. Чернышева, то для начала дела все было готово. На специально отведенном для строительства месте, на углу Береговой улицы и Гимназического переулка, и началось строительство музея. Это был торжественный момент в культурной жизни Красноярска. Теперь директору музея много новых хлопот. Надо было все предусмотреть до мельчайших деталей, имея в виду дальнейший и быстрый рост его всесторонних коллекций. Городская управа хотела сочетать это строительство с празднованием 300-летия дома Романовых, но средств у города не было и из этого пока ничего не получилось, хотя было вынесено особое по этому поводу решение - ознаменовать празднование постройкой музея. А сколько неприятностей пришлось перенести директору и всем друзьям музея от многих, нерасположенных ко всякого рода новшествам красноярских обывателей с мещанским уклоном мышления. Говорили, что строительство начато без освещения места священником. О том, что на месте стройки были бани, и счастья новому зданию не будет. Не по себе лес рубите, сказал даже известный в Красноярске доктор Владимир Михайлович Крутовский, имея в виду громадные средства в 90 тысяч по смете, и то немногое, с чего была начата самая постройка. Но энтузиазм был большой. Верилось, что если стройка началась, она и будет кончена.

Близкие друзья Тугаринова, часто бывавшие в природе не только в летнее время, но и в зимнее, нередко уговаривали его принять участие в зимней прогулке. Первого февраля и состоялось такое недолгое путешествие с нартами в районе Столбов, в так называемую Бабскую избушку. Вместе с Тугариновым участвовали в этом художник Каратанов, статистик Шнейдер, работавший в музее В. Ермолаев, столбист А. Тулунин. Перевалив гору Диван, спустились к рч. Базаихе и по ней дошли до устья Калтата, и этим последним потянулись по долине вверх, до самой избушки. Здесь, при железной печке, и провели пару дней, наслаждаясь видом заснеженной тайги, прекрасной в своем зимнем убранстве. Отдохнув в новом приключении, пришли в город к своим обыденным делам и как будто с новыми силами принялись за работу.

Начиная с намеков на весну 1-го марта и до 6-го мая, как и в прошлые годы, ведутся фенологические наблюдения. Уже солнце восходит над горизонтом все выше и выше. Тянет выйти и побродить и на берегу Енисея, и на острова, и на Качу и невольно, придя домой, записать виденное в природе. Это уже закон биолога и особенно натуралиста.

В этом году в Красноярск из ссылки приехала Генрика Павловна Миклашевская и две недели жила у Тугариновых. Затем она работала в качестве ботаника в музее и надолго связала свою судьбу как с музеем, так и с Тугариновым.

30 марта в городском театре шел Второй этнографический вечер, по инициативе Тугаринова устраиваемый музеем. Была поставлена «Свадьба в сибирской деревне», которая прошла не без самого живого участия Тугаринова в составлении программы. Масса посетителей, с нетерпением ждавших вечера, была достойным отзывом на это мероприятие, давшее музею 369 рублей 26 копеек чистой прибыли. А деньги так всегда были нужны музею на различные непредвиденные в смете расходы - от покупки интересного экспоната или найма лишнего работника для экспедиционных нужд.

16-го мая небольшая группа лиц из числа близких музею совершила поездку на пароходе в предсаянскую деревню Означенная. Тугаринов, его жена Вера Ивановна и В.П. Ермолаев остановились здесь и занялись сбором естественноисторических материалов в окрестностях этого поселения, в 102 верстах от Минусинска. На юг позади деревни начинаются Саянские белогорья. Сама деревня имеет по берегам скалистые выходы и песчаные дюны. В Означенной прожили немного, все же тянули к себе горы, до которых, казалось, рукой подать. Решено было попытаться попасть на них и собрать там то характерное, чего нет в низовых местах.

За Означенной как бы воротами, через которые прорывается в долину быстрый Енисей, стоят, как две вереи, хребты Борус и Итем, и с них на далекий юг начинаются горы. Борус имеет отметку в 1920 метров, а Итем 2100 метров. Если принять среднюю высоту Енисея у Означенной за 300 метров, то над уровнем Енисея Борус будет на высоте 1630 метров. Было решено сделать восхождение на вершину этого хребта, что и было выполнено.

1630 метров - это уже высокогорье со всеми характерными его признаками. Путникам представились все переходы - от низового пейзажа с сосновым и смешанным лесом на берегу Енисея и с тополями по его островам до гольцов голых или покрытых тундряной растительностью. По пути попался и альпийский луг с крупными цветами и ничтожными вегетирующими стеблями, по своему размеру уступающими яркому цветку. Кедры, сменившие другие деревья, постепенно, по мере повышения местности, становились все ниже и ниже и, наконец, у вершины легли, превратившись в стланцевые извилистые формы. Каменистые выходы и

их россыпи несут на себе разноцветные лишайниковые формы, способные в долгий благоприятный зимний период переносить его в анабиотическом состоянии. То же и мхи, куртинки которых так хорошо защищаются друг другом от всяких неблагоприятных внешних влияний.

Большие пятна снега на северных склонах и небольшие на южных, ярко свидетельствовали о холоде этих мест. Здесь только-только начиналась весна в ее ранней стадии таяния. Это не мешало многим растениям быть уже в цвету. Так же, как и на севере, лето недолгое, и надо торопиться растительности выявить всю цикличность роста, цветения и плодоношения. Быстро набирались в папки всякие растительные формы. Это лежало на обязанности Веры Ивановны, в то время как мужчины были заняты охотой на пернатых представителей высокогорья.

Кроме того, нужно было сделать и фотоснимки характерных мест. А если принять во внимание, что старые типы аппаратов со стеклянными пластинками требовали перезарядки не на свету, а в темноте, то станет вполне очевидным, что у всех времени было в обрез, а надо было все успеть высмотреть, добыть, уложить и продолжать путь дальше. На одном из снимков видно, что надвигался туман, этот самый неприятный фактор, заставляющий свертывать всякую работу, и часто на продолжительное время. Но весенние туманы не затяжные, и переждав немного, путники продолжали свои работы.

По возвращении в Означенную начались всякого рода препарировки и сушки, сопровождаемые бесконечными перекладками растений до их полной высушки. Заход на Борус дал много материала, который дополнил предыдущие сборы в высокогорье в 1910 году. Воспользовавшись возможностью побывать в Урянхайском крае, Тугаринов решил присоединиться к экспедиции почвенно-ботанического характера от Переселенческого управления, в которой ехали ботаники и почвоведы. Эта экспедиция состояла из начальника, Ионы Васильевича Кузнецова, ботаника, его помощника и тоже ботаника, Модеста Михайлович Ильина, и почвоведа и очень хорошего знакомого, Николая Васильевича Благовещенского. Кроме того, был еще хозяйственник экспедиции, Дмитрий Дмитриевич, фамилия которого как то не удержалась в памяти.

Маршрут экспедиции дается из дневника М.И. Ильина, любезно предоставившего его автору этого очерка. Дается весь маршрут полностью, как он записан в дневнике Ильина, с коррективами по карте «Тувинская автономная область» в издании 1954 года. Это важно потому, что названия, слышанные от проводника, часто бывают искажены, и

найти их на карте бывает очень трудно. Для наглядности прилагается и заснятая с этой карты копия с обозначением маршрута. Это поможет ориентироваться и яснее представить пройденный нелегкий горно-таежный путь, проделанный экспедицией. Вот этот маршрут, пройденный в течение двух месяцев, с 9 июля по 9 сентября 1913 года.

9 июля. Село Лугавское.

10 июля. Минусинск. Выехали на частных лошадях, выиграв время, и поехали на село Малая Ничка. Село Каратуз. Переправа через р. Амыл.

13 июля. Вместе (с Тугариновым А.Я.) ехали до Верхнего Кужебара. Иона Васильевич Кузнецов и Аркадий Яковлевич Тугаринов были уже на земской квартире.

14 июля. Из Кужебара перевалили через Разбойничью гору и выехали в долину Красной речки. Осиновый хребет. Ночевали на р. Амыл (у березового плеса).

15 июля. Двинулись к переправе через р. Амыл у подъема на Петропавловский хребет. На Алексеевском участке, состоящем из 3-4 домов, заночевали.

16 июля. С Петропавловского хребта спустились к Медвежьему ключу и переправились через какую-то речку. Прошли через Сергиевский прииск и остановились на большой поляне, среди пихт, у подножья горы Чекур.

17 июля. С пологой каменистой горы Чекур открывается вид на р. Амыл. Берегом перешли через реку Семиречку на правую сторону р. Амыл. Ночевали на острове р. Амыл. Верстах в 6-ти от устья р. Калны устроили становище.

18 июля. Прошли на Калнынское зимовьё до устья рч. Калны. Далее вступили на Ново-Приютский прииск «Казанцева» ночевали.

19 июля. Перевалили на Алгиакский хребет, переехали границу между Енисейской губернией и Урянхаем. Россия осталась позади, мы за границей, пошли вниз по реке Большой Алгиак, который, сливаясь с Малым Алгиаком, впадает в реку Систик-кхем.

20-21 июля. Там же. Заночевали.

22 июля. Усть Алгиак с рекой Систик-кхемом вверх через речку Кара-Кхем на р. Систик-кхем. Против Таскыла Идык ночуем.

23 июля. От реки Систик-кхем, вершина которого идет с хребта Портель, спускаемся к вершине р. Айны, где у исполинского кедра ночуем.

24 июля. Перевалили верховья р. Чапсы (на карте Чапши). Ночевали вблизи Белли-куль.

25 июля. Р. Чапсы вниз, налево оз. Сайлы-гель. Долиной Ала-сук, вверх по речке, ночлег.

26 июля. Ала-суком через перевал Онышь - тайга в покати Джебаша по р. Кадросе (Джебаш не Чаваш ли?).

27 июля. На р. Кадросе приток р. Джебаша вблизи юрт нашего нового проводника.

28 июля. В вершине р. Джебаша перевалили в покати Казырей (надо читать р. Казыра).

29 июля. Вершина р. Татарки, белок Шараш-Тайга. Видны зубцы Бызыбай (белок с высотой в 1883 м). Фигуристые белки, Грандиозный пик (святой Иннокентий).

30 июля. Там же. То же и 31 июля.

1 августа. Едем обратно в долину Джебаша, на озеро, где стоял наш караван.

2 августа. Рекой Джебашем вниз по течению.

3 августа. Там же.

4 августа. Далее вниз Джебашем. Ночуем недалеко от Нефьедевского заведения у т. Лобанова (недалеко от впадения р. Джебаша в Хамсару).

5 августа. Долиной р. Енисея (Бий-хем) идем к устью р. Систик-кхема.

6 августа. От Скобеева переваливаемся через р. Систик-кхем (груз в лодках лошадей вплавь). Тропкой вдоль Бей-кхема, увидев его с горы). Переехали небольшую речку без названия. Второй брод предстоял через речку Тус (на карте Дус), где на правой стороне переночевали.

7 августа. От речки Тус тропа в несколько десятков саженей идет через Лугское и затем делится на две, из которых одна прижимается к горе (налево болото), другая идет берегом реки Бей-кхема, который сворачивает у переправы через р. Тус. После дождей держатся правой стороной. Вскоре тропа взбирается логом у ручейка на высокую гору и затем снова спускается на луг. Идем низом на скат горы, где болото трудное для переезда. Вечером приехали в русский поселок Карагаш (на карте Кара-хаш) из 4-5 домов.

8 августа. Из поселка Карагаш тропа шла вдоль поскотины. Перешли через мост, болото и начали подниматься на гору. Спустились с горы на луг и снова подъем на вторую параллельную ей гору. На вершине горы тропа делится на две: левую, более торную, и правую, менее торную, которая ведет на село Туран, и спустились со второй тропы лугом. Подъем на третью гору. Тропа и разветвляется на более мелкие тропки. Идем левой тропой, пересекаем 2-3 торных тропы по мху. Наконец выходим в долину

р. Бей-кхема у р. Сейбы, где находится поселок из 5 жителей. 3 года назад в нем было 50 жителей. Спустившись с горы, спустились с горы, свернули на колесную дорогу (тропа ведет налево в поселок). Ночуем на заимке у старосты Горбатого, на берегу р. Сейбы.

9 августа. Переправляемся дважды через р. Сейбу. Долиной по склону. Переправа через р. Ут (на карте Хут). Ночуем на заимке Алексея Богатого, бывшего крестьянина села Сабийского.

10 августа. Дальше едем на Туран, до которого 80 верст. Тропа ведет к маральнику А. Богатого, Лиственничный лес. Верст через 8 тропа разделяется на 2. Левая ведет через болото, а правая по косогору на Туран. Далее встретили две большие поляны, вокруг разряженный лиственничный лес. Идем по речке Кутурга. Вскоре начался подъём на гору против осыпей. Вот и голец. По ту сторону покать к р. Адже (на карте близкая по созвучию р. Ожу), притока Улу-ухема. (это ошибка, т.к. до Улу-кхема ещё далеко. Это все тот же Бей-кхем, или Малый Енисей). Спустившись по вертикали саженей на 100, остановились на ночлег.

11 августа. Идем тропой, переправа через р. Оджу. Тропа идет большой степной долиной р. Оджи. Переправились на юг, снова на запад, густой ельник. Выходим на р. Серлик (на карте Стерлиг). Вскоре тропа идет на Туран. Направо небольшой перевальчик, и снова обширная степь в долине р. Камсары (?). Две тропы: на Туран, и правая в маральник Бякова, где ночуем.

12 августа. В Туране.

13-14 августа. Там же.

15 августа. Выехали по Усинской дороге. Ночуем в 10 верстах от села Туран.

16 августа. Снова в пределах России. Проехав пограничную арку, шли большой степной разлогой верст 15. Затем от дороги пошли по тропе гарью. Перевалив хребтик, очутились в долине р. Омула. Ночуем недалеко от впадения в него р. Казачий ключ.

17 августа. Вверх по Казачьему ключу. У его верховьев перевалил через водораздел в долине реки (видимо Ореш), которую перешли вброд. Река Коярт. Прошли водораздел между р. Коярtем и р. Усом. И вот мы в долине реки Уса. Вверх по Усу. Вброд вблизи впадения в него р. Арадана (на карте Араданка). Ночлег.

18 августа. Немного вверх по р. Усу, правой стороной его прошли через малопроходимые гари. Поворачиваем в горы на Поганый голец. Еле выбрались. Ночуем на реке Кызыр-сук (по карте Ызыр-сук).

19 августа. Вброд через Кызыр-сук. Перевал на р. Большую Ою. Затем через Малую Ою, вниз по Ое. Ночуем.

20 августа. Сняли станцию. Ночлег.

21 августа. Вниз по Малой Ое, сворачиваем по Усинской тропе вправо. Ночуем на Усинской дороге в 5 верстах от деревни Григорьевки.

22 августа. Ночуем в деревне Григорьевке.

23 августа. Григорьевка - к Шырышты К-В.

24 августа. С. Кужебар (видимо, Средний Кужебар). С паровоза на р. Амыл.

25 августа. Каратуз. Село Сагайское, ст. Троицкое (не Тигрицкое ли?), Через Усть Ключики.

26 августа. Село Восточенское, Даниловский винокуренный завод, село Лугавское.

27 августа. В селе Лугавском.

28 августа. Минусинск.

Видимо, здесь Тугаринов и Ермолаев и расстались со своими спутниками, которые еще ездили на юг в степи, где Тугаринов бывал в 1909 году. В Минусинске, подождав парохода, музейные работники приехали в Красноярск. Весь путь в Урянхай этого года был довольно трудным. По пути были горные бурные реки и высокогорные хребты, доходящие до гольцов. Все время в седле. Естественно, что те остановки на ночь и особенно дневки были всегда желанным отдыхом как для людей, так и для лошадей. Тугаринов и Ермолаев, главным образом, собирали зоологические объекты.

Весь путь можно разделить на два важных и больших участка. От Амыла на водораздел Кызыра и Хамсары. Здесь пришлось пересекать вершины речек, идущих к северу к Кызыру и идущих на юг к Бий-хему, в системы Джебаша и Систик-кхема. Затем через полупустынные места Урянхая на р. Ус и здесь через Арадан на Ою. В то время еще не было Усинского тракта, вернее, он только что начинал свое существование, и поэтому путь от Уса на Ою был сопряжен с большими трудностями, особенно в местах перевала белогорий.

Это первое путешествие Тугаринова на северо-восток Урянхая дополнило те наблюдения в высокогорьях, в которых исследователь побывал в 1910 и 1912 годах. Но полностью Урянхая он еще не видел и поэтому, конечно, дальнейшее исследование Засаянья было в его мечтах и недалеком будущем. Во время этого странствования не обошлось без

печального инцидента: проводник экспедиции, остававшийся с лошадью, попробовав из шведской банки жидкость, приняв ее за спирт, отдал богу душу, и нечем было ему помочь. Так консервирующая жидкость, употребляемая для сохранения всяких животных организмов, была причиной его смерти. Перед отъездом из Лугавского, в ожидании парохода, Тугариновым был на стоянке на берегу Енисея раскопан костяк человека. А также раскопали 5 могил.

В этом году Тугариновым были опубликованы следующие его работы - «К орнитофауне Северо-Восточных Саян» в «Орнитологическом Вестнике», № 2.

«В Манском белогорье» в ж. «Наша охота». № 7.

«Соболь в Енисейской губернии». Красноярск. 1913 г.

«19 июля 1913 г. Прииск Ново-Приютный.

Здравствуй Верус…! Есть возможность послать отсюда это письмо. Главная цель его предупредить тебя, чтобы ты не беспокоилась, судя по всему, мы запоздаем, и порядочно, до жилого места снова выберемся не ранее 20 августа, а скорее всего к I сентября. Не беспокойся поэтому, и не жди раньше этого срока. Пока едем благополучно. Были и приключения, конечно. Хорошо, что ты не поехала с нами. Дорога местами убийственная. Один конь у нас летал через голову, катился под яр со вьюком, как клубок. Ящики мои плавали на коне в воде, конь сошел с дороги и вплавь пошел в Амыл. Выход из Кужебара был тоже неблагополучен - три коня разнесли вьюки, поломали седла и в этот день, когда собирались, так мы и не выехали. Я здоров, сегодня последний день принимаю капли. Володя ни разу ни на что не жаловался. Льют дожди, 3 дня уже ехали мокрые. В общем, сносно, но Кузнецов плохой организатор, в караване из 17 лошадей и 4 рабочих нет дисциплины и поэтому много бестолковщины, до многого никому нет дела и все это бросается, валяется, пропадает. Вымочили сахар, табак и т.д. Все свое я храню в своих ящиках и вынимаю и отдаю, когда что нужно. Один рабочий никуда не годится, а учитель отлынивает от работы. Все это между нами, потом расскажу. Сегодня у меня неудача, вчера мой конь набил спину, нельзя на нем ехать, не знаю, как быть, как устроимся. Пока места малоинтересные в смысле пейзажа и содержания, фотографировать не удается из-за дождя. Сегодня через 5 верст от этого прииска переедем русскую границу и будем в Урянхае. Обратно поедем не на плотах, но верхом через Туран и Усинское на Григорьевку. Пока будет. Сейчас надо вьючить коней и едем дальше. Случайно в папке я нашел твои старенькие рваные перчатки и

взял их с собой, ношу в кармане как твою вещь и очень рад этому. Жаль, что от тебя я не могу получить письма. Напиши мне в Григорьевку, там почт-телегр. отделение, на мое имя до востребования. По крайней мере, я раньше получу от тебя вести, чем доберемся до Минусинска…».

Это письмо написано карандашом и адресовано В.И Тугариновой в Красноярский музей А.Я. Тугариновым из северо-восточных Саян.

Открытка из Григорьевки А.Я Тугаринова на имя В.И Тугариновой (в Красноярский музей) от 11 июля 1913 г.

«…! Пишу из Григорьевки, пользуясь наличием п.телеграфной конторы. Приехали сюда мы вчера вечером, т.е. в тот же день. Сделали, таким образом, от Лугавского 87 верст. Здесь Иона Васильевич Кузнецов должен сделать некоторые свои дела, а сегодня в полдень едем в Кужебар. Туба тут близко, вся деревня в лесу. Сегодня прохладно и дождь небольшой. Я здоров вполне. Ехали мы с шиком на тройке. Было 4 перепряжки. Не задерживали дольше 15-20 минут. Если можно будет, перед отъездом из Кужебара, пошлю еще открытку. Обратно мы поедем, скорее всего, через Григорьевку же, усинской тропой, а не поплывем по Енисею. Пока до свиданья. Будь здорова. Надеюсь иметь от тебя письмо в Минусинск. Пошли кое-что и из писем для меня. Не забудь деньги…».

1914 г.

В 1914, юбилейный для музея год, его хранитель был занят всецело подбором материалов для двадцатипятилетнего отчета по музею. Материалы, особенно первых лет существования музея, были настолько запущены, что приходилось многое просто додумывать по самим коллекциям, и нередко, разыскивая жертвователя, делать новый опрос. Все это заняло много времени. 24 февраля, после торжественного молебствия с провозглашением многолетия всему царствующему дому в Воскресенском старом соборе города, в 4 часа дня началось торжественное заседание в городском театре Красноярского Подотдела Восточносибирского отдела Императорского русского географического общества, посвященное 25-тилетию деятельности городского Музея.

После торжественной части и зачтения поздравительных телеграмм юбиляру, а также ответов на них, слово было представлено директору-хранителю музея Аркадию Яковлевичу Тугаринову. Вот как об этом докладе говорится на странице 129-130 юбилейного издания Подотдела за

1914 г.: «г. Тугаринов вкратце изложил историю возникновения Красноярского музея, его жизнь в начальной стадии и постепенное развитие; на экране были показаны портреты деятелей на почве изучения Приенисейского края и развития музейного дела Н.М. Мартьянова, И.А. Лопатина, И.Т. Савенкова, Д.А. Клеменца, П.О. Проскурякова, А.С. Еленева, М.Е. Киборта.

Отброшенными на экран диаграммами лектор иллюстрировал рост средств музея, его коллекций, посещаемости; дав характеристику музея и его значения для изучения края, докладчик перешел к последнему. Разбив Приенисейский край на несколько зон, он дал на экране изображения характерного пейзажа каждой из них, представителей флоры и фауны, племенных типов, некоторые сцены бытового характера, сопровождая краткими пояснениями. Докладчик был награжден аплодисментами собрания, которые возобновились, когда председатель подотдела, указав на то, с каким усердием и любовью А.Я. Тугаринов отдается работе в музее, предложил выразить ему благодарность за его труды в этом деле».

Сам доклад, напечатанный в юбилейном сборнике, занимает сто страниц и конечно утомил бы слушателей, почему лектор предпочел сделать из него самые существенные резюмирующие выдержки и дополнить его световыми диаграммами по принципу деления края на географические зоны. Разделы «Исторического очерка Красноярского музея со времени его основания» имеют следующие разделения:

1. Условия возникновения, подготовительные работы, открытие.
2. Жизнь музея с момента открытия до 1892 г.
3. Жизнь музея за 1892-1902 годы.
4. Переход музея в заведывание Подотдела. 1903 и 1904 гг.
5. Музей в заведывании Подотдела.

а. Жилищный вопрос.
б. Обзор работ и текущей жизни музея.
в. Поступление коллекций и состав их.
г. Посещаемость музея.
д. Обработка и определение материалов.
6. Средства музея.
7. Обзор коллекций музея.

Отдел зоологический.
,, ботанический.
,, геологический.

,, палеонтологический.
,, почвоведения.
,, археологический.
Русские древности.
Церковная археология.
Отдел нумизматический.
Отдел антропологический.
Отдел этнографический.
Отдел сельского хозяйства и промышленности.
Общеобразовательный отдел.
Рост коллекций музея за 25 лет.

Ведомость прихода и расхода сумм на содержание Красноярского музея за 25 лет существования.

Список жертвователей (в алфавитном порядке по фамилиям за 25 лет).

Эта большая работа по отчету за 25 лет не была простой механической сводкой, списанной с каталогов музея. Тугаринов ясно представлял материальные ценности научных коллекций, о которых он говорил в составленном им отчете. Его универсальные знания природы и человека помогли ему справиться с этим большим делом систематизации музейных коллекций по отделам и внутри их. К этому времени он уже хорошо представлял себе край в целом и поэтому свободно оперировал с массой материала музея, большую часть которого он собрал лично или силами своих сотрудников по музею за время экспедиций по краю. Обладая незаурядной памятью, он вполне ориентировался среди тех 68972 номеров, которые подытожили этот 1914 юбилейный год. Директор мог разговаривать с любым специалистом по любому отделу, часто имея свое мнение, казалось бы, и не по его природной специальности, к которой, прежде всего, относился биологический цикл. Знание, память и врожденная интуиция помогали ему всегда и во всем.

После отчета Тугаринов наконец-то смог взяться за свои любимые фенологические наблюдения, которым он посвятил время с первого марта по 27 апреля. Эти обычные для него весенние наблюдения, как и аналогичные наблюдения предыдущих лет, были использованы отчасти Н.С. Федоровым в его сводке по краю - «К характеристике климата Красноярского округа Сибири». 1928 г.

Сколько раз в семье Турагиновых вспоминали о заграничной поездке Веры Ивановны в 1909 году. И всегда это было не то чтобы зависть, а просто напоминало и о другом мире, в котором тоже немало интересного и полезного и поэтому у Аркадия Яковлевича всегда было затаенное желание и самому посмотреть заграницу. Это его желание и сбылось в этом 1914 году. Решено было во время своего отпуска осуществить это желание. Заранее списавшись с Москвой, где ежегодно формировались экскурсии, он получил возможность такого заграничного вояжа в составе 7-го маршрута. Выехав из Красноярска в начале мая он, прежде всего, заехал в родной ему Саратов, где, живя в городе, посетил сельскохозяйственную выставку имени Костычева. Затем он побывал в Валуйках и, отдав должное родне и знакомым, направился в Москву, где и включился в свою экскурсионную группу. Путь лежал через Смоленск, Минск, Варшаву и Берлин.

Описать эту поездку можно по тем письмам, которые экскурсант более-менее регулярно посылал из каждого пункта своих остановок своей жене Вере Ивановне. Из этих же посланий видно и места посещения в заграничных центрах, а также то впечатление, которое производили на него эти посещаемые экскурсией места.

Вот первая весточка с дороги, спущенная на перроне в Орше. «18 мая. Орша-вокзал. Красноярск, музей В.И. Тугариновой. Я забыл тебе написать, на адресе заграничных писем внизу конверта нужно приписать: Маршрут 7, группа 1. Пишу с дороги между Смоленском и Минском. Ехать довольно хорошо. Кое с кем познакомился. (Есть) небезынтересные люди. Состав интеллигентный. Пока никаких недоразумений, капризов, по крайней мере, в нашем десятке. Едем сами без руководителя проводника. Завтра, в 8 часов, будем в Варшаве пить кофе, а утром 20-го в Берлине. Проппер перед отъездом устроил интересную и (...) речь. И.А. меня провожал. В конце июня он будет в Саратове и, быть может, приедет в Почуйки. Семья переезжает также скоро в Саратов. Оживленной была сцена проводов экскурсии в Москве. Завтра напишу еще».

«19 мая. Варшава - Красноярский музей, В.И. Еще несколько минут, и мы будем в Варшаве. Там остановка на 8 часов. В 10 переедем границу, а завтра в 9 утра в Берлине. Предстоит бессонная ночь в немецких вагонах. Переутомились. Есть довольно интересные типы, певцы, артисты, консерваторки, врачи. Уже замечается большая культурность населения, оригинальность построек, иная природа. Это уже последний привет тебе из России. Теперь напишу из Берлина».

«21 мая. Открытка. Берлин-Красноярск музей, В.И. Вчера в 6 часов утра приехали в Берлин. Пансион прекрасный, все удобно и вообще хорошо. Сегодня и завтра еще здесь. Берлин пока не поразил меня, бросается

в глаза порядок, лоск улиц, но ничего смелого, блестящего, все тяжело, по-немецки. И во всем бронированный кулак. Сегодня немного осмотр музеев. До свиданья». (Открытка с музеем Кайзер Фридриха).

21 мая. Открытка с Рейхстагом. «Берлин-Красноярск, музей, В.И.

Прошел еще день в Берлине. В комиссии случайно не оказалось руководителя по аквариуму и, представь, я осмелился провести группу и давать ей объяснения. Вечером были в Eis Pulos-фиерий на коньках на льду. Типично, как тяжеловесное немецкое развлечение, но мало любопытно с художественной стороны и не содержательно. Кажется, я понимаю немецкую жизнь и психологию, и не в их пользу. Завтра в 9 вечера едем в Лондон. Здоров». Это примечание А.Я. вставил в конце письма, потому что он выехал из Красноярска нездоровым.

22 мая. Открытка из Берлина в Саратов для В.И., которая к этому времени должна была из Красноярска приехать в Саратов.

«Сейчас обрадован получением твоего письма. Очень рад, что эта так хорошо вышло, что ты уезжаешь 10, и пишу это письмо уже на Саратов. Еще 3 дня, и мы уезжаем из Берлина. Настроение хорошее. Здоров. О красноярских делах я как-то забыл. Все-таки поездка дала очень много, больше чем ждал. Будь здорова. Не сердись на открытки. Прямо нет времени. Вечер, устаешь порядком, тем более что хожу еще и самостоятельно без группы. Все существенное уже осмотрели. В картинную галерею не пустили».

23 мая. Открытка из Брюсселя. «Красноярск. Гор. Музей, В.И.

Привет из Брюсселя. Сейчас час дня, в 4 - в Остенде, в 11 - в Лондоне. Спешу».

Вполне понятна та спешка, которая была у Тугаринова за границей. Хотелось осмотреть как можно больше, ведь он чувствовал, что подобные посещения заграницы не часты, а может быть и всего однажды. Поэтому, кроме групповых, по заранее намеченному плану, посещений разных научных и художественных учреждений, он старался еще посетить и то, что не входило в планы экскурсии. Так, его интересовали магазины, способы сообщения внутри города, протекающая река, жизнь горожанина и многое другое, что могло быть характерным для страны и ее городов. Даже простая городская этнография и костюмы жителей его интересовали так же, как в северных поездках по приенисейскому краю все, что характерно для данной местности. Вполне понятно, что он в погоне за многим и много уставал и писал домой жене пока только открытки, надеясь, при его памяти, по приезде рассказать подробно то, чего именно было теперь пока «некогда». Таков уж был Тугаринов. Жадность к знаниям во всех вопросах брала у него всегда много энергии, и он не жалел сил и времени для того, чтобы больше видеть и знать. За границей, за краткостью пребывания и массой всего нового, действительно было некогда, а видеть хотелось как можно больше. Не знаю, вел ли он там дневник как в обычной поездке, но думаю, что он так уставал, что было не до записей.

«24 мая 1914 г. Лондон

... пишу тебе сидя в гостиной нашего отеля в Лондоне. Коротаем первый вечер. Часть играет на рояле, часть поет, беседуют, пишут письма. От Берлина до Лондона ехали полтора суток. Переезд был трудный - ночь без сна, день же кончился морским переездом, притом, качкой. Я перенес хорошо, вообще я здоров. Сегодня был первый объезд Лондона. Были в соборе св. Павла, Гайд-парке, Сити и около парламента. Лондон живее Берлина и красивее. По пути были в Кельнском соборе, мне очень понравилось, а во время полуторачасовой стоянки в Брюсселе сделали поездку в автомобиле (на свой счет). Замечат. интересно и оригинально, кружевная готика. Лондон, в общем, однообразен, но веселит старая часть. Оживление невероятное. Подземная дорога в 2 этажа, воздушная своим чередом, не считая трамваев, автобусов и т.д. Завтра воскресенье и пойдем на митинг в Гайд-парк. Благодаря суфражисткам страшно труден доступ в картинную галерею, в галерею Тейта не пустят совсем. В национальную женщин пускают под ответственность мужчин, и в известном числе. Будет осмотр школы на открытом воздухе. Группа теперь определилась. Довольно смешанная. Есть несколько интелл. людей, есть и дубы стоеросовые, есть резвящиеся девицы и молод. люди, пожелавшие вкусить культуры в шантанах. Спайкости группы нет, все кружками. Я больше в дамской компании. От заграницы пока чувство такое: тяжело тут жить. Альбион совсем гнилой, как в Питере осенью, дома серые, закоптелые. Берлин чистый, но страшно хмурый, все серо, дома не красят, и они все как один. Для меня заграница была бы ссылкой. Быть может такому впечатлению способств. холод и ежедневные дожди, которые нас преследуют пока ежедневно. Тех восторгов, которые во мне вызывают экскурсионные впечатления в тайге, я пока ни от чего не пережил. Не думай, что я хандрю, но пишу свои мысли откровенно. Сейчас кончу: надо идти и успеть спустить письмо, иначе оно завтра не уйдёт, так как по воскресеньям письма не вынимаются. Вообще порядки своеобразны. Так пока до свиданья.

...Не служи долго, уезжай к Шуре. Возможно, что я отстану дня на 3 в Берлине - руководст. обещало устроить даром - я не успел осмотреть музеи.

.... Привет Рязанским, Шнейдер и т.д.».

26 мая. Открытка из Лондона в Красноярск.

«Музей, В.И. Посылаю тебе открытку Лондонской крепости, которую мы сегодня осмотрели. У меня есть серия, как и вообще открытки, но я не всегда их посылаю, чтобы не пропадали. Получил сегодня твое письмо из Москвы, как ты узнала адрес, не понимаю? Доволен, что вижу много интересного. Был в Британском музее. Не везде пускают из-за суфражисток, национальной галереи, должно быть, не увидим. Был на конгрессе Армии спасения и митинге суфражисток». (Присланная открытка Тауэра).

«30 мая из Лондона на Красноярский музей, В.И.

Я здоров вполне. Сердце не шалит. Позавчера были в английской школе - неизгладимое впечатление. Вчера в Ботаническом саду - не раз вспомнил тебя, шли аллеей роз. Поедем в Оксфорд. Хожу уже самостоятельно по Лондону при помощи международного языка движений. Не сердись, что мало пишу, некогда. Вечерами устаешь. Сегодня полдня свободные. Иду делать покупки - костюм и ботинки».

Из Лондона Тугаринов выехал 5 июня. За это время он сумел много посмотреть по линии биологических объектов. Был в Ботаническом саду и Зоологическом, прекрасный атлас зверей которого он имел в своей библиотеке. Побывал он и у Александра Павловича Рождественского, того ссыльного, которого Тугариновы встретили в Туруханской политической ссылке в Селиванихе. Знакомство это началось с того, что Вера Ивановна зажарила для этого ссыльного утку, будучи там в 1907 году. Ссыльный запомнил это и, будучи за границей, написал из Англии письмо на Красноярский музей. Письмо адресовано 10 августа 1909 года. В нем дается лондонский адрес.

Небезынтересно воспроизвести полностью это письмо. «Моей дорогой землячке Вере Ивановне сердечный привет и всяких хороших пожеланий шлет земляк ваш. Постараюсь напомнить о себе, может быть, Вы и вспомните. Два года тому назад мы с Вами направлялись вместе в Туруханский край. О, конечно, на разных основаниях и с различной целью. Время это я очень помню, и, не смотря на тяжесть тогдашнего положения, мне вспоминается теперь тогдашние все с удовольствием. Не

малую, конечно роль сыграли Вы, скрашивая наше положение Вашим теплым и в такое время особенно ценным участием. Я очень хорошо помню, как мы варили на барже чай, как в деревне против самого Туруханска (забыл уже ее имя) вы жарили мне и товарищу моему утку. Как Вы обещали показаться нам в своем экскурсионном костюме, да так и не показались. Помню Вашу красную шапочку, в которой Вы ходили. Видите, у Вашего земляка память не дурна? Помню очень хорошо весьма выразительную физиономию художника, который был с Вами. Помню и другие подробности. Два года и я помню очень хорошо. Раньше написать Вам никак не мог, опасаясь обнаружить свое местопребывание, но теперь могу свободно. Чтобы продолжить наше, так случайно возникшее знакомство, Вы напишите о себе, как Вы поживаете, что поделываете.

Теперь-то летом Вы, вероятно, опять где-нибудь на далекой экскурсии. Но все-таки в свободное время от приготовления препаратов, не поленитесь списаться с своим земляком, буду ждать с нетерпением и получу с радостью от Вас весточку. Ведь мы здесь тоже в своего рода ссылке, отрезаны от всего милого и дорогого. Воспоминания в этом случае занимают большое место и к весьма приятным и милым воспоминаниям относятся и воспоминания о встрече с Вами. Теперь же в ожидании от Вас весточки, желаю Вам всего хорошего и остаюсь Ваш земляк А. Рождественский. Поклон, не знаю, как назвать тех двух господ, которые были с Вами, один художник, а другой, еще помню, он препарировал каких-то птичек и определял их по книге Менсбира. Передайте им поклон». Далее дается адрес Лондона.

Это письмо дало начало переписки между бывшим ссыльным и Тугариновыми.

А вот и еще письмо, вернее открытка, того же Рождественского от 4/17 октября 1909 г. «Дорогая землячка. Получил Ваше письмо, спасибо. Был очень рад и рад также за Вас, что Вы, судя по письму, хорошо себя чувствуете. Жду теперь по Вашим словам большущего письма и ... снимок товарищей, лучшего Вы, дорогая, и придумать не могли ничего. Если Вы к сему еще прибавите Вашу собственную фотографию, да в тех условиях и местах где я Вас так хорошо помню, да может быть, сообщите, кто и где из товарищей, я и вовсе буду очень, очень благодарен Вам. О себе тоже обещаю писать Вам. Поклон художнику и А.Я., о последнем я только догадывался, что он или ваш муж или какой-либо родственник. Звать меня, если Вы не знаете, Александр Павлович. Крепко жму вашу

руку, желаю всего хорошего и надеюсь, что в одну из Ваших экскурсий, Вы попадете и к нам в Лондон. Да, напишите, слыхали ли и знаете ли Вы что, как я ушел. Если нет, я Вам опишу».

А вот и большое письмо ссыльного из Лондона от 19 ноября, говорящее более подробно о личности этого ссыльного: «Дорогая Вера Ивановна! Получил Ваше письмо и карточки. О, очень был обрадован и с нетерпением ждал дальнейших, как это, в самом деле, мило с Вашей стороны, да еще по отношению к такому человеку, который произвел на Вас такое невыгодное впечатление. Но я все-таки думаю, что не так страшен черт. Вы спрашиваете, верны ли Ваши воспоминания, не фантазируете ли Вы? Скажу на это, что возможно так и было, хотя я лично отличаюсь среди своих товарищей и постоянно спорю о праве людей науки на почетное положение, если они, конечно, не «гасители» вроде профессора Сазоновича, Березина и др. знаменитых Пуришкевичевцев в Государственной Думе. Не в то время, Вы помните, какое было время, у меня, возможно, временно было преувеличение мнения о необычайной возможности политики и для меня собственно самого очень интересно сохранившее Ваше воспоминание. Спасибо. А что Вы смущались моим отношением, говорит о том, конечно, что Вы сами сознавали необходимость принять участие в общей жизни страны, но по каким-то соображениям уклонились от этого. Лично я более человек науки, чем политик, но в известные моменты я действительно науку по боку, ибо для меня «не человек для субботы, а суббота для человека». Ладно. Вы там в письме говорите о том, что результат чтения письма слагается из того, что написано и из настроения читающего. Настроение у меня теперь вполне нормальное и обычное для меня. И я должен сказать, что Ваше письмо очень хорошее. Я, почему-то представляю Вас сердитой и недовольной в момент писания письма и ваш вопрос «да какой вы мне земляк, разве вы из Самары?», мне показался очень забавный. Дело в том, дорогая Вера Ивановна, что я очевидно перепутал. Я саратовец, и мне, почему-то казалось, что и Вы из Саратова, и даже помнилось, что Вы называли мне фамилию одного саратовского семинариста, но теперь я вижу, что это, очевидно, кто-то другая говорила. Я встречал очень многих людей в своей жизни и путаница возможна, но зато я, очевидно, верно помню остальные подробности, ибо опровержений на них не было. О себе я скажу, что когда мы отправились из Селиванихи, мы благополучно добрались на казенных пароходах до Нижне-Имбацкого. Мы сначала и думали поселиться, но село не понравилось, еще бы после Москвы-то.

Мы отправились ниже, и доехали до Сумарокова. Здесь мы 9 человек прожили два дня и нанялись рабочими тащить илимку с сохатиными кожами до 1000 пуд. весу. Протащили ее 25 верст, или не помню, по самому опасному месту, знаете «Кораблик». В следующем селе Тунгуски мы бросили нашего купца, купили лодку и благополучно доехали до Енисейска, отсюда на пароходе в Красноярск и скорым поездом до Сызрани, к себе на Волгу. Потом я жил нелегально в Москве, кончил университет, но после бунта в Турух? крае меня начали усиленно искать, и уехал за границу. Вот кратко моя история. Но эта краткая история очень богата приключениями, и трагическими и комическими. Как-нибудь напишу подробно. Передайте поклон художнику, о, я его очень узнал и вашему супругу. Ваш А. Рождес. Чтобы не называть Вам меня земляком меня зовут Александр Павлович Рождественский. (свою карточку пришлю)».

Эти три письма туруханского ссыльного времен начала века приведены нарочно полностью, хотя, казалось бы, они для биографии Тугаринова не имеют существенного значения. Но это только кажется так. Будучи в Лондоне, Тугаринов разыскал этого ссыльного в его второй невольной ссылке, и между ними, конечно, не на один час завязался оживленный разговор. Ведь общих воспоминаний у них было много, о том же Туруханском крае, в котором Тугаринов успел побывать еще раз, а также во время второй экспедиции на Пакулиху познакомился с рядом ссыльных. Оказалось, что они оба действительно земляки-волжане, и у них, конечно, нашлись общие знакомые на их общей родине. Продолжился, конечно, и диалог о назначении науки и соотношении ее с политикой в определенные моменты жизни, начатый в письмах с Верой Ивановной. Да и мало ли чего общего могло быть между двумя земляками, встретившимися в далеком и чужом им по духу Лондоне. Всё это сближало людей, попавших сюда вольно или невольно. Кроме того, и это несомненно, Рождественский мог оказать Тугаринову услугу, познакомив его с городом, язык которого он, конечно, знал лучше, чем случайный человек изъяснявшийся больше жестами и мимикой. К сожалению, не сохранилось об этой встрече каких-либо воспоминаний самого Тугаринова. Но достаточно и того, что волжане, встречавшиеся на просторах далекого енисейского севера, встретились еще раз в культурнейшем центре Европы, в Лондоне, поговорили о многом обоих интересующем в прошлом, настоящем и, может быть, о ближайшем будущем, уже исподтишка назревавшем, которое вот-вот всколыхнет все старое и заставит жить по-новому.

Здесь, в Лондоне, Тугаринов получил из Красноярска письмо с датой 24 мая от своего заместителя по музею Александра Петровича Ермолаева, который писал, что он вот-вот уедет из Красноярска в экспедицию на север. Это обстоятельство немного взволновало директора, хотя, как он писал в одном из предыдущих писем своей жене: «О красноярских делах я как-то забыл», но все же время от времени приходило в голову: что там, в Красноярске? Конечно, он знал, что музей не будет заброшен попечением Географического общества, и все же дела музейные всегда были дороги для его директора даже там, за границей, во время его законного отпуска. Зная теперь хорошо положительные стороны Ермолаева, которому музей стал также близким учреждением, А.Я. мог спокойно доверить его своему помощнику, но за отъездом в экспедицию последнего, кто знает, кому будет поручено руководство музейной работой. Тем более, что до него через Веру Ивановну дошли слухи, что на его место метит Антон Антонович Савельев, не совсем хорошо зарекомендовавший себя не только по отношению к музею, но и вообще прослывший большим стяжателем в ссылке на Ангаре, где, по слухам, он присваивал средства, отпускаемые на ссыльных, которые были ему доверены как выборному человеку. Кстати, выяснилось, что эту кандидатуру на должность директора Красноярского музея якобы не прочь поддержать сам председатель Географического общества Виктор Ювентинович Григорьев, который всячески урезывал самостоятельность в работе Тугаринова. Вера Ивановна в одном из своих писем сообщала, что сразу же после отъезда А.Я. на его имя в Красноярск была телеграмма от Ножина с приглашением осмотреть горную Бухару и с просьбой дать немедленно ответ о согласии. Здесь же извещалось, что идет сбор средств на борьбу с туберкулезом (день ромашки), а 10 мая должны быть сборы на флот. Что музей открыт для посещения и в нем бывает много посетителей.

Между Григорьевым и Тугариновым, еще в бытность последнего в Красноярске, назревал конфликт, и Тугаринов, чтобы избежать осложнений, решил даже перевестись в Минусинск на директорство, т.к. в это время должность директора там была незамещенной, но официально не сделал еще пока такого заявления. Так что, как бы ни старался вояжер выключить из своей головы Красноярск на время поездки по заграницe, все мелочи повседневной жизни и интриги начальства все же беспокоили его. 6 или 7 июня имеется открытка из Берневаля в Саратов для В.И. Нужно сказать, что в графике посещения заграницы целесообразно был предусмотрен отдых от посещения шумных городов Берлина и Лондона

на французском взморье, в спокойной сельской местности. Вот эта открытка: «Лондонский кончился. Пишу из Бенреваля. Чудесный уголок. Настоящая деревня и море шумит. Особенно хорошо вечером. Кругом только контуры гор. Тишина. На берегу кричат совы, шумит прибой. Кругом прекрасная природа, нетронутая. Жаль, что будем здесь только 3 дня. Я, в конце концов, оказался в компании 6 дам. Завтра у нас прогулка. Часть, в том числе и я, едем на велосипедах. Как хорошо попасть после Лондона на природу. Письма твои получил: одно было здесь одно в Лондоне».

10 июня. Открытка из Руана

«Только что вернулись из этого собора. Чудное впечатление. Здоров. В восторге от Берневаля, море! Жаль расставаться с ним. Сегодня в 8 вечера в Париже». (Открытка Руанского собора).

11 июня. Открытка на Саратов В.И. из Парижа

«Сейчас идем на первый осмотр города. Вчера осмотрели Дьепп и Руан. Здоров. Доволен. На многое открылись глаза. Группой я доволен. Отношения у меня хорошие. Есть много новых хороших знакомых. Руководители славные. Прости, что мало пишу. Не могу сосредоточиться, расскажу уже на словах».

13 или 18 июня. Открытка из Парижа В.И.

«Шумно, толпа, увлечение живописью, был в Версале, в музеях, на скачках, в Булонском лесу. Видел Пуанкаре. (Профирипилился), зато оделся как денди. Страшно быстро летит время. В Берлине оставаться не буду. Здорово неизменно, но немного устал. Через 6 дней будем в России».

На этом сведения о поездке прерываются. И все же ясно, что заграница дала Тугаринову очень большой познавательный материал, хотя бы от одних посещений музеев разного профиля. Рассказать, хотя бы вкратце, обо всем виденном, конечно, было не под силу, как и за неимением времени, и он старался держать В.И. в графике своего заграничного маршрута. Недосмотрев берлинские музеи, он сначала просит администрацию экскурсий разрешить ему на обратном пути задержаться в этом городе, на что и получает согласие, но, видимо, уже достаточно устав от массы новых впечатлений и от шума городов Европы, он решил не останавливаться в Берлине, о чем и извещает В.И. последней загра-

ничной открыткой. И вот впереди и скоро вновь Россия, более спокойная страна, родина, с которой связаны многие стороны жизни. Теперь можно и отдохнуть в вагоне, пока все вновь приобретенное укладывается по своим запоминаемым ящичкам памяти, и подытожить свершенное.

После приезда Аркадия Яковлевича Тугаринова из заграничной поездки между председателем Географического общества В.Ю. Григорьевым и подведомственным обществу директором музея Тугариновым произошел какой-то конфликт, видимо, из-за ведущей роли в делах музея. Конфликт чисто персонального значения и на деловых совещаниях породивший конфликт вопрос не ставился. Настроение у Тугаринова было плохое. Казалось, все было налажено: и с музеем и по линии исследовательской работы, и вдруг это ненужное осложнение. Как большой ведомственный чиновник, Григорьев, который иногда по своему положению мог заменять даже губернатора, а он был не только председателем Географического общества, но и начальником Переселенческого управления Енисейской губернии, как-то нетерпимо стал относиться к самостоятельности Музея, чем и ставил рогатки на пути развития исследовательских дел музея и его хранителя, теперь уже директора Тугаринова. Конфликт стал разрастаться, и Тугаринов решил оставить Красноярский музей и поехать в Минусинск, где тогда было свободное место директора музея. Красноярская общественность заволновалась в связи со слухами об отъезде Тугаринова из Красноярска. Во-первых, все уже привыкли к Тугаринову и считали его детищем музей и ту краеведческую работу, которая была развернута вокруг него и в связи с ним. Во-вторых, все, или во всяком случае, многие, считали, что претензии к музею Григорьева ничем не обоснованы. К Тугаринову было полное доверие. Это высказал один из видных членов правления Географического общества Д.Е. Лаппо, сказав, что «Григорьевых много, а Тугаринов у нас один». В это время произошли чиновничьи перемещения в самом Переселенческом управлении, и Григорьев был назначен комиссаром в пограничный Усинский округ, которому в то время царское правительство придавало весьма большое значение. Ведь рядом, за Саянскими горами, был Урянхайский край, этот лакомый кусок земли. Переселенческое управление давно уже интересовалось этой высокогорной котловиной. В планах Переселенческого управления стоял неотложный вопрос о проведении на Ус шоссейной дороги и освоении Саян и Засаянья. С переводом Григорьева сам собой разрешился этот неприятный вопрос, и Тугаринов остался в Красноярске. Вот как реагировали на возможный отъезд из Красноярска

родственники жены Тугаринова, которые были через письма знакомы с работой Тугаринова в Красноярском музее. «Как нам всем жаль, что Аркадий Яковлевич оставит свой музей (ведь вы оба так много работали для него), Аркадий Яковлевич, можно сказать, душу свою вкладывал в музейное дело... Грустно оставлять место, с которым сроднился и на которое потрачено много, много заботы и труда. Ну, делать нечего, может быть, устроитесь и лучше, в более живом месте и с новыми людьми, нет, впрочем, люди везде и всюду одинаковы.. Как-то нам грустно за вас. К чему эти все мелочи и самолюбие. И вот, хорошему человеку, который так много поработал, приходится бросать любимое дело. Да, в жизни встречаются такие неожиданные неприятности, надо быть готовым ко всему». Пожалуй, с одной стороны, это и хорошо, что произошел такой конфликт, по крайней мере, в Красноярске возник момент, когда нужно было как-то прореагировать и по заслугам оценить работу такого видного научного работника, каким был Тугаринов. И, конечно, общее мнение сыграло свою роль. Директор снова принимается за работу и с прежней энергией ведет музейное дело.

Осенью этого года А.Я. Тугаринов совершил поездку на юг Ачинского уезда и произвел там, на рч. Сереже, около деревни Андроновой, раскопки, давшие богатый материал по археологии края.

Из печатных трудов этого года надо отметить статью «Бобр в бассейне Енисея». Журнал «Наша охота», № 3.

1915 г.

После заграничной поездки 1914 года так захотелось снова побывать в еще не посещенных местах Приенисейского края. После прочтения книги Карутерса «Неведомая Монголия» Тугаринов решил обратить внимание на близкий к Монголии Урянхайский край, откуда, прорвавшись через Саяны, вливается в Минусинскую котловину мощный поток енисейских вод. Поездка в эту интересную страну была запланирована еще с зимы. Теперь надо было тщательно приготовиться для этого далеко не легкого путешествия. Ведь надо было перевалить заснеженные Саяны. Новый год и застал заведующего музеем за планировкой этого интересного путешествия.

Музейная работа, невидимая и трудоёмкая, шла своим чередом. Готовились экспозиции. Менялись местами уже выставленные предметы, чем, казалось, можно было в какой-то мере сэкономить хотя бы на метр

выставочную площадь. Уже в который раз кости мамонта находили новое место то на полу, то на стене и даже на потолке, подвешенные к нему на проволоке. Теснота и обилие экспонатов заставляли Тугаринова все время делать разного рода перемещения, что отнимало непроизводительно много времени и сил. Но без этого нельзя было показать все то, что хранилось закупоренным в ящики. Помощником во всех музейных работах был все тот же А.П. Ермолаев, который не раз ездил в различные экспедиции как вместе с Тугариновым, так и самостоятельно. Кроме того, с прошлого года в музее появилась ещё одна работница Г.П. Миклашевская. Она, будучи сосланной как политический деятель в Енисейскую губернию еще в 1914 году, отбыла срок ссылки в Казачинском районе, где работала на опытном поле, и вот теперь переехала в Красноярск. Ее приезд имел благоприятные последствия для музея, т.к. она, имея пристрастие к ботанике и зная иностранные языки, смело могла заняться в стенах музея определением того большого ботанического материала, который накопился уже к этому времени. Миклашевская поселилась в мастерской музея, где и обрабатывала гербарий. Имея в своем распоряжении двух помощников, заведующий теперь мог больше времени уделять зоологии, к которой он чувствовал большую склонность, в частности, его особенно интересовали птицы.

17-го января близкая к музею красноярская общественность решила отметить десятилетие пребывания в Красноярске Аркадия Яковлевича Тугаринова. Этот скромный юбилей прошел в квартире Тугариновых в виде вечернего чаепития, во время которого юбиляру был преподнесен альбом с сибирскими видами, которые были засняты в разное время и в разных местах Приенисейского края. Интересен и сам альбом, выполненный в сибирском стиле. Картонный переплет из оленьего меха, снятого с ног северного оленя (камас), был окаймлен в ярко-красное сукно, которое очень любимо аборигенами севера как инкрустация костюма. Слева, сверху вниз, прикреплена серебряная дощечка, на которой изображены: широкий Енисей с тремя впадающими в него Тунгусками и Абакан. В соответственных местах нанесены горы, ёлочки, изображающие леса и чумы нацменьшинств. На севере - Ледовитый океан со льдами, белым медведем и рыбами, охотники с луком и стрелами на лыжах и без лыж. На юге - заходящее за горизонт солнце и даты юбилея: 1905 и 1915. На фоне этой карты края изображена пара идущих, это супруги Тугариновы идут в Сибирь, на Енисей, впереди их бежит собака понтер Каро. Пройдя ряд рек, они дошли до Енисея и, выбрав понравившееся им место, отаборились,

и вот уже пылает костер, и на вешеле тагана в котелке закипает гостеприимный сибирский чай. Весь рисунок является подражанием примитивному искусству письма, что мы видим на древних писаниях по р. Енисею и его притокам. Карта края ориентирована по-старинному, когда север был внизу, к животу зрителя. Это был хорошо продуманный подарок, показывающий вкус и толк почитателей наследства, которые заронил в красноярцах Тугаринов, обративший внимание на особенности края, его богатство и людей, в прошлом землепроходцев, каковым на научном поприще являлся и сам юбиляр. Уже за эти десять лет жизнедеятельности Тугаринова были хорошо видны плоды его всесторонней работы как по изучению края, так и по становлению Красноярского музея.

По-прежнему не хватало только одного и как, казалось, главного - соответствующего музейного здания. Этот юбилей, хотя он и не был широко рекламирован, все же стронул с места красноярскую общественность. Снова заговорили о строительстве музея, но начавшаяся еще в прошлом году германско-русская война никак не давала возможности форсировать этот вопрос.

Муж Г.П. Миклашевской, Владимир Владимирович Исаев, который отбывал срок в ссылке также в Казачинском, прислал юбиляру поздравительную телеграмму следующего содержания: «Да возгордится сей град, что существует в нем столь великое украшение рода человеческого, знак восклицательный. Посвящение / переключение из новоселов в старожилы: Исаев». И действительно, Тугаринов настолько свыкся с краем и так ему стали близки его интересы, что у него появился какой-то своеобразный патриотизм, как у старожила. Эпиграммой альбома было такое изречение: «К чему ты не прикоснешься, все в руцех твоих оживает». И это тоже правда, так как Тугаринов многое умел делать сам, начиная от столярных работ и таксидермии. Он мог, при случае, заменить и художника, так как он в 1910 году учился в красноярской рисовальной школе и рисовал не только карандашом, но и красками. Очень жаль, что потерялось большое посвящение Тугаринову, помещенное в этом альбоме, оно бы подсказало нам, кем считали его близкие к музею его друзья. Во всяком случае, этот скромный юбилей показал Тугаринова как умелого руководителя такого культурно-просветительного учреждения, каким был музей, как пытливого исследователя края во всех его областях и как краеведа просветителя.

Как и всегда весной, Тугаринов вел фенологические наблюдения. Эти наблюдения как бы вошли в кровь и плоть ученого, и с записной

книжкой он никогда не расставался. Наконец, настало время и для задуманной экспедиции. 13-го мая, на одном из первых пароходов на Минусинск, выехали: А.Я. Тугаринов, В.И. Тугаринова, Г.П. Миклашевская, А.П. Ермолаев, М.Г. Робустов и Б.П. Сибирцев. Робустов ехал в качестве помощника Тугаринова, а настоящей причиной его отъезда из Красноярска была его политическая неблагонадежность, просто ему было нужно уехать из Красноярска, чтобы скрыться от зоркого глаза жандармерии. Последний член экспедиции, молодой человек, только что кончивший гимназию, сын агронома Борис Петрович Сибирцев, ехал как попутчик. И как за молодым, поехавшим впервые, за ним нужен был присмотр более опытных в путешествии. В Урянхае он скоро и отстал от экспедиции. В Минусинске перегрузились на тележный транспорт и поехали на юго-восток, к поселку Григорьевка. Старое название Григорьевки было Джамалы, а новое вполне импонировало фамилии Григорьева, бывшего председателя Географического общества и заведующего Переселенческим управлением Енисейской губернии, а ныне комиссара по Урянхайскому краю. В Григорьевке позадержались на несколько дней из-за только что выпавшего большого снега в горах, который и здесь давал себя чувствовать и превратил дорогу в непроезжую и непрохожую. От Григорьевки начиналось строительство новой дороги, которая должна была соединить юг Минусинска с Урянхаем. Дорога уже велась, но ввиду трудно осваиваемой гористой местности ее продвижение было медленное.

Все же 28-го мая экспедиция выехала, имея в своем распоряжении: два тарантаса, две телеги, при 17 лошадях и 4-х рабочих. Пока ехать было хорошо, т.к. дорога в ее начале была вполне благоустроенной и даже имела охранные столбики по своему краю в особо отвесных боках пути. Но такое спокойное путешествие вскоре подъема в 5 кулумысских поворотов близ Васильева ключа кончилось, и путники, оставив колесный транспорт, пересели на верховых коней. Предстояло взять сначала небольшой перевал через Ойский таскыл, а затем и более высокий Арадано-Мирской. Здесь была еще зима. Кругом нетронутый снег и только говорливые горные речки, особенно в середине дня, когда солнце припекало, заставляли все же вспоминать, что конец мая, и идет незаметное таяние снегов. Наезженная тропа была только через Ойский перевал. С этого перевала спустились в бурную речку Казырсук и с трудом перешли ее по примитивному мосту из поваленных с берега на берег больших лиственниц. Здесь лошадей пускали самостоятельно и, опытное в таких неблагоприятных дорожных условиях, животное, само переходило на другой берег, осторожно ступая копытами по округлому, не совершенному, траппу, и на другой стороне покорно ожидало своего седока. Преодолев Казырсук, экспедиция вскоре же начала трудный подъем в Араданский Таскыл. Здесь пришлось трудно как лошадям, так и людям. Прежде всего, в крутых местах подъема шли пешком, карабкаясь как ногами, так и руками. Не раз с седел падали непривыкшие к верховой езде женщины, которых спасали подоспевшие мужчины. В конце концов, Арадан был взят на высоте 1665 футов, и экспедиция стала спускаться по его южной стороне, к далеко слышимому бурному притоку Енисея - реке Усу. Совершенно другая картина представилась здесь на южном склоне Саяна. Много проталин, больших и малых, и ласковое солнце привели путников в восторженное состояние. Окончился самый трудный участок маршрута. Перевал был теперь пройденным участком. Трое суток в дороге, ночевка в снегу, холодные ночи - все это давало себя чувствовать и хотелось скорее сделать остановку для некоторого отдыха. Спускаясь по Усу вниз, экспедиция вскоре дошла до поселка Верхне-Усинского, где и расположилась в одном гостеприимном семействе местного старожила. Но случилось так, что узнав об этом, комиссар Григорьев из близлежащего поселка Нижне-Усинского дал команду, как представитель местной власти, немедленно перебазироваться на казенную заезжую квартиру в Нижне-Усинское, что и было сделано с 1-го на 2-е июня. Как и полагается, Тугаринов нанес сразу же визит этому начальнику края (В.Ю. Григорьеву) и, сообщив о задачах и маршруте экспедиции, просил содействия. Началась выпечка хлеба и сушка сухарей. Был дан переводчик и казак для охраны, на время поездки по границе с Монголией, по китайским караулам (Керексурам). Дело в том, что в то время Монголия была под контролем Китая, который до некоторой степени распространял свое влияние и на Урянхайский край. Получив необходимые запасы продовольствия, переводчика, охрану и таратайку для багажа, экспедиция 7-го июня выехала на юг, по направлению к Белоцарску. Теперь дорога идет по холмистой степной местности с редкими перелесками и мысами, зашедшего по логам, леса. При переезде через Тушибинский хребет пересекли границу России и вступили на Урянхайскую землю. Теперь лес почти исчез и всюду голые, изредка скалистые, увалы, покрытые низкорослой степной травянистой растительностью. Вот он и северный Урянхай. Как здесь мало воды. И как были рады путники, когда в долине, идущей на восток, показалась речка Уюк. Уже встретилась не первая заимка. А на речке

Бегреда, в 30 верстах от Белоцарска, попалась заимка Чарикова. Речка течет здесь в окаймлении тополей, так характерных для всего речного прибрежья в Урянхае. Ехали верхами и довольно быстро преодолевали путь все дальше и дальше от Саянского хребта. Постепенно на остановках собранные растения и добытые птицы во время пути начали накапливаться, и когда на горизонте, при спуске, показалась долина Кемов, все были рады предстоящей остановке, не только как отдыху, но и месту, с которого можно было послать собранное и тем избавиться от лишнего груза. Ведь прошло две недели пути от Григорьевки и собранного накопилось достаточно. 12-го июня подъехали к так называемому тогда Белоцарску (Кызыл - ред.), расположенному при слиянии двух больших рек Бий-Хема и Каа-Хема или по-русски называемых Большой Енисей и Малый Енисей. Здесь обе реки образуют одну известную под названием Улу-Хем или просто Енисей. Эта точка и была избрана как основа будущего города, резиденции русского влияния в Урянхайском крае. Пока на левом берегу Енисея был построен один, первый в Урянхае, двухэтажный дом, где помещался со своим двором и дружиной помощник комиссара Григорьева Шкунов. Здесь же была и заезжая квартира для приезжающих русских, где и остановилась временно экспедиция. Здесь от экспедиции отстал А.П. Ермолаев, который решил обосноваться в крае и изучать его длительно и разносторонне. Осталась и Г.П. Миклашевская для ботанических сборов и ведения метеорологических наблюдений. Отстал и Борис Сибирцев. Дальше должны ехать Тугариновы и Робустов. Слияние двух Хемов в один по-русски называлось Виланами, и в этой развилке было устроено «Авво», т.е. священное место, отмеченное человеком как урочище. В данном случае это слияние двух больших рек. На Виланах исстари, видимо, съезжались урянхи, и приносили этому месту свои различные знаки почитания в виде нагромождений ветвей, лоскутков оторванной от одежды яркой материи, каких-нибудь странных предметов природного происхождения и т.п. Здесь же кочевники устраивали свои съезжие праздники, являющиеся в то же время и официальными судилищами над провинившимися в чем-нибудь. Эти судилища, называемые "Чеш", заканчивались богослужениями и соревнованиями в скачках на лошадях и борьбой.

Получив кое-какие сведения о дальнейшем пути и сдав накопленные коллекции для отправки на Красноярский музей, экспедиция, укомплектованная теперь только тремя членами, 15-го июня двинулась дальше, держа путь на юг, к южным границам Урянхайского края.

Сам Белоцарск, это уже полупустыня, с характерными высокими зарослями травянистого злака чия, тополями в уреме реки, и пустынными зайчиками, прыгунами, тушканчиками, ведущими ночной образ жизни. Если сюда прибавить мелкий караганник и многочисленные бобовые растения тип астрагала и остролодочника, то в общем характеристика этой полупустыни будет закончена. Дерево на поделки и на топливо только тополь, причем тополь особый, «душистый», свойственный югу Минусинской котловины и Урянхаю.

Теперь предстояло более детальное обследование юга Урянхайского края и самой северной части Монголии у хребта Танну-Ола и оз. Уссуа-нор (Убсу-Нур - ред.). Вот как о задачах экспедиции говорит сам Тугаринов: «Задачи: производство естественноисторических и этнографических исследований и сбор материала для красноярского музея. Остановка на северном берегу Уссуа-Нор (Увс-Нур, ред.). Маршрут: р. Тургень (Дурген, ред.) у места выхода из гор (с. Верхне-Усинское или Байхак; Байхак, ред.), оз. Джегатай-куль (Чагытай, ред.), р. Шурмак (Шуурмак, ред.), перевал через Танну-Ола Халдан Ажик (на картах Хамикр-Дабан), р. Самгалтай (Самагалтай, ред.) при впадении в р. Тесь (Тес-Хем, ред.), долина Теси предгорьями Танну-Ола, между хребтом и Тесью, на запад до р. Холожу (Холь-Оожу, ред.), перевал через Танну-Ола в верховьях р. Тургень, в село Верхне-Усинское и обратно, по южному склону Танну-Ола. Снова на запад, до северных берегов Уссуа-нор, р. Ханчатай (Хандагайты-Гол, ред.) и ею к северу, через Танну-Ола перевалом Улуг-Арт на р. Хундургай (Хондергей, ред.) и Джадан (Чадан, ред.). Кроме того, с Джегатай-куля (у русских «Рыбное озеро») я делаю экскурсию в восточную область Танну-Ола». Как видно, у Тугаринова здесь заговорила его орнитологическая склонность. Ему хотелось охватить как можно большую территорию степной части Урянхая и Монголии. Заманчива была орнитофауна Монголии. Здесь только что побывал орнитолог П.П. Сушкин, с которым Тугаринов имел большую переписку, и ему хотелось, как бы дополнить своего коллегу, захватив восточную часть хребта Танну-Ола, где Сушкин не был. Вот почему такое большое внимание в маршруте было уделено Тугариновым именно этому, пограничному с Монголией, хребту Танну-Ола.

Теперь пока ехали впятером: Тугариновы, Робустов, переводчик и казак. Первое, что попало в поле зрения, как остановочная станция, было озеро Джегатай-куль (Чагытай), по-русски, Рыбное озеро. Было уже 20-е июня. Озеро расположено в северных отрогах хребта Танну-Ола. У этого

озера пробыли до 28-го. Обследовались берега озера, а также вершина р. Арскалы-Хем, идущая к озеру с востока.

Далее, двигаясь на восток, прибыли на р. Шурмак. Эта река идет на север с хребта Танну-Ола и там, уходя, постепенно заболачивается. Двигаясь вверх по Шурмаку, перевалили Танну-Ола через перевал Халдан-Ажик (28 июня). Появились первые китайские караулы Керексуры. Задержка на Танну-Ола, и после спуска с него на юг, 3-го июля доехали до ламаитского Куре (хурээ, ред.) при Самгалтае. Приезд совпал со съездом сюда, на весенне-летний праздник сойот. Так же, как и в Белоцарске, здесь снова попали на празднество при Куре (монастырь). Пришлось видеть праздник масок монгольского типа называемый "цам". Были гонки на лошадях, традиционная борьба и, конечно, угощение кочевников, причем, многие были сильно пьяны. Здесь же был и главный начальник всего Урянхайского края Амбайн-найон. К нему необходимо было сделать визит вежливости, а так как это начальство было тоже в большом опьянении, то визит прошел без больших разговоров. Позднее высокий начальник был уже невменяемо пьян. Однако никаких неприятных инцидентов не происходило.

Делая большие и малые остановки, смотря по необходимости задержки, и блуждая по Танну-Ола, наконец, 12 июля, следуя по р. Теси, экспедиция дошла до озера Уссуа-нор. Из древесных пород только различные виды мелких караган. На северных склонах Танну-Ола попадаются лиственницы, березы и ивы. На южных склонах хребта - ксерофитные растения.

Тугаринов ведет попутные метеорологические и барометрические наблюдения. В связи с высотой местности на хребте, как отмечает он, попадаются с высотой 4500 - ель и другие породы: береза, осина, рябина, черемуха и древовидная карагана. С высотой 5000 - кедр (север), а на юге, с высотой 6500 предел кедра и уродливые лиственницы. По р. Теси, впадающей в озеро Уссуа-нор: душистые тополя, облепиха, березы (особая мелколистная, с темной корой), лиственницы и ивы. Реки южной части, идущие с хребта Танну-Ола, летом не доходят до Теси и теряются по дороге на степи. Озеро Уссуа-нор находится на высоте 2512 футов и площадь его более 200 квадратных верст (все высоты указаны в футах).

Уточняя свой маршрут в этой местности, Тугаринов пишет: «К озеру этому подошел с востока, между устьем Теси и сев-восточным углом, а затем, обогнув вдоль северных берегов, до устья Хандагая. У восточных берегов оно очень мелководно (заливчики, косы, отмели), солоновато и

низко поросло густым камышом. Северный берег несколько возвышенный. Здесь сходятся устья рр. Тархалыка (Торгалык - ред.) и Хундургая. После этого замечания о местности Тугаринов дает список 140 видов птиц, собранных здесь.

Так как заметно приходило к концу продовольствие, то сам Тугаринов решил съездить в Верхне-Усинское и пополнить его, главным образом, в разделе хлебного питания, что и сделал еще 13 июля. Попутно он перевалил Танну-Ола в новом месте, увеличив этим охват местности в хребте, так его заинтересовавший в орнитологическом отношении. Тугаринова и Робустов остались и продолжали гербаризацию. За это время ночью, как-то запутавшись, у них погиб конь, что конечно было неприятно, но все обошлось, в конце концов благополучно тем более, что до конца маршрута оставалось уже немного. Кроме естественноисторических сборов, в природе велись наблюдения за обычаями местных аборигенов, уже монгол. По существу, у монгол тот же кочевой образ жизни, как и у урянхов. Такие же передвижные юрты, быстро складываемые и расставляемые на новом месте, покрытые войлоком. Из домашних животных, кроме лошадей и быков, имеются яки и их помесь с быком, сарлыки и даже верблюды. Монголия, расположенная на юг от хребта Танну-Ола, более пустынна и засушлива, чем Урянхай. Зато здесь больше больших озер, зато реки мелководнее и быстро пересыхающие во время летнего зноя. Влияние Китая здесь заметнее, чем в Урянхае, и экспедиция встречала здесь и китайских купцов со своими товарами, главное место из которых занимает чай, материи и деревянные чашки. Соседний Тибет насадил здесь свою религию ламаизм и дацаны, как и куре, попадались на пути экспедиции все время. Характерна и архитектура этих религиозных строений. Главное занятие жителей - это кочевое скотоводство.

Из занятий экспедиции, кроме ежедневных сборов в природе, необходимо отметить частое фотографирование всего встречающего и кажущегося необычным, экзотическим, а также наблюдения и записи всего виденного. Кроме того, были произведены раскопки могил, а также подборка различных статистических сведений о крае. Была куплена для музея небольшая урянхайская юрта со всем характерным для нее скарбом и утварью.

Собраны сведения о бобрах в Урянхайском крае, об аргали (горный баран), о джиме (горный козел), а также о других диких местных животных, которых не пришлось встретить на маршруте.

В начале августа надо было подумать об обратном пути через Танну-Ола и возвращении в Красноярск, до которого было немало пути. Переваливать Саяны вновь не хотелось, и Тугаринов решил пробираться на Енисей.

Последним пунктом на озере Уссуа-Нор был лес «Кара-моды», вышедший к озеру по реке того же названия. Отсюда 2-го августа и начался отход из Монголии на север, следуя вверх по речке к южным предгорьям теперь уже Западного Танну-Ола. Снова вдали показался этот хребет и, двигаясь вверх по Харангаю, экспедиция дошла до перевала, где на хребте и задержалась на пару дней, чтобы завершить сборы на хребте, подытожив, таким образом, этот естественный водораздел между Монголией и Урянхаем. После хребта маршрут экспедиции стал уклонятся на северо-запад, следуя по реке Джадана, правому притоку р. Кемчика. По дороге были встречены развалины какого-то древнего укрепления, видимо, китайского или монгольского происхождения. Это выложенные из отдельных камней стены, когда-то брошенные их владельцами и разрушенные во времени. Эти руины - яркое свидетельство некогда господствующего над округой чьего-то влияния и, по всей вероятности, как военного, так и торгового. По дороге попались и современные китайские купцы, по складу своего лица резко отличающиеся от большеголовых монгол, да к тому же один из них, видимо, более знатный, имел длинные повисшие усы, чего нет ни у монгол, ни у урянхов.

Удалось достать шкурку дикого степного кота манула, видимо, вообще не частого здесь зверька. Эта находка увеличила собою список местных млекопитающих.

В середине августа были на Кемчике (Хемчик), на который вышли по той же речке Джадане. Здесь, на устье речки, находится куре, которое и посетили, сделав несколько снимков его внутреннего помещения. Вообще, что касается религии как монгол, так и урянхов степняков, это буддизм-ламаизм со всеми свойственными ему атрибутами: молельней и даже типа монастыря, бурханами, стенными плоскостными изображениями типа сансарын-хурде (колесо мира), нечто похожее на христианский страшный суд, с одной стороны, и с тремя смертными грехами в изображении свиньи, курицы и змеи, олицетворяющих невежество, похотливость и зло, а также нидан, говорящих о человеческих категориях. Если прибавить сюда еще священнослужителя-ламу и то, что четвертый из мальчиков должен посвятить себя монашескому образу жизни и богослужению, то ламаизм, как разновидность буддизма, будет налицо,

но в более упрощенном виде и даже сокращенном, ввиду того, что население здесь, в Урянхае, не так густо, как в восточном отсюда Тибете, и, особенно Китае. Во всяком случае, влияние этих двух соседних стран здесь сказывается сильно, во всяком случае, сильнее, чем влияние редких русских заимок.

Кемчик, левый приток Енисея, у устья Джаданы или, как эту речку зовут русские, Чаданы, река в тополях и других древесных растениях, свойственных реже, как то ивы, но особенно характерен здесь все же этот красавец, светлоствольный душистый тополь. Он как-то господствует над другими породами деревьев, а иногда бывает и единственной из них. Задержавшись недолго на берегах Кемчика и продвинувшись по нему вниз по течению верст на 10-15, подошли к заимке Бякова, покинули реки и, взяв восточное направление, снова оказались в типичной урянхайской степи в некоторых местах полупустынного характера. Снова безлесие, разница с далекими, где-то там, на севере, горами Западного Саяна, видимыми как в дымке.

Около заимки Бякова на Кемчик выходят скалы, на которых имеются древние письмена животных и человека. Это так называемые символические письмена, принадлежащие неизвестному народу, возможно, что и предкам тех же урянхов. Теперь это, уходящее в далекое прошлое, письмо, пострадало от времени и в некоторых местах почти стерлось. Необходимо было зафотографировать, что и было сделано. Кроме того, на степи, вблизи Бяковской заимки, была обнаружена большая каменная глыба, неизвестно как сюда попавшая на полупустынную равнину. В ближайшем соседстве нет этого камня, и как он сюда попал, загадка? Величина в человеческий рост, форма неправильная и в основании не засыпанная землей. Пришлось зафотографировать и эту интересную находку.

По мере продвижения на восток поверхность стала постепенно принимать неровный характер и переходить в гористость степного типа из белесых возвышенностей полукругло продолговатого очертания и целых хребтов, идущих к Енисею и вдоль его течения.

Следуя все время на восток и в то же время подвигаясь ближе к Енисею, т.е. делая уклон и немного к северу, в двадцатых числах августа Тугаринов попал к этой большой реке в местечке Чаа-Холь, при впадении в нее речки того же названия. Чаа-Холь, называемый по-русски Чакуль, при своем впадении в Енисей имеет скалы, в которых удалось увидеть и зафотографировать вырубленную нишу с изображениями в ней каких-то буддийских святых. Изображены три человека. В середине, видимо,

Будда и по бокам два почти одинаковых предстоящих ему. Все они вокруг голов имеют нимбы. Фигура центральная большего размера, вернее полнее и сидящая, остальные более тонкие и более удлиненные. Перед ними вешала, на которых, видимо молящимися, повешены какие-то ленты и удлиненные куски материи. Под этим своеобразным алтарем имеется нечто вроде ветвистого дерева, а ниже во всю длину доска с поставленными на нее пилавами, видимо, какие-то приношения верующих. Но, пожалуй, самое интересное, это еще сбоку справа барельефное изображение человека из того же основного камня, что и сама ниша. Левая рука барельефа согнута в локте и сжата в кулак, а правая как бы заложена за поясницу сзади. Это, по существу, целая часовня, и находится она в двух верстах от Джакуля (Чаа-Холь), с восточной стороны каменного выступа.

Небезынтересно было встретиться с местным шаманом с округлым бубном и в традиционной для такого духовного лица одежде, увешанной со всех сторон, до самого пола, длинными матерчатыми лентами и колокольцами на спине. Занятна и шапка из каких-то не то перьев, не то тряпок, производящая впечатление птицы со взъерошенными и полураспростертыми крыльями. Оказывается, две религии уживаются рядом и, возможно, верующие отдают дань им обеим. Возможно, что появление шамана близ Енисея дает эту разгадку, ведь дальше на север почти все нацменьшинства исповедуют шаманизм. Встретилось и погребение в ящике, поставленном прямо в степи, на поверхности земли. От Чакуля маршрут пролегал снова на восток, к левому притоку Улу-Хема (Улуг-Хем, ред.), и почти параллельно этой большой реке. Из интересного на этом пути надо отметить, так называемую, Чингизханову дорогу. Дорога эта находится между Чакулем и Шагонаром и простирается на 35-40 верст, и кончается около ключика Ак-хем. Представляет она из себя полуразрушенную насыпь, шириной от 4-х до 6-ти метров. Что за дорога, и почему такая забота в прошлом о таком небольшом расстоянии, как 35-40 верст. Или она начата или разрушена в остальной части, что мало или совсем невероятно. И почему она Чингизханова, т.е. принадлежала этому великому завоевателю древности, совершенно неясно. Однако тот факт, что она существует сейчас, говорит о, кроме загадки, и о целесообразности ее существования. Конечно, в названии есть что-то из легендарного, связанного с величием, как самого сооружения, так и именем этого завоевателя прошлого, заставлявшего дрожать соседние страны. По всей вероятности, оживленная торговля прошлого на юг от Саян и Танну-Ола запада с тем же древним, своеобразным, культурно

богатым Китаем, заставила заботиться об улучшении путей сообщения и, возможно, этот кусок культурной дороги прошлого есть какая-то просьба в этом отношении. Много загадок осталось до наших дней от прошлого на небольшой, сравнительно, земле Урянхайского края. Взять хотя бы те же намогильные изображения, встречаемые экспедицией во время своего пути в разных местах. Изображение поколенных людей с сосудами в опущенных руках, изображения баранов из камня и многое другое, открытое такими же пытливыми людьми из мира науки к которым принадлежал и Тугаринов. Все это в будущем кем-то будет сведено в одно и загадка будет разгадана. Замкнутая котловина Урянхая еще не раз будет привлекать к себе разных путешественников, среди которых будут как просто путешественники широкого профиля, как Тугаринов, так и специалисты разных разделов науки: археологи, этнографы и др. ученые.

От Шагонара на восток степь была ровной, но вскоре на горизонте показалась возвышенность в виде отдельного горного массива, живописно изрезанного различного рода складками. Оказалось, что этот хребет представляет из себя скалистый массивный рельеф с незначительным облесением, в большей же своей части он голый и покрыт, особенно с юга, ксерофитной растительностью.

Этот Хаерхан, или, как его еще называют, Хайракан (Хайыракан, ред.), был почти последним местом на Енисее по пути следования экспедиции. Продвинувшись немного на восток, сделали остановку на берегу реки и стали упаковываться для дальнейшего следования через Саяны, теперь уже водным путем по Енисею. Стоянка заняла несколько дней и, воспользовавшись проходящим мимо плотом, решили сплывать на нем. Нужно сказать, что никакого другого способа сплава, кроме плотяного, здесь не бывает, а сплав на плоту через бурный и порожистый в щеках Саян Енисей, и труден и опасен. Быстрое течение, высокая неровная волна в горле порога, заставляет плотовщиков прибегать ко всяким предосторожностям в виде особого приспособления на столбах для пассажиров, где все люди, едущие на плоту, привязываются веревками на случай удара волны, особенного боковой. Тоже с переплавляемыми животными. Особенно страшен Большой порог с крутой волной, где некоторое время плот буквально идет покрытый водою и сухими остаются только на верхнем помосте. Тот плот, что должен был взять Тугариновых, имел плотовщиков, уже в предыдущем сплаве потерпевших аварию в пороге и только, как говорится, чудом спасшихся. Это все настораживало, но и заинтересовывало к сплаву. Другого выхода не было и экспе-

диция, погрузившись на плот, отплыла от берега пока еще спокойного Енисея. Спокойные плеса, по мере входа реки в щеки, меняли свой характер, и в трубе эти плеса были чаще и кривыми и более быстрыми. Все пороги прошли благополучно, к 29 августа закончили свое путешествие в Урянхайский край. Дальше лошадьми, и от Минусинска на пароходе до Красноярска.

В Красноярск вернулись в начале сентября. Снова регистрация вновь привезенного материала и его проводка по инвентарям. Забота о новой экспозиции, новое маневрирование с местом показа, новое уплотнение материала и повседневная, невидимая для постороннего глаза, кропотливая работа над экспонатами еще до их появления на выставке музея. В это же время посещаемость музея все увеличивается и по воскресным дням становится до того тесно, что встает вопрос о закрытии музея, т.к. показывать очень трудно и, тем более, давать объяснения. Такое положение нервировало не только директора музея, но и весь коллектив, заставляя переживать неприятные минуты, особенно, во время массового посещения.

Из напечатанного в этому году, Тугаринову, как автору, принадлежат:

1. «Исторический очерк Красноярского музея со времени его основания» - прочитанный и напечатанный в юбилейном сборнике Красноярского подотдела восточносибирского отдела императорского русского географического общества. Красноярск, 1915. Посвященный 25-тилетию Красноярского городского музея (1889-1914), стр. 1-100.

2. «К орнитофауне Минусинского уезда и Восточного Урянхая». «Орнитологический вестник», № 1, 1915 год.

1917 г.

«19 февраля, в зале Первой городской лечебницы по Театральному переулку, А.Я. Тугаринов - хранитель Городского музея, прочтет первую лекцию из цикла «Енисейская губерния». Так гласила афиша, трафаретно начинавшаяся: «г. Красноярск. С дозволения начальства, в воскресенье, в 7 час. вечера», и т.д. Далее было уточнено место нахождения лечебницы и ответственное административное лицо, Е. Потылицын. После этого предварительного оповещения давалась и программа лекции: «Предмет географии. История образования рельефа современной Енисейской губернии. Отложения, слагающие губернию. Описание основных форм поверхности - Саяны и др. хребты. Среднесибирское плоскогорье. Западносибирская равнина. Арктическая низменность. Речная система края.

Характеристика рек и их жизнь. Сибирское море, озера. Очерк климатических условий. Климат и жизнь.

Следующая лекция состоится в том же помещении 26 февраля».

Из этой афиши мы видим, что Тугаринов наметил целый цикл лекций о Енисейской губернии, которую он уже теперь хорошо изучил и знал. Мало того, он сам в разное время побывал во всех ее частях и имел ясное представление об ее географических районах, как и о целом Приенисейском крае, как тогда называли губернию.

Нужно сказать, что хранитель музея уже давно освоил данные предшествующих исследователей края, имевшиеся в неплохо подобранной библиотеке Музея и Географического общества, и был действительно вполне эрудированным географом. Вполне понятно, что ему хотелось заронить эти знания в массы. И вот он продумал этот цикл и начал его доводить до сознания красноярской общественности. Первая лекция состоялась и привлекла изрядное количество слушателей.

Дальнейшее осуществление этого цикла было нарушено событиями чрезвычайной важности, которые всколыхнули буквально каждого обитателя старой России, и ее отдаленных уголков, разве не коснулись пока только самых отдаленных медвежьих уголков, за дальностью расстояний, отделенных от большой земли непроходимыми весями.

События чрезвычайной важности сразу приостановили многие начинания. Было не до них. Революция, начавшаяся в Петербурге, дала о себе знать всюду, куда было сообщено по телеграфу о свержении дома Романовых. На новые события каждый реагировал по своему и, прежде всего, желанием узнать в подробностях о всех деталях переворота. Затем стало необходимостью как-то реагировать на событие и найти себя и свое отношение к событиям и тому новому, которое для многих было еще не ясно. Как и всюду, в культурных же городах, в особенности, быстро организовались различные группировки политически мыслящих людей, к мнению которых прислушивались те, которые никогда не занимались теоретическими вопросами политики как таковой. У подавляющего большинства жителей того же Красноярска не было точных установок и многие пытались их узнать и что-то выбрать для себя, как путь, по которому надо как-то идти и к чему-то идти.

В это искательское время все были на ногах и ходили по городу, пытали более образованных знакомых, заходили всюду, где были сборища народа, желая послушать, что говорят о настоящем и будущем. Особенно оживленно в Красноярске было на Большой улице, где в разных

бывших магазинах, учреждениях и общественных бывших местах, почти сразу же после известий из центра о революции, теперь организовали свои штабы разные политические партии. А их было не мало: большевики, меньшевики, социалисты революционеры, партия народной воли, кадеты, областники, анархисты. Не было видно только Союза русского народа, т.е. черносотенцев, они, как говорится, ушли в подполье, вернее притихли и не показывались. Везде выступали свои ораторы и агитировали за свою группировку. Выпускались листовки, а некоторые партии имели даже свой периодический печатный орган. Между политическими группировками происходили дискуссии и споры о правильности нацеленного пути. Общая масса граждан города ходила, прислушивалась и часто никак не могла найти своего места в текущих событиях.

Из музейных работников, пожалуй, одна только Миклашевская Генрика Павловна, ботаник музея, сразу нашла свое место в революции и вступила в партию большевиков, т.к. она и раньше была социал-демократкой, и отбывала ссылку. События революции затронули весь музейный состав. Тугаринов сразу определил важность происходящего и старался настроить всех остальных музейных работников на необходимость сбора всех материалов, считая, что это историческое событие должно найти свое отражение в собраниях музея как событие, прежде всего, исторического порядка. Все члены музейного коллектива, как и друзья музея, собирали плакаты, листовки, прокламации, газеты, объявления и даже бланки, считая, что это необходимый и ценный материал, который когда-то должен быть историей происходящих теперь событий. Нужно сказать, что и до этого в музее был достаточно хорошо представлен предреволюционный период в виде, главным образом, прокламаций и нелегальной литературы, которые собирались отовсюду, как самими работниками музея, так и его бескорыстными друзьями. Теперь особенно эти сборы были усилены. Тугаринов интуитивно чувствовал всё величие происходящего и старался, как можно полнее, собрать местный исторический материал по происходящему. Он попал в число лиц в комиссии по изъятию из жандармского управления дел о декабристах, представляющих ценнейший материал о целой эпохе времен Николая первого.

Эта всесторонняя развитость Тугаринова, когда он, кроме, казалось бы, свойственных ему по его образованию, естественных наук, занимался с не меньшим рвением собиранием этнографических материалов, археологии, а в данном случае истории края, была необходимая и нужная черта для музейного деятеля, как краеведа, заинтересованного во всех

областях развития той области, которую представлял музей. В обстановке борьбы партий за свои программы такое собирательство исторических местных материалов, другому какому-нибудь учреждению, пожалуй, и не по плечу. Там были свои задачи сегодняшнего дня.

Как и прошлые годы, Тугариновым велись фенологические наблюдения, начатые в Красноярске и его окрестностях 9 марта и кончившиеся 17 мая.

Пока в крае происходила борьба партий за свои программы и происходило накапливание сил в них, официально власть была в руках так называемого Временного правительства, которое в Красноярске, как и в крае, представлял местный врач Крутовский, по своему убеждению принадлежащий к союзу областников федералистов, председателем объединения которых, он и был. Кроме политической платформы на его обязанности лежало и администрирование и, прежде всего, продовольственный вопрос в крае, особенно важный в такой ответственный переходный период. Хорошо зная Тугаринова как человека, заинтересованного в собирании материалов для музея, и не всегда имевшего возможность ездить с этой целью по краю, он предложил Тугаринову поехать в Туруханский край и там, в его центре, в Ново-Туруханске (бывшем селе Монастырском) иметь стационарные возможности изучения этого отдаленного северного района, и попутно заниматься на месте вопросами продовольственного характера, целью которых должно быть, прежде всего, обеспечение края продовольствием на самое ближайшее время.

Дело в том, что Туруханский край всегда в продовольственном отношении, особенно в хлебной продукции и в промысловом инвентаре, всегда зависел от урожайного и индустриального юга губернии. Крутовский заверил, что организовав все продовольственные вопросы, Тугаринов, с последними пароходами вернется в Красноярск. Тугаринов согласился, и с одним из первых пароходов, пока один, поехал в Туруханский край. Это было 17 мая 1917 года.

В 1917-1918 годах должна была произойти частичная перепись туземного населения с целью выяснения его хозяйственно-экономического состояния. Благодаря этому мероприятию могла получиться работа об экономическом положении народностей севера. Казалось, на ее основе можно было бы легко разрешить и вопросы снабжения. Работа эта действительно была осуществлена, и ее результаты были опубликованы в губернском кооперативном органе. Кроме того, очерк быта русского населения был напечатан в журнале «Сибирские записки» за 1919 год,

издававшемся Крутовским. Вообще, работ информационного и экономического содержания печаталось до 15-ти.

Казалось, все просто и быстро разрешимо. Но это только так казалось. На деле оказалось все чрезвычайно сложно. Те, кто снабжали раньше Туруханщину всяким продовольствием, купцы и их приказчики, теперь держались в стороне или просто не оказывали никакого содействия особому комиссару, как теперь назывался чин, под которым приехал Тугаринов. Кооперативных начинаний в крае было мало. Они только проклевывались из своей скорлупы. Особенно было тревожно за далекую периферию, истоки рек, где по-старому, бесконтрольно действовали мирские захребетники. Узнав о приезде особого комиссара, местное незначительное чиновничество также решило, что его хата с краю, и Тугаринов оказался у власти если не без руля и без ветрил, то, во всяком случае, командиром без надежной команды.

Пока не приехала Вера Ивановна, Тугаринов сумел съездить в старинный, заштатный город Туруханск, куда он прибыл 25 июля. Старый Туруханск расположен в левобережной протоке Енисея, немного ниже Ново-Туруханска. В эту протоку с запада впадает р. Турухан. Много слышал об этом историческом местечке исследователь и, наконец, его желание сбылось. Город не только заштатный, но и забытый теперь, когда-то был первым выходом на Енисей с Мангазеи. Здесь Обь через Таз соединялась с Енисеем. Невольно вспомнился 1908 год и Пакулиха. Ведь говорит молва и там, на Енисей выходили с Оби. А как она, эта Пакулиха, неприветливо встретила тогда музейную экспедицию Тугаринова? А вот теперь, через более древний путь, в верховья Турухана все еще идут поставки с Енисея. Побывать бы в его вершинах, а может и волоком на Таз. Но теперь исследователь связан с несвойственным ему снабжением целого края, и мечтать о таком путешествии не время. А жаль. Собирая сведения о населении, о снабжающих купцах, о самом продовольствии и о современном состоянии этого дела, Тугаринов успел познакомиться с бытом туруханцев, заснять жалкие остатки бывшего первого форпоста русского завоевательного периода на Енисее. Уже не было той восьмиугольной деревянной колокольни, на которую когда-то при сдаче ясака инородцами, указывал начальствующий здесь пристав. Как легенда слышатся и его слова о том, что сдано горностаев мало на мантию царя батюшки, ведь царь-то побольше этой колокольни. Простодушные промышленники нацмены верили этой гиперболе исправника и из года в год приносили бесконечное количество горностая на мифическую царскую мантию. Самой колокольни уже нет, она была сломана на дрова, а колокол большой медный остался вот он. Когда-то он гудел по безлюдью устьев Турухана и наводил на одних страх, а на других благоговейные думы о спасении их душ. На сделанном снимке оставшаяся церковь и не одна, а две. А вот и тюрьма, с ее первобытным видом, огороженная стоящим частоколом из бревен и, не менее первобытным способом отсидки наказания. Ведь, перед тем как сесть в нее, наказуемый должен был сам нарубить дров, привезти их за этот частокол и содержать себя в собственном тепле, а родственники ежедневно приносить передачу. Словом, на всем на своем. Да и вообще, все здесь первобытно упрощенное, даже сам говор, с его сюсюканьем и небольшой растяжкой в произношении слов. Все это было объектом наблюдений и записи особого комиссара по Туруханскому краю. Он жалел только, что не пришлось видеть старой восьмигранной колокольни. В записях Тугаринова имеется какое-то указание на каменных баб и на погребения. Но только указания, которые ничего не дают кроме досады. А досадно больше за пропажу всех тугариновских дневников, в которых мы нашли бы много интересного и ценного, ставшего теперь уже отдаленной историей края. Остались только у жены покойного записи этих дневников-тетрадей. Из поездки в Туруханский край в 1917 году материалы указаны в тетрадях 22, 23 и частично в 24-й.

После возвращения из кратковременной поездки в Старый Туруханск, к нему, в Новый Туруханск, приехала его жена Вера Ивановна.

Общее положение в самом Туруханске было таково, что многое надо было начинать, как говорится, сначала. Торговцы отстранялись от большой торговли боясь конфискации, Чиновники старались спихнуть все дела на вновь приезжего начальника, а малочисленная общественность, как и везде в то время, была занята вопросами политических исканий и не знала, куда и за кем идти. Политические ссыльные к этому времени почти все поспешили уехать из Туруханского края, а те, которых засосала здесь рутина, не имели своего организующего веского голоса и как бы растворились в небольшой индифферентной массе. Разруха и здесь начинала вить свое крепкое гнездо. Надо было что-то делать. Этому способствовала и отдаленность края от центров, когда известия о событиях приходили с большим опозданием, и население питалось больше слухами, в которых не знали где правда, а где ложь. Пришлось, ориентируясь, как говорится, на местности, делать то, что было очередным. Так, оказалось, что учитель школы был больным венериком, со-

вершенно непригодным для воспитания детей, да и опасным для них больным. Его пришлось снять с работы, и его место заняла приехавшая Вера Ивановна Тугаринова. Но, прежде чем начать занятия, пришлось коренным образом начать борьбу за санитарию учеников, зараженных, чуть не поголовно, лишаями и вшивостью. Был привлечен к работе врач, не обращавший на антисанитарию никакого внимания. Были поголовно острижены все школьники. В школе наведен всяческий порядок. Начались занятия. Чтобы заинтересовать детей, пришлось заниматься ими и во вне урочное время, организуя их на самостоятельные выступления в самодеятельных кружках.

Из интеллигенции в Туруханске были: врач, зав. больницей, мировой судья, заведующий торговой фирмой (поляк), бухгалтер этой фирмы (латыш), видимо из когда-то ссыльных, и священник. Остальные жители торгаши, немногие промышленники и нацменьшинства: остяки (кеты), осевшие в окрестностях и на задворках Туруханска, и изредка выходящие тунгусы, которые вскоре же уходили на свои становища в тайгу. Летом заезжие мимолетные на берегу пассажиры во время стоянки парохода. Вот и всё. Всех интересовал один насущный вопрос: «А что же будет дальше?», на который каждый гадал по-своему.

Тугаринову пришлось начинать с азов распутывать этот сложившийся многими годами клубок взаимоотношений, чтобы выявить всю конструкцию снабженческого дела на местах и как-то привлечь тот сложившийся актив, стоящий у торгового руля. Положиться на что-то другое новое было нельзя, да и рискованно, так как в этот промежуточный период этого нового еще не было. Надо было пока не разрушить старого, имевшего опыт, а там видно будет. Между всякими административными делами выкраивалось время на исследовательские темы, одной из которых было изучение религиозных верований остяков. Ведь религия этого палеоазиатского народца в это время, наряду с профессиональным шаманизмом, имела одну интересную деталь, мимо которой нельзя было пройти мимо. Шаманили всюду, в каждом чуме. Шаманили даже дети, играя в свои игры. В чем заключался обряд шаманства, что за ритуал и почему так этот обряд был распространен. Это очень занимало исследователя, и он все время не упускал случая присутствовать на этом священнодействии. Шаманили даже русские, особенно весной, когда просыпалась от тяжелого зимнего сна и туруханская тайга. Что за власть над разумным человеком этого шаманства. Здесь была и общая возбужденность человеческого организма в унисон быстро возрождавшегося

феникса пробуждения природы, была и большая доля шарлатанства. Ведь на этом обряде с заезжего человека можно было что-то заработать нищенствующему остяцкому населению. Как-никак для многих, впервые видевших обряд шаманства, как бы он ни был показан, он был чем-то экзотическим. Все это не могло пройти мимо исследователя, и было записано в его обязательные путевые тетрадки. Интересовало и сюсюканье, когда почему-то выпадала из произношения буква «ш» и заменялась буквой «с». Такие слова, как «шапка», «батюшка», произносились как «сапка», «батюска», и даже «ч» заменялось иногда буквой «с». Например, вместо «что ты», говорилось «сто ты». Рассказывали, что часто приезжающие в Туруханск и оставшиеся здесь жить начинали присюсюкивать. Тугаринова здесь интересовало всё, все провинциализмы, и на них он пытался найти ответ. Еще раз приходится пожалеть, что не сохранились его записные тетради. Интересовал и самый быт остяков, обреченных на нищенское существование, особенно в тяжелый зимний период, когда они ютились где-нибудь в старой заброшенной бане русского старожила, говорившего обычно, что он на зиму пустил в баню азиатца. Это унизительное название «азиатец», одно уже говорит о взаимоотношениях туземца и пришлого засельника, характеризуя последнего не в его пользу.

По-прежнему интересовала Тугаринова и туруханская природа, и ей он уделял какую-то долю своего досуга. Конечно, фенологические наблюдения туруханской осени были для него регулярно обязательными, и их он вел с 10 октября до 30 того же месяца.

И все же, вопросы снабжения края были для Тугаринова проблемой № 1. Из-за этого он и поехал в Туруханщину, бросив культурный центр, где сейчас происходили всякие переоценки ценностей, и проснувшееся человечество решало сложную задачу, как жить по-новому. Надо было и здесь, на далекой периферии, ставить тот же самый вопрос, как же жить и чем здравствовать. После всяческих разговоров, расспросов и сопоставлений, составилась довольно ясная картина о прошлом. Теперь, опираясь на этих же самых творцов снабжения прошлого, кто бы они ни были, надо их привлечь и поставить самый важный для края вопрос: как быть со снабжением в предстоящую зиму 1917-1918 года. Тугаринов решает собрать всех снабженцев прошлого и, на широко представленном пленуме собравшихся, побеседовать на эту насущную тему. Были приняты всякие меры для лучшего оповещения будущих делегатов съезда. Трудно сказать, когда был этот съезд, в конце ли 1917-го, или в начале 1918 года, но он, все же, состоялся, о чем свидетельствует фотокарточка,

к сожалению, без даты, но со списком всех лиц и места ими представленного.

Из фотографии видно, что съезд вел свою работу в помещении церкви, видимо, как в самом большом зале Туруханска. А что этот зал церковного происхождения, видно из того, что на задней стенке висят таблицы церковного характера с рисунками церковных одежд, а на картинах изображены ангелы. Всех собравшихся насчитывается 50 человек. А вот и список по фамилиям и даже по месту жительств.

1-й ряд. Стоят (надо считать, задний - А.Я.): (Гавриленко В.) - Карасино, (Андреев) - Бородино, (Печёный) - Якуты, (Ковалев) - с. Тунгуска, Савельев, (Алексеев) - Каменка, (Бутылкин) - Черноостровское, (Георг. Пономарев) - Монастырское, (Михей Чалкин) - Костино, (Осипов) - Мельничное.

2-й ряд: Маширин - Еремино, Аверин - Бакланиха, Олютин - Учил. совет., Зуев - Н-Имбацкое, Хохлов - Бахта, Попов - Лебедь, Арефьев - Сумароково, Турбов - Монаст. кооператив, Комкин - Монастырское, Голубчиков - Чулково, Шестаков - Зыряново, М. Сидоров - Татарское, Шляхов - Капотик, Нестеров - Пупково, К. Гавриленков - Мироедиха, Шабаев - Костино, Гаврилов - В-Имбацкое, Пейга - Монаст. больш.

3-й ряд (в ценр. А.Я.) сидят: Д. Чалкин - Тур. об. ком., Кизень - Председ. ком., Тугаринова - П.Тунг. кооп. (видимо, какое недоразумение, о чем и заявила В.И Тугаринова, А.Я.), Воротынцев - В-Имбацкое, Соломин - благочинный (священник, А.Я.), Тиллак - Гр. защ. у. соб. Тугаринов - Тур. о. ком., Алексеев - Подк. Тунг., Гирбинец (Горбовец И.И.; Б.М.) - Осиново, Заводовский - Туруханск, Килуцкий - Сумароково, Трофименко (стоит) - Лебедь.

4-й ряд, сидят: Попов - Мирное, Краснопеев - Комса, Лукьянов - Марково, Иванов - Алинское, Лукьянов - Верещагино, Андр. Сидоров - Денежкино, Михаил. Пономарев - Монастырское, И. Шляхов - Ермаково, Белоусов - Игарка, Щекин - Дудинка, Арефьев - Искуп.

Конечно, собрать такой съезд было нелегко, но он был необходим и дал, как сведения о местах, так и о прошлом края и его экономическом состоянии, как в прошлом, так и в настоящем, и наметил задачи на ближайшее время. На съезде не было ни одного представителя из нацменьшинство. Да это и вполне понятно. Ведь съезд был по продовольственным вопросам, и он решал главный из них, как прокормить население в особых условиях данного времени и, конечно, нацмен, который сам зависел от импорта в край продовольственных товаров и никогда прежде не принимал никаких усилий в этом направлении, вряд ли мог чем помочь в этом деле. В общем, собрались люди, имевшие опыт снабжения, и кто бы они ни были в данное время, они являлись единственной живой силой, могущей что-то сделать.

Мысли о возвращении с последними пароходами не покидали Тугаринова, и он писал об этом в губернский центр, но ответа или не было, или была просьба не бросать край. Да и сдать дел было бы все равно некому. Кому в это время хотелось здесь брать на себя такую ответственность, и все местные сторонились от этого, а новых не посылали. Так и пришлось зазимовать в Ново-Туруханске исследователю, который волей судеб превратился теперь в экономиста, да еще особого комиссара по продовольствию. Зато он узнал зимнюю обстановку туруханского быта, под завывание метелей и трескучих морозов, ютящегося у жарко натопленной печи и ожидавшего, после сплошных ночей, появление за южным горизонтом первого проблеска света и с ним надежды на новое оживание природы и человека.

За этот, 1917 год, из Тугариновских работ были напечатаны следующие:

1 - «Материалы для орнитофауны северо-восточной Монголии и хребта Танну-Ола, озера Уссуа-нор» в «Орнитологическом вестнике», 1917 г., 83. Это было продолжение уже напечатанного в 1916 году в том же журнале 82.

2 - «К вопросу об организации музеев». Журнал «Природа», № 3 за 1917 год.

Имея большой опыт в музейной работе, Тугаринов уже имел полное право писать на эту тему. Ведь ему пришлось по-новому перестраивать и благоустраивать Красноярский музей, до него представлявший, скорее, склад музейных объектов, и показать на новой экспозиции, каким должен быть музей такого обширного края, каким являлся этот, еще не открытый в экспозиции, великан, прилегающий к Енисею на протяжении четырех с лишним тысяч километров с севера на юг, и отражающий в себе такое большое разнообразие географических зон.

1918 г.

Зима в Туруханском крае долгая и суровая. Короткие дни с длинными вечерами невольно располагали к раздумьям. Тугариновы чаще и чаще вспоминали покинутый Красноярск и, конечно, музей, свое, можно сказать, детище, которому отдано вот уже больше десяти лет. Что-то там

делается, видимо, все тоже, безысходное положение со зданием и ежедневная борьба за новый, вымученный, лишний метр экспозиции, при расстановке привезенных из экспедиции коллекций. А здесь, в Ново-Туруханске, борьба с разрухой и желание как-то наладить вопросы снабжения. Ну, как-будто теперь, становится ясным, что этот, мучивший Тугаринова вопрос, налажен. Продовольствие завезут и, опираясь на новые статистические данные, его распределят согласно установленным нормам. Дело сделано. И снова мысль о возвращении в Красноярск появлялась как реальная и скоро выполнимая. Долгими вечерами думалось и даже кое-что писалось и проектировалось, а днем административная работа, прогулки по городку, который скорее походил на захудалое село и изредка куда-нибудь на лыжах ближе к природе, которая была тут под боком, сразу же за последними домами.

Но вот, впервые за зиму, над горизонтом показалось солнце и быстро спряталось, как бы играя в прятки. С каждым днем солнце показывалось всё больше и больше и радовало и пробуждало жизнь природы и человеческие надежды. Тугаринов впервые зимовал на севере, и для него в эти моменты было много нового. Всё виденное находило свое место в его обязательных тетрадях, выполнявших роль записных книжек. В этом году, пожалуй, впервые, он начал свои регулярные фенологические наблюдения раньше, чем в прошлые годы, 24 февраля. Хотелось узнать, как реагирует природа на появление солнца после его долгого отсутствия над горизонтом. Теперь работ и забот административного порядка было меньше, поэтому вечерами хорошо сиделось за письменным столом, думалось и писалось, а писать было чего, ведь надо было подытоживать свое, недаром проведенное в экспедициях прошлое, и готовить его к печати. А новое, здесь на месте услышанное и увиденное, тоже просилось на бумагу. Всё время быстро удлинявшийся день позволил больше обращать внимание на заметно оживающую природу. Вслед за светом начиналась интенсивнее биться жизнь того же пернатого населения. Выстукивали свою весеннюю дробь непоседливые дятлы, из более южных широт возвращались угнанные морозами полярная сова и могучие черные вороны. Не зря же в нерукописном календаре северных народов Сибири март считается месяцем ворона. Все это так интересно и обязательно нужное для зафиксирования на заметку, как документ из жизни пробуждающейся природы. Вот-вот за явлениями в мире птиц появятся первые признаки перерождения сухого сыпучего снега в липкий полулед. Сначала протаят на солнцепеках, а там побегут и загремят ручьи,

тронутся речки и реки. Всё занимало за живое натуралиста, каким был директор Красноярского музея, попавший в Туруханск в качестве начальника администратора. Задумывался он и над свершившимся фактом, но отказаться от поездки сюда он не мог, ведь продовольственный вопрос в такое время был вопросом жизни и смерти, прежде всего населения края. Да, это был местный патриотизм краеведа Тугаринова.

Последние фенологические наблюдения Тугаринова отмечены для Ново-Туруханска 3 июня. Это значит, что к этому времени большая часть снега стаяла. Прошел не только Енисей, но и Нижняя Тунгузка, у улетевших днем и ночью пернатых и, прежде всего, у уток, в старых подремонтированных гнездах уже были почти полные кладки яиц, отцвела черемуха, появился комар - бич всего живого и кончилась быстротечная обвораживающая северная весна, и начиналось совсем недолгое туруханское лето. Прошли на низ первые пароходы, так называемого срочного казенного пароходства, и ждали первых пароходов на Енисейск и Красноярск. Тугариновы давно уже были готовы, собрали свой, на этот раз, немногочисленный багаж. Ведь экспедиции-то, по существу, не было, и коллекций тоже. Все ждали пароходов наверх. И вот однажды, такой пароход дав гудок подхода, остановился над низким теперь берегом Ново-Туруханска. Погрузка. Всякие деловые связи пароходчиков с берегом, в общем, стоянка по надобности и отправка парохода. Наконец-то сбылось то, о чем мечталось всю зиму. Блаженное это состояние автор называет бессмертной комедией «Горе от ума», вложил в уста Чацкого - «Когда пространствуешь, воротишься домой, и дым отечества нам сладок и приятен». В предвкушении этого дыма отечества блаженствовали и супруги Тугариновы, ведь как никак, а Красноярск стал для них был второй родиной. Енисей все еще был полноводен и продолжал нести на север, смытый с берегов на юге страны, плавник. После однообразия зимнего пейзажа теперь всё казалось каким-то новым, вроде раньше и не виданным и, во всяком случае, желанным.

Уже виденные не однажды, во время предыдущих поездок по Енисею, станки, в два-три домика, деревушки и селения, выглядели праздничнo, пробивалась яркая трава на лужайках вокруг домов, а жители, заслышав причальный гудок, спешили к пароходу. Здесь узнавали всякие новости, отрезанные от культурной жизни старожилы станков. Пароход сообщал и сам набирал новости, на местах выполняя роль телеграфа.

Когда подъехали к селу Верхне-Имбацкому и вышли на берег, что для разнообразия и проминки делали многие пассажиры, то узнали но-

вость, которую не сразу смогли понять. Кто-то кого-то извещал, что из Енисейска на нескольких пароходах едут много вооруженных. Невольно насторожились и стали делать разные догадки о таинственных вооруженных и их цели. Посоветовавшись, решили держаться на всякий случай дальше от пароходной пристани, да и берега вообще, куда могли пристать эти неизвестные вооруженные люди. Захватив свои чемоданчики, Тугариновы, как и некоторые другие, ушли недалеко в лес. Как впоследствии выяснилось, это была флотилия из Красноярска, на которой красноярские руководители большевиков, после падения большевицкой власти, бежали в низовья, желая скрыться от белогвардейцев и чехословаков, устроивших переворот.

По прошествии некоторого времени, ушедшие в лес, были оповещены об отплытии флотилии большевиков на низ, и вышли к берегу, где уже не увидели своего парохода, на котором плыли сюда, а вместо него у берега стоял другой пароход - «Ангара», капитан которого Горошков заявил, что «Ангара» пойдет на Енисейск и Красноярск. Вообще, нужно сказать, что этого эпизода, т.е. бегство на пароходах в низовья Енисея, как и подробностей этого плавания и его трагического конца, в литературных источниках найти не удалось. Видимо, это еще и не было описано. Все сведения здесь получены из воспоминаний устного характера, переданные автору женой Тугаринова Верой Ивановной Тугариновой, и тех скудных сведений, которые удалось услышать от новых работников пароходства, чьи отцы были или участниками этих событий или современниками их.

Из этих расспросных сведений выяснилось, что в Красноярске были захвачены большевиками несколько пароходов, в числе которых были: лихтер-баржа «Лена», где были всё оружие и даже орудие, большой пароход «Туруханск», немного поменьше его пароход «Ангара», «Святой Николай», небольшой пароход «Тобол» и «Стрела». Последний был винтовой и служил на Енисее в качестве быстроходного разведывательного судна, в обязанности которого была и обстановка фарватера.

Капитаном на «Ангаре» был Горошков, который, по одним сведениям, побоялся плыть ниже, и отказался. Еще не ясно, куда же девался тот пароход, на котором Тугариновы ехали из Ново-Туруханска до Верхне-Имбацкого? По словам В.И. Тугариновой, большевики захватили его, а оставили «Ангару». И это вполне возможно, т.к. приходилось экономить на топливе.

Дальше плыли на юг, сделав только значительную остановку в Енисейске. После 20 июня прибыли в Красноярск.

Снова музей и работа в нем. Повседневная и многогранная работа, требующая знаний и навыка.

К этому году относятся следующие печатные труды и заметки Тугаринова:

1. «Туруханские инородцы и кооперация». Издание Енисейского губернского союза кооперативов. 37 страниц. Здесь, на основании виденного, автор задается вопросом о будущем этого небольшого народа, разбросанного по берегам Енисея, начиная от Осиновского порога и ниже. Разбирается экономическая зависимость от купца в прошлом, говорится о настоящем положении, дается рекомендация на ближайшее время.

2. «Об охране «Столбов». Газета «Воля Сибири» от 19 сентября 1918 года, № 72, стр.: 3 и 4. Автор говорит о вандализме, который он видит в разрушении камней в районе «Столбов», рубке дров и вообще порче красивого района, причисляя сюда же небрежно ведущих себя столбистов, превративших Столбы своими отбросами в помойную яму. Уделяется также внимание столбовским писакам и кострам. Ставя своей целью пробудить в обществе сознание необходимости охраны «Столбов» в виде выделения их в заповедник, автор дает вкратце способы осуществления этого плана, придерживаясь следующей схемы: воспрещение рубки леса, добычи камня, охоты, сенокошения, разведения костров и борьба с любителями делать стенные надписи. Достигается это, по мнению автора, устройством в разных местах района избушек для ночлега с готовым кипятком и штата сторожей-наблюдателей за выполнением вышеуказанных правил. «Клуб столбистов», объединяющий столбистов, должен взять на себя инициативу организации проектируемого заповедника и наблюдение за его охраной. Таким образом, автор говорит здесь о заповеднике, как его понимают за границей, т.е. это тот же Натур парк. Вопрос о «Столбах» волновал многих настоящих любителей природы и Тугаринов отозвался в печати на эту злободневную тему, предложив конкретные мероприятие в виде заповедника.

3. «Местные музеи Сибири и организация их деятельности». Оттиск из трудов съезда по организации Института исследований Сибири. Томск, 1918 г., страница 8.

1919 г.

Общей характеристикой этого 1919 года для Красноярска был возврат к старому, два года назад свергнутого революцией. После разгрома большевицкой власти и бегства большевиков в низовья Енисея в городе

власть фактически перешла к колчаковскому режиму, и события развивались под большим влиянием различных правых элементов. Шла реакция. Немало способствовали такому поправению и группы интервентов, базировавшиеся в Красноярске как в центре края, используя железнодорожную магистраль для своих передвижений. На рельсах железной дороги, почти у самого вокзала, стоял состав с англичанами, заехавшими с востока. Здесь, под начальством их командующего Нокса, велась пропаганда антиреволюционных идеалов. Особое внимание было обращено на молодежь, которую вовлекали в скаутизм, а для большего соблазна было подкармливание шоколадом, что для проголодавшихся за время разрухи имело какое-то воздействие, и толпящихся у вагонов мальчишек было не мало. Но осторожные по своей натуре англичане, не лезли открыто в борьбу, выжидая и присматриваясь. Более экспансивными были попавшие в Красноярск, тоже с востока, итальянцы, базировавшиеся в казармах бывшего красноярского полка. Их предводитель, барон Фоссини-де-Коммуси, вел открытую борьбу с партизанскими отрядами Манского народного фронта. В городе часто можно было встретить их проходящие части с вьючными ишаками, на спинах которых были закреплены не то пулеметы, не то пушечки, всегда прикрытые брезентом. Их солдаты, одетые в короткие, чуть ниже пояса голубовато-серые накидки, носили на спине короткоствольные карабины. Вечерами такой итальянец мог встретиться на любом углу города. Высвистывая мастерски какую-нибудь руладу, воин провожал жадными глазами каждую проходящую женщину. Южный, пылкий темперамент итальянца здесь, в холодном сибирском городе, искал своего выхода и нашел его в виде издания в городе небольшой книжечки на русском языке любовно-порнографического содержания. В репрессиях в городе итальянцы, видимо, не участвовали, т.к. поглощенные борьбой с партизанами, они все внимание отдавали этой борьбе, где и терпели одни неудачи за другими.

Совершенно по-другому держали себя чешские воинские части, прорвавшиеся в Красноярск с запада. Они обитали в здании погоревшего нового музея и для их постоя быстро восстановленного. Их предводитель Гайда быстро сделался хозяином положения в Красноярске и стал одним из самых злостных карателей и преследователей революционных деятелей.

Чувствуя опеку интервентов, белогвардейцы и казачество объединились в своих действиях, искореняя все, что напоминало о революции. Сыск, слежка, расстрелы, даже и без суда, были обычными явлениями

этого тяжелого времени. Были расстреляны воинские части выборочно, по счету, как в самом военном городке, так и вне его. Против Благовещенской церкви, почти на углу, в деревянном двухэтажном доме остановилась приехавшая с запада какая-то духовная миссия, которая вела религиозную пропаганду, пытаясь воздействовать на пошатнувшиеся за время революции религиозные чувства верующих. Чтобы поднять дух верующих, этой миссией была издана брошюра, расклеенная вскоре же на красноярских заборах. В ней рассказывалось о том, как выглядел Иисус Христос. По свидетельству воина, участника казни, Христос был блондин с голубыми глазами и пр.

В духовной консистории, что была за городским садом и хранила церковные архивы края, обосновалась какая-то карательная часть, прибывшая с запада. В музей пришел знакомый Тугаринову преподаватель истории мужской гимназии Вс.А. Смирнов и сообщил, что каратели, за неимением дров, сжигают архив консистории. Зная ценность всякого архивного материала и что в духовных архивах есть фискальные списки как верующих, так и неверующих, а также и еретиков, что в целом является переписью населения, перед музеем встал вопрос о немедленных действиях по спасению церковных архивов. Договорились действовать общественными силами. В ночь были мобилизованы имевшиеся у частных лиц лошади с коробами, в которых обычно вывозили со дворов снег. Кто-то пошел в консисторию и убедил начальника карателей, чтобы он разрешил вывезти архив, пока его подчиненные спят. И вот, в ночь на более чем десятках коробов архив был вывезен в Музей. Этот архив был первым фондом документов о прошлом края.

Как и всегда, ранней весной и в этом году Тугаринров ведет свои фенологические наблюдения с 14 марта по 20 мая. Это, если так можно выразиться, было хроническое заболевание фенологией. Оно обязывало к наблюдениям виденного и слышимого. Тугаринов был смолоду самоорганизован, и его записи говорят об этом самым красноречивым образом. Он обычно при первых же веяниях весны выходил из музея и, перейдя Старобазарную площадь, спускался на берег Качи или ее слияния с Енисеем. Переходил на Татышев остров. А иногда посещал близлежащие острова Телячий и Конные. Здесь, на виду самого города, природа чувствовалась как-то особенно самобытно. Первые подтаи, первые звуки птичьих голосов, первая травка, вытаявшая из-под снега, всё веселило и радовало. Всё записывалось, и когда-то должно было быть нужным. Специально фенологические наблюдения и наблюдения

между делом были просто необходимостью, такой же, как необходимость пить, есть, спать.

25 апреля, когда уже на южных склонах над Енисеем хорошо оттаяла почва, была совершена небольшая однодневная экскурсия с двумя сотрудниками музея за город, в так называемые Коровьи лога. Этих логов было три: Первый, Второй и Третий. Еще и раньше в этих Коровьих логах были находимы кости послетретичных млекопитающих: мамонта носорога и др. Теперь музей интересовало, кроме костей этих животных, возможность увидеть остатки человеческой культуры прошлого. Были произведены небольшие раскопки, давшие как палеонтологический, так и археологический материал. В связи с разрастанием города и застройками его периферии, эти Коровьи лога начинали быстро застраиваться, и как всегда, без всякого плана, так называемым методом «Нахаловки», при котором не было ни улиц ни переулков. При такого типа застройках, обычно всегда страдали, прежде всего, места бывших поселений человека, а найденные предметы выбрасывались как сор или приносимые в тот же музей обесценивались, без точной датировки культурного слоя и превращались в так называемый малоценный «подъемный материал».

4 мая, снова в Коровьи лога, была совершена еще одна экскурсия. Теперь в ее состав вошел и археолог музея. Тугаринов больше интересовался орнитологией и делал свои наблюдения за животным миром. Задержавшийся с империалистической войны 1914-1917 гг. военнопленный доктор археологии, австриец Мергарт, был расконвоирован и жил в музее, работал как специалист археолог.

Наступало лето, и Тугаринов решил осуществить еще одну поездку в южную часть Минусинской котловины, в частности, в Означенную, где он уже бывал в 1913 году. Решение выбрать именно это место пришло в голову в связи с отсутствием в аптеках города необходимых лекарственных трав. Разруха гражданской войны сказалась и в этой области медицинского обслуживания населения. Ботаник музея Г.П. Миклашевская составила, с целью пропаганды знаний о лекарственных растениях края, ряд гербариев, которые и должны были указать сборщикам, какие растения надо собирать и сдавать в аптеки. Была устроена и соответствующая выставка в самом музее. Вот по этой-то схеме Тугаринов и решил организовать сборочную группу от музея. В состав этой небольшой экспедиции, кроме самого Тугаринова и его жены Веры Ивановны, вошли сестры Новодворские, Мария и Елена, а также сын сторожихи музея Валек Журавусский. Главный упор должен был быть на травы валерианы, стародубки

и солодки. Все это в изобилии произрастало вблизи Означенной. 4 июня пароходом с красноярской пристани сборщики выехали на Минусинск. Перед самым отходом парохода на пристань пришла М.А. Ермолаева и сообщила о смерти своего мужа А.П. Ермолаева, бывшего помощника Тугаринова. Под тяжелым впечатлением направились в свой путь музеяне. Жаль было этого прекрасного музейного работника, Александра Петровича Ермолаева, хорошего исследователя и самобытного ученого, с которым Тугаринов ездил в экспедиции в 1908, 1909, 1915 годах.

В Означенной, куда приехали из Минусинска на лошадях, остановились у уже знакомого проводника по 1913 году. Ежедневные выходы по сбору лекарственного сырья, а попутно и сборы вообще для музея, поглощали все время, и за этим занятием незаметно прошло около месяца, когда лексырье особенно годно для извлечения из него необходимых в аптеке лекарственных начал. В общем, был собран большой материал, который и надо было отправить в Красноярск при удобном случае. Самым дешёвым транспортом всегда был водный, поэтому воспользовавшись единственным здесь способом сплава на плоту, Тугаринов отправил заготовленный материал до Минусинска на одном из таких плотов. В Минусинске груз должен был сдан на пароход. Все было упаковано, и плот уплыл. Но по дороге с плотом случилась авария, и груз погиб. Как было жаль своих трудов, но поделать ничего было нельзя, как нельзя было начать снова сборы, т.к. прошло время и травы уже потеряли те наилучшие условия для образования лекарственных начал, которые были у них в начале лета. Были произведены раскопки погребений в окрестностях Означенной, что немного компенсировало зря затраченную работу и утерю ценного сырья. К августу были уже в Красноярске. После Пакулихи 1908 года это была вторая неудача Тугаринова, и он долго переживал ее.

В местной однодневной газете «День книги», изданной 6 апреля 1919 г. гарнизонной культпросветкомиссией и правлением «Дома юношества», имеется статья за подписью А. Тугаринова под названием «Чувство родины». В этой статье автор делится своими наблюдениями в Англии и северной Франции во время своей заграничной поездки в 1914 года. Автор посетил городскую школу Лондона, а также сельскую школу Нормандии. В обеих школах бросается в глаза, как в процессе воспитания у учащихся вырабатывается чувство родины. Календарь с историческими датами Англии, памятники национальным героям, ежедневные события дня прочитываются утром в прессе. Всюду цветы, живые уголки с живот-

ными, дающие в целом познание своей природы, которую должны любить с детского возраста. Всё это должно пробуждать чувство родины. Статья кончается следующими словами автора: «Я был бы огорчен, если бы сказанное дало повод заподозрить меня в каком-то шовинизме. Да именно так, ведь это нисколько не мешает проявлению в человеке и интернациональных, общечеловеческих идеалов. Мир, труд, братство, скажем мы, выражая мысли и чувства настоящего патриота».

Кроме того, в этом году, в трудах съезда по организации Института исследования Сибири была напечатана статья Тугаринова - «Местные музеи Сибири и организация их деятельности». Т. 1919 г., ч. 1., стр. 42-50.

То же отд. оттиск. Т. 1919 г., 8 - 8 стр.

1920 г.

В ночь на 1920 новый год, можно сказать, Красноярск и спал и не спал. События последних дней предыдущего 1919 года были полны всяческими слухами. Прежде всего, тревожно было в рядах всяческих контрреволюционеров. Армия Блюхера, разбив Колчака, теснила его отходящие части на восток. Стали спасаться бегством разные интервенты, с которыми уезжали частично и зарвавшиеся в своих зверствах красноярские белогвардейцы. Уже на восток, в своем специальном поезде, проследовал сам верховный правитель Колчак. А один из его полководцев, Шарпантье, до того забил станцию Енисей артиллерий и др. военной техникой, что железнодорожная линия у Красноярска стала совершенно непроходима для поездов. Последними уезжали чехи, забирая с собой своих местных приспешников и тем спасая их от возмездия.

Наступило временное затишье. Сразу ожило Красноярское подполье и организовывались вооруженные отряды дружинников.

В эту новогоднюю ночь в город стали прибывать идущие по тракту, вдоль железной дороги различные беженцы: кто на подводах, влачимых еле переступающими от голода и неустанного движения лошадьми, кто пешком. Здесь же и остатки разбитой и уже совершенно дезорганизованной армии Колчака. Еще державшиеся какого-то порядка воинские части, дойдя до города, были отогнаны от него дружинниками, ушли за Часовенную гору и проследовали на восток. Пожалуй, не было дома, в который не пришло несколько человек беженцев, принесших с собой, прежде всего, сыпной тиф. Весь Красноярск превратился в сплошной лазарет с больными пришельцами и приютившими их хозяевами.

Вскоре в Красноярск вступила Красная армия и партизанские отряды Манского фронта. На улицах города там и сям валялись трупы лошадей. В городе не хватало провизии. Холод, голод и болезни требовали немедленного вмешательства и борьбы с разрухой и эпидемией. За дело взялись новые власти и военизированная медицинская помощь. Были организованы лазареты, куда доставлялись, прежде всего, тифозные беженцы. Многие красноярцы за свое гостеприимство заплатили своей жизнью. Расстроенная работа учреждений начинала налаживаться.

Расстроенное отопление музея было причиной того, что в экспозиционном зале стали замерзать банки с препаратами рыб в формалине, а на витринах образовался такой слой куржака, что пришлось заново делать экспозицию и частично закрывать часть музея для посещения публикой. Ни о каких больших экспедициях Тугаринов уже теперь не думает. Надо справиться с неполадками прошедшей зимы и как-то просуществовать всему коллективу до нового урожая. Пришлось ограничиться небольшими поездками вблизи города.

Первая поездка была в село Сухобузимское, что в 70 километрах от города. Там, на глубине многих метров, были обнаружены кости какого-то ископаемого крупного млекопитающего. С 24 по 28 июня Тугаринов пробыл на месте находки, и им были привезены в музей кости мамонта, которые, вместе с имевшимися до этого в музее, могли быть использованы для постановки сборного скелета этого ископаемого слона. Но ставить мамонта в такой тесноте, каким являлся музей, было невозможно. Надо было ждать нового здания, а оно, наспех отремонтированное для постоя чехов, требовало большого ремонта, на что теперь не было средств:

С 23 по 30 июля Тугаринов и австрийский археолог Мергарт ездили в лодке на правый берег Енисея, где обследовали древнее городище «Няша». Здесь был обнаружен вал, окружающий это укрепление с юга. Были произведены раскопки и заснят план всего городища, по которому впоследствии была сделана его модель.

С 18 по 28 августа этими же лицами была в лодке же предпринята поездка с археологической целью до Енисейска с попутными остановками, особенно в местах впадения рек и речек.

В Красноярске теперь, как и по большей части Сибири, снова Советская власть. Начинается налаживаться работа государственных учреждений. Особое внимание обращено на продовольственный вопрос, а в связи с этим и забота о новом урожае, а пока каждый заботиться о себе сам.

Музейные работники частично включаются в гидрографическую экспедицию в низовья Енисея, где в районе Бреховских островов идет увязка правого и левого берегов Енисея. Другие работники музея использовали свои двухмесячные отпуска для подработки продуктов. Конечно, посадка картошки была для многих первоочередной заботой. Тугаринов давно мечтал совершить поездку на какую-нибудь большую, малоисследованную реку края, но достать средства на такую поездку теперь было совершенно невозможно, и он отложил свое желание до более благоприятного в продовольственном отношении времени. Мысленно это была для него Подкаменная Тунгуска, о которой он так много слышал.

1921 г.

Жизнь и порядок в городе и крае начинают налаживаться. Идет ликвидация разрозненных и уже немногих выступлений контрреволюционного типа по периферии края. Город Красноярск, как и другие города края, залечивают свои раны гражданской войны и неурядиц.

Как и всегда, Тугаринов ведет свои ранневесенние фенологические наблюдения, первое из которых отмечено у него 14 марта.

В музее большой штат работников, т.к. для упорядочения регистрации граждан, все должны были найти свое место годности при какой-нибудь организации или в учреждении. В музей, как в научное учреждение, потянулись люди, имеющие какое-то отношение к науке. Если посмотреть на фотокарточку музейных работников того времени, то бросается в глаза, прежде всего, ряд малознакомых музею лиц, прежде не имевших к нему никакого отношения. Но эти люди, принеся с собою свои знания, много помогли музею. Краткое знакомство с этими новичками говорит само за себя. Дороган, какой-то родственник золотопромышленника П.И. Кузнецова, хорошо разбирается в стилях и эпохах. Он помог Тугаринову при отборке церковных ценностей (особенно одежды) при ликвидации имущества старого собора, и музей стал иметь всяческие ризы и другие одеяния священнослужителей разных стилей (классика, барокко, модерн и пр.). Военнопленные австрийцы, Мергарт и Душ, пригодились музею как археолог и антрополог и, участвуя в поездках по краю и просматривая коллекции музея по своим специальностям, они внесли в эти отделы нужный порядок и научное описание предметов археологии, реконструировали разбитые сосуды. Ангарец Павел Трефильевич Воронов, хорошо знакомый с тремя Тунгусскими

правыми притоками Енисея, оказался необходимым спутником в предстоящей экспедиции музея на Катангу, т.е. на Среднюю, или Подкаменную Тунгуску, как знаток местности и особенно как лоцман по рекам, не имеющим своей лоции. И.Я. Миронов, охотник, живший вблизи музея, пригодился как поставщик добываемых им птиц. Юрист, сибирский краевед В.Л. Яворский, сделался секретарем Географического общества, базировавшегося на музее, председателем которого был Тугаринов. Он был полезен и как знаток книги, так как когда-то имел свою большую библиотеку, на основе которой возникла библиотека вновь организованного в Иркутске университета. Вс. А. Смирнов, как историк, хорошо знал историю Сибири и, в частности, г. Красноярска, он был заместителем Тугаринова как председателя Географического о-ва. Его знания литературы края очень помогали по линии исторических подсказываний дат того или иного события города или края. А.А. Савельев, бывший ссыльный на Ангару, занимавшийся там изучением русской этнографии ангарских старожилов. Этот всезнайка, единственный из всех новичков, оказался не столько полезным, сколько вредным, т.к., проживая среди библиотечных шкафов, он делал изъятия из редких книг и, видимо, похитил кое-что из нумизматической коллекции музея (в частности, рубль Бориса Годунова). Вскоре он был изобличен и удален из музея. Зная организаторские способности Тугаринова, можно было заранее сказать, что такая прибыль в работниках музея, несомненно, будет использована директором музея в пользу своего учреждения. И новый коллектив оправдал себя, за исключением только Савельева.

Теперь, при таком большом, правда, как потом оказалось, недолговечном коллективе, имея хорошего заместителя по музею в лице геолога А.Н. Соболева и В.С. Смирнова по Географическому обществу, Тугаринов начал подготовлять свою давно задуманную экспедицию на Подкаменную Тунгуску или, как ее называют в низовьях, Катангу. В числе экспедиционеров от музея должны были поехать, кроме самого Тугаринова, как начальника экспедиции, еще ботаник А.Л. Яворский, этнограф М.А. Дмитриев и как проводник П.Т. Воронов. Последний уехал вперед и на местах подготовлял всякие возможности быстрого продвижения, т.к. был местным человеком и хорошо знал обычаи и быт Приангарья. А так как средства на такую экспедицию давались организацией, связанной с учетом населения при новой Советской власти, к экспедиции был прикомандирован Румянцев, а от Переселенческого управления топограф И.Н. Карташев, в обязанности которого входила

маршрутная съемка р. Катанги. Еще один член экспедиции, некто Утюпин, был как охотник-снабженец, долженствующий заботиться о пропитании экспедиции посредством добычи животных для пропитания всех семи ее членов.

Еще остро стоял перед населением края вопрос питания. Разруха в продовольственном вопросе, как результат только что прошедшей гражданской войны, давала себя чувствовать на каждом шагу. Поэтому многое в экспедиции должно было зависеть от той помощи, которую окажут на местах начавшие возрождаться кооперативные организации. Отступающие колчаковские войска избрали Ангару дорогой своего следования на Иркутск. Конечно, их проход должен был сказаться по всей ангарской магистрали и, конечно, прежде всего, по линии всяческого рода конфискаций продовольствия для нужд проходящей войсковой голодной массы. Продовольствие конфисковывалось, а непослушное население наказывалось поджогом целых деревень.

Чтобы избежать всяких неполадок по дороге на Ангару и далее на Катангу, и был послан вперед одиночкой П.Т. Воронов. Тугаринов, как горожанин, легко мог договориться с горожанином же, но с жителем села или деревни это, да еще в такое время, было нелегким делом. В это время деревня была против города и, как бы недопонимала все его прихоти, вроде той же экспедиции. Другое дело Воронов, он здесь был в своей тарелке и его многие знали как своего. И действительно, он много сделал для экспедиции, будучи ее первой ласточкой.

В составе 6 человек и с собакой топографа Карташева выехали на поезде Красноярск-Тайшет, 9-го апреля. Вот письмо Тугаринова к жене из Тайшета от 11 апреля 1921 года. «Пишу из Тайшета, где пробудем сегодня в ожидании лошадей. Благополучно сидели в теплушке, отсюда, связанное с этим способом езды, удовольствие. Ночные ожидания на вокзале дали ряд интересных наблюдений современного жанра. В вагоне шатало, бросало, поспать мне, по крайней мере, не удалось, дремал сидя, а когда просыпался, то болели то шея, то голова и т. д. Едим здорово. Оказалось, у каждого кое-что нашлось из дома, вроде твоего пирога. Общим согласием, решили поглощать столько калорий, сколько скажется просимым для каждого. Посидим, полежим, и начинай сначала. Около часа ночи приехали в Тайшет, перебрались на вокзал, плотно поужинали, устроились кое-как. Утром пошли в союз кооперативов, где нас ожидали, предложили комнату и перевезли вещи. Комнату сейчас же вымыли, поставили самовар на 1,5 ведра. Мы с наслаждением умылись, отправились выяснять вопрос с лошадьми. Известия не очень утешительные. Весна ранняя, распутица полная… пусть везут хотя бы только багаж, сами пойдем пешком. Это тем досаднее, что такой плохой дороги два или три перегона, а (дальше) пойдет хорошая дорога. Так прошел у нас сегодня день отдыха. Гуляли, ели, болтали. Щи и тушеная капуста с салом, очень похоже на домашний обед, конечно, маловато. Во всяком случае, едой мы обеспечены. Все рассказывают, что ближе к Ангаре будет в смысле продовольствия хорошо». Далее идет поручение заместителям Соболеву и Смирнову. «Начинаю приходить в себя после от суматохи последних дней, а если удастся проехать неприятные станки, всё пойдет хорошо и вздохнём посвободнее».

От 15 апреля письмо из Невонской: «После некоторого затруднения, из-за отсутствия лошадей, мы все же добрались до этого, самого трудного, пункта, всего на трех одноконных телегах (вместо 6 пар). Сами шли пешком. Прошли первый станок в 10 верст - Акульшет». Нужно сказать, что весь Акульшет был сожжен чехами и румынами, как рассказывали крестьяне. Картина такая: улица из новых домов, а на крышах, завершая их, сидят строители. Деревня отстраивается заново. «Здесь повторилась та же история, но уехали уже на 4-х подводах, по очереди ехали. Везут неохотно, запугивают трудностями дороги и Бирюсой, которая будто бы уже опасна для переправы. Поехали и убедились, что все это отговорки. Переправа совершенно свободна. Добрались до Кочергиной и заночевали. Наутро были осчастливлены визитом сельисполкомом, комячейкой и пр. Граждане пришли поинтересоваться нами - что за люди? И что за подозрительные ящики везут они с собою. Попросили некоторые вскрыть. По(смотрели) банки, гипсотермометр и пр., сконфузились, и выдали (по нашему требованию) бумагу, что все только нужные вещи, а оружия и патронов не оказалось. Скоро нашлись лошади. По отвратительной дороге двинулись дальше. Станок в 28 верст, то шли пешком в трудных местах, то ехали. К вечеру были в Шиткиной. Повеяло другим духом. Народ обходительнее. Всё, однако, вселяет опасение за завтрашний день, т.к. на первые 15 верст снег стаял, только на телеге можно ехать, а дальше зимняя дорога. Было опасение, что придется ехать вьючно. На наш фарт, вопрос разрешился сам собой. Вставши утром, увидели зимнюю картину. Снег на четверть и мороз 6 градусов. Запрягли нам 6 саней, прекрасно устроились и поехали. И хотя день был солнечный, была метель, а на хребтах еще холоднее. Так добрались до Невонской, откуда пишу это письмо. Несмотря на трудности все здоровы, чувствуют себя хорошо…. Сегодня с утра опять мороз, надели катанки. Вот тебе хроника нашего путешествия. Пока, т.о.,

все идет благополучно и настолько успешно, насколько это возможно в данный момент».

Следующее письмо от 21 апреля, уж из села Кежма на Ангаре. «.....» Несмотря на опасения, мы очень успешно добрались до Кежмы, от Красноярска всего на 11 день.

Правда, были случаи, когда ехали целыми сутками. Интересно, что здесь перегоны от деревни до деревни, один 110 верст, др. 80. По пути остановки только в зимовьях. Было очень холодно, до 12 градусов, а на Ангаре был вечер с такой температурой и с ветром, прямо рождеств. Шуба меня здорово спасала, и я ухитрялся, даже не без удовольствия, спать целую ночь. Интересно так ехать. Просека, по сторонам стеною тайга, тихо, месяц светит вовсю. Лежишь и смотришь на звезды, а потом задремлешь, откроешь глаза, небо уже светло-серое, светает, а кони все идут да идут. Если свернуть с дороги - снега коню по брюхо. На одном зимовье купили сохатины и ели шашлыки. Доставали мясо… Однако все в очень ограниченном количестве. Случайно или через кооператив. лавки. В общем, с покупками слабо, но все зависит от случая. Впрочем, наш хозяин оказался не на высоте задачи, не инициативен. Все время надо его подгонять, натакать, леший его знает, то ли не хочет, то ли не умеет. Языком, впрочем, работает много. Теперь осталось последнее усилие выбраться с Ангары на Хатангу. Это будет тоже нелегко. Все-таки мы едем последней дорогой, и если ударит тепло - можно застрять. Если мы в передний путь кое-как ещё доберемся, ямщик рискует завесновать. Как решится дело, узнаем скоро. Сегодня в ночь я еду вперед в Пановское, чтобы подготовить подводы, а остальные подъедут завтра. Здешний кооператив оказал нам большую помощь, получили бродни, варежки, кое-что на дорогу. Воронов сделал всё, что было возможно. Мы его уже не застали. Уехал 4 числа на Катангу. Разнарядки и пр. сказались сильно и здесь жмутся со всеми продуктами, смотрят косо, принимают сначала за каких-нибудь комиссаров и т.под. Потом присмотрятся, разговоримся, окажется, что можно то и другое достать и прощаемся так: «Будете случаем, заезжайте». Чунары же не понравились, грубы, темны и уж слишком некультурны, ангарцы приветливее, общительнее. Ангара мне понравилась, могучая, громадная, куда величественнее Енисея. Пейзаж, правда, однообразнее, горы низкие, плоские, но река версту-две шириной, есть каменные острова, быки, утесы. Горизонты громадные, далекие, как Енисей за Енисейском. Дорога сейчас по ней чудесная, ровная. Кстати, я боялся, что во время санной езды со мной

будет нечто вроде морской болезни, что, как ты знаешь, уже бывало. На удивление ничего подобного, возможно потому, что нет ухабов. Самочувствие в общем удовлетворительное. Заботит, как доберемся до цели. Должно быть, отдохнем только уже на месте, т.е. на Катанге. Там будем отрезаны от мира, будем предоставлены только самим себе. На Катанге обещана нам сеть рыболовная, которая должна нас кормить. Уверяют, что птицы будет довольно, хлебом обеспечены. Достали масла. Бывает, попадется добрая хозяйка, и наедимся вдоволь каши гороховой, творогу со сметаной, калачиков горячих и т.п. 2 раза ели уху. Как видишь, нам не плохо… Редко чай без молока пьем…

Наконец, в последних числах апреля, добрались на Катангу и завесновали в Верхней Конторе или, как еще зовут это местечко, в Пановском зимовье. Вот последнее краткое письмо Тугаринова к жене с этого пункта дороги: «…Только несколько строк успею тебе написать. Едут рабочие на Ангару. Завтра Пасха, и мы к ней готовимся. У нас есть жиры, масло, сметана, сахар. Делали пасху. Добыли глухаря, и с жареным будут шаньги, яйца и пр. Словом, как дома… Все здоровы… Устроились хорошо, работаем. Сегодня полная весна, все тает, ручьи и дохнуло здесь теплом. Проживем здесь недели 2, а потом плыть. Пока все идет благополучно. Достали обувь, питанием обеспечены. Публика не ссорится, хотя кое-кто оставляет желать лучшего. Воронов во всем выручает, золото а не человек… Отдохнул с дороги, самочувствие хорошее… С окружающими отношение хорошее. Завтра отозван на чашку чая к заведующему факторией. Дня три тому назад с обратными нашими ямщиками отослал письмо Вс. Аф., где сообщил о ходе дел и работе…».

Еще одно письмо Тугаринова из Верхней Конторы на Катанге характеризует весновку на этой реке до сплава по ней на плоту. «2 мая 1921 года…… Живу надеждой, что недели через 3, когда мы будем в Оскобе, нам привезут туда почту из Кежмы. На днях едет один рабочий на Ангару, ктр. должен отправить это письмо. Через день, два мы должны выехать в экскурсию вверх по Катанге, дня на 3-4, поэтому пишу заранее. Короткая северная весна во всем разгаре. Собственно, весна началась всего неделю назад, а до сих пор была почти зима. Я уже писал, что мы застали здесь наст. зиму, не холодную, правда, но еще все было под снегом, не было никаких признаков тепла. Однако нельзя сказать, чтобы мы скучали, дело находилось. Бродили с ружьем, кое-что добыли, препарировали. Яворский собирал грибы. Развлекали тунгусы, приходящие изредка. Всецело замкнулись в свою жизнь, которая шла

размеренно, спокойно… На второй день (пасхи) были в гостях у заведующего факторией. Это был, пожалуй, единственный праздник в городском смысле слова. Питание у нас прекрасное. С тех пор как появились утки, перешли на этот корм, добывали сохатину, оленину, теперь есть рыба свежая. Недостаток в молоке, которое бывает не каждый день, но бывает, например, молочная каша на ужин. Хозяева делятся всем, что есть у самих. Есть еще немного масла, которое купили дорогой. Вообще с питанием великолепно. Заведует им Трефильич. Наш плот готов, спущен на воду. На нем будка с нарами, столом, дверями, кроме того, есть новая лодка, сделанная для нас специально, и еще будем иметь тунгусскую веточку берестяную. Уплывем мы отсюда, вероятно, числа 12-15 этого месяца. Нужно попасть 23 на Оскобу (факторию), на инородческий съезд. Кооператоры, в общем, содействуют, однако есть публика мало подходящая и мало чем отличающаяся от прежних купцов в своих отношениях к тунгусам. Результатом работы я пока очень доволен, в частности, что касается птичек, много интересного, нового. Работают все хорошо, и есть только один дефект в этом отношении, наш, с позволения сказать, препаратор, т.е. Утюпин. Оказался удивительно бездарным, бестолковым человеком, мещанин до мозга костей. Прекрасный работник и товарищ Карташев, понравился Румянцев. Бывает, смудрит чего-нибудь Мишутка (Димитриев), но его скоро приведешь к сознанию, он дисциплинирован, а этого ничем не проймешь. Охотник и добытчик птицы оказался самый посредственный, так что этот нарост - постороннее тело у нас, и если бы была возможность, давно-давно отправил его в Красноярск. Яворский весел, деятелен, работник, сама знаешь, великолепный, приятен всем. В поселке, кроме меня и Карт(ашева), все у нас в разное время прихворали, «повертуха». Так здесь зовут инфлюэнцу, т.е. хина моя здорово пригодилась. У меня же раз за все время болела голова. Узнал я здесь много новых крестьянских блюд… очень простые, вкусные и оригинальные. Стараюсь запомнить как их делать… В баню ходим еженедельно… В доме у нас порядок, подметаем с опилками, проветриваем и протапливаем… У каждого свой угол около своих вещей. Также будет и на плоту. Здесь, как и в Туруханске, делается все сразу. После зимы и безжизненности достаточно было случиться 2-3 теплым дням, чтобы все ожило. Появились первые цветы, появилась масса птиц, выползли насекомые. Раз была даже гроза. А вчера весь день шел снег, завалило на 1,5 вершка, сегодня опять весна. Однако, кажется, скоро будет настоящее тепло. И если бы не комары, здесь было бы чудесно…».

Этим письмом кончается информация Тугаринова своей жене Вере Ивановне Тугариновой, а вместе с тем и надолго прерывается связь со всякими культурными центрами страны, т.к. впереди сплав по малодоступным глухим и порожистым местам Катанги. Следующие сведения будут браться из дневника спутника Тугаринова и в то же время, а в то же время автор этого описания деятельности Тугаринова, ботаника А.Л. Яворского. Данные будут касаться, главным образом, маршрута, т.е. сплава, и остановок в пути, а также наиболее интересных встреч и событий в пути.

21 мая - Первая подвижка Катанги, но короткая. Вздуваются ручьи, вместо одного аршина (зимой) теперь 15.

23 мая. Идет Катанга. И снова встала.

25 мая. Катанга пошла уже мелким льдом - настоящий ледоход. Кукование кукушки. Деревья набирают почки. Дует теплый южный ветер, + 11 градусов.

27 мая. Вода сильно прибывает. Дует холодный ветер. Снег только кое-где. Вода прибыла на 77 соток и сняла лед с берегов. Течение до 6 верст в час. Вечером спустили плот, а перед этим барку. Теперь оба «судна» на воде. Катанга прибывает и подпирает ручьи. Вода из Катанги наполняет близлежащие озера.

29 мая вниз по Катанге уплыла барка с товарами для ниже лежащих факторий. Много болот, которые летом, после высыхания, служат единственными покосами. Кругом тайга с преобладанием ели. Покров ельника мхи. По югам сосняки с толокнянкой и брусникой.

31 мая. Утром 1,5 вершка снега. К вечеру все стаяло. Вода пошла на убыль. Идет валовой пролет птицы.

2 июня. Тугаринов, Яворский, Карташев и Воронов, с утра, в лодке, отправились вверх по Катанге до речки Шунтапки. Яркий, солнечный, теплый день. Через 4 часа сделали остановку у рч. Берея, у рыбачьей юрты, и заночевали в соснячке.

3 июня. Выехали в 7 часов и через 4 часа остановились у р. Шунтапки. Отсюда начнется маршрутная съемка Катанги вниз по ее течению.

4 июня. Выехали в обратный путь и, остановившись у улова, лазали на 3-ю Шунтапскую сопку (85 сажен). На каменистых склонах папортник, каменный зверобой. У утки свиязи в гнезде 8 яиц. Ветер низовка останавливает лодку и не дает сплывать собственным ходом. В 8 вечера были на Верхней Конторе.

5 июня. С раннего утра многоголосый собачий лай где-то выше по Катанге. Послали Румянцева посмотреть, на кого лают собаки. Он пошел,

а придя назад, заявил, что убил из-под собак сохатого. Весь день таскали мясо к плоту.

6 июня. Мясо в подвале, это нам для поездки находка. Не сплываем, т.к. хворает наш лоцман Трефильич. У него лихорадка. Цветут многие растения и между ними маленькая северная орхидея Калипсо.

8 июня. Голову ломит от жары. Цветут хвойные. Распускаются листья березы, рябины, ольхи и др. деревьев.

9 июня. Вялили мясо на плоту.

10 июня. Уже 3 дня спим с открытым окном. Занимаемся сборами ботанических и зоологических объектов. Ждем выздоровления лоцмана.

12 июня. Иней. По реке туман, разорванный клочками. Сегодня перебираемся на плот. Плот совсем в воде. Решили ехать за ельником для подводки его под плот. Срубили и подвели 5 елин. Плот подняло. Ночуем уже на плоте.

13 июня. Вода сильно убывает. Встали в 5 утра и приготовляли все к сплаву. В 9 часов отчалили от Верхней Конторы и поплыли. Наконец-то. Дует запад, плот прибивает к берегу. Через 18 верст, справа, речка Аява. Ниже зимовье, выше гора в виде усеченного конуса. Ниже, через 3 версты, речка Аян, тоже справа, и тоже гора. У р. Аян сделали остановку и простились с провожавшими нас рыбаками из Конторы. Займища покрыты стволистыми лиственницами, а где посырее, ели. Сзади всех займищ скалистые размытые утесы, на верху которых сосняки. Аява и Аян небольшие речки, впадающие в Катангу в сосняках. Через 12 верст речка Джилиптукон (Деликтукон - ред.), довольно значительная, с левой стороны. За речкой займище и луга с хорошими, в прошлом году искошенными, травами, за ними озера и много березняка. Вообще местность открытее. Напротив речки постройки: дом, баня, 2 зимовья, 5 амбаров и нечто вроде погреба, до 15 всяких ловушек, невод, сети и пр. старая посуда и воробьиные гнезда в коробицах и на печи. Как бросили, уйдя на Ангару, так все и осталось. За Джилиптуконом, в 12 верстах, рч. Фитили (Секили, ред.). Цветут многие растения и уже жарки.

14 июня. С вечера комары не дают уснуть. Дует сильный встречный ветер северного румба. Через 3 версты, на правом берегу, встретили пустую юрту водного шамана, где и задержались. Оказалось, около чума целое сооружение: помост в виде настила, не менее 40 аршин длины. По нему бегает шаман во время камлания. В чуме в земле выжелоблена целая карта Катанги и ее притоков, а в них на колышках изображение рыб и водных птиц, пластинки, по которым легко узнать, чье изображение. Сзади чума бревно лиственницы и в ней ямка с крышечкой для чьей-то души. Около чума жердь с полочкой наверху, это русский (Люча). Над чумом, на шестах, главный бог Шоваки, и над ним вроде знамени - Лакагор. Обгорелый чурбан, очень похож на медведя, и много птиц, похожих на гагар и хищника. Были засняты на фото и составлен план всего мольбища. Тут же была и кузница. Нужно сказать, у тунгусов кузнечное дело чрезвычайно примитивно по оборудованию, но их изделия славятся даже среди русских и выменяваются у них с большой охотой. Ниже этого пункта тоже юртовища. На 2 версты ниже снова шаманская обстановка, но другого типа. Кое-что взяли и отсюда для музея. Весь день боремся с ветром и все время отбиваемся от левого берега.

15 июня. Едем дальше, отмечая всякие особенности местности. Около одного заворота реки, на правом берегу, зимовья и кладовые с рыболовным инвентарем. Напротив, на левом берегу, 3 бани и 4 лабаза. Это оставленная купцами заимка. По наволокам кое-где попадается кедр, а пихты нигде нет. Изредка островки. Речка слева, Водозима. На берегу 2 берестянки и удочки. Ниже на версту зимовья. Оказалось, как нам сообщили позже на одной из факторий, купцы и их сподручные, мелкие торгаши, совершенно ушли с Катанги, бросив все свое имущество там в своих домах. А ушли потому, что тунгусы, испугавшись новой власти, о которой нелестно им рассказывали, те же куцы и шаманы. В общем, когда-то оживленная река сделалась пустой. Предполагавшийся суглан, т.е. съезд, в Оскобе, и должен был вновь вернуть тунгусов к их обычным местам и, в частности, на Катангу. В одном из зимовий висела надпись такого содержания: «Уехал в 1919 году», и просьба ничего не трогать и не входить без хозяина. В избе много поломанных ружей. Как оказалось позже, это была мастерская тунгуса кузнеца. Видели на деревне связку из хвойных веток, а в ней череп медведя. Это ритуал погребения животного, которого считают родственным человеку. Проплыли речку Тетерю, справа, в 25-30 сажен шириной у устья. Первый встреченный после конторы человек, это Пономарев А.В. из с. Пановского на Ангаре. У него несколько детей. Жена только что родила, и он сам принимал у ней роды. Говорит, а я всегда сам принимаю. В 7 часов подъехали к фактории Вановара (Ванавара - ред.), у речки того же имени, в 10 сажен шириной у устья. Фактория на живописном месте с открытым видом вверх и вниз по Катанге. Хорошие покосы, на которые недавно переселили с Ангары около 100 голов крупного рогатого скота. Это первое, по существу, освоение дикой Катанги. На большом займище луга много злаков и бобовых, но и

немало шипичника, с которым надо, конечно, бороться. Здесь сеют все, что и на Ангаре, и вызревает. Пихта, как мне сказали местные жители, ухаживающие за скотом, растет далеко «в уралах», так здесь называют дальние и более высокие горы. Посажена пока морковь и др. огородные растения, сеют табак. Жителей в Ванаварах 3 постоянных семьи да 4 рыбака приехали с Ангары. Тут же живет безродный тунгус и его племянник. Из Ванавары идет дорога на Чадобец, которая расходясь, выходит одна на Пановское, а другая на Мозговую. В Ванаваре фактория союза кооперативов, живет приказчик с женой и детьми.

17 июня. После Ванавары Катанга стала как бы шире. Много лугов и чаще березняками. Плыли весь день и остановились ночевать выше на 3 версты рч. Чамбы, что с правой стороны. Встретили тунгуса, который на плотике с женой и дочерью возит муку куда-то в свой чум, что где-то недалеко. Словом, какое-то оживление в этом районе, и даже из Оскобы сюда в Ванавару, лодкой, 2 рабочих по муку.

18 июня. На левой стороне, против Чамбы, нашли каменный уголь с отпечатками растений. Пласт равен 2 саженям, а протяжением полверсты. Снизу песчаник, тоже с отпечатками растений. Но, проплыв 5-6 верст, остановились, т.к. ветер совершенно не давал сплывать, и плот стоял на месте. После 5 часов вечера плывем уже без ветра. Ночевали у устья речки Первая Лакура.

19 июня. Первый день Троицы. Календарь по святым, т.е. миссионерского типа, ведет наш лоцман Павел Трефильевич Воронов. В свое время его знаниями воспользовался ссыльный на Ангаре этнограф Алексей Алексеевич Макаренко, с которым Воронов спускался по Катанге. Данные календаря напечатаны в работе Макаренко «Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Восточная Сибирь. Енисейская губерния», изданный в С-Петербурге в 1913 году. Идут бесконечные разговоры, что на Катанге нынче нет ни зверя ни рыбы. Инициатором этих разговоров всегда, конечно, Воронов. Он уверяет, что сейчас на Катангу с Ангары устремляется много охотников и рыболовов с Ангары и что на Ангаре и зверя и рыбы больше. Он сравнивает то время, когда он с Макаренко сплывали по Катанге. Кто верит, а кто и сомневается. В 5 часов вечера прошли Паноликский порог. Вода здесь сильно бурлит и пенится по всей реке. По словам Трефильича, в малую воду Панолик не проходим. Держались серединой, вода захлестывала плот и даже пол балагана. После порога бывшая фактория Панолик. Сейчас она пустая, так как все жители из домов переселились на Оскобу. Тугаринов

вывесил на балагане карту И. Бердникова, которая начиналась с Паноликa. Попадаются небольшие оползни берегов.

20 июня. Ночью - 8 градусов. Ветер снова не дает ходу нашему плоту, и нас прибило к устью рч. Карыбы, справа. У устья с излуками и до 20 аршин шириной. Заброшенный домик, а в нем на нарах молодой филин. Добыли гнездо свиристеля с кладкой яиц на ветке сосны. Проплыли рч. Собу, слева.

21 июня. Наш враг номер один, это ветер. Как он задерживает движение плота, да еще на реке такого большого ската, как Катанга. Второй враг, видимо, будет комар, который, чем дальше, тем больше дает себя чувствовать. Ельники и лиственяги перемежаются с березняками и пейзаж то мрачный, то светлый. Проехали речку Оскобу, слева, на ней факторские рыбаки. Заимку Оскобу пронесло, и пристали немного ниже, на другой стороне. Помешал ветер. Фактория на правой стороне, на нижнем краю великолепного, редкого для Катанги луга. В этом году ее топило. Имеется контора союза, лавка, молочная ферма. Живет агроном Меринов, у него большие планы. Скота 56 голов. На совещание к 23 июня приехало отовсюду до 25 тунгусов, и стоят поблизости чумами.

22 июня. Остановились в Оскобе, чуть выше конторы. Тунгусы живут по лунному календарю и прекрасно ориентируются на время. Сказано было, что суглан будет в такую-то луну, и вот все тунгусы со всех весей Катанги вечером 22 июня, на своих берестянках (джавель таллома) и стали собираться в Оскобе. Прибыли как из далеких районов, так и из близких, с верхней Катанги и с Нижней, а также и с притоков. Сразу видно отличие верховских и низовых. Верховские в пиджаках и обстрижены под горшок, умываются, хорошо говорят по-русски и, скорее, похожи на бурят. Низовские все в коже изнутри рубахи и снаружи, с косами, туго заплетенными, они почти не говорят по-русски. Всего съехалось 45 тунгусов, среди них 2 князя, Куркагирский и Чундальский, и один шаман. На суглане разбирались вопросы снабжения их Кооперациею. Был задан вопрос: что лучше - купцы или кооперация? После долгих разговоров последовал ответ примерно такого содержания: что лучше тот, кто больше даст. Да как могли иначе ответить эти дети тайги, конечно, только так. В вопросе об оленном фонде согласились давать в фонд со 100 штук белки 5. В вопросе об образовании разошлись. Верховские за школу и ни то, ни се низовские.

24 и 25 июня также в Оскобе. Вечером Трифильич сообщил нам, что он слышал в стороне леса какое-то завывание и выкрики и сказал: «однако там тунгусы что-то устраивают». Сейчас же побежали в лес. Оказалось,

действительно, там собрались тунгусы. На большой поляне было людно. Схватив друг друга под руку и, прижимаясь половиной груди к спине переднего, раскачиваясь с ноги на ногу, медленно, плотным кругом поступая вперед, топтались тунгусы. В середине круга в землю воткнут осиновый кол, и танец этот называется «Юхарья». В переводе это значит веселье. Запевал высоким голосом шаман и ему, как бы отвечая, вторили припевом все в круге. А припева было два: один «Юхарьям харья», а другой «Гынко уко уко». По словам знающих их язык, они пели, что на Катангу пришел Союзка, что с Катанги ушел купец, что нет пистонов, дроби, свинца и т.д. Словом, о своих насущных нуждах. Когда кто-нибудь уставал, он выходил из круга и, садясь в стороне, закуривал трубку, а курят почти все, даже дети. Накурившись и отдохнув, он опять возвращался в круг, вклиниваясь между другими. Юхарья продолжалась до рассвета. В общем, одежда низовских тунгусов из дубленой кожи очень скрадывает их, и в лесу на общем фоне тайги охотника тунгуса не сразу заметишь. Это своего рода мимикрия. Из Оскобы поехали дальше по направлению Рассолки. Разъезжающие с суглана тунгусы воспользовались нашим плотом, чтобы спуститься, докуда можно, по Катанге. Вскоре наш плот оброс берестянками, а в его бревна, как ежовая поверхность, были воткнуты тунгусские пальмы, т.е. их длинные топоры, сопутствующие им везде по тайге. Катанга в глазах тунгуса - это их великая река и, вообще, всякая большая река. Так, они спрашивают, на какой Катанге ты живешь, и на какой Катанге жил царь. Осквернять Катангу нельзя, а потому, когда тунгусу надо помочиться, он садился в берестянку и ехал на берег. Настолько сильная низовка, что по течению мы на бечеве тащили наш плот по бывшему течению.

27 и 28 июня стояли в Рассолке. Здесь у самого берега из земли бьет соленый ключик. Возле этого примитивного солеродного родничка выстроен примитивный солеваренный заводик. Этот маленький кирпичный домик в плачевном состоянии после недавнего наводнения. Соль розоватого цвета. Запасли целый куль соли, т.к. в Красноярске она не всегда была в эти годы. 29 июня. Едем дальше. Вскоре же Карташев, который всегда сидел на лавочке и наблюдал, делая записи хода плота для будущей лоции Катанги, заявил, что впереди, примерно в версте, на берегу видны 2 медведя. Действительно, хорошо выделяющиеся на светлом камешнике медведи, лежали на берегу, видно, спасаясь от комаров. Трефильич схватил свое ружье, переделанное из старой винтовки времен «Очаковских и покоренья Крыма» и, сев на берестянку, погнал ее

быстрыми движениями весла вперед. С плота видно было как медведи, почуяв человека, бросились с берега в лес. Трефильич погнал берестянку дальше и, вытащив ее немного ниже, побежал в лес. Вскоре послышался выстрел, а за ним другой, и из леса быстро на бегу, заряжая свое шомпольное ружье, выбежал Трефильич и, подбежав к берестянке, окончив перезарядку, снова побежал в лес. Двое из обитателей плота на большой лодке, захватив с собой Собольку и ружья, тоже причалив лодку, побежали в лес. Оказалось, что наш кормчий убил одного медведя и, на всякий случай, дал по нему второй выстрел. Пущенная собака горожанка сразу запуталась в следах и запахах и вскоре вернулась на берег. Всем составом вытаскивали медведя из лесу к приставшему плоту. Убитый зверь оказался молодой медведицей в 45 сантиметров длины. Мясо оказалось кстати. Поехали дальше, и попали в, так называемые, кривляки. Здесь горы с обеих сторон и река идет зигзагами на значительном расстоянии. В Рассолке констатировали уровень полой воды над постоянным уровнем в 4 сажени и 2 аршина. Видели оленя с боталом, он переплывал реку. Попадается кустарная березка. Очень красивы прибрежные скалы из кубических отдельностей, это траппы. Видели кабаргу и оленя с теленком. Местность становится более дикой.

1 июля. Все еще едем кривляками. Немного ниже Чадошимо стояли из-за ветра. В Чадошимо ходили вверх по речке, где живут 8 семейств тунгусов. Видели кузницу в работе. В ней минимум инструмента: бабка, зубило, молоток и ручной мех, остальное ловкость, умение и знание материала. Чумы расположены кругом, в середине олени, и дымят дымокуры. Перед стойбищем палка с голубым куском материи. Это охрана стойбища свыше - Лакагор. Чумы из бересты и ровдуги. Масса детей и всеобщая грязь и дым от комаров. Сумы из бересты и ровдуги - турсуки, составлены рядами, а на них седла, под ними жерди. Здесь же поверх одежда и покрышка всего, из бересты. Это кладовая. Ветер снова несколько раз останавливал плот. Надоедает комар, появился овод. Введено одночасовое дежурство для поддержания дыма на плоту от комара. Сильно пылят хвойные, кукует кукушка.

2 июля. Впереди порог и наш плот, подпертый им, почти не движется. Индашиминский порог прошли прямо над главным камнем, не задев за него, т.к. вода еще большая, хлестнуло все же на плот. Река Индашимо у устья 12-15 сажен. За порогом тоже кривляки. Вскоре пошли длинные плеса. Масса (паутов) оводов, а комара нет, говорят, у комара от жары топится жир, а жарко так, что ломит голову. Проплыли рч. Нэмба и Таним-

ба, а в русском произношении - Таимба. Около последней речки остановились на ночь. Здесь стоят тунгусы, 4 чума: беднота ужасная. Немного их выше строения, это бывшая метеорологическая станция. Дом, около него заросшие травой грядки, на одной из них лук, сорвали и ели. Стоит астрономический знак. В прошлом году уехал отсюда наблюдатель, а в нынешнем году никого, говорят, к Петрову дню приедут какие-то яркинские крестьяне с Ангары. Среди тунгусов 2 слепых.

3 июля. Слева большая речка Тайге, как говорят, выпавшая в Катангу вверх устьем. Встретили тунгуса с женой и детьми на берестянке, ехавших с дымокуром, в гости на р. Авоян, что слева впадает в Катангу выше Тайге и ниже Нэмба. На Авояне 2 чума. Справа после Авояна рч. Пулярин, а затем уже Тайге. Слева же, недалеко от Тайге, впала рч. Тепто, на ней стоят тунгусы. Тунгусов нашли недалеко от речки, в борочке, занятых своими делами: сушка белки, копчение сохатиного мяса и дойка оленух детьми стоя, в консервную баночку. Тунгусы видимо испугались, начали складывать пушнину в турсуки и держались настороженно. Мы поспешили покинуть их и поплыли дальше. Ночевали у рч. Олемнукон, впадающей справа. Рч. у устья 10 аршин.

4 июля. Места гористые, но горы ровные, без пик и выходов пород. Слева хорошая постройка и астрономический пункт. Появилась мошка. До сих пор днем, при сильном солнце, летают только оводы, а комара не бывает. Вечером, когда сваливает жара, начинает появляться комар, который и свирепствует вечер, ночь и утро. Часов в 10 снова исчезает комар и появляется овод. Весь день на бревна плота из воды выползают личинки. Они на время как бы замирают, а после обсыхания на их спинной части делается трещина и из нее начинает выпучиваться дугообразное тело. Вскоре же появляется голова, и взрослая стрекоза уже в воздухе ловит свою летучую жертву, комара. Это весь день. А нам кажется, что днем комаров нет. Они есть, но ни в таком количестве, как ночью. Ночевали у красного яра, недоезжая речки Такуры.

5 июля. Трефильич на наставленную с вечера сеть поймал 3 щуки. Цветет можжевельник. Начиная с Кривляков, и по сие время, береза отсутствует, хотя наволоки есть. С утра ветер не давал ходу плоту, с полдня поплыли спокойно. На Катангу вышел большой хребет справа, а затем такой же слева, и оба кончились у реки красноватыми ярами.

6 июля. За сегодня проехали рч. Комо, у устья в 60 сажен шириной. Сзади плота, на расстоянии полуверсты, медведь переплывал с берега на берег. Плавать мастер, подается в воде быстро. У устья Комо много

жилых построек и ветхих и, видимо, необитаемых. Справа проплыли 3 речки. У последней, Кодэ, остановились на ночевку.

7 июля. Несет красивыми плесами. Вот уж несколько дней наш Трифильич хворает. А началось с того, что он увидел сон, который к болезни, вот и захворал. Как всякий промышленник, он страшно суеверен. На ночь, как правило, ставим сеть и морду, и они нас подкармливают. Сосны почти не видать. Горы большие и к Катанге сходят то ярами, то займищами, то отлогими спусками. Нет и пихты. Ель, лиственница и кедр в разном сочетании. Подлеском, особенно на опушке леса, кустарная ольха. Цветут и отцветают жарки и Марьины коренья. За наволоками всегда моховые болота и редко где луговина в несколько десятков сажень шириной. Те луга, что были у Оскобы и Тетери, прошли, и с Кривляков обстановка резко изменилась. За сегодня надеемся добраться до Куимбы (Куюмба - ред.), левого притока. Пока доехали до этой речки, проехали много речушек справа и слева. На Куимбе ночуем.

Куимба образовала большую дельту. Напротив речки мыс и постройки по обе стороны мыса. Ниже строений гора с сопкой, на вершине которой россыпь. Катанга сразу сузилась у мыса и (стала) быстрая. Но вскоре опять расширилась, но все же меньше, чем вчера, когда она, после Комо, превратилась в большую реку.

8 июля. Отгребаемся из-за ветра. Давно не видели тунгусов, плывем, не зная, где и какие речки впадают и как их «горби», т.е. зовут. Верст 6 ниже Куимбы шивера через всю реку. По крутякам, наравне с лиственницей, появилась сосна. Ночь холодная, ни одного комара (+ 11 градусов).

9 июля. Снова боремся с ветром и отгребаемся от левого берега. Проплыли справа гарь и речку, при устье которой зимовье, лодки, берестянки. Повыше 2 старых юртовища, у речной дельты курья. На гари почти чистый листвяк уже значительного прироста. По берегам еловая тайга. В крутяках сосна и лиственница. Дальше снова пошли гари. Слева р. Турама. Вечером + 14 градусов и комара не было ночью.

10 июля. За ночь полно рыбы. Пуд. 3 щуки и 4 окуня. Одна щука 17 фунтов. Кривляки. Видели на берегу двух медведей. Трефильич, Карташев и Румянцев, захватив с собой Собольку, пытались их догнать, и они ушли далеко в лес.

11 июля. Еще вчера видели впереди большой хребет и решили, что это хребет у р. Чюни (Чуня - ред.). Наш Соболька убежал и лаял где-то в хребте. Пришлось его дождаться и в лодке догонять плот. Наконец-то Чюня, быстрая река справа, по которой нам предстоит идти вверх. У

устья до 50 сажен. В цвету ревень, он с большими листьями и высокими соцветиями, растет по россыпям.

12 июля. У устья Чюни стоянка. Тугаринов, Карташев, Воронов и Яворский лодкой идут по Чуне вверх, а остальные ждут их у устья и подводят под плот сухой ельник, т.к. плот намок и сильно осел, а впереди по Катанге пороги и шиверы. Тянем лодку каждый по одному часу, в лямке. За сегодня прошли 9 смен, т.е. до 30 верст. Остановились ночевать на левом берегу у подножья россыпи. Чюня у устья не уже, чем Катанга в Верхней конторе, но куда быстрее. Мелка, даже посередине со многими перекатами, а по берегам с галечниковыми нагромождениями, которые вниз по течению оканчиваются закруглениями с выемками. Хребты очень высокие, и с них к самой реке спускаются каменистые россыпи из сибирских траппов. Справа прошли рч. Биргиму, она быстрая и слышно, как журчит по камешнику. Идем правой стороной по течению.

13 июля. С утра ходили в россыпь, что над нашей ночевкой. Россыпь покрыта лишайниками и мхами. Особенно много кустистых клядоний. Кое-где россыпь задернована и покрыта лиственнично-еловой-кедровой тайгой. Самые камни покрыты шишичником, малиной, можжевельником, багульником и водяницей. А где посырее, и смородиной. На россыпи, ближе к реке, ревень, а на берегу Чюни насекомоядная пингвикуля, синюха, точечная камнеломка и крупнолистный сердечник. Всюду в россыпи душит папоротник каменный зверобой. Много сеноставцев то и дело посвистывают среди камней и тотчас же исчезают. Сегодня прошли рч. Тычаму (Тычаны - ред.). Она впадает слева и больше Биргимы. Вот где-то там, в ее вершинах, и упал тунгусский метеорит. День знойный, ни ветерка, донимает комар.

14 июля. Нестерпимый зной. В воздухе дым от где-то близко горящих лесов. Из-за дыма не видать ближнего горизонта воды. Ароматично пахнут травы, и дым не в состоянии заглушить этот запах разомлевшей под солнцем тайги. Если бы ни дым, и ни комар, то можно бы назвать этот уголок земли раем, с кристально чистой водой, богатой рыбой, бесконечными лесами, таящими неисчерпаемые запасы всего животного и растительного, воздухом, о котором можно только мечтать в наших пыльных городах. Пауты, овода, комары и мошка сразу, и в большом количестве, даже слышно гудение этого гнусового оркестра. Чаще же они и тут сменяют друг друга на своих вахтах в разные часы суток. Действует на них только густой дым и ветер, а последнего нет как нет, все застыло в какой-то жуткой неподвижности. Решено стоять в самый зной и отгораживаться от гнуса костром, и, пройдя 4 часа, остановились на правом берегу у какой-то журчащей речки. От ходьбы по камешнику трещат и лопаются наши обутки. После третьего часа ходьбы попались скалы с причудливыми фигурами каких-то химер. Это женщина с ребенком на руках, закутанная в шаль, то это австриец в фуражке с козырьком под прямым углом и ранцем за плечами. Эти скалы тянутся с обеих сторон в несколько ярусов и сложены как бы из кирпичиков, в общем, представляя собой колокольни. Удивительно все кругом дико и красиво, а река в шиверах и перекатах.

15 июля. Вышли в 9 часов, а остановились в полвторого. Тишина. Комар. Зной. Скалы. Пьем чай с ревенем и черной смородиной. Вообще, с утра, перед походом, набираем ревеня, обламываем листья, а черешки туго засовываем в ведро и варим, затем отжимаем черешки, получается полведра сока, его и пьем по кружке после очередной часовой лямки. Выручает щучина (в) на ночь оставленную сеть. Нашли в горе окаменелости и набрали их. Вообще коллекции пополняются.

16 июля. Попадается береза, много ольхи и бесконечно прибрежных ив. Вчера после обеда прошли справа Чунку Большой, выпавший справа, быстрым потоком. Сегодня ждем Чунку Малый. Остановились на левом берегу, в тени скалы, на ее упавших в реку камнях, почти на виду у Чунку Малого. За сегодня попадались наволоки и ушедшие вглубь горы, делающие реку спокойнее и шире. После обеда пошли дальше и ночевали, пройдя Чунку Малый, на правом берегу, у ручья, из которого тянет холодок и нет комара. На устье Чунку Малый ходили смотреть затес на лиственнице, оставленный экспедицией А.А. Макаренко, когда, вместе с Павлом Трефильичем Ворониным, этнограф дошел досюда. Затес в виде квадрата, а сверху и снизу два маленьких квадрата, их, как «анеун», поставили тогда же тунгусы. На затесе были надписи химическим карандашом, но все надписи затекли смолой, а вернее серой. Выше Чунку Малый Чюня сразу же суживается и течет перекатами.

17 июля. Прошли не более полутора часов и остановились на ночь у ручейка на правом берегу, у которого выше толстые пласты льда, видимо, зимой была накипь. Это наш конечный пункт на Чюне. Здесь проведем день и ночь. В общем, ушли по Чюне более 100 верст. Здесь мы видели старые, поросшие травой, чумовища, следы медведя, а также сохатого. Здесь на сосне оставили доску с вырезанными на ней фамилиями. На одной стороне доски надпись: Экспедиция Музея Приенисейского края 1921-17 июля н.с., а на другой: А.Я. Тугаринов. Н.Н. Карташев. Соболька.

А.Л. Яворский. П.Т. Воронов. Ходили на порог, что на версту выше нашего ключа. Ключ назвали Ледяным. Порог падун и короткий, так что это, скорее, не крутой водопад. В падающей струе мелькает какая-то рыбешка, она пробирается вверх внутри струи, идя громадными стаями через порог. Эту рыбку зовут щиповка, т.к. у нее на жабрах колючки. Чайки и крохали ловят ее и едят. В рубахах с завязанными рукавами, решили ловить эту рыбку для коллекции. Рубаху струей чуть не вырвало из рук и разорвало. Немного поймали.

18 июля. С утра сплываем вниз. Несет хорошо. Сделали один привал в 15 верстах выше Тычамы, где и ночевали на левом берегу. Бездна комара.

19 июля. Едем, подгребая в тихих местах. Вечером выплыли в Катангу к нашему плоту. За наше отсутствие оставшиеся свалили 4 сухих ели, и мы начали подводить их под плот.

20 июля сплываем вниз по Катанге. С Чюни и на Катанге та же самая картина: каменистые гряды, пики, россыпи. Несет тихо, но все же несет. Проехали справа факторию Байкит у сильно журчащего ключа. На яру строения, они не обитаемы, но производят впечатления новых. С левой стороны прошли красивую реку, в щеках выходящую к Чюне вверх устьем, видимо Идукон (Юдукон - ред.). Пожары, что скрывали Чюню, да частично и Катангу, видимо, кончились, т.к. дыму нет. С хлебом туговато, надо как-то добрваться до фактории Полигуз. Силуэты скал на фоне вечернего неба причудливы и напоминают своими очертаниями китайских или сойотских резных фигурок из агальматолита. Комара мало.

21 июля. Жгучее солнце. Подытоживаем сборы по Чюне и пишем для них этикетки с отметками, там этим заниматься было некогда. Речка слева, похожая на Идукон, но выпала в Чюню вниз устьем, как и большинство речек. В сумерках пристали к речке Гаймно (Гаинда - ред.), с шириной у устья в 15 сажен. На стрелке красивые скалы. Здесь встретили 4 тунгусов: Василия Сафронова (Сафронок, уже старика, его брата Екарома, т.е. Ефрема, и 2 баранчука, т.е. мальчика). Зимовье, что на ключе, повыше, принадлежит им, а ключ называется Аён. Здесь они ловят рыбу. Едят зерно целиком, так как не умеют его молоть. Оно проходит, не перевариваясь, через кишечник, и так целиком откладывается в экскрементах, что мы и видели на берегу. Жалуются на голод. Еще бы не жаловаться, ведь к хлебу из муки, хотя бы в виде лепешек, они привыкли. Нищета. На нашу сеть тунгусы поймали рыбку и нам, как артельщикам, дали одного тайменя в 9 фунтов и около 3 фунтов ленков.

22 июля. Прошли справа рч. Нерумну (Малая Нирунгда - ред.), первую, выпавшую с шумом вверх устьем. Течение Катанги усложняется мелями, камнями и перекатами. Маневрируем с плотом, и все же на одном из камней выбило из-под плота одно бревно. После острова и шиверки идут тихие и ровные плёса. Ночевали у рч. Нерумна вторая (Большая Нирунгда - ред.). Все три речки, Гаймно, Нерумна первая и Нерумна вторая, удивительно похожи друг на друга. После двухдневной передышки, ночью, нападение комаров.

23 июля. Здесь траппы в виде готических изваяний, поросшие тайгой, налегают на совершенно горизонтальные пласты беловато слабокоричневатой породы с окаменелостями из строматофор. Прошли один порог, с причудливыми выходами траппов с правой стороны и россыпью с левой. Через час сплава, второй порог, с плитой посередине и мелкими камнями ниже нее по всей реке. Словом, река временами неспокойная из-за шивер и перекатов. Речка Джагдали и снова, тоже Джагдали, а за последней в - верстах Полигуз.

24 июля. Стоим в Полигузе. Ждем выпечки хлеба, и завтра, с полдня, поплывем дальше. В Полигузе тунгусы, которые аргишат мимо. На Втором Полигузе мельница, которая мелет муку наполовину с песком, т.к. жернова мягкие, и их 2 раза в сутки куют. Сегодня мерили самый большой уровень воды этого года. Оказалось, что до теперешнего уровня воды уже сбыло по вертикали 8 с половиной сажень. Это мы узнали по барке, которая вышла из Верхней Конторы за несколько дней до отплытия нашего плота оттуда. Она сейчас стоит в Полигузе на высоком яру, между баней и каким-то домом. Сюда уже приходила от устья Вельмо одна илимка, чуть не пострадавшая в пороге.

25 июля. Дует ветер и мешает движению плота. Дымно, горит где-то в низовьях. Проплыли большой остров с еловой тайгой. У его верхней изгороди шумит рч. Юнгида (Енигида - ред.) (15-20 сажен у устья). Дым ест глаза и заволакивает горизонт. Солнце за дымом красное. Видимо, пожар близко. По горам старые гари. Прошли порог с подводной грядой справа, о которую наш плот и стукнулся. Названье этого порога Хатангатканукши. Кругом пики, камней россыпи.

26 июля. Едем с попутным ветром. Холодновато. Прошли 2 шиверы. Ниже второй шиверы рч. Буаротто, маленькая, шумная. Ветер стихает. Дымно. В реке камни, а ветер, усилившись до беляков, гонит плот по ним, но пока все благополучно. Выручает Трефильич. Остров и за ним мель, теперь высохшая, тоже вроде острова, на продолжение в реку ко-

торой плот и застрял. Раздевались и спихивали его в реку. Снова шиверка во всю реку, группка голых осередышей, то есть бывших мелей. Встретили 2 илимки, идущие от Вельмо на Полигуз. Поэтому сделали остановку, и к нам на плот пришли 2 заведующих полигузской факторией, бывший, Георгий Константинович Низовцев и едущий его сменить, Трофименко Василий Петрович. Заговорились, и пришлось здесь же ночевать. Пройденный порог по-русски называется Мушной, вернее Мучной, так как здесь была подмочена мука одного из прежних торговцев.

27 июля. Проплыли остров, напротив которого рч. Кондреме (Кондромо - ред.). Ниже острова, прижатого к левому берегу, слева, рч. Уишикта. По-русски ей название Гремучая. Пошли сосняки, и с ними местность стала светлее. Проплыли рч. Слева, Огне. Большой порог, по-тунгусски, «Ушикта укши», он состоит из двух частей. В первой, в начале два камня один за другим, затем слив, справа от каменистого мыса. Ниже, сам порог бесформенный от массы подводных камней, по которым идут беляки. Качка. Топило лодку волной и отчерпывали. Второй, через 15 минут хода плота, состоит тоже из двух сливов из левого выше, и правого ниже, а затем, то же, что и в первой части, то есть масса подводных камней, через один из них мы, стукнувшись, проехали. Качает. Ниже шивера. Приставая к правому берегу, сели на подводный прибрежный камень. После некоторых усилий столкнулись и остановились. У остановки в лесу растет сорбария, эта красивая, в цвету, северная рябина без ягод с сухими плодами. Впервые за всю поездку увидели пихту, молодой экземпляр.

28 июля. Низовка мешает плоту плыть. Из-за дыма плохо видно по сторонам. Катанга широкая. Справа прошли речку Байкит, с 10 саженей у устья, быструю и неглубокую. Слева шумящая речка в 4 сажени шириной, вся в камнях. Еще после двух речек, слева и справа, к вечеру были у большой реки, впадающей слева, Вельмо. Здесь, посередине Катанги, остров. Ночевали в 4 верстах ниже Вельмо, устье которого из-за дыма не видели. Это самый большой приток Катанги.

29 июля. Через 2 версты после, справа, на правом берегу Катанги, встретили штабель муки в кулях. Мука прикрыта берестой. Здесь завезено для факторий 5000 пудов. Сторожа никакого нет. Тут же илимка на якоре - это и есть пароходная пристань. Прошли шиверу. Прошли Вельминский порог с сильным валом. Слева гряда, и в русле камень под водой захлестывало волной. Снова шивера с пирамидальным камнем посредине, ближе к левому берегу. Снова порог, вернее шивера. По ходу

плота во всех порогах и перекатах делались наметки глубины. Они давались в футах. После этих пяти порогов, как и в них, течение сильное, вода кружит, хотя вообще в Вельминских порогах довольно широко. На 223 версте от устья проплыли рч. Харбасис, но за туманом не разглядели ее. На 220 версте от устья, справа, рч. Таксис, и в ней клубится туман. Уже эти два названия речек показывают, что тут что-то новое в названиях. Оказывается, с тунгусами мы покончили где-то у Вельмо, а сейчас едем по остяцким владениям. Таксис у устья на более 5-6 сажен. С Вельмо Карташев кончил свою съемку, т.к. низовья Катанги имеют карту. Так как места до устья тихоходные, а скоро август, и надо скорее поспевать к пароходам, решено плыть день и ночь, неся вахту по 4 часа. Едем в полной темноте, только чуть заметен один берег и намеки на другой. У Ернова острова решили ехать левой протокой, узкой, но, видимо, глубокой, но из какой-то попавшей речки в протоку выклубился туман и заволок все. В это время нанесло на верхнюю изголовь острова и, отгребшись, мы попали в самую протоку.

30 июля. Вскоре приблизились к Кузьмовке, где и простояли до 1 ч. утра. Плывем дальше. Поднялся ветер и прибил плот к берегу на 182 версте ниже рч. Уунсис. Справа, около нее, разрушившаяся изба и остяцкая илимка. Плывем, пользуясь утихшим ветром. После долгих дней отсутствия неба из-за дыма увидели превосходное утро с отдельными тучками на небе, покрашенными снизу розоватым, и бордюрами, от встающего за горами солнца. Только что кончилась гарь, видимо, дойдя до какой-то преграды в виде речки. Тлеют по берегу коряги, березки с обгоревшими ветвями выглядят по-осеннему. Наконец-то чистый воздух и открытые дали близкого горизонта речной долины. Кричат гагары и кедровки, а в стороне кукует кукушка. По берегам целые большие поля кипрея, по-сибирски, коневника. Видимо, это он разросся после гари. Снова натолкнулись на пожар, но уже близкий, на левом берегу. Здесь почти сплошной кедрач подошел к самому берегу и горит с таким треском, что почти заглушает крики целых туч кедровок, перелетающих с дерева на дерево впереди гонимого ветром, быстро идущего пожара. На 146 версте илимка, лодка и чум остяков. К ним на берестянке плавал Дмитриев. Говорят, что остяки есть еще по рч. Алексис, но ушли по ней вверх, и 2 семьи на острове Черном, с левой стороны. Проехали рч. Ломовую справа, и Сосновую слева. Ветер низовка, плывем плохо.

1 августа. Проехали Опечки, это голые мели и косы. В них лавировали. После этого широкого русла и плеса вошли в щеки, известные здесь

под названием «Столбы». Они из траппов. Интересны как столбчатые выходы, тянущиеся снизу, с левой стороны на одну версту, а справа - меньше версты. Здесь Катанга узкая, но тихая. Проплыли большой Черный остров. На нем крестьяне из Усть-Подкаменной - Колмаков Михаил с женой и 2 девочки. Они на илимке идут вверх по Катанге до Кузьмовки. Закинули два раза невод и дали в подарок ленка - так положено. Они сообщили, что на устье музейный антрополог Ф.Ф. Душ и художник Д.И. Каратанов ждут нас. Вечером проплыли рч. Малую Черную, справа, по займищу, из широкой долины, выходящую к Катанге. На берегу чум остяков и 2 илимки. К ним плавал Трефильич и в подарок получил полведра ельцов. Таков обычай гостеприимства. В ведре оказались также тугунки, хариузы и сяжек. Ночь, р. Лебяжья Большая слева, на ней стоят остяки. На 37 версте, на мелевом острову, в левой протоке, стоят 3 илимки и остяцкий чум. Проплыли 2 Малых Лебяжьих справа. Ночью через Катангу переплывала белка и хотела отдохнуть на нашем плоту, но неосторожное движение вахтенного, и она, скакнув в реку, поплыла дальше.

2 августа. Справа рч. Северная. По береговым равнинам и склонам идут покосы. Там и сям стоят высокие копны сена, так как они на подмостках. Дует верховка, и несет сверху дым. Снова едем, не видя из-за дыма одного из берегов. Ветерок хорошо подгоняет плот и сегодня будем на устье. По мелям, на широком спокойном плесе, хорошие неводные места. Встречаются яры с беловато-красноватыми обнажениями, но траппов уже нет. Около самого устья, в 5 верстах, снова трапповые выходы в виде карг и выходящие от правого берега. Вскоре почувствовался подпор с Енисея, несло так тихо, что подгребались веслами. Вскоре в лодке к нам причалили Каратанов и Душ. Ночевали в одной версте от поселка.

3 августа. Подъехали утром к деревне и остановились против дома. Его прозвище Кузнец, а впрочем, он специалист на все руки. Об этом человеке можно и надо написать не одну страницу как об интересном самоучке-исследователе и освоителе культуры среди местного населения. Вкратце: единственный двухэтажный дом - у него, как и единственные в поселке тротуары. Им пересмотрены все сроки всякого хозяйствования, заведенные здесь до него, по так называемому миссионерскому календарю, связанному со всякими святыми. Он коллекционер. В этом отношении его интересуют отпечатки растений, всякие искривления сучьев деревьев в виде букв, геологические конкреции, собранные им в виде больших ядер и сложенные у него дома как ядра у Царь-пушки в Московском кремле, и даже окованные железными обручами, как охраной от

раскола. У него свой календарь на все многогранное туруханское хозяйство. Его интересует, чем живет дерево, и он делает опытные надрезы всех частей растущего дерева: кору, луб и древесину. Он гостеприимен, как, правда, и все туруханцы, но абсолютно бескорыстен в своем гостеприимстве. Каратанов и Душ живут у него просто, как интересные люди у интересного человека. Мы тоже воспользовались его гостеприимством.

4 августа, и до 9 августа, живем тут же, ожидая парохода снизу. Поспели ягоды: княженика, черника, земляника, черемуха. Редкая здесь серая ольха, высотою в 3 сажени. Здесь живут: геолог И.Г. Николаев и штейгер В.Б. Анфимов, на разработке угля в 8 верстах по Подкаменной, и топограф Субботин. Выяснилось, что здесь, занимаясь своими специальностями, останутся: Душ (антропология), Каратанов (художник), Дмитриев (этнография) и Румянцев (статистика). Остальные уедут с первым пароходом.

9 августа. Услышали свисток парохода. Погрузили все имущество, свое и музейные богатые коллекции, на баржу, сначала на палубе, а позднее в трюм. Пароходик «Первенец» ходит теперь под 8 165. Ход у него хороший. Ночевали под Осиновским порогом.

10 августа. В пороге до вечера грузили инвентарь со взрывных работ, который должны перевезти на Атамановскую шиверу. Через порог шли старым фарватером. Пароходик идет хорошо, но у него много задач, плоть до остановки и зажигания мигалок, или, как их здесь зовут, моргулов, с периодическим зажиганием и затуханием. Это низовая автоматическая сигнализация вместо бакенов. Приехали в Красноярск только 24 августа.

В Красноярске снова работа по музею. Незаметная и многогранная. Разбор богатых привезенных коллекций и их просмотр. А привезено было много и по всем разделам: ботаника, зоология, геология, этнография, антропология. Просмотр дневника и восстановление по памяти пропущенного и особенно интересного. Музей не достраивается, и это нервирует директора. Две причины, одна за другой свалившиеся на новое здание музея, тому виной: постои в войну военных, госпиталь, чехи и пожар. Когда придет очередь достройки этого, давно ожидаемого и многострадального собственного здания? Остаются одни мечты и невозможность дальнейшего существования в прежнем помещении, которое уже не музей, а склад. И все же не хочется думать, что так же будет и впредь. Большие коллекции музея, с таким трудом добытые в экспедициях, должны быть показаны. Мысль об этом, все же когда-то возможном, все же немного успокаивала, и огонек надежды еще теплился.

После того, когда с низовий Енисея приехали остальные члены коллегии музея, Тугаринов сделал отчет о поездке на Катангу. За общей музейной работой незаметно прошло время, и зима, с ее морозами, снова заставила думать об отоплении ветхого здания старого музея, всегда нуждавшегося в ремонте, наиболее выгодном укомплектовании коллекций музея и в без того стесненном здании, и о планах дальнейшего существования коллектива, к этому времени хорошо подобранного и работоспособного.

В декабре месяце директор музея должен был поехать в Москву на всесоюзный съезд краеведения. Эта поездка состоялась в конце ноября и в декабре. О том, как происходила эта поездка, говорят несколько писем с дороги Тугаринова к его жене Вере Ивановне.

«30 ноября 1921 г. 12 часов дня. Новосибирск. Пишу тебе, севши в скорый поезд прямого сообщения Москва. Приехали сюда (Новосибирск) сегодня в 5 часов утра. До 9 ждали. Оббегали Сибревком, Губисполком, чтобы получить пропуск на скорый поезд. Удалось успеть благодаря знакомству и некоторым данным моего случайного спутника. Говорят, до Москвы он идет меньше 5 суток. Имею плацкартное место. Сюда доехал прекрасно. Все благополучно. Масла купить не успел. Просят 30 тысяч...».

«2 декабря 1921 г.... Пишу, подъезжая к Тюмени. Все идет благополучно. Питаюсь, сплю, читаю. Запасов мне, должно быть, хватит до Москвы, хотя вчера соблазнился и купил колбасы, великолепная, 8 тысяч. Масло в (Канске) проспал, да и не очень оно дешево, 25-30 тысяч фунт, крупчатые сушки 10-12, сыр - 25... На вокзале появляются буфеты с пальмами. В Омске на базаре можно купить бутылку водки, в магазинах - шпроты и разную гастрономию. В каждом большом городе на станциях тысячи людей, хуже, чем в Красноярске, под открытым небом. Кажется, никогда они никуда не уедут. Н. Николаевск (Новосибирск) мне понравился, беспорядочный, разбросанный город. Увидеть никого не успел, ибо 2 часа метался, как угорелый, за пропуском на скорый поезд, а то я д.б. теперь в Москве 5-го, т.е. за 5 дней до съезда, который и надеюсь использовать, это же ускоряет мое возвращение домой. Сегодня вечером должен быть в Екатеринбурге. Теперь напишу уже из России...».

«4 декабря. 1921 г... Скоро Вятка. Не быстро, но неуклонно, движемся к Москве. Все по-старому. Сегодня с большим удовольствием констатировал, что пирожков в корзиночке больше не осталось. Почувствовал даже радость. Вчера с аппетитом скушал в Перми отбивную котлетку с картофелем. В поезде оказался старый знакомый, птичник из Барнаула,

доктор, ты его видела в Омске на выставке. Много болтали. Большие станции уже в порядке... Чисто. Чем ближе к России, тем это более заметно. По Пермской губернии масса нищих, особенно дети, как собачонки, стоят позади столов. Довольно холодно. Изучаю план Москвы. Читаю. Благо, в поезде электричество. Ехать просторно, на вокзалах тоже. В Москве д.б. завтра, после обеда. Это хорошо, что засветло. Вагон качает и выходит письмо под титлами. Теперь, вероятно, напишу уже из Москвы... Привет музеянам, Ларионычу...».

«6 декабря 1921 г... Пишу из Москвы. Приехал вчера вечером. Устроился в общежитии, Гусятниковский переулок, д. 7, комната 16. Сносно, не очень холодно. Сейчас зарегистрировался, получил карточку на обед. Иду в парк. Дорогой получил насморк. Самочувствие хорошее. Тепло, тихо, пасмурно. Открытие съезда, вероятно, запоздает. Провожу всё время с доктором, он милый человек. Обстоятельно потом...».

Из этих открытых писем с дороги видно, что разруха, как результат гражданской войны, начинает уступать место порядку и нормализации жизни. Тугаринову предстояло продвигать в центре всякие вопросы как научного краеведения, так и музейного строительства, хотя время было еще тяжелое для этого. Всякие научные контакты во время разных съездов и хлопоты, конечно, заполняли время между заседаниями. Начинала восстанавливаться и (всякая) возможность исследовательского порядка. Но у Тугаринова была и своя мечта - перебраться из Красноярска в центр, поближе к большой научной мысли, где бы можно было, после 15 лет странствований и на основе собранного им научного материала, заняться обобщениями, напрашивавшимися невольно во время его работ по жизни птиц. Это он мог сделать, пожалуй, только в Ленинграде, при Академии наук, но и в Москве можно было попробовать зондировать почву по этому вопросу, в том же Наркомпросе, что он и делал, ведя соответственные переговоры.

1922 г.

Музей, как просветительное учреждение, всегда был в системе Народного образования, а потому к нему были применимы все льготы, касающиеся его распорядка в занятиях. В частности, так же, как и у учителей, летний отпуск был сначала трехмесячный, а потом был сокращен на два месяца. Поэтому, имея заместителя, Тугаринов, как и прочие работники музея, летом мог свободно на этот срок уехать куда-нибудь из Красноярска и быть совершенно свободным от своих повседнев-

ных занятий по музею. А так как вопрос с продовольствием был еще не вполне налажен и чувствовался недостаток в продуктах, то Тугариновы решили провести свой очередной отпуск в селе Есаулово, в 50 верстах ниже Красноярска, на правом берегу Енисея. Выше села имеется здесь хороший сосновый бор, к которому многие из города в летнее время приезжают как к своего рода санаторию и, поселившись у крестьян, проводят время в этом бору. Свежий воздух леса, широкий быстрый Енисей и близкий город с возможностью бывать в нем периодически, по мере надобности, превратили Есаулово и его бор в дачное место, излюбленное красноярцами. Кстати, в это время здесь же снимали дачку хорошие знакомые Тугариновых - Березовские. Алексей Илларионович Березовский был директором красноярской рыбохозяйственной станции и близким человеком к музею и его директору. В Есаулово Тугариновы развели огород, чем и обеспечивали себя на зиму овощами. Не остались без внимания и ближайшие окрестности Есаулово, как по Енисею, так и по речке Есауловке, а также прилегающие озера. Это было уже третье пребывание Тугариновых в дачном месте в окр. Красноярска: Базаиха, Додоново и теперь Есаулово. Занимал Тугаринова и сам бор как здравница для легочных больных, и он всячески впоследствии защищал этот уголок леса от его хозяйственной эксплуатации, а также от хищнического уничтожения. К этому времени бор по Енисею были уже редкостью и насчитывались единицами. Чистых боров осталось, пожалуй, только три, под Красноярском: Атамановский, Есауловский, Ермолаевский и под Минусинском - Анашенский. Так похозяйничали на Енисее в прошлом, что к нашему времени многие боры остались только в названиях на карте края, как, например, местность Борки. Вообще, Тугаринов был ярым защитником природы и всегда, где только можно, выступал в ее защиту.

Перед советской властью стоял вопрос общего развития края и его населения на новых принципах хозяйствования и взаимоотношений. В связи с этим в архиве Тугаринова имеется такого рода сводка, сделанная им на основании собственного знакомства с краем за время посещения его районов с различным туземным населением. Вот содержание одной из рукописей под заглавием «О положении туземцев Туруханского края». Здесь находим следующие разделы: район, занятый туземцами: Кеть и Ангара на юге, параллель Таймырское оз. - на севере.

Площадь Туруханского края + север Енис. уезда около 2000000 кв.

Численность до 15-16 тыс., плотность 0,01 чел.

Хозяйственная деятельность: по народностям - остяки кетские, тазовские, юраки, тунгусы, долгане, енисейцы, самоеды, якуты.

Продукция: пушнина - I миллион руб., 50 тыс. пуд. по 1 р. 50 к. на сумму 75 тыс. р.

Продукты оленеводства 25 тыс. - 1100000.

Колонизационная роль: средства овладения краем. Исследование. Край не мыслим без инородцев.

Попытки устройства быта туземцев. Положение об управлении сиб. инородцами.

Сперанский. Институт князей, Продовольственные магазины. Ясак.

Подводная повинность, Отсутствие культуры. Учреждения. Миссионеры.

Инородческий вопрос. Вымирание. Эксплуатация. Достоверен ли факт вымирания. Материалы для его решения. Природа эксплуатации, ее деятели и техника. «Затундра».

Постановление Иркутского генерал губернатора (13-14 годов).

Революционные переживания в крае. Кооперация. Современная картина - все идет по-старому. Торги и их агенты. Что нужно сделать. Проект Енисейского исполкома. Административное устройство.

Культурное строительство.

Культурный быт не может идти по трафарету, мешает природа, тип хозяйства.

Задача оградить от эксплуатации и постепенно, вне принуждений, прививать культурные потребности, тогда новая форма полярного культурного быта выработается сама собой. Условия переписи моих материалов. Их достоверность. Материалы по демографии края. Русское население.

Конец.

Из приведенного содержания рукописи видно, какое значение придавал автор внедрению культуры, прежде всего, в быт нацменьшинств края, без которой никакие нововведения не смогут изменить укоренившиеся веками формы хозяйствования и быта северян, аборигенов края. Напечатана ли где эта работа - неизвестно. Аналогичная ей была напечатана в «Сибирских записках» в 1919 г. Данная работа, в отличие от предыдущей, кроме истории развития взаимоотношений нацменьшинств с администрацией в прошлом, уже имеет и современность как основу новой политики в советское время.

Из вышеприведенного следует, что вопросы экономики и быта ин-

тересовали Тугаринова не меньше, чем вопросы природы. Да к этому и обязывало теперь время пересмотра всего старого, отживающего, на смену которому пришло новое, рожденное революционными событиями новой эпохи, новое уже по смыслу самих событий общего переустройства государственности и общественности. Переустройства на новых, еще не ведомых миру началах. Здесь Тугаринов, со свойственным ему методом всегда смотреть в корень вопроса, начинает с прошлого и доходит до современного, как бы сопоставляя одно с другим для лучшего выявления этого нового и его преимущества над старым, изживаемым, негодным.

Нельзя не отметить еще работы Тугаринова, сохранившейся в его архиве и посвященной вопросам так близкой ему краеведческой работы, с которой он был связан в течение всей своей жизни на посту директора музея. К сожалению, от рукописи осталась только ее вступительная часть. Приведем ее как документ о работе в области краеведения в прошлом. Жаль, что нет продолжения рукописи, ведь заглавие ее говорит как раз о современности в краеведческой работе. И все же интересно и начало, дающее понятие об этом прошлом, полезном деле познания своего края. Это прошлое Тугаринов испытал на себе как его деятель и современник. Приводим имеющийся начальный фрагмент.

Современность и пути краеведческой работы

Краеведческая деятельность любого района, как мы теперь ее понимаем, составляется из суммы работ, производимых правительственными, общественными, частноправовыми организациями и направленных к познанию своего района, как и в краеведческой работе каждой из этих организаций различна в зависимости от ее заинтересованности в освещении того или иного вопроса. И только чисто исследовательские общества и кружки, поставившие себе целью изучение своего края, являются, так сказать, присяжными краеведами. Правда их задания тесно приближаются к работе научных обществ и организаций при высших учебных заведениях, однако таковые до последнего времени рассматривают свои задачи значительно шире, работают вне территориальных границ. Многие о-ва краеведения представляют интересное и своеобразное явление русской общественности. Это подлинное местное творчество. Источники их возникновения, пути жизни, скорби и радости, вся не столь длинная, но полная почтительнейших моментов история, еще не нашли своих писателей. Мы знаем лишь, что, начавшись в качестве разного рода обществ «любителей», «исследователей», «друзей» и т.д.

с эпохи великих реформ, они постепенно разрастались по русской провинции, покрыв своею сетью нашу страну, правда, не столь густой, пока события последнего десятилетия не дали толчка к их, сначала почти стихийному умножению, а потом и более планомерному строительству. Их структура, работоспособность, материальные ресурсы, методы и формы деятельности целиком являлись отражением тех местных особенностей, в которых они жили и работали. Период революции, особенно 18-20 годы, внесли в их жизнь те же перестройки, увлечения, размах, которыми характеризовалась эта эпоха.

Наступили и новые времена, жизнь пошла по новым путям, появилась новая общественность, и вот опять нашим краеведческим коллективам предстала задача приспособляться к этим новым условиям, искать иные пути. В настоящей статье мы не берем делать обзор краеведческой работы в России и ее судеб, ее задачи более скромны. Мы лишь хотели бы наметить задачи и пути в условиях переживаемого момента, имея в виду те общие задачи, которые перед нею стоят. Однако, как кажется, наша попытка была бы мало обоснована, если бы мы не предпослали краткий обзор характеристики условий, в которых живет и работает, обычно, каждая краеведческая организация нашей провинции. Каждый организм для своего развития требует благоприятных условий среды. Посмотрим, как и в какой среде жил наш коллективный краеведческий организм в последние годы, и как он должен приспособляться к новым условиям своей среды - общественности. Если поставить вопрос, чему обязан тот или иной город наличию в нем краеведческой организации, то общего ответа найти будет мудрено. Только разве по отношению к крупным центрам можно сказать, что они возникали в результате назревшей культурной потребности сравнительно широкого круга интеллигентных сил, чаще же всего возникновение их было результатом появления отдельного энергичного инициативного работника. Сплотив наиболее культурные элементы, использовав местный патриотизм, заручившись благосклонностью начальства и материальной поддержкой меценатов, кружок приступал к работе. Преобладающие интересы инициаторов давали направление деятельности, а степень энергии и умения использовать обстоятельства, в большей или меньшей степени обеспечивали ее масштаб. В его состав вливались и городская знать, и епархиальный архиерей, за ними тянулись чиновники, выполняя свой учрежденческий долг, членствовали либеральные земцы, словом, все «общество». Конечно, все эти знакомые персонажи недавнего прошлого в лучшем слу-

чае ограничивали свое участие членскими взносами, и только горсточка из 3-5 лиц, действительно преданных делу, понимающих и любящих его работников, выполняли те задачи, которые были начерчены в уставе общества. Уходили из жизни, уезжали из города его подлинные руководители, не находилось достойной замены и дело начинало глохнуть, пока новый энтузиаст, случайно заброшенный судьбой, не успевал расшевелить своими интересами обывательскую индеферентную среду.

Можно положительно утверждать, что кривая жизнедеятельности любого исследовательского общества и не только провинции, параллелизуется с персональным составом его руководителей, часто даже просто того или другого лица. В соответствии с этой картиной стоял и вопрос финансовый. Если работа лиц была безвозмездной, то сбор материалов, книг, печатание, организация требовали средств, которые приходилось как-то добывать. Тут снова, если не было выхлопотанной благодаря субсидии, приходилось прибегать к самым разнообразным способам и ухищрениям. Здесь и поддержка просвещенных меценатов, и лекции с выписными знаменитостями, вечера, спектакли. Автору этих строк известен один сибирский губернатор, неофициально облагавший на нужды музея каждый ввозимый во вверенную губернию цыбик чая. Были средства - работа шла, иссякали - краеведы предавались унынию, апатии, пока снова ловкий сочлен не находил нового способа пополнения опустелой кассы. Короче, финансовый вопрос был ли не самым больным местом, ибо одного горячего желания и личной энергии было недостаточно, а обладатели их не всегда умели соединять качества изобретателя доходных статей. Словом и здесь господствовал тот же элемент случайности.

Но как бы то ни было, преодолевая все невзгоды, приспособляясь к среде и ее возможностям, с верой в полезность и необходимость своей работы, русские краеведы вели любимое дело в меру своих сил и разумения. Страна покрывалась сетью музеев, библиотек, станций, велись экспедиции, печатались труды. Если в одних случаях все эти культ-достижения носили оттенок любительства, в других делались достижения, обогащавшие науку в высшей степени ценными данными. Возле возникших очагов исследовательства находили себе приют молодые таланты, и будущая история изучения России сделает в свое время подсчет, чем обязана русская наука нашим провинциальным краеведам. Особенно приходится подчеркнуть значение исследовательских организаций в деле изучения окраин. В этом отношении особенно на себя обращает внимание Сибирь, куда ученые специалисты заезжали лишь с немногими экспедициями, где

в отделах Русского географического общества или в старых сибирских музеях работали, загнанные ссылкой, такие люди как Чекановский, Дыбовский, Клеменц, как и ряд других, навсегда вписав свои имена в историю изучения Северной Азии. Методы краеведческой работы были более или менее общими. Производство экспедиций и экскурсий, реже стационарные наблюдения, устройства местного музея, научно-справочной библиотеки путем обмена на свои издания с другими учреждениями, устройство лекций, реже мастерских, учебных пособий, распространение научно-популярных изданий и т.д. Общими же являлись и отрицательные стороны работы: отсутствие плана, преемственности, недостатки техники в музейном и библиотечном деле. Все зависело от степени личной подготовленности руководителей или их преобладающих интересов».

На этом кончается, к сожалению, начатое мелким почерком письмо Тугаринова, видимо, для какого-то доклада или печати. Задев глубоко волнующую его всегда тему краеведения, он начал опять-таки с истории этого вопроса. Произведенный им анализ говорит, прежде всего, о полном понимании задетой здесь темы. Да и как не быть с ней знакомой такому деятелю, каким был он, директор Красноярского музея, теперешний председатель Красноярского отдела Русского географического общества. Ведь ему самому до революции приходилось всячески изощряться в поисках средств и для музея, и для Географического общества, а без средств никакое серьезное исследование, связанное с поездкой, не могло быть осуществимо. Лекции? Да, именно он и читал их не только как просветительные чтения, но и как дающие какие-то средства от тех же входных билетов в пользу того же музея. А постановки этнографических платных вечеров? Как они поддерживали тот же музей! Теперь настало время, когда при социалистической системе всего государственного производства можно и должно проводить многие краеведческие начинания не на началах благотворительности и доброжелательства, а как плановые мероприятия, полезные и нужные как для государства, так и для нового общества.

От этого 1922 года сохранился список необходимых вещей для экспедиции. Как организованный человек, Тугаринов должен был предвидеть все необходимое для поездки, и в зависимости от посещаемой местности и ее продолжительности, а также обжитости данного района, у него были заранее заготовленные списки всего необходимого с собою снаряжения, одежды и пр., что так или иначе способствовало данной поездке. Вот один из списков, помеченный 1922 годом. Видимо, он был им сделан

еще раньше и, во всяком случае, в 1921 году при поездке на Катангу необходимое в дорогу проверялось по нему.

«Научное: анероиды 4, пращи, гипсотермометр 2, компасы, бинокли, рулетку, психрометр.

Фотографическое: аппарат, пленки.

Письменные принадл.: записн. книжки, карандаши, карты, книжка для птиц, бумаги и конверты, литература.

Этнографические: этикетки.

Зоологические: соли, квасцы, мышьяк, сантиметр, этикетки, сверла для яиц, трубки для яиц, скальпели, ножницы, пинцеты, картофельная мука, щетка, вата, зеленое мыло, этикетки для птиц, скрепки, фартук, иголки, нитки, подпильник, бандажи, булавки, брусок, ящики для птиц.

Энтомология: сачки, коробки с ватой, морилки, цианистый калий, пинцет.

Рыбы: банки со спиртом, марля, вата, пузырь, пробирки, баночки, формалин, спирт.

Ружейные: заряды, гильзы металич., барклай, закрутку, экстрактор, пыжи, пистоны, порох, дробь, масла, шомпол, отвертку, щетки, патронташ, чехол, пули.

Ботаническое: бумаги, сукна, сетки, ярлыки, паки, стамеска.

Аптека: аспирин, хинин, йод, от головы, слабительное, салицилкацксероформ, валериана, карболка, сода.

Рыболовное: крючки, неводок, сеть, веревка-спуск.

Хозяйственные: бензин, шпагат, гвозди, молоток, топор, свечи, мыло, дратва, кожи, шило, сетка, рюк-сак, полог, проволока, котелки, чайник, чашки, ножи, вилки, ложки, противень, полотенце, табак и бумага, спички, трубка, клеенка, тарелка эмал., мешочки и кули, тряпки, брезент, палатка, ножовка.

Одежда: сапоги, рукавицы, фуфайка, очешник, расческа, англ. булавки, пуговицы, 3 смены белья, портянки, обмотки, подушечка, простыня, туфли, теплые чулки.

И особо записаны: чеснок, лук (видимо, им хозяин записей придавал особое значение в поездке как дезинфицирующих организм, питающих его веществ).

Из этого списка видно, как тщательно готовился к своим поездкам Тугаринов. Численность некоторых предметов означена цифрой или же записана во множественном числе. Это и понятно, т.к. в экспедиции он был не один, а как организатора и начальника всегда обязывало брать

на всех. Кроме того, из списка сразу видно, на что больше всего он обращал внимание. Если в хозяйстве было много предметов как обязательных для коллектива, то в зоологии, особенно для добывания и препаровки птиц, их было не меньше. И это вполне было понятно, ведь Тугаринов, прежде всего, был зоолог и особенное пристрастие имел к фауне пернатых. Это была его специальность. Он не только хорошо препарировал, но и хорошо набивал чучела как птиц, так и млекопитающих, придавая им соответствующие позы. Самое же важное, что, будучи сам организован, он требовал организованности и от других и добивался этого не строгостью, а своим личным примером.

Аркадий Яковлевич Тугаринов был, можно сказать, мастером на все руки. В частности, он был и хорошим фотографом и во время экспедиций часто сам заменял фотографа. Но средств в музее было мало, а потому иногда он на свои деньги обзаводился пластинками и теперь даже трудно сказать, чьи же были негативы. Отпечатки, конечно, в музее были со всех экспедиций, но негативы частично были у Тугаринова. От этого 1922 года имеется список снимков во время экспедиции на Катангу. Имеет смысл его воспроизвести с записи карандашом самого Тугаринова. Вот он:

1. Рч. Чадобец зимой.
2. Становище тунгусов, пришедших на факторию В. Контора.
3. Фактория Верхняя Контора на Катанге.
4. Р. Катанга у Верхней Конторы.
5. Группа рабочих на постройке барки.
6. Спуск барки.
7. Барка на воде.
8. Барка отплывает.
9. Аянская сопка в 30 верст ниже Верхней Конторы.
10. Катанга на устье рч. Аян.
11. В Паноликском пороге.
12. Катанга выше Ванавары.
13. Тунгусское стойбище.
14. Группа тунгусов.
15. Тунгусское стойбище, олени.
16. Склад муки на тунгусском стойбище (в потакуях под берестой).
17. Тунгус кузнец.
18. Катанга близ р. Таимба.
19. На тунгусском мольбище. Изображение духа.
20. Общий вид тунгусской шаманской юрты.

21. Приезд тунгусов на съезд в Оскобе.
22. Фактория Оскоба.
23. Тунгус в берестянке.
24. Устье Тайги.
25. На устье Еомо (Еробо (?), ред.).
26. и 28. Ниже Идукона (Юдукон, ред.).
27. Устье Чюни (Чуня, ред.).
28. В Полигусском пороге.
29. Катанга в 75 верстах от устья.
30. Чюня выше устья Малого Чюнку (Верхняя Чунку, ред.).
31. и 36. Порог.

За 4 месяца путешествия и всего 36 снимков, т.е. 3 коробки по дюжине пластинок. Чрезвычайно скромно. А ведь эта поездка могла быть освещена сотнями снимков: поезд - телега - сани - плот - лодка - плот - пароход. Сколько здесь (транспорта)! Чуна, Мура, Ангара, Чадобец, Катанга, ее притоки, Енисей. Отдельный заход по Чюне (Чуне - ред.). Сколько здесь местностей, и каких. Чунари, мураши, ангарцы, катангские одиночки тунгусы, да еще верхние и нижние, с их особенностями от костюма и до общего уровня культуры. И всего каких-то 36 снимков. Уж одно это является показателем того трудного времени, в которое была совершена Катангская экспедиция. А где эти негативы, а ведь многие из них уже ценны своим историзмом. Шаманское мольбище, Первый съезд на Оскобе. Да ведь это история эвенкийского народа.

Особое значение в краеведческой работе Тугаринов отводил краевому музею как месту не только показа краеведческого материала, но и как лаборатории исследовательского пункта, который он называл даже местным институтом краеведения, своего рода энциклопедией знания своего края. Он пропагандировал эти свои взгляды среди населения и, увлекая многих, находил в них друзей музея. При музее в его время всегда работали такие друзья-любители, из которых нередко выходили впоследствии научные работники, остававшиеся в музее в качестве заведующих его отделами. Вот одна из рукописей Тугаринова о задачах краеведческого музея, пока как программа или как тезисы его выступления на эту тему.

Тезисы доклада А.Я. Тугаринова - Тип краеведного музея:

1. Каждый краевой музей является органической функцией краеведческой деятельности.

2. Поскольку краеведение составляет деятельность, направленную к изучению всякого рода предметов и явлений из жизни природы, человека, его хозяйства и культурного состязания - постольку всякий краевой музей должен содержать объекты, характеризующие край в указанных отношениях.

3. Задачами краеведного музея являются:

а) накопление и обработка материалов, характеризующих природу, человеческое население, его труд и хозяйство;

б) демонстрирование этих материалов в целях распространения знаний о крае среди населения, являясь тем самым и первоисточником для изучения края в школе.

в) привлечение к своей работе всех интересующихся, создание кадров местных исследователей, выполняя, таким образом, задачи местного института краеведения.

4. Наряду с просветительным значением, каждый краеведческий музей должен явиться энциклопедией знаний о крае для вопросов и практики, не беря, однако, на себя задач практически показательных и инструктивных.

5. Функционирование музея слагается из двух моментов: работы внутренней, лабораторной, самодеятельности персонала и занимающихся (волонтеров?) и работы среди посетителей в открытых залах музея.

6. Работа с посетителями должна носить строго организованный характер, вестись с ведущими руководителями и отнюдь не должна состоять в осмотре музея вообще, но в планомерном изучении отдельных явлений и понятий.

7. Правильно поставленный музей должен явиться органически связанным с делом преподавания. В нем могут проводиться школьные занятия, прорабатываться отдельные темы.

8. Выставочные помещения музея должны быть так организованы, чтобы содержание их давало наиболее целостное, яркое и типичное представление об иллюстрируемом понятии, и крае в целом.

9) С этой точки зрения выставленные собрания не должны быть загромождены деталями, содержать серии однотипных предметов, как не должно стремиться предъявить исчерпывающее разнообразие напр., видового состава фауны или флоры. Место таких собраний должно быть в закрытых помещениях музея.

10. В силу разнообразия собираемого материала представляется затруднительным положить единый принцип в размещение коллекций.

Как общее требование надо считать: каждое понятие или явление должно рассматриваться в причиной связи с другими, должно быть синтезировано.

11. Принимая во внимание общеобразовательные задачи музея, необходимо комбинацией предметов и методами экспозиций демонстрировать общие понятия и законы той или иной дисциплины (приспособляемость организмов, борьбу за жизнь, эволюция, организм и среда, человек и климат т.п.), поскольку краевой материал представляет к тому возможности.

12. Размещение коллекций и обзор выставок должны происходить в определенной логической последовательности: поверхность и ее история, климат, воды, органическая жизнь, человек в его прошлом и настоящем, хозяйство, экономика, культурная жизнь.

13. Экспонаты, характеризующие геологическую историю, аэро- и гидросферу, захватывают край в целом. Характеристика почвенная, ботаническая и зоологическая даются по географическим ландшафтам. Совместно объединяя всю органическую жизнь. Доистория, в зависимости от состояния знаний, выявляется в хронологическом порядке или по культурам или, наконец, по территориальному признаку. Этнографические собрания группируются по ландшафтным зонам, подчеркивая связь быта и хозяйства со средой. Быт городского населения характеризуется группой в жизненной обстановке. Хозяйство по его формам, подчеркивая связь его с природными ресурсами и возможностями.

14. Характеристика обрабатывающей промышленности, ее техника и продукция не составляют экспонаты краеведческого музея, поскольку они не несут каких-либо чисто местных особенностей, состояние ее характеризуется лишь графическими материалами в общем отделе экономики».

Давая такую развернутую программу постановки музейной работы и экспозиции материала, Тугаринов исходил не только из теоретических соображений, весь ход работы был подсказан, кроме того, и большой практикой его в Красноярском музее, которым вот уже больше 15 лет он заведовал и, несмотря на всякие неблагоприятные условия, прежде всего в стесненных неприспособленных помещениях, все же ухитрялся делать выставки и периодически демонстрировать новое, только что привезенное из ближайшей экспедиции и поэтому особенно интересное.

Особенным увлечением Тугаринова была зоология и, в частности, орнитология. Здесь он был и хорошим охотником и тонким наблюдателем, и опытным фенологом, и умелым препаратором и, казалось, что эта область знания должна бы превалировать во всех постановках музейной работы и довлеть над другими разделами в экспозиции. Издавна сложилось мнение, что если директор музея зоолог, в нем превалируют зоологические материалы, если он склонен к гуманитарным знаниям, в нем преобладает человек с его интеллектом и т.п. Оно так и бывало на практике. Стоит только вспомнить один период в жизни минусинского Мартьяновского музея периода начала двадцатых годов, когда на посту его директора появился энтомолог Кожанчиков, приехавший сюда из Петрограда. Знаменитые Мартьяновские гербарии, отражающие флору минусинской котловины, были загнаны на чердак музея. Партизанская пушка тоже не нашла в нем своего места. Даже минусинской ископаемой бронзе мирового значения было почти запрещено появляться в витринах музея. Все освободившиеся места были заполнены жуками и бабочками, в которых Кожанчиков был специалистом с мировым именем. Так однобоко смотрел этот директор на подвластный ему музей. В противоположность ему, Тугаринов, если и был большим специалистом по орнитологии, все же всегда считался равномерно со всеми разделами знаний и в музее, на равных началах, помещались и размещались как растения, так и животные, а за ними и человек с его трудом и знаниями. Особое внимание он уделял комплексу ландшафта, в котором соучаствовали все его элементы. Наездившись по Приенисейскому краю и побывав в его различных широтах и высотах, он понял, что надо показывать их согласно сложившихся исторически ландшафтов, и эта мысль всегда как-то тяготела над ученым и не давала ему покоя. Он не раз пробовал осуществить описание этих ландшафтных зон, по которым и должен был быть развернут красноярский музей в новом его здании, в условиях больших и светлых зал, даже, как предполагалось, с верхним освещением. Одну из таких рукописей, напечатанную на машинке в размере 19 листов, мы имеем перед собою. Она относится к 1922 году. Вот ее краткое содержание, вернее перечень отделов.

«Историческая справка об организации Енисейской губернии (ровно сто лет тому назад основанной). Она же, Приенисейский край в его теперешних границах, тяготеющий к Енисею. Деление края по зонам ландшафтов: область горных ландшафтов, зона степей, зона лесостепи, область тайги, область лесотундры, область тундры. В каждой зоне отмечаются ее границы, топография, орография, климат, почвы леса и флора, фауна, население. Ископаемые.».

В этом году Тугаринов напечатал свою работу в Казанском музейном вестнике 8 I. Стр. 77-122. под заголовком: «Музей Приенисейского края».

1923 г.

В 1923 году предоставлялась возможность в Москве выступить с показом Приенисейского края, так же, как это было в 1911 году в Омске. Там должна была быть грандиозная выставка всей бывшей России и в том числе, конечно, и Сибири, с показом на ней всей пестрой картины ста одиннадцати народов, объединенных теперь под властью советского государства. Красноярскому музею было поручено возглавить такую выставку по линии Приенисейского края. Еще в прошлом году, зимой, были начаты приготовления к ней. Тугаринов составил схему выставки, распределил работу между членами коллектива и работа закипела. Художник Каратанов рисовал задний фон, опять-таки, как и в 1911 году, в масштабе 4 на 7 аршин, а на фоне этого панно на площадке в 4 на 7 устраивалась бутафория из экспонатов музея. Получалась определенная ландшафтная зона края. Ряд зон, охватывающих край в целом, и должен был быть представлен на выставке. Работа большая и трудоемкая, и она захватывала много времени. В общем, работа продолжалась весной и захватила даже часть лета.

28 мая была предпринята прогулка всех музейных работников за город, как естественный перерыв после долгой зимы и напряженной работы к Московской выставке.

Когда все было готово к отправке в Москву, Тугаринов решил провести несколько дней на «Столбах», где и поселился вместе с женой в избушке «Нелидовке», построенной в 1918 году и считавшейся уже, так сказать, штабной, по охране этого Столбовского района. Вместе с ним жил здесь и автор очерка о Тугаринове А.Л. Яворский, зав. ботаническим отделом музея и выполняющий нелегально охрану района как член Географического общества, в ведении которого были в это время «Столбы». Ведь в 1920 году было первое постановление Енгубревкома об их охране. Вот выписка из дневника Яворского от этого времени:

«В этом году в избушке Нелидовке летом дней пять, если не больше, жил директор Красноярского музея Аркадий Яковлевич Тугаринов с женой Верой Ивановной. Погода, как назло, стояла дождливая и мы все время сидели в избушке. А дождь все лил и лил. Было такое впечатление, что дождливая туча ходит над нами каким-то кругом, все льет на

нас. Ветра не было, и дождю нет края. Слабый гром то гремел над нами, то как бы отходил чуть к востоку, заворачивал к югу, потом переходил на запад, погрохотав где-то на севере, он снова начинал с востока.

- А ведь это даже интересно! Воскликнул однажды Тугаринов после долгого нашего общего разговора о продолжительности дождя. Тут что-то чисто местное. Вот и надо начинать изучение местных условий, микровлияний, вставил свою реплику я. Решено было выйти из избушки и, несмотря на дождь, пойти на верх, к Четвертому Столбу. Кстати, что-то вроде переменчивое начинало с чуть потянувшим ветерком. И мы пошли, договорившись по дороге поискать место для будущей метеостанции в районе Четвертого Столба, что в условиях ветра и камня было бы самым характерным и подходящим. Ходили мы довольно долго и не торопясь прикидывали то одно, то другое место от Четвертого вдоль тропы к Манскому свороту. Наконец, выбор наш пал на площадку около Третьего Предтечи. Прикинули, где и как сможет разместиться сама станция, и как можно использовать ее окрестности в смысле всестороннего различия склонов рёлки в разделе снежных сдувов и заносов и проч., влияния ветра на снег. Вот это-то место и стало для меня манящим и много обещающим в последующем году».

Как председатель Географического общества, Тугаринов был заинтересован во всяких научных начинаниях на Столбах. Он и раньше не раз выступал по их охране, а теперь, когда столбовский район частично уже стал охраняемым, ему тем более хотелось продолжать его устройство и благоустройство.

В середине августа он отправляется в Москву, куда вскоре же должны были прибыть отправленные экспонаты музея. Всякого рода хлопоты по выставке и по музею начались с первого же дня его прибытия в Москву. Кроме того, в Наркомпросе же, в отделе охраны природы, надо было выяснить отношение к заповедности Столбов и добиться признания заповедника как учреждения всесоюзного значения, что облегчило бы его содержание и упрочило его существование. Вот письмо на имя музейных работников Красноярска. «Дорогие коллеги!» Сначала речь идет о положении Подотдела красноярского Географического общества и далее: «По пути я зашел в отдел охраны памятников природы. Здесь выяснилось, что с 1924 года наши Столбы будут объявлены заповедником. Вопрос этот уже прошел, ассигновано 15 тысяч рублей золотом на организацию дела, т.е. охрану, администрацию, возведение построек. Я поставил вопрос, может ли Географическое общество взять на себя за-

ведывание этим делом. Ответили: желательно лучше всего создать при обществе так называемую природо-охранительную комиссию, которая, так сказать, является агентом отдела охраны в Красноярске. Здесь они ничего не знают, как приступить к делу, даже не имеют плана. Поэтому я предложил бы поступить таким образом. Из карты окр. Красноярска I в. в дюйме (есть у Соболева и в музее) выкопировать район Столбов, определить границы заповедника радиусом от Столбов верст на 12 по речным системам, и составить план работ, таким образом, организацию охраны (число сторожей), устройство сторожек (где, сколько) и т.д. Охота, рыбалка, костры, рубка, ломка камня и вообще всякое вмешательство человека в жизнь природы категорически воспрещены. Для столбистов нужно построить ночлежный дом, вообще посещение не возбраняется. Считаю, что в полосу охраны нужно включить Дикий камень и Крепость. Соберите толковых столбистов и с ними посоветуйтесь. Прилагаемый вопросный лист надо тоже заполнить, а то и оба, если найдется лесовод и подойдет к вопросу с точки зрения охраны и леса. На п. 13, я думаю, можно было бы ответить, что предполагается установить метеорологическую станцию и проводить фенологические наблюдения. Вообще, считаю, что не следует выпускать этого дела из своих рук... Всегда ваш А. Тугаринов. Заповедник будет называться Красноярский заповедник. А.Л. Яворский является естественным кандидатом в заведование оным».

Из приведенного видно, какое значение придавал Тугаринов охране природы. 20 августа в Москву на выставку выехала группа музейных работников музея. По приезде сразу же начался монтаж экспозиции музея в переселенческом павильоне, который был быстро завершен. Жюри выставочного комитета постановило: отметить красноярский музей дипломом, а директора музея Тугаринова и его помощника Яворского наградить серебряными медалями. Выставка в Москве 1923 года была большим событием для всей необъятной республики Советов. В ней участвовала, по существу, вся страна со всем ее этническим разнообразием. Дома, сакли, юрты, чумы, различный транспорт: лошади, верблюды, олени, собаки, все это прибыло сюда в столицу со своих насиженных мест вместе со своими разноязычными хозяевами. Выставку дополняли экспозиции природы разных районов государства в виде различных стендов и целых больших экспозиций типа красноярской.

Из Москвы Тугаринов заехал в родной ему Саратов к своим родственникам. Экспонаты музея вернулись в Красноярск, но многие из

привезенных в столицу из других мест республики поступили в фонд Московских музеев. В октябре месяце Тугаринов уехал в Ленинград, где продолжал свои занятия в зоологическом отделе Академии наук над коллекциями птиц. В этом же году им были переданы безвозмездно 200 экземпляров птиц из своей личной коллекции в фонды Академического музея зоологии. За этой работой он провел октябрь месяц и вернулся в Красноярск в начале ноября.

Еще в марте был составлен Тугариновым более полный отчет о поездке на Подкаменную Тунгуску (Катангу) в 1921 году. Этот отчет для напечатания в этом году помещен в прессе не был. Даем его общую характеристику по разделам:

I. Организация экспедиции от Красноярска до Катанги.

II. Весновка на Катанге.

III. От Верхней Конторы до устья р. Чуни.

IV. Чунский заезд.

V. От Чуни до устья.

Далее идут выводы, которые как бы подытоживают результаты поездки. Вот часть выпечатки из них: «Результатом работ экспедиции явилась карта Катанги в масштабе I в. в дюйме с показанием характера берегов, глубины, метеорологические данные, материалы для тунгусского словаря, песни, частушки и пр. русского населения, ряд этюдов и рисунков художника Д.И. Каратанова и несколько сот экземпляров коллекций по зоологии, палеонтологии, геологии, этнографии, археологии, собран большой гербарий. Ф.Ф. Душ провел антропологические измерения 64 субъектов инородцев: 54 енисейца и 10 тунгусов. Енисейцы должны быть причислены к суббрахицефалам. Собрана коллекция волос этих туземцев. Организовано 4 водомерных поста». Таким образом, можно видеть, что, хотя экспедиция была в 1921 году, однако всяческие работы по обработке собранных богатых материалов все еще продолжались в 1922 и захватили часть 1923 года, когда, наконец, в марте месяце, можно было более или менее полно сделать по этой экспедиции какие-то выводы. Вообще работа внутренняя в музее не видна снаружи и непосвященному человеку она мало понятна, т.к. обычно о ней судят по выставочным экспонатам. Принято же считать, что предварительная работа по экспозиции занимает гораздо больше (времени), чем монтаж выставки. Надо подыскать материал, а предварительно составить план и схему. Надо придать соответственный вид всем объектам данной витрины или целой сцене из жизни природы или человека и уже только тогда

приступать к монтажу. Недаром внутреннюю работу музея сравнивают с айсбергом, у которого над водой видна одна седьмая или еще меньшая величина, а главная часть айсберга находится под водой. Так и музейная ежедневная кропотливая работа над выставляемыми коллекциями, да и не только над выставляемыми, но и над всеми. Чего стоит само хранение. Это может знать только тот, кто работает в музее. Тугаринов прошел все эти этапы работы, он передал их своим ученикам и сотрудникам и даже тогда, когда в музее был сравнительно солидный штат, все равно во всех начинаниях он принимал самое живейшее участие.

Как ни любил он свое детище - Красноярский музей, а все-таки его теперь тянуло в центр, туда, где на своем, а также на материале многих экспедиций по той же Сибири он мог бы сделать те обобщения, которые к этому времени уже напрашивались в процессе работы над птицами Красноярского края. Особенно его занимали перелеты птиц, их чутье в ориентировке, не только на данной местности, но в больших географических масштабах, во время весенних и осенних перелетов, когда пернатые покрывали громадные тысячеверстные пространства и находили как места зимовок на юге, так и места весновок на далеком севере. К этому времени у Тугаринова подобралась уже довольно хорошая личная библиотека по орнитологии, но все-таки литературы не хватало, особенно иностранной. А в зоологическом отделе Академии наук она, конечно, есть. Этот недостаток сильно чувствовался ученым, и он стремился переменить местожительство на более культурный центр, где он бывал уже не раз и работал над своими материалами. Кроме того, там была большая возможность и в смысле организации экспедиций в другие районы Советского союза. Еще одно обстоятельство, волновавшее Тугаринова и тяготившее его, это отсутствие специального здания музея, где бы в больших светлых его залах можно бы было показать край во всей его красоте, дородности и разноязычии. Вопрос восстановления после пожара нового здания все время оставался открытым, и хотя пожеланий со всяких сторон общественности и соответствующих учреждений было высказано много, дело не двигалось то из-за средств, то из-за материалов. Строитель, делавший свое дело безвозмездно, художник-архитектор и друг музея и Тугариновых, Л.А., Чернышев, и впредь не отказывался руководить постройкой, но, не смотря на все его старания, тоже ничего не мог сделать. Новое специальное музейное здание стояло как привидение и временно занималось всякими хозяйственными городскими организациями, которые мирились с недостроенным и совершенно неблагоустро-

енным зданием, наскоро затеплившись в какой-нибудь комнате нижнего этажа. Правду сказать, не позволяло время и средства заняться вплотную этой серьезной достройкой. Еще не были залечены раны от гражданской войны, и на первом месте стоял вопрос о продовольствии и налаживании отношений города и деревни. А как хотелось большой работы в большом музее с большими возможностями в смысле накопленных материалов.

1923 г.

В раздумье о прошлом он пишет свои воспоминания.

Воспоминания Аркадия Яковлевича Тугаринова.

Это было 18 лет тому назад. Я только что приехал в Сибирь, в Красноярск, покинув степи низового Поволжья. Я сидел в уютном тарантасе. Мирно позвякивали колокольчики, бодро бежала пара крепких сибирских коней. Позади оставалась увалистая открытая степь с березовыми рощами по ложкам, полосами колосящихся хлебов, сменяющихся чудесными высокотравными лугами, где пестрело так много незнакомых цветов. Всё чаще и обширнее становились полосы леса по низинам и северным склонам, дорога спускалась в сырые широкие разложины, то пересекала извилистые ручьи, окаймленные густой уремой, черемушника, ивняка, то выбиралась на топкий луг и тогда тарантас подпрыгивал по бревнам накатника. Ямщик говорит, что скоро начнется тайга. Много раз я слышал это слово с юношеских лет. Оно звучало для меня чем-то далеким, неведомым, почти сказочным, таинственным. И вот теперь, сейчас, я буду в тайге. Я увижу ее своими глазами.

Уже вечерело, солнце село, блекнут краски, из чащи деревьев ползут тени, несутся незнакомые птичьи голоса. Чаще и чаще по краям ручьев, обрамляя луга, появляются островерхие ели, высоко поднимают к небу свои раскидистые кроны массивные лиственницы, тянет холодок. Дорога выбралась на какой-то взлобок и ныряет среди березняков, ветки низко склонились над дорогой и ударяют в лицо. Почти темно, чувствуется сырость. Немолчно кричит коростель, и вот в сгущающихся сумерках я вижу, что мы едем к какому-то обширному озеру. Неясно выступают деревья по берегам, как будто я различаю островки по берегам, покрытые елями. Это что за вода? спрашиваю ямщика. Какая вода, нет тут никакой воды, вот, до дегтярни доедем, там и будет вода. Я недоумеваю. Так что же то белеет? Как будто озеро? - Так это же воспарение, болото тут. Я понял, что признал за воду густую пелену тумана, который лежал в низине. Скоро мы в нее спустились. Дальше двух шагов ничего не было видно,

на одежде осели капельки росы, чувствовалась какая-то особенная пронизывающая сырость, становилось холодно. Не помню, сколько времени так мы ехали, но когда колеса опять застучали по твердой земле, а туманная пелена стала реже, я увидел, что мы едем сплошным темным лесом. Неясно выделялись мощные стволы лесных гигантов, редко-редко сквозь хвою мелькала звездочка. Ни звука, ни движения, тайга стояла зачарованная, спали деревья, спали ее обитатели. И только наши колокольчики то лениво, то нервно будили тишину.

На небольшой елани заночевали. Ямщик долго рассказывал сказки о царе Соломоне. Из них я узнал, что царя потому Соломоном звали, что он на соломе родился. Сказка кончилась, ямщик уснул, но я еще долго лежу с закрытыми глазами, слежу за мерцанием звезд, слышу как звякают ботала наших коней, пущенных на ночь на траву, и стараюсь уловить каждый звук, каждый шорох. Только раз, должно быть, мышка, прошуршала в траве, раз донесся какой-то неясный отзвук. Так вот она сказочная, романтическая, неведомая тайга. Я пробыл тогда в тайге несколько дней. Я бродил в чаще дремучих ельников и кедровников, по берегам таежных ручьев и речек, вяз в болотах, пробирался по рямам, ночевал в охотничьих избушках. Все было ново, волнующе интересно. То увидишь на грязи на берегу реки следы сохатого или оленя, то попадается разоренный медведем муравейник или перевернутая колодина, то встретишь старую ловушку на колонка или горностая, следы охотничьего стана.

Я видел, как люди пришедшие, как и я, издалека, из России, решили завоевать тайгу. Они рубили деревья в дремучем лесу, тут же строили из них своих избы, поднимали новь по сухим сланям и бросали в черную землю семена, привезенные ими со своей родины. Приходил медведь и портил их поля, утаскивал их скот, к избам подходили сохатые, во дворе по осеням стреляли белок и рябчиков. А хлеб вырастал выше человеческого роста, ложился, не наливаясь, и люди уезжали в город, чтобы зарабатывать другой хлеб. Они боялись уходить далеко от своего жилья, а те, что уходили по примеру сибиряков на промысел, часто не возвращались. Я пробыл в тайге несколько дней, и я много понял, что для того, чтобы жить в тайге, нужно не только к ней привыкнуть, нужно и многое узнать. Я испытал это первое напряженное чувство безотчетной тревоги, какой-то настороженности, боязни, как будто неведомая опасность подстерегает путника в таежной глуши. Целыми днями не видишь иного пейзажа, кроме колоннады стволов. Либо тонешь в мшистом покрове,

либо с трудом пробираешься через корявые стволы гари, лавируешь между выскорями. В душный летний день неподвижный воздух полон испарений, одежда липнет к телу, кругом носится таёжный гнус - слепни, пестряки, в чаще облипнет комар, мошка, ночью беспокоит мокрец.

Слышишь, как в верхушках гудит ветерок, качает ветви, а внизу всегда тихо, даже трава стоит неподвижно. Только болота заставляют лес расступиться. То мокрые, топкие и зыбкие, то кочковатые осоковые. Ни горизонта, ни дали. Впереди видишь едва на несколько десятков шагов. Нет приметных точек, и в пасмурный день непривычному человеку, без компаса, не ориентироваться. Здесь нужно родиться, жить всю жизнь, научиться улавливать глазом малейшие приметы, непонятные новичку, чтобы смело бродить целыми днями, добывая зверя. Новичок должен пройти эту школу и, прежде всего, привыкнуть к чувству одиночества, затерянности, полного безлюдья. Нового пришельца тайга гнетет, сознание и воля подавляются каким-то беспокойным и безотчетным чувством. Как будто бы хочется вырваться на простор из немых ее объятий. Помню, какое детски радостное чувство испытал я, когда после нескольких дней выходил снова из тайги. Я с восторгом видел снова далекий горизонт, светло-зеленые перелески, пашни, деревушку, приютившуюся у подножья склона на речушке - знакомый понятный пейзаж. И это угнетающее чувство беспросветной тайги, эта потребность простора, дали не есть только переживание новичка. Уходящий от многолюдства сибиряк-старовер, поселяясь где-нибудь в таёжных дебрях, выжигает кругом тайгу, изводит, насколько хватает сил, таежную дурнину, чтобы весело было, чтоб хватал ветерок, чтобы легче дышать от гнуса и человеку и скотине. Немало таёжных пожаров пошло от этой сознательно поджигающей руки, тех пожаров, что распространяются в сухое лето на сотни верст и на недели, окутывают дымным пологом сибирские таёжные пространства. Такая равнинная черная тайга.

Другое дело в горах. Только в тесном ущелье толпятся те же ели, пихты, скрывая в своей тени вечно говорливый ручей; только здесь угрюмый сумрак таится в светлый солнечный день. Выбираешься на седло на гриву - сразу веселее, деревья реже, то раскинется высокоствольный редкий бор, где летним полднем пахнет душистой смолой, а нога хрустит по белым лишайникам, то разбросаются лиственницы вперемежку с березой, осиной, сосной. Буйно разрослись высокотаёжные травы, выше роста человеческого алеют заросли иван-чая, папоротник орляк бьет в лицо. То и дело спотыкаешься об остовы старых упавших дере-

вьев - когда-то здесь прошла гарь. Выйдешь на высокую точку, где беспорядочно разбросаны камни, облепленные пятнами лишайников, где расступились деревья и перед глазами откроется далекий без конца горизонт. Как застывшее взволнованное море тянутся гряды и цепи возвышенностей, расползаются между ними ложки и долины, кое-где выдаются скалистые утесы либо каменные осыпи, а там, где-то далеко-далеко, за десятки верст, как облачка маячат на горизонте безлесные хребты с пятнами и поясами снегов. Там далекое заманчивое «Белогорье», где все лето белеют снега, где громоздятся пики и скалистые гребни, либо раскинулись высокогорные тундры, где родятся облака. Там свой особый неведомый мир со своими растительными, пернатыми и четвероногими обитателями. Только охотник забредает туда, гоняя пушистого соболя, скрадывая оленя или марала. Кругом же, куда не взглянешь, все покрыто темнеющей щеткой леса. Манят неведомые дали, радуют глаза далекие перспективы, забываются усталость и трудность подъема, с новыми силами и бодростью хочется идти дальше, выбраться выше и выше, посмотреть, что будет там, за ближней возвышенностью, которая заслонила горизонт. И снова спускаешься в падь, отдыхаешь в тени густого ельника, на берегу таёжной шумливой речушки, какой-нибудь Граматухи, Говорухи, Шумихи и, освеженный, начинаешь новый подъем. Радость простора, свободы, стремление проникнуть куда-то все дальше, вперед - овладевает путником и как темная, сырая равнинная тайга пугает и утомляет своим однообразием, так манит и влечет тайга гор.

Широкой полосой опоясала тайга Сибирь. От пограничных с Монголией хребтов, отступая лишь на равнинах - протянулась она к северу, еще далеко за полярный круг. Там, на севере, она уже безгранично царит, не стесняясь рельефом. Разве только сплошные россыпи твердой породы не дают приюта дереву. И если уныла тайга южных равнин, то еще более сумрачна, гнетуще однообразна тайга севера. Ель, лиственница безраздельно царствуют, редко уступая место кедру или пихте, одинокой березе, ольхе, рябине. Редкие теневые травы едва поднимаются над сплошным темно-зеленым мировым ковром, прядями висит с ветвей бородатый лишайник, стволы стоят, облепленные пятнами тех же лишайников. Здесь всегда серо, прохладно и безмолвно. Десятки, сотни верст с севера на юг, тысячи верст с запада на восток, тянется великий сибирский лес. Чем дальше за полярный круг, тем все более и более хиреют деревья. Уже нет могучих стройных стволов - толпятся хилые, корявые, угнетенные.

Спиридон Солнцеворот

Из дальних странствий возвратясь,
Шел Спиридон солнцеворот.
Шел бесконечно удивляясь,
Как изменяется народ.

На рысаках катят вельможи,
Бежит сияющий народ
На праздник ровно бы похоже,
Фонарь у каждых у ворот.

Зима тепла, тиха, спокойна.
Порядок всюду, чистота.
Все так теперь благопристойно,
Жизнь стала за год уже не та.

Но Спиридон идет угрюмо.
Ворчит: «Ведь не к кому зайти,
Кругом чужие, хоть бы кума
Мне посчастливилось найти»

Вдруг видит дом, он видом странный
(таких не строят уже теперь).
Дай, думает, зайду незваный,
Авось не заперта их дверь.

Взглянул в окно, взглянул в другое,
Картины, камни, чучела!!
Его взыграло ретивое:
Зайду, была уж не была.

Вошел и сел, как важный барин,
И видит ясно мир чудес:
Народу тьма, а змей Тугарин
Для всех воочию воскрес.

Под сенью пальм объединились
Береза, Явор и Сосна,
Стрелец и Соболь подружились
И чашку чаю пьют до дна.

Там само Чудо-Юдо бродит,
Тут Соловьем поет Поэт.
В очках Малютка Толстый ходит,
И чудесам конца всё нет.

Но всех чудес одно чуднее:
Спокойный, ясный вид у всех.
Шумят, соседа не робея,
И веселятся без помех.

И Спиридон ожил душою:
Здесь всем так дышится легко,
Здесь все живут одной семьею
Гостеприимство Широко.

Тряхнув кудрявой головою,
«Друзья! сказал он, к вам с зимой
Сейчас пришел я, но сожди
Не пропадает долг за мною:
Зима заменится весною,
А дальше, дальше лета жди».

25.12.1923
знаками 23 г.

Обычай составлять разного рода стишки и зачитывать их на музейном празднике Спиридона солнцеворота как-то незаметно укоренился в Красноярском музее. К нему готовились разные музейные пииты и их друзья, которые в качестве приглашенных также участвовали в чашке чая. В данном случае из того стихотворения можно сделать соответственную выборку участвующих:

Змей Тугарин - Тугаринов Аркадий Яковлевич (Змей Тугарин - взято из русских былин).

Береза - Березовский Алексей Илларионович (зав. рыбохозяйственной станцией в Красноярске, он всегда был другом музея).

Явор - Яворский Александр Леопольдович - ботаник музея.

Сосна - Сосновский Георгий Петрович, археолог музея.

Стрелец - Видимо, кто-то из имеющих отношение к охотоведению - Башмаков Виктор Николаевич.

Соболь - Соболев Александр Николаевич - геолог музея.

Чудо-Юдо - Юдина Елена Леонидовна, работник музея.

Соловьем поет - Соловьева Марфа Дмитриевна, библиотекарь музея.

Поэт - она же Соловьева и, видимо, автор этого стихотворения.

Малютка Толстый - Ауэрбах Николай Константинович - археолог.

Широко - Широкова Агния Николаевна - отдел печати музея.

В этом году в справочнике по Красноярску была напечатана совместная заметка трех авторов: Смирнов В.А., Тугаринов А.Я., Красноженова М.В - «Научные учреждения Красноярска».

Кроме того, у Тугаринова были рукописи на следующие темы:

1. История изучения Приенисейского края.
2. Очередные вопросы изучения нашего края.
3. Задачи и организация краеведческой работы.
4. Очередные задачи изучения фауны и растительного покрова нашего края.
5. Задачи местной этнографии.
6. Туземцы Приенисейского края.

1924 г.

В начале года директор Красноярского музея Аркадий Яковлевич Тугаринов был в научной командировке в Ленинграде. В это время, 25-го февраля 1924 -го года, т.е., по старому стилю, 12-го февраля, в Красноярске должно было праздноваться тридцатипятилетие Красноярского музея, и находящийся вдалеке от своего музея его директор отозвался на это событие следующим посланием, адресованным коллегии музея в Красноярске.

К коллегии музея Приенисейского края

Сегодня, когда работники и друзья музея соберутся для того, чтобы отметить день его 35-летия, я буду лишь мысленно присутствовать в

Красноярске в знакомой среде. И факт, сам по себе, и длинный ряд лет, которые связали мою жизнь с Красноярским музеем, вызывают естественно желание хотя бы издали письмом отозваться на эту дату, поделиться теми мыслями, которые я бы высказал, присутствуя среди Вас. Мне невольно вспоминается не так давний момент, когда 10 лет тому назад мы праздновали 25-летие нашего учреждения. Тогда, как и сейчас, подводились итоги, высказывались надежды на будущее. Было парадно, говорили много пожеланий, сыпались приветствия, но будучи объективными, мы должны были бы признать, что, в сущности, из прожитых тогда 25 лет, музей только за несколько последних годов начал выходить действительно на более широкую дорогу научной и просветительной деятельности. Юбилей застал его лишь на пороге приступа к более планомерной, углубленной работе. Через 5 лет мы снова собирались, подсчитали достигнутые результаты. Время было тяжелое, тревожное. И новое пятилетие. В течение его было пережито много тяжелых невзгод, лишений, были невознаградимые утраты и из нашей маленькой семьи. Но если подсчитать те достижения, которые при всех отрицательных условиях были сделаны, если просто языком цифр, перечнями, списками подытожить работу - получатся данные несравнимые. Я оставляю в стороне предметы обогащения музея, мне хочется остановиться на приобретениях не материальных. Первое, это то, что в последние годы около музея неизменно группировались мысли и интересы исследовательского порядка, он был единственной средой, где сосредоточилась научная мысль. Где ученые центров общались с работниками нашего города. Но мы все время помнили, что мы, прежде всего, работники музея, то есть учреждения, которое экспонируя различными методами показа, должно бросать знания в население. Мы посильно работали над разрешением этих вопросов, и теперь я могу Вам сообщить, что та статья, которая в результате дискуссий по этому вопросу была помещена в «Казанском музейном вестнике», не только обратила внимание музейных работников, но ими изучалась, и наша схема принята некоторыми губернскими музеями как руководящая. Какая ирония: по нашей схеме строятся музеи, а мы свой музей продолжаем держать скрытым в ящиках. Последние годы жизни музея связали имя его и его работников с рядом достижений и открытий большого научного значения. Вряд ли Афонтовские раскопки можно поставить по их значению ниже, чем самые крупные открытия на материке Азии за последний десяток лет, не исключая и сенсационных открытий американцев в центре Азии.

Достаточно было передать наши, еще пока не великие, сборы млекопитающих в руки специалистов, как в них оказались виды, неизвестные науке, и наш музей обогатился типами их описаний. Ведущейся мною работой по материалам музея мне удалось установить несколько новых форм птиц, еще не описанных. Со слов ботаников, могу сообщить, что очевидно ряд растений будут признаны также новыми. Наконец, позволю себе указать, что материалы нашего музея дали лично мне документы, по которым, надеюсь, мне удастся в недалеком будущем нарисовать Вам картину последовательной жизни нашей страны, историю ее природы и смены климатов, фауны и флоры. Думаю, что этих справок будет достаточно, чтобы основать мысль, что работы нашего музея дали такие результаты, которые могут составить гордость любого исследовательского института. Возможно, у кого-нибудь сорвется возражение только что сказанному. Ведь мы живем в стране, изучение которой только что началось. Сибирь изучена еще слишком мало, и не нужно быть пророком, чтобы сказать, что еще много величайших открытий будет сделано на ее территории. Открытий мирового значения. Мы можем быть лишь счастливы, что на нашу долю выпадает радость участвовать в процессе научного познания, построения новых гипотез, постановке новых проблем. Громадная страна, 8 месяцев дремлющая под снегом, из края в край опоясанная тайгой, обрамленная и изрезанная горами, таит в своих безвестных уголках великие откровения для будущих исследователей. На тысячи верст разбросались ее культурные ячейки, а в них разрозненно, партизански работают местные пионеры краеведения. И чем деятельнее, дружнее они делают свои дела, тем большего достигают они, щедрая Сибирь не скупится вознаградить их труд. Наш музей и мы, его работники, можем сказать, что мы уже овладели методами, узнали пути, которые ведут в тайники сибирской природы, жизни былой и настоящей. И это тем более возлагает на нас обязанность, использовав свои знания, идти все дальше, творить новые пути через ее тайги, степи и гольцы, а то, что мы будем там добывать, - отражать в музее.

Если я начал с того, что, основываясь на фактах, мы можем рисовать кривую жизнедеятельности нашего музея, поднимающейся все выше вверх, и что ее резкий скачек падает на последние годы, то хотелось бы думать, что угол подъема и в следующие годы будет не меньше. Ведь худшее осталось позади.

Я не коснулся еще одного момента, быть может, самого существа, можно сказать, самого интимного. Часто в силу черт характера, инди-

видуальности, различий принципов, люди не могут работать дружно, и сколько ценнейших начинаний гибнет на этой почве. Но… здесь говорить об этом мне не нужно. Члены коллектива нашего музея, его друзья, добровольцы, много лет проведшие вместе, равно делившие и напряженность физического труда и лишений и минуты товарищеских бесед, слишком сблизились, узнали друг друга, оценили, дружески сошлись. Любовь к своему делу, к своему краю, понимание важности и серьезности работы наряду с товарищеской средой не оставляют, таким образом, сомнения, что на 36-м году музей стоит в этом отношении в условиях, которые можно считать наилучшими.

Я слишком хорошо знаю, о чем болит и тоскует душа нашего музейного работника, дел и забот непочатый край, но право же, пусть лучше немощно наше тело, но мы достаточно бодры духом, верим, что делаем нужное дело, верим в него, в себя, друг другу, а это превозмогает все.

Сердечный дружеский привет Вам и поклон, мои дорогие друзья и товарищи по работе, будем верить, что все идет к лучшему, будем посильно работать во имя культуры нашей родной земли, во имя высшего, что есть у человека, научного знания».

Это письмо Тугаринова к своему коллективу говорит, с одной стороны, о музейных достижениях научного, исследовательского характера и участии в этом всего коллектива в целом. В том, что в Красноярском музее ко дню его тридцатипятилетия сорганизовался такой дружный и работоспособный коллектив, несомненная заслуга его руководителя и учителя, каким был А.Я. Тугаринов. С другой стороны, в письме чувствуется и большая досада, что музей, обладая таким большим материалом показа, до сих пор не имеет возможности осуществить свои давнишние замыслы, представить край в целом со всеми его неисчерпаемыми богатствами для всеобщего обозрения. Но, полный надежды на ближайшее будущее автор письма успокаивает коллектив надеждой на лучшее будущее, с большими возможностями показа своих материальных ценностей и творческих дерзаний в исследовании и изучении своего края.

9 марта состоялся официальный юбилей музея с присутствием красноярской общественности и друзей музея в Доме Просвещения.

За время пребывания в Ленинграде в Зоологическом музее Академии Наук Тугаринов подготовил (сообщение) на тему - «К послетретичной истории ландшафта Сибири», датированное 9 маем (I924) года, которое было представлено академиком П.П. Сушкиным в качестве доклада в ОФМ 31 ноября 1924 года...

По окончании командировки, 6 июня, Тугаринов возвратился в Красноярск и приступил к обычным работам по музею.

С 28 июля по 12 августа была организована экскурсия в Манский район, в которой участвовали, кроме Тугаринова, еще научные работники музея - Е.Л. Юдина и В.Н. Башмаков. Маршрут этой небольшой экспедиции был такой. От Красноярска по железной дороге до ст. Камарчага. Дальше на лошадях через Нарву на Степной Баджей, где были произведены раскопки одной из пещер. Обратно по реке Мане спускались на лодке до Красноярска, затратив на этот сплав 12 дней. Кроме нахождения костей животных в пещере при освещении свечами, была сделана нивелировка и снят план. По Мане собирались зоологические объекты: птицы, рыбы и особенно насекомые. В Степном Баджее имеются две пещеры, так называемая левая и в (примерно) 100 метрах правая, она же Ледяная. Раскапывалась левая пещера. Эти карстовые образования всегда занимали Тугаринова своей необычностью, и он не прочь был покопаться в них ради интереса к ископаемым формам. Ведь в свое время найдены же были остатки гиены и саблезубого льва в торгашинских пещерах П.С. Проскуряковым. Это интриговало, и раскопка могла оказаться интересной. Кроме того, самое строение пещер, как результат ощутимого химизма и гидро-аэрологических воздействий, всегда производило особое впечатление и заставляло производить поиск: вспомнились и многочисленные пещеры ближайших окрестностей Красноярска по Енисею и Бирюсе: Караулинские и Бирюсинские.

Тем же П.П. Сушкиным 3 сентября был представлен в ОФМ доклад Тугаринова «Зоогеографические участки Приенисейской Сибири». Такое представительство оказывалось необходимым, т.к. без этого труды А.Я. недооценивались и не продвигались.

С 9 сентября по 11 сентября были произведены раскопки Караулинских пещер в Пещерном логу, в двух километрах выше Караульного быка, что на Енисее. Эти пещеры уже в восьмидесятых годах девятнадцатого века были частично раскопаны Еленевым. Тугаринову хотелось попробовать, и при удаче пополнить то, что уже имелось. Из Красноярска в лодке добрались до пещер, разбили палатку и делали раскопки. Результатом были кости животных-современников неолитического человека, а на выдувах берега - кое-какие остатки утвари доисторических обитателей этого района. В поездке участвовали: жена Тугаринова Вера Ивановна, научные сотрудники музея: Юдина Е.Л., Дмитриев М.А. и Башмаков В.Н.

С 16 по 20 ноября этого года в Красноярске происходило губернское совещание по краеведению, на котором Тугаринов выступил со следующими докладами:

1. «Задачи и организация краеведческой работы».

2. «Очередные задачи изучения фауны и растительного покрова нашего края».

3. «Задачи местной этнографии».

Вопрос о достройке музея несколько раз поднимался то в связи с одним, то с другим событием. Красноярская общественность решила увековечить память Владимира Ильича Ленина. Вместе с мыслью о памятнике вождю на площади была мысль назвать его именем какое-нибудь культурное учреждение, или новое строительство, или завод. В связи с этим имеется такой документ, проливающий свет на это начинание. Вот его текст, написанный Тугариновым:

«К постройке музея. 2 декабря в кабинете председателя Окрисполкома состоялось совещание представителей партийных, профсоюзных, научных и общественных организаций города по вопросу о достройке здания для нашего музея. Совещание наметило ряд конкретных мероприятий, которые, видимо, сдвинут, наконец, дело с мертвой точки и помогут из музея, являющегося сейчас лишь складом научных материалов, сделать учреждение, которое, развернув свои научные богатства, сможет выйти на путь широкой просветительной деятельности. Поэтому теперь, когда должна развернуться кампания достройки и к этому делу будет привлечено внимание трудящихся, уместно будет остановиться на роли и задачах современных музеев. Музейным учреждениям в нашем советском строительстве отводится одно из видных мест. Отошло то время, когда на музей смотрели как на собрание редкостей, всяких диковинок или курьезов. Вместе с ростом культурных навыков, развитием и совершенствованием методов внешкольной просветительной работы музеи явились хранилищами всякого рода предметов, знакомясь с которыми, посетитель получал знания либо из какой-нибудь одной области науки или искусства, либо знакомился с той или иной местностью в целом. Таковы музеи краеведческие, к числу которых принадлежит и наш музей. Его задача - ознакомить посетителя с краем, его природой, населением в прошлом и настоящем, хозяйством, экономикой и культурным состоянием. Правильно поставленный музей является поэтому источником самых разнообразных знаний о крае, своими предметами он наглядно должен отразить его жизнь, популяризировать научные

знания. Современная музейная техника и методика знают способы, как выявить музейные объекты, что они вскрывают явления живой и мертвой природы или жизни человеческого общества в их взаимоотношениях, выставки музея оказываются все равно, как богато иллюстрированная, популярно написанная книга, где лишь вместо иллюстраций размещены подлинные предметы. Таким образом, музейные залы - это те же кабинеты и лаборатории, в них может и должен проходить процесс изучения нашей природы и человеческой жизни, труда, хозяйства, культуры. В музее не «смотрят», а учатся. Однако не только этой учебной и популяризационной задаче отвечают музеи. Его материалы не менее нужны людям практического дела. Тот, кто работает сейчас над восстановлением и развитием нашего хозяйства, не может не знать тех условий, в которых он его налаживает. Однако в такой же мере хозяйственнику нет времени сосредоточиваться на изучении этих условий, он должен иметь источник, справочник для их получения. И здесь снова на помощь приходит музей. Будет ли идти речь о присутствии, например, полезных ископаемых, о количестве или запасах того или другого сырья, климатических условиях, распространении земледельческих культур и т.д. Все эти сведения практик найдет в музее на его выставках в его рабочих кабинетах. Следовательно, музей обслуживает нужды хозяйства. Наконец теперь, когда по нашей стране широко разлилось краеведческое движение, когда в него втягиваются широкие массы молодежи - музей широко открывает свои двери для всех, кто хочет работать над изучением своего края. Его кабинеты с массой систематически не выставленных коллекций, пособиями, приборами предоставляют возможность всякому принять участие в громадной работе по учету наших производительных сил, содействовать накоплению краеведческих знаний. Таким образом, музей является местным исследовательским институтом с краеведческим уклоном.

Все эти соображения говорят за то, что музеи являются в нашей жизни могучим культурным фактором. Недаром за время революции вместе со стихийным ростом культурного строительства возникло по союзу до 300 музеев. Старые музеи в больших городах получили в свое распоряжение обширные помещения б. дворцов, особняков, упраздненных учебных заведений. Но нашему Красноярскому музею не повезло, он ютится на краю города, а его громадные богатства, большие, чем в других сибирских музеях, скрыты в ящиках. Это положение надо изжить. Комиссия по увековечению памяти В.И. Ленина решила при-

своить музею имя Владимира Ильича. Нельзя сомневаться в том, что лучшего, более достойного увековечения памяти пролетарского вождя трудно найти. Приветствуя поэтому инициативу Окрисполкома, остается выразить уверенность, что начинание найдет себе организованную поддержку среди самых широких масс нашего населения и что к 10-летию Октябрьской революции, как это наметило совещание, мы увидим на берегу Енисея прекрасное здание Государственного имени В.И. ЛЕНИНА Музея Приенисейского Края».

Казалось бы, что дело с достройкой музея сдвинуто с мертвой точки. Но вскоре же оказалось, что благие начинания оказались лишь благими намерениями. Достройка музея была отложена. И только в 1930 году музей все же переехал в еще не совсем дооборудованное свое новое здание.

12 декабря по старому стилю в музее собрались в вечерние часы друзья и сотрудники на Спиридона солнцеворота и за чаем заслушали самодеятельных чтецов с их памфлетическими стихотворениями. Была и традиционная стенгазета сатирического характера. Вот часть сохранившихся произведений того времени.

Вирши, посвященные геологу, ботанику, этнографу, орнитологу в день Спиридона Солнцеворота. 1924
Музей Приенис. края

Двадцатый год оставил след,
В музее выпал глубокий снег.
Вне стен уж солнце
Шлет свет и негу.
В музее всюду кучи снегу.

Геолог Шура, яда не жалея,
Отметил это в день юбилея.
Зимою много всегда чудес,
Зимой ботаник там ходит в лес.
Неделю ровно в лесу гуляет,
Столбы с Диваном он изучает.
Проводит время там без конца,
И нет на Саше потом лица.

Чтоб обеспечить темы науки
И торжества ее залог,
Этнограф наш идет со скуки
Искать объекты в Цветущий лог.
Предметов быта там нет в помине,
Но бабочек как корм в овине.
Напившись чаю под кустами,
Этнограф шествует с цветами.

Орнитологу сподручней
Изучать медвежий след,
Хоть пещерного медведя,
Коли гуся близко нет.

Федоров

Геолог Шура - Соболев Александр Николаевич
Ботаник - Яворский Александр Леопольдович
Этнограф - Дмитриев Михаил Александрович
Орнитолог - Тугаринов Аркадий Яковлевич
Федоров - Автор - Федоров Никифор Степанович

В декабре месяце Тугаринов снова уехал в Ленинград, где работал в зоологическом музее Академии наук, а оттуда проездом был в Москве и Рязани.

В этом году были напечатаны следующие работы Тугаринова:

1. В «Известиях Красноярского отдела русского географического общества». Том 3, выпуск 2. - «Предварительный отчет экспедиции на Подкаменную Тунгуску (Катангу) в 1921 г.». 31 страница.

2. «Изв. среднесибирского государственного географического общества», 1924 года, 42 страницы + § карта. - «Птицы Приенисейской Сибири и их распространение».

1925 г.

В начале года в Новосибирске был съезд научных работников Сибири, на котором подрабатывалась первая Ленинская пятилетка. Каждый специалист выступал по своим вопросам. Тугаринов пробыл на съезде

недолго и был заинтересован по разделу музееведения. На съезде обнаружились централистские аппетиты новосибирцев в отношении периферии. Ученым этого нового центра Западной Сибири, спорящими за первенство и ведущую роль с Омском и Томском, казалась самой простой задача быстро вырасти за чужой счет. Для этого надо было только провести через съезд постановление о переведении музейных ценностей Томского музея в Новосибирский музей, который тогда только что начинался. А дальше естественно расти за счет Омского и Красноярского музея. Такая нездоровая тенденция, конечно, нашла сразу же отпор периферии, и из этой затеи ничего не вышло. Приходилось, как говорится, отстаиваться каждому за себя и всем вместе. Не малые усилия приложил к этому и Аркадий Яковлевич Тугаринов, знавший, какими трудами и даже личными лишениями собираются по крохам музейные ценности.

С началом ранней весны, которую делает свет возрождающихся дней и уменьшающихся ночей, Тугаринов, конечно, за своими обычными фенологическими наблюдениями.

28 мая экскурсия за Военный городок, куда всегда тянет весенняя степь с повисшими где-то в небе жаворонками и не всегда видимыми, но прекрасно слышимыми радостными их трелями.

19 июня экскурсия на кажущуюся близкой загадочную Черную сопку, с ее развалами на вершине и исключительным панорамным видом на Красноярский Енисей.

24 июня в с. Татой.

Этими ближними экскурсиями Тугаринов как бы прощается с красноярским окружением перед своим отъездом.

Расставаясь с краем, в целом он как бы вспоминает все проведенное в нем время за все 20 лет и перед ним снова встают, как в тумане, те, еще неизведанные и не посещенные им местности этого обширного Приенисея. Выбор падает на юго-восток края, туда, где когда-то жили теперь почти исчезнувшие народы калмажей, говорящие на таежном или на степном языках. Этногенез этой народности настолько запутан, что разгадать его не раз пытались прежние исследователи, так и не нашедшие разгадки единства двойственности. Вот туда-то, в эти три улуса: Угумаков, Абалаков и Пьянков - и надо съездить и взглянуть на остатки народности, а вернее ее поискать. Пусть это будет последним и прощальным исследованием перед отъездом из Сибири. А с отъездом уже решено. Тугаринов едет в Ленинград на работу в зоологический музей Академии наук. Правда, когда узнали, что он собирается покинуть насиженный Красноярск, то были разные предположения, вплоть до заведования одним из азербайджанских музеев. Но он предпочел Ленинград, куда уже были отданы его личные орнитологические коллекции в дар.

Поездку к калмажам решено было сделать на лошади, которая была в то время в распоряжении музея. Вот на этом мерине «Ваське», запряженном в тележку, и отправился в это путешествие Тугаринов, в котором пробыл с 5 июля по 7 августа. Ехала с ним сотрудница музея Е.Л. Юдина до г. Канска, а с Канска - вызванный телеграммой сотрудник музея А.В. Кудрявцев, в лице которого должен был быть фотограф.

От Красноярска ехали по тракту, почти вдоль железной дороги Великого сибирского пути на восток. Во время пути Тугаринов вел барометрическую маршрутную съемку, за весь путь им была сделана 201 отметка по походному анероиду. В отметках указывался порядковый номер отметки, местность, время по часам и показатель барометра. Собирались объекты из зоологии и ботаники, делались фотосъемки, а также записи на местах поиска в районе обитания калмажей. По данным барометрической нивелировки этой поездки, можно дать и подробности самого маршрута поездки. Основными разделами маршрута будут следующие пункты: От Красноярска до г. Канска, с 5 июля по 11 июля. Почти 4 дня в г. Канске. От Канска до Агинского, с 15 июля по 21 июля. В Агинском, как центре, пробыли 3 дня, с 22 по 24 июля. Далее поиски вблизи Агинска, особенно в Абалаковой, Пьянковой и далее обратный путь на Красноярск. В общем, сделан большой объезд. В дороге пробыли 33 дня. В напечатанной в следующем 1926 году книжке Тугаринова под заглавием «Последние калмажи» имеется описание быта угасшего народца калмажей или, как их еще звали, камасинцев, или камачинцев, и даже калмаженилы. Экспедицией сделаны снимки населения, из которых видно, что наряду с общим уменьшением типичных черт облика калмажей, имеет большое значение и смешение с русским старожильческим населением. Почему Тугаринов избрал путешествие к калмажам, а не к другим народностям? К этому, прежде всего, обязывало их прежнее распространение по краю. Ведь на том же тракте, по которому он ехал из Красноярска, есть т.н. Камасинский мыс, это то место на тракте, с которого, при подъезде к Красноярску из Канска, впервые вдалеке виден город. Затем, по Георги (этнограф, путешествовавший в 1770-1774 годах по Сибири), камасинцы населяли р. Ману, на которой Тугаринов бывал не раз. Все это интриговало и звало на поиски. Хотелось зафиксировать этот вопрос и в современном освещении.

Для личной характеристики самого Тугаринова и его, этого немного необычного путешествия, не лишне будет привести его два письма к жене из этой поездки:

Письмо первое от 9 июля «… Истекает третий день, как мы путешествуем. Пока все идет благополучно. Конишка добросовестно тянет, хотя достается ему, бедняге, грязь, местами ужасная. Вчера полдня и сегодня полдня лил дождь. Сегодня пока не мокнем. Сейчас едем так скоро, как позволяют наши перевозочные средства. Место не интересное для меня… касаются, поэтому, только людей. Андр. Вас. входит во вкус, разговаривает со стариками и старухами, кое-что добывает, но беспорядочная плата. Два раза останавливались в школах. Сейчас в Балае у … Елены.

Она довольна. Здесь не дурно, но глухо. Речка за… Завтра должны быть в Уяре, где брошу это письмо. Сборов никаких, данных много, мешает дождь. Вчера была ночь под Иванов день, ворон купал в речке детей, поэтому сегодня утром девчонка бегала купаться. Интересно. Постройки фотографируем, меряем… За конем должен доглядывать сам, положиться нельзя. С ним мы совсем подружились. Конечно, удобств встречаем мало, где грязно, где клопы, но что делать. В общем же все ладно. Хорошо будет, если и дальше так пойдет… Кланяйся музеянам. Теперь, кажется, раньше Канска неоткуда будет писать…».

Письмо второе и последнее: от 13 июля из Канска «…Вероятно, мою открытку ты получила (из с. Рыбного). Теперь сидим в Канске, и имею возможность написать подробнее. Расскажу по порядку. Тот путь до Канска, который отмечаю, выполнили благополучно. Наш конишка оказался очень добросовестным. Шибко особенно не везет, но работает на совесть, тянуть может очень долго. Сначала мы его приберегали, делали переезды небольшие, а потом стали прибавлять порции, теперь он идет и трусит без остановки 50 верст. К нам же привык, не дурит, даже встречает ласковым ржанием. Все это достигается, конечно, известной заботливостью и тратой лишнего времени. Но зато и удобство. Таким образом, я не жалею что приобрел лошадь. Конечно, было бы еще лучше, если бы при лошади был человек, на которого… можно было положиться, а у меня этого нет. А.В. суетится по часу без толку, а толка не замечает. Надо напоминать, что время поить, либо проведать, привязать, так что лошадь через 5 минут развяжется и т. д., без конца. Так что, хотя он будет обслуживать коня, но я спокоен только тогда, когда поглядываю сам. Между прочим, я убедился, что А.В. трусоватый человек (это не в связи с лошадью). Останавливались до сих пор только в селениях, в школах. В

одном из первых селений (дальше неразборчиво, т.к. карандаш на сгибе письма стерся, видимо, у А.В. что-то случилось с рукой, она стала пухнуть). Компресс, йод и т. д. А.В. замолчал, только говорит, что болит… Все тяжелое начал я носить сам, хотя он порывался и бросал только после моего категорического протеста, однако под конец и сам сознался, что не может. В Канске отправился в больницу. Там отхватили ему порядочный кусок мяса, велели беречь и не работать. Он боялся, что я отправлю его в Красноярск. Я ему сказал, лучше возьмем третьего спутника. Мне это обстоятельство несколько развязало руки, т.к. необходимость третьего человека выяснилась вскоре, потому, что А.В. оказался плохим помощником. Удивительное дело, что за человек. Готовность всегда полная, но ничего не может делать точно, аккуратно (далее сгиб и неразборчиво)… При работе с нивелиром я увидел, что он и для этого не годится. Увлекся разговорами со старухами насчет знахарства, рассказал ему, как и что спрашивать, записывать. Приходит, докладывает - полный сумбур. Пытаюсь указывать на ошибки - недовольство выражает. До сих пор не собрал ни одного насекомого или вообще что-либо. Мне же собирать некогда. Все это вместе взятое и заставило вернуться к комбинации, на которой настаивала ты. Придется отказаться от части снаряжения, которое и пошлем в Красноярск, и поедем втроем. Я и не пытаюсь особенно его натаскивать, т.е. учить что-нибудь делать, в смысле сбора материала. Все равно сделает бестолково, сознательно напутает, а добросовестно будет думать, что не все ли равно, если сделать по-своему. Массу выспрашивает, но сейчас же путает и ничего не записывает... А то и приврет. Говоря одним словом, ничего особенно плохого, но и ничего полезного от него нет. Отношения наши прежние, делаю вид, что всем доволен, ведь человека не перестроишь. Публика, с которой приходилось до сих пор встречаться, - удивительно серая, неинтересная. Говорю об учительстве. Приветливы, но удивительно малоразвиты, да и заезжены достаточно. А в Канске такая же грусть. Знал я, что с музеем здесь не важно, но той чепухи, того сумбура и хаоса, который здесь преподносят публике, не ожидал. Тут все: и невежество, и лень, и полное непонимание дела, а главное - никому это не нужно. Я предлагал свою помощь кое-что разобрать, навести порядок - только отмахиваются, и ни одного вопроса не слышал ни в каком смысле. Городишко поганый, живет только базарами. Вчера видал весь город, когда он буквально бежал смотреть аэроплан.

Самое интересное, что я для себя нашел в Канске, - это маленький, достаточно наивный, но все же содержательный отчет Каргаполова о по-

ездке его в те места, куда мы направляемся. Там много любопытного, а так как я несколько отдохнул, то о поездке к саянским самоедам думаю с удовольствием, вернее вижу, что там можно будет найти хороший материал. Думаю теперь, что я постараюсь сократить маршрут с тем, чтобы у камасинцев побыть подольше. М.б., сделаю так: когда снова выедем на железную дорогу, я уеду домой, а Леля с А.В. вернутся с лошадью. Мне не хочется запаздывать и прежде всего потому, что я обещал тебе пожить в деревне… Я очень доволен, что решил проехать по Канскому уезду, в нем я увидел кое-что новое для себя, для своей географии. Правда, это новое дали, большей частью, окрестности Канска. Переезд досюда по тракту дал лишь освещение района, но новых и интересных фактов почти нет (неразборчиво на сгибе бумаги). Судя по рассказам, дорога до Агинского довольно тяжелая, поэтому, думаю, часть багажа оставить по пути, чтобы захватить уже на обратном. Далее, пока израсходовал немного, до Канска с конем не вышло и 3 рублей. Здесь живем в музее, кормились у сторожихи, один горячий обед, что берем, записываем. В деревнях не дорого. Живем, не зная, что делается на белом свете. Газеты здесь нет, и купить негде. Пока кончу, ложусь спать, завтра пойду еще узнать, нет ли от тебя писем, и тогда докончу. Где-то ты в эту минуту и что поделываешь. Сейчас 11 с половиной ночи.

Сейчас получил твое письмо. Очень рад, огорчен, что только одно. Хочу думать, что теперь ты больше отошла от суеты, отдохнула. Во всяком случае, не считай так, что если прошло 5 осталось 25. При путешествиях арифметика не состоятельна, лучше жди позже. 3 августа, надеюсь, отсюда уедем, тогда пошлю открытку и адреса, куда мне писать. Только имей в виду, что писать надо, по крайней мере, за неделю, почта редко ходит в село. Хотел эти адреса узнать сейчас, но на почте толку не добился. Ну, пока кончу… Как я тебе и говорил, сидя дома, все кажется трудно, полно неожиданностей, а в натуре все так просто и легко достигается. Проехали мы больше 200 верст, будто на раскопки прокатились».

На этом письмо оканчивается. Оно, до некоторой степени, дает обстановку в поездке и освещает работу экспедиции. Здесь и удачи и разочарования. О дальнейшем пути от Канска до Агинского мы ничего не знаем, но если судить по нивелировочному маршруту, то видно, что пока доехали до Агинского, то делали петли, видимо, нащупывая местопребывания современных потомков камасинцев или ища память об их прошлом. Кстати, в Агульском Тугаринова интересовало и другое исчезнувшее племя, коты, когда-то заселявшие р. Кан и также исчезнувшие с лица земли.

В целом, за все время странствования по этим подтаёжным местам у Тугаринова собрался уже материал по камасинцам, и помещенная в 1926 году в журнале «Северая Азия» (книга I) статья «Последние калмажи» говорит о том, что мы имеем данные о состоянии этой народности в этот период. Как не специалист этнограф, Тугаринов не претендовал на полное исследование угасшей народности, его дело было на месте собрать все то, что осталось от этого угасания, и это он сделал со всей возможной скрупулезностью, не упуская детали, обобщая материал в целом. Хочется привести из этих 16 страниц, появившихся в печати, только последние слова автора, отсылая любознательного читателя к этой статье в журнале и в отдельном оттиске из него. «Фиксирование и анализ всех этих мелочей и деталей быта остатков туземных племен, думается, могло бы пролить свет на далеко еще не освещенный процесс «вымирания» наших туземцев, и если настоящей статьей мы привлечем внимание авторитетных исследователей к последним представителям аборигенов Приенисейской Сибири, - наша цель будет достигнута».

Первой работой Аркадия Яковлевича Тугаринова, напечатанной в трудах Саратовского общества естествоиспытателей в 1901 году, была «Материалы к флоре Аткарского уезда Саратовской губернии». С тех пор прошло 25 лет, и красноярская общественность решила справить двадцатипятилетний юбилей его научной деятельности. 21 ноября на заседании Географического общества в Красноярске, созванном по этому поводу, был заслушан доклад юбиляра на тему «Очередные вопросы изучения нашего края». В этом докладе автор касается прошлого края, рассматривая долину Енисея с прилегающими к нему восточными и западными окраинами как исключительно интересный для краеведческих исследований географический участок земного шара. Поочередно касаясь географии, климатических условий отдельных зон, комплексов растительного и животного мира, он переходит постепенно к человеку и его прошлому, значительно останавливаясь на этом далеком прошлом. Докладчик видит особый интерес исследователя в изучении хозяйственной деятельности современного человека в зависимости от всех географических условий местности. Подвергая справедливой критике политику переселения из России в Сибирь, он ратует за всестороннее и тщательное предварительное изучение всех условий данной местности как фактора, предваряющего это переселение и, опираясь на пример Чуно-Ангарья,

говорит о порочности переселенческого вопроса в прошлом. Много внимания уделяется в докладе и вопросу так называемого вымирания туземных малых народностей Сибири. Доклад указывает на неисчерпаемый перечень тем для работы современных краеведов, той работы, которая интересна как теоретическая проблематика, с одной стороны, но и как обязывающая к разумной практике в связи с освоением сибирских весей, в частности в пределах Приенисенья.

Рукописный доклад напечатан на машинке на 17 листах. Приведем вступительную часть этого доклада: «Уступая Вашему желанию сделать сообщение на настоящем заседании, я избрал тему, которая мне кажется и достаточно своевременной и ответственной. Однако теперь же я должен указать, что как и ввиду обшир..ся, так и в силу своей компетенции, я могу коснуться лишь той категории вопросов, которые наиболее мне близки. Поэтому моему слову я прошу придавать значение не большее, как мнению одного из работников краеведения нашего района, мнения хотя бы сложившегося после с лишним 20-тилетнего участия в его изучении. Я буду счастлив, если выдвигаемые мною вопросы будут признаны очередными, назревшими, если они привлекут к себе Ваше внимание и тем самым продвинут дело его познания».

27 ноября состоялись проводы А.Я. Тугаринова, устроенные в здании музея на Старобазарной площади. Традиционный чай и всяческие пожелания как со стороны отдельных сотрудников музея, так и друзей. Заслуживает внимания выступление директора рыбохозяйственной станции Красноярска, Алексея Илларионовича Березовского, в зачтенном им своем стихотворении, охарактеризовавшем Тугаринова.

Двадцать лет беззаветной упорной работы
Прошли как один гармонически связанный миг.
Двадцать лет напряженной борьбы и заботы
Взял у них край, что природой богат так и дик.

Влекомые жаждой познанья, научным гореньем
Вскрывали вы тайны мощных Саянских высот,
Бродили по тундре, смотрели с волненьем
На прелесть степей и Манских суровых красот.

Вам близки таёжные странные звуки,
Таёжную жуткость остро познавали не раз.

Там чужды вам были страданья и скуки
Во всякой глуши находил интересное глаз.

Близки вам туземцев нужды и страданья
Обманом не взять ведь сердца остячки Татьяны.
Глубоко понятны тунгуса мольбы и камланье,
Что не раз откровенно пред вами шаманы.

Как быть должен широк и велик кругозор,
Чтобы слить воедино и вешних лучшей трепетанье

Что на снежном покрове рисует узор -
И научных проблем глубины пониманья.

Что больше дает нам, чем радость познанья!
В нем смысл вашей жизни. Краса и отрада!
Не ждите ж от массы людской пониманья!
Возможность движенья вперед, вот ваша награда.

А.И. Березовский.

Эта памятка о дружеских отношениях к Аркадию Яковлевичу Тугаринову. В связи с двадцатилетием работы последнего в Приенисейском крае.

1925

Художник и друг Тугаринова, Дмитрий Иннокентьевич Каратанов, зачитал свое сатирическое произведение под заглавием «Восточный паэм», в котором на всякие лады восхвалял Азербайджан, называя его Адзелбырджан. Эта тема Закавказья была выбрана им потому, что Тугаринову были разные предложения и среди них заведование Азербайджанским музеем. Вот начальные части этой поэмы:

Карош страна Белуджистан,
Но лутчи иво - Курдистан,
Савсэм карош Афганистан, -
Но самый лутчи, самый распрекрасный стран, -
Адзелбырджан.

Баку. Ввa - город шибко славный,
На свэти всем он город главный,
Васточный, топлый, своинравный,
- Им правит мудры Богдыхан.
Всех лутчи стран:
Адзелбырджан.

Туда директорщик наш уизжаит,
Кунскамир свой, друзей, всо оставляит.
Зачим Баку его схищаит.
Плахой судьба нам видно дан...
Всэх лутчи стран:
Адзелбырджан.

Это большое, дружески написанное сатирическое произведение вызвало в собравшихся на проводы много веселья и еще раз напомнило о традиционных празднованиях Спиридона-солнцеворота, когда каждый из присутствующих чем-нибудь старался заразить весельем другого. Очень был доволен и сам отъезжающий юбиляр, ведь он так любил эти запросто устраиваемые один раз в году вечера.

В № 274 газеты «Красноярский рабочий» от 29 ноября 1925 года имеется две заметки, помещенные одна над другой, из которых мы узнаем о дальнейшем чествовании Тугаринова. Приводим их дословно:

«Сегодня научные и общественные организации города Красноярска Енисейской губ. и Сибири приветствуют 25-летнюю годовщину научно-литературной деятельности председателя Красноярск. отдела Русского Географического Общества и директора музея Приенисейского края - Аркадия Яковлевича Тугаринова. В течение четверти века, состоя бессменно председателем и хранителем музея, А.Я. Тугаринов работал по самым разнообразным вопросам изучения края и является, бесспорно, одним из самых больших и разносторонних ученых краеведов. 25-летний юбилей А.Я. Тугаринова - праздник всех работников краеведения и общественных организаций, пользующихся плодами трудов краеведения. Человеку с широким взглядом, ученому, общественнику краеведу Аркадию Яковлевичу Тугаринову в день праздника его трудов - привет!». И другая заметка: «К 25-летнему юбилею научно-литературной деятельности А.Я. Тугаринова. 29 ноября сего года в 6 часов вечера в помещении земтехникума (просп. Ленина № 50) состоится торжественное заседание Красн. отд. гос. геогр. о-ва, совместно с научными и общественными организациями г. Красноярска, по случаю 25-тилетней научно-литературной деятельности председателя Красноярского отд. русс. геогр. общества и директора музея Приенисейского края А.Я. Тугаринова, по следующей программе:

1. Доклад А.Я. Тугаринова «Очередные задачи изучения Приенисейского края».

2. Сообщение А.Н. Соболева «Научная деятельность А.Я. Тугаринова по изучению природы Приенисейского края».

3. Сообщение В.А. Смирнова «Научная деятельность А.Я. Тугаринова по изучению населения и хозяйства Приенисейского края».

4. Приветствия. Вход - свободный.

Первая заметка сопровождается портретом А.Я. Тугаринова в виде спешного наброска кого-то из местных художников.

После юбилея Тугаринов стал собираться к отъезду, но всякие предварительные переговоры в письмах отсрочили его переезд до весны следующего 1926 года.

В декабре месяце в Красноярске музеем была организована выставка 100-летия Декабрьского восстания на Сенатской площади и, конечно, она возглавлялась Тугариновым. На третьем этаже бывшего епархиального училища было открыто несколько зал, в которых было показано все касающееся как декабрьского восстания в Петербурге, а также ссылка декабристов в Сибирь (в Красноярск и через Красноярск на восток Сибири и по губернии), Жизнь красноярцев того времени и жизнь декабристов по краю. Экспонатов было много, и выставка заняла 4 зала.

Из напечатанных работ Тугаринова в этом году надо, прежде всего, отметить его «Географические ландшафты Приенисейского края», с одной таблицей и картой районов. Издание Енисейского губернского земельного управления.

Это обобщение всех данных по краю, как литературного порядка, так и собственных наблюдений автора за двадцатилетний период жизни на Енисее. Книжечка в III страниц имеет следующее содержание: Предисловие. От автора. Области горного ландшафта. Зона степей. Зона лесостепи. Южно-таёжная подзона. Северо-таёжная подзона. Лесотундровая зона. Зона тундр. Заключительные замечания. Эпиграфом работы служит изречение немецкого географа А. Геттнера - «Жизнь должна строиться на знании тех стран и местностей, в которых ей приходится действовать». В каждой зоне следующие подразделы: Строение поверх-

ности, воды, климат, почвы, растительность, животный мир, человек. Таким образом, это, по существу, первая полная схема ландшафтного описания Приенисейского края. Тугаринов так заканчивает свою работу: «Приенисейский край таит в себе громадные, можно сказать, неограниченные возможности. Запасы его естественных богатств, даже тех, о которых мы знаем, - колоссальны… Вот почему теперь, когда наша страна лихорадочно стремится к новой жизни, нами должна владеть одна мысль, простая и ясная, так четко сформулированная известным немецким географом А. Геттнером и которую мы избрали эпиграфом к нашей работе.

Кроме этой работы было напечатано:

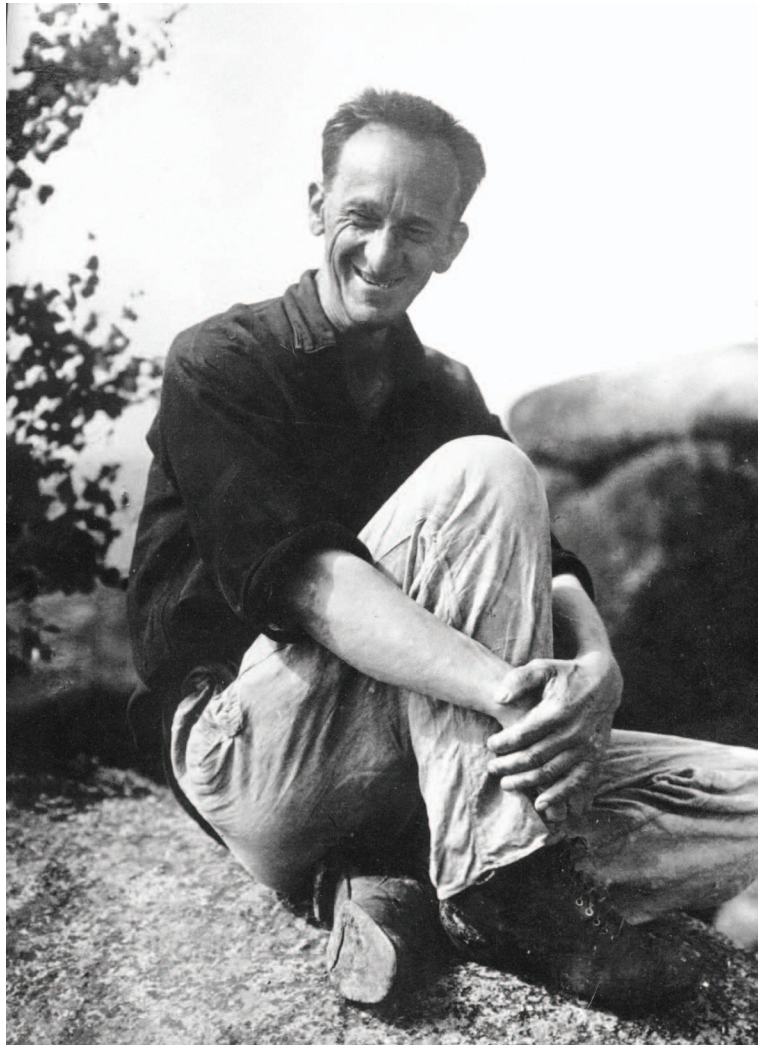
«Туруханский край». Очерк. «Вся Сибирь». Издание ВДИК. № 31.

Доклад. «К послетретичной истории ландшафтов Сибири». Зоологический музей Академии Наук. Ленинград.

«Зоогеографические участки Приенисейской Сибири». Ленинград.

Примечания

1. *В 2008 году в Красноярске в издательстве «Тренд» вышла богато иллюстрированная книга «Александр Леопольдович Яворский (1889 - 1977). Столбы»*.



Александр Леопольдович Яворский
На Столбах. 1932

Е.В. Козлова

Творческий путь Аркадия Яковлевича Тугаринова[1]

8 июля 1948 г. в Ленинграде, после тяжелой и продолжительной болезни, скончался профессор Зоологического института Академии Наук СССР, доктор биологических наук, выдающийся орнитолог и зоогеограф Аркадий Яковлевич Тугаринов.

А.Я. Тугаринов принадлежал к тем счастливым натурам, жизненные интересы которых определяются с юности, а потому через всю их деятельность проходит та настойчивая целеустремленность, которая столь необходима для всякой углубленной работы.

А.Я. Тугаринов родился 9 ноября 1880 г. в Саратове. Отец его - служащий Саратовского губернского земства - имел небольшой заработок, и семья, состоявшая из пяти человек, жила очень скромно.

Еще до окончания саратовского реального училища А.Я. начал интересоваться ботаникой. Его привлекали цветущие растения, которые он тщательно собирал, составляя гербарий. Школа в то время совсем не поощряла самостоятельных начинаний и интересов своих воспитанников, преподаватели считали ниже своего достоинства вести частые разговоры с учениками, а потому приходилось искать совета и руководства на стороне.

Знакомство с почвоведом Т.П. Гордеевым и Б.А. Келлером - тогда еще студентом Казанского университета - помогло юному натуралисту организовать более или менее систематические занятия ботаникой. В почвенной лаборатории Саратовского губернского земства (впоследствии Волжской биологической станции) нашлась необходимая литература и образцовый гербарий местной флоры. С Б.А. Келлером А.Я. совершал экскурсии в окрестностях города. В то же самое время ему приходилось зарабатывать на жизнь частными уроками, быть репетитором неуспевающих товарищей по школе.

Жизненный путь А.Я. казался ясным. По окончании училища он должен был поступить в Казанский университет. Но эти планы не осуществились. Сначала служебные неудачи отца, а затем его смерть привели к тому, что по окончании средней школы А.Я. оказался единственной опорой семьи. Надо было искать постоянного заработка, и о возможности переезда в Казань или другой университетский город пришлось забыть.

Началась напряженная, но не безынтересная работа. Поступив сначала лаборантом в почвенную лабораторию, а затем хранителем музея Саратовского общества естествоиспытателей и прирабатывая уроками, А.Я. в то же время не прекращал своих занятий естественными науками. Кроме ботаники, он теперь изучал и зоологию.

В 1900-1903 гг. А.Я. совершил несколько поездок, преимущественно с ботанической целью, в пределы Аткарского района Саратовской области, а также в район Сарепты и в Астраханскую область (оз. Баскунчак, г. Богдо, Ханская ставка) на средства Саратовского и Казанского обществ естествоиспытателей. Помимо гербария, собирались и орнитологические коллекции. Свои материалы он обрабатывал в Казанском университете. Здесь А.Я. неизменно встречал большое внимание, поддержку и ценное руководство со стороны ряда профессоров, в частности проф. А.Я. Гордягина, и товарищескую помощь живого и общительного Б.А. Келлера, в то время работавшего уже ассистентом при кафедре ботаники.

В 1900 и 1903 гг. А.Я. опубликовал свои первые работы геоботанического содержания.

Интересы к флористике и геоботанике не покидали А.Я. в течение всей его жизни, хотя вскоре и отступили на второй план, оставаясь лишь необходимой базой при его дальнейших географических, зоогеографических и экологических исследованиях.

В 1905 г. А.Я. Тугаринов принял предложение занять должность хранителя, а позднее директора Красноярского краевого музея и переселился в Сибирь, где провел 20 лет.

В Красноярске Аркадию Яковлевичу открылись широкие возможности для выявления его разносторонних исследовательских и организаторских талантов. За годы пребывания в Сибири он сумел, несмотря на крайний недостаток в средствах, не только руководить серьезнейшим и тщательно спланированным изучением природы и населения Приенисейского края, но и сосредоточить вокруг Красноярского музея и местного отдела Географического общества, председателем которого он состоял, всю культурную жизнь города и тяготевших к нему районных центров.

Собственные научные интересы А.Я. Тугаринова в сибирский период его жизни сосредоточились на птицах. Изучить орнитофауну приенисейской Сибири, дать ее зоогеографический анализ, ознакомиться с биологией и экологией отдельных видов птиц и составом орнитокомплексов в пределах различных широтных и вертикальных зон - вот те задачи, которые поставил перед собою и так блестяще разрешил А.Я.

Ежегодными экспедиционными исследованиями А.Я. постепенно и планомерно охватывал одну за другой все широтные зоны средней Сибири - от ее южных степных окраин до полярных тундр. Ряд поездок был организован в горные районы западных и восточных Саян, хребет Таннуола и прилежащие части Тувинской автономной области и МНР. Помимо общегеографических, зоологических и ботанических сборов, А.Я. занимался накоплением материалов по этнографии и археологии (в частности, А.Я. впервые обнаружил погребения так называемой Андроновской культуры, которая и была описана по его находкам), а также знакомился с жизнью, бытовым укладом и материальной культурой многочисленных этнографических групп местного населения.

В тайге и в тундре, среди эвенков, кетов, ненцев и других народностей Приенисейского края, живших в дореволюционные годы в полной изолированности, у А.Я. были друзья. Его внимательное и бережное отношение ко всем этим людям, к их несложной, но самобытной жизни, готовность помочь делом или советом порождали к нему большое доверие.

Все добытые в экспедициях коллекции поступали в Красноярский музей, из года в год обогащая его фонды. Для точных определений зоологические и ботанические сборы регулярно посылались в Москву и в Ленинград соответствующим специалистам, с которыми А. Я. поддерживал самую тесную связь и вскоре наладил обмен материалом. Птиц он обрабатывал сам, при консультации П.П. Сушкина.

Работе по экспозиции в выставочных залах музея А.Я. уделял также много внимания. Для того чтобы организовать препаровку и монтировку экспонатов как в зоологическом, так и в этнографическом отделах музея, ему надо было подготовить помощников, научить их этому искусству, а значит - прежде всего самому овладеть всей техникой таксидермии и монтажа. Выставочный зал Красноярского музея до сих пор хранит ряд объектов, собственноручно приготовленных А.Я. Многочисленные фотоснимки этнографических типов и разнообразных ландшафтов приенисейской Сибири, работы А.Я., также украшали музей. С этих фотографий местный отдел Географического общества печатал серии открыток, служивших для ознакомления с краем и в свое время широко известных в стране своим художественным исполнением.

Красноярский музей быстро рос и развивался и из учреждения краеведческого типа, со случайным набором главным образом «пожертвованных» коллекций, превратился постепенно в самое крупное в Сибири хранилище подлинно научных ценностей областного масштаба. Вместе с тем А.Я. сумел приблизить музей к запросам хозяйственной практики и народного образования.

В 1911 г. в Омске была организована первая Западно-сибирская выставка, на которой экспонаты Красноярского музея заняли одно из самых видных мест. Под руководством и при ближайшем участии А.Я. музей приготовил для этой выставки девять витрин, где искусно скомпанованными зоологическими и этнографическими группами были представлены характернейшие моменты из жизни природы и населения различных ландшафтных зон Приенисейского края.

Красноярскому музею за его экспонаты была присуждена высшая награда - почетная грамота, а А.Я. Тугаринову - малая золотая медаль

Интересуясь, между прочим, историей города Красноярска, А.Я. находил время урывками заниматься архивной работой, разыскивал соответствующие исторические справки и т.п. Желая привлечь внимание местной общественности к прошлому родного города, он подал мысль об устройстве выставки «Старый Красноярск», которая и была им осуществлена при самом живом горячем участии широких кругов населения. Открытие выставки (9 апреля 1916 г.), над которой потрудилось большинство красноярцев дружным коллективом, превратилось в общегородское торжество.

Впоследствии большая часть экспонатов была передана в Красноярский музей и послужила основой особого отдела местной старины и исторических архивов.

Для оживления культурной жизни города А.Я эпизодически организовывал этнографические вечера, пользовавшиеся большим успехом среди красноярцев.

Глубокое знание края, основанное на непосредственном наблюдении и долгом опыте, делало А.Я. Тугаринова неоценимым консультантом как для научных работников разных специальностей, приезжавших на Енисей, так и для всевозможных районных и областных учреждений и организаций, в послереволюционное время неизменно обращавшихся

к его эрудиции при разработке вопросов хозяйственного строительства, районирования, заселения области и т.п.

По предложению плановой комиссии А.Я. был разработан первый план районирования Приенисейского края, который и лег в основу этого громадного дела.

Результаты своих многолетних исследований в бассейне Енисея А.Я. обобщил в ряде работ. В 1911 г. он опубликовал обширную монографию «Материалы по птицам Енисейской губернии», которая и до настоящего времени еще не утратила своего значения капитальной фаунистической сводки, а в последующие годы - несколько статей по орнитофауне Саян (1913) и северо-западной Монголии (1916). Зоогеографические выводы и ряд соображений по истории формирования современных ландшафтов Сибири даны А.Я. в работах: «Географические участки приенисейской Сибири» (1925), «Птицы приенисейской Сибири. Список и распространение» (1927), «К послетретичной истории ландшафтов Сибири» (1925).

Географические изыскания А.Я. нашли отражение в специальном труде «Географические ландшафты приенисейского края» (1925). Кроме того, им опубликовано за это время более 20 работ на разные темы: по промысловым млекопитающим и птицам бассейна Енисея, по народоведению, археологии, вопросам музейного строительства и т.п.

Вдумываясь в огромную работу, которую так легко и свободно, с величайшим одушевлением и со свойственной ему скромностью нес на своих плечах А.Я. Тугаринов в Сибири, приходится удивляться его необычайной энергии и трудоспособности. Только настоящая любовь к делу, вместе с даром быстро ориентироваться и овладевать каждой новой областью знания, в которой ему приходилось работать по роду своих занятий, могут объяснить его большие научные достижения и крупный успех общественного деятеля.

В конце 1925 г. Средне-сибирский отдел Русского географического общества и общественность Красноярска и области, глубоко ценившие деятельность А.Я. на пользу края, отметили торжественным заседанием двадцатипятилетие его научно-исследовательской и просветительной работы. На юбилейную дату отозвались многочисленные советские организации, университеты и их отдельные кафедры, а также научные общества и учреждения страны, начиная с Академии Наук СССР. При отделе Географического общества был образован особый фонд с целью издания научных трудов А.Я. Тугаринова, а юбиляр был избран почетным членом общества.

В 1926 г., по приглашению академика П.П. Сушкина, заведовавшего в то время орнитологическим отделением Зоологического музея Академии Наук, А. Я. Тугаринов перешел на работу в Ленинград, в Зоологический музей.

Знакомство, а впоследствии и близкие дружеские отношения с нашим замечательным зоогеографом и орнитологом П.П. Сушкиным оказали глубокое влияние на развитие научной мысли А.Я. Тугаринова. Первая встреча с Сушкиным произошла еще в 1909 г. на съезде естествоиспытателей в Москве, и после этого оживленная переписка Сушкина с Тугариновым не прекращалась. Быстрый рост А.Я. как ученого не мог ускользнуть от внимания Петра Петровича, который вполне оценил его дарование и считал необходимым приблизить А.Я. к центру научной жизни - Ленинграду. Зимою 1923 - 1924 гг. Тугаринов получил длительную командировку в Зоологический музей АН для работы у П.П. Сушкина, а 9 мая 1924 г. выступил со своим первым в стенах Зоологического музея докладом на тему: «Зоогеографическое районирование и опыт истории фауны средней Сибири»).

Провожая Тугаринова снова в Красноярск вскоре после этого доклада, Петр Петрович твердо решил при первой возможности привлечь его для постоянной работы в Орнитологическом отделении Музея как ценного для учреждения сотрудника. Но Тугаринову он не сказал ничего.

А.Я. уехал тогда в Сибирь вдохновленный, полный новых мыслей и планов. Длительные беседы с Сушкиным, блистательный талант и покоряющая сила ума этого замечательного человека оставили в А.Я. неизгладимое впечатление. Кроме того, он полюбил Петра Петровича и душевно привязался к нему. Мысль о возможности постоянного сотрудничества с Сушкиным, при необычайной скромности Тугаринова, даже не приходила ему в голову. Поэтому переезд в Ленинград в 1926 г. А.Я. воспринял как выпавшее на его долю большое счастье.

К сожалению, совместная работа и каждодневное общение с Петром Петровичем, приносившие А.Я. радостное удовлетворение, неожиданно были прерваны осенью 1928 года смертью П.П. Сушкина. Эта утрата была настоящим, тяжелым горем в жизни А.Я. Тугаринова.

Переезжая в Ленинград, А.Я. рассчитывал продолжить и углубить здесь свои исследования по азиатскому северу, используя богатейшие фонды и литературу Зоологического института. Его работа по послетретичной истории ландшафтов Сибири, выполненная еще в красноярский

период его деятельности, вплотную подвела его к проблеме истории фауны этого края, и в первую очередь арктической зоны.

Поэтому предложение Якутской комиссии АН работникам Зоологического института АН заняться орнитофауной Якутской АССР с большим удовлетворением было принято А.Я. Тугариновым. Результатом изысканий А.Я. явилась обширная монография по птицам Якутии, которую, однако, ему не удалось опубликовать целиком. Были напечатаны лишь отдельные статьи: «Общий обзор фауны Якутии» (1927), «Птицы (промысловые) Якутии» (1934) и ряд важнейших обобщений из заключительной части труда - «О происхождении арктической фауны» (1929) и «Опыт истории арктической фауны» (1934). В двух последних работах А.Я. изложил схему последовательных, закономерных смен ландшафтов и биологических комплексов арктической зоны Евразии за конец третичного и за четвертичное время. Основанием для умозаключений послужили данные палеогеографии, палеоклиматологии и палеонтологии, а методом - зоогеографический анализ современных и ранее обитавших в Арктике животных форм, с учетом их экологических привязанностей и родственных отношений с формами других широт. А.Я. считал современную арктическую фауну гетерогенной по происхождению (автохтоны северных широт и пришельцы из южных степных районов). Центр формирования арктических холодостойких животных он видел в области северо-восточной Сибири, с примыкающими к ней островами (остатками единой с материком обширной Берингийской суши), где залегание их ископаемых остатков свидетельствует о существовании этих форм в данных районах задолго до окончания ледникового времени. В Восточной Европе, как известно, они появляются лишь в самых верхних слоях квартера.

Работа А.Я. Тугаринова встретила сочувственный отклик среди исследователей самых различных специальностей - ботаников, геологов и климатологов и получила широкую известность как в СССР, так и за его пределами.

Исследования по истории арктической фауны выдвинули перед А.Я. целый ряд интереснейших вопросов и, в частности, далеко еще не достаточно разработанную проблему миграций птиц.

Собственные наблюдения в Сибири и в Монгольской народной республике, а также накопившиеся литературные данные позволили А.Я. впервые установить главнейшие направления пролетных путей птиц, гнездящихся в северной Азии. Во время экспедиции в восточные части

МНР, на р. Халхын-гол и озеро Буир-нор, предпринятой по поручению Монгольской комиссии АН в конце лета 1928 г., А.Я. удалось убедиться в существовании большого (одного из главнейших) пролетного пути по восточной окраине МНР, который он впоследствии назвал Хинганским. Оказалось, что этим новооткрытым хинганским путем следует большинство птиц населяющих восточную, среднюю и западную Сибирь, направляясь на побережье и острова Тихого океана, в южный Китай и в Индию («Миграции птиц Северной Азии», 1930). В своей работе «Миграции птиц на территории СССР в свете четвертичной истории страны» (1927) А.Я. Тугаринов показал, как должны были слагаться после окончания четвертичного оледенения современные пролетные пути птиц, населяющих северные части Евразии, обосновав время возникновения и развитие их данными палеогеографии в 1937 г. А.Я. положил начало обработке данных нашего Бюро кольцевания, которое к этому времени собрало уже обширный, но в научном отношении еще не использованный фактический материал. Анализом документальных данных А.Я. вскрыл сложную и до сих пор совершенно неизвестную картину сезонных размещений наших пластинчатоклювых. Он впервые установил существование у кряквы и шилохвости ряда популяций, морфологически неотличимых друг от друга, но характеризующихся биологическими особенностями: различными и постоянными областями гнездования и зимовок, а также особыми для каждой популяции постоянными путями пролета. Попутно выяснился интереснейший факт наличия у наших уток не только меридиональных, но и широтных направлений миграций.

Стремление получить новые фактические материалы по миграционным явлениям побудило А.Я. организовать три последовательных экспедиции в Закавказье, на юго-западное побережье Каспийского моря (1934, 1935 и 1937 гг.) в зимнее и весеннее время. Здесь он имел возможность наблюдать образ жизни птиц на месте их массовой зимовки и лично убедиться в существовании отдельных «волн пролета» представителей различных популяций одного и того же вида («Весенний пролет птиц на юго-западном побережье Каспийского моря» (приготовлено к печати), «Зимовка птиц в Талыше» (1936), «Жизнь птиц на зимовках в Кызылагачском заповеднике им. С.М. Кирова» (1938)).

Проблема миграций птиц целиком захватила мысли А.Я. в последние годы его жизни, и он принялся за осуществление большого исследования, которое так и не успел довести до конца («Происхождение миграций птиц Палеарктики»). Работа, по собственному определению

автора, «имела целью критически пересмотреть современное состояние учения о перелетах птиц и дать детальный анализ явления как определенного биологического момента в свете событий палеогеографии».

По инициативе А.Я. Тугаринова, в ноябре 1946 г. Зоологическим институтом АН было созвано совещание по миграционной проблеме, на котором А.Я. сделал доклад: «Современное состояние учения о миграциях птиц» и изложил свои основные взгляды на происхождение перелетов палеарктических птиц.

В связи с разрешением различных вопросов зоогеографии и истории фауны А.Я. живо интересовался палеонтологическими материалами, хранившимися в разных музеях СССР, и с большим увлечением их обрабатывал. В результате выяснились характерные данные по ландшафтам и элементам орнитокомплексов конца третичного времени и квартера для различных областей СССР.

Так, описанные А.Я. остатки страуса из Павлодара на Иртыше (наряду с другими остатками гиппарионовой фауны) и фрагменты страусовых яиц из бассейна Селенги позволили охарактеризовать плиоценовый ландшафт этих районов Сибири - к северу до 52° с.ш. на Иртыше и до 51° с.ш. на Селенге - господством открытых пространств, в условиях тепло-умеренного климата. Определенные А.Я. Тугариновым остатки фламинго-образной птицы - Agnopterus turgaiensis Tug. из индрикотериевых слоев Тургайской области (Чалкар-тениз) дали возможность сделать заключение о наличии в олигоцене в этом районе больших лагун и мелководных бассейнов (1940). Благодаря изучению фауны крымских пещер А.Я. смог составить список птиц (белая куропатка, клушица, альпийская галка и др.), населявших в эпоху Вюрмского оледенения Крымский полуостров. Большинство птиц принадлежало к видам, свойственным открытому ландшафту альпийской зоны в холодном континентальном климате (1932).

Параллельно с работами, входившими в круг основных научных интересов А.Я., он проводил еще ряд исследований по другим вопросам - фаунистическим, систематическим, экологическим и т.п. Его перу принадлежат большие монографии (в серии «Фауна СССР», издаваемой Академией Наук) по пластинчатоклювым (1941), веслоногим, аистообразным и фламинго (1947); раздел «Птицы пустынь и полупустынь» (1948) в сборнике «Животный мир СССР», где, помимо состава орнитокомплекса и его распределения внутри описываемых зон, дается опыт истории происхождения орнитофауны пустынь и мн. др.

Полевые исследования А.Я. Тугаринова с широкими орнитофаунистическими целями после его переезда в Ленинград стали постепенно сокращаться. В 1926 году он принял участие в работах комплексной зоологической экспедиции Зоологического института АН в северные части МНР - в области Гобийского Алтая и Хангайской горной системы («Северная Монголия и птицы этой страны», 1929); в 1928 г. А.Я. вновь посетил МНР в ее северо-восточной части, сделав два маршрута из Улан-Батора: по Калганскому тракту до ст. Удэ и по Керулену до озера Буир-нор («Птицы Восточной Монголии», 1932). В 1930 г. А.Я. осуществил поездку в район хребта Хамар-дабан Бурят-Монгольской АССР.

В последующие годы А.Я. Тугаринов преследовал уже более специальные цели в своих полевых наблюдениях, а коллектирование и общее ознакомление с фауной стали отходить на второй план. В Азербайджане, как уже говорилось, он изучал зимовки и весенний пролет птиц, а в Таджикистане, где Зоологический институт находился в эвакуации в 1943 - 1945 гг., А.Я. занимался биологией и экологией таджикского фазана в долине р. Вахш и опубликовал материалы к монографии этого вида (1946). Кроме того, на основании своих наблюдений в Гиссарском хребте, А.Я. приготовил к печати несколько статей для сборника Зоологического института АН по комплексному изучению ущелья Кондара.

Каждая новая проблема, которую ставил перед собой А.Я., захватывала его целиком, владея им до тех пор, пока он не овладевал ею. Обладая чрезвычайной живостью ума, А.Я. очень легко воспринимал всякую новую мысль или новое представление, возникавшие в биологической науке, и продумывал и перерабатывал их с точки зрения интересовавших его проблем. Научная работа составляла главнейший интерес и смысл его жизни, в ней А.Я. находил большую радость и без нее не мог и не умел жить. Даже в последние месяцы, тяжело больной, он начал продумывать новую проблему о закономерностях расселения птиц, в периоды улучшения читал соответствующую литературу и делился своими мыслями с навещавшими его товарищами.

Как всякий натуралист, А.Я. Тугаринов чувствовал себя вполне счастливым только среди природы. Здесь он не знал усталости, и энергия его становилась неиссякаемой. Еще в 1944 г., когда А.Я. было уже 64 года, он с легкостью влезал на деревья, чтобы осматривать птичьи гнезда, и совершал экскурсии в 15-20 км в районе Анзобского перевала в Гиссарском хребте на высотах более 3000 м.

Всю жизнь коллектируя птиц с исследовательскими целями, А.Я. по существу не был охотником, если не считать ранней молодости. Страсть массового истребления животных, без всякой к тому необходимости, была ему чужда. Он всегда стремился наблюдать за их жизнью, по возможности не нарушая ее естественного хода, что лучше всего осуществлялось с помощью «скрада», или замаскированного шалаша, из которого можно было часами следить за поведением изучаемых птиц. Успех работы зависел от искусства постройки такого скрада, и в этом отношении А.Я. достиг большого совершенства. Так, при изучении жизни фазана в тугаях долины Вахша А.Я. пользовался переносным шалашом, сплетенным из стеблей гигантского злака Erianthus ravennae, который совершенно сливался с окружающей растительностью и позволил детально ознакомиться с различными моментами жизни фазана, безусловно недоступными для наблюдений ни при каких других методах исследования.

Всегда озабоченный, занятый, сосредоточенный и в высшей степени выдержанный в городской обстановке, А.Я. лишь в экспедициях давал волю своей природной жизнерадостности и живости характера. При неизменно бодром и радостном настроении работа в природе особенно хорошо спорилась, а столь свойственное ему вдумчивое отношение ко всем явлениям окружающей жизни природы лишь обострялось.

Хозяйственные заботы, неизбежные во всякой поездке, не порождали досады. А.Я. умел все делать сам, когда того требовали обстоятельства. У него были поистине золотые руки. Ему ничего не стоило по всем правилам столярного искусства построить ящик для коллекций, сплести несложную рыболовную снасть, в которой неожиданно явилась потребность, или артистически починить развалившуюся обувь и т.п. Все это он мастерил в часы досуга после очередного удачного похода за птицами, попутно придумывая всякие усовершенствования предмета своего производства и потихоньку напевая что-нибудь. А.Я. был очень музыкален. Он обладал абсолютным слухом и, хотя не имел голоса, мог исполнить любой отрывок из опер любимых композиторов - Римского-Корсакова, Чайковского и др.

В те годы, когда не было экспедиций, А.Я. стремился, хотя бы во время отпуска посетить новые места или забраться в глушь, чтобы предаться там, помимо наблюдений за птицами, еще другим увлекательным занятиям: ловле рыбы на удочку на утренних зорях и собиранию белых грибов. Так, одно время он облюбовал Валдайские озера, а в 1939 г. прожил

месяц в Алма-Атинском заповеднике, куда направился главным образом для того, чтобы ознакомиться с горными лесами тянь-шаньской ели и с невиданными до той поры птицами - Myophoneus coeruleus, черно-синей горихвосткой Phoe-nicurus coeruleocephalus и др.

Конец лета 1947 года А.Я. провел в заповеднике им. Дарвина в Мологo-Шекснинском междуречье, неподалеку от Весьегонска. Здесь он хотел устроить запланированную им в системе Зоологического института АН лабораторию по изучению перелетов птиц. Поэтому он с особым интересом и вниманием знакомился с ландшафтом, изучал птиц, гнездившихся по болотистым берегам обширных озер, по разливам р. Мологи и в затопленных лесах. Вся эта поездка прошла для А.Я. необыкновенно удачно и продуктивно. Кроме того, он прекрасно отдохнул от теоретической работы, заметно поправился и по возвращении в Ленинград был в самом бодром настроении духа и в состоянии исключительной работоспособности.

Недуг, который обнаружился у А.Я. Тугаринова уже через две недели после его приезда из заповедника, захватил его в момент высшего напряжения творческой энергии.

Высоко полезная научная деятельность А.Я. Тугаринова была достойно оценена Правительством, наградившим его в 1945 г. орденом Трудового Красного Знамени. За участие в работах по спасению коллекций Зоологического института АН в дни блокады Ленинграда А.Я. был награжден медалью «За оборону Ленинграда». За удачные исследования орнитофауны Таджикистана (1942 - 1945) А.Я. был награжден Верховным Советом Таджикской Республики почетной грамотой.

Список научных трудов А.Я. Тугаринова

1. *Материалы к флоре Аткарского уезда Саратовской губернии. Тр. Саратовск. общ. естествоисп., 1901.*
2. *Некоторые данные для ботанической географии Царицынского уезда Саратовской губернии. Прилож. к протоколам Общ. естествоисп. Казанск. унив. № 211. 1903.*
3. *В низовьях Енисея. Предварительный отчет о поездке в Туруханский край летом 1907 г. Изв. Красноярск, отд. Р. Г. О. II. 3-4, 1908.*
4. *В долине Енисея. Охотничье-орнитологический очерк. Природа и Охота, 1908.*

5. *Зимняя орнитофауна окрестностей Красноярска. Любитель природы, 1908. Кн. 3.*
6. *К характеристике низового рыболовства на р. Енисее. Вестн. рыбопромышл., 1908.*
7. *О некоторых новых и редких птицах Енисейской губернии. Наша Охота. 1909. №11.*
8. *К характеристике охотничьей орнитофауны юга Енисейской губ. Наша охота. 1910. № 1.*
9. *Фламинго в Сибири. Наша охота. 1910. № 11.*
10. *Орнитологические мелочи. Наша охота. 1910. № 11.*
11. *Интересные находки под Красноярском. Орнит. вестн. 1910. № 4.*
12. *Гуси Нижнего Енисея. Орнит. вестн. 1910. № 11.*
13. *Материалы по птицам Енисейской губернии (совместно с С.А. Бутурлиным). Зап. Красноярск. отд. Р.Г.О. по физич. геогр., в. 2-4, 1911. Переведена на нем. яз. Grote в серии «Aus der ornith. Literatur Russlands», V, 1925, Hallea/S p. 252.*
14. *К орнитофауне Енисейской губернии. Орнит. вестн. 1912. № 2.*
15. *К орнитофауне северо-восточных Саян. Орнит. вестн. 1913. № 2.*
16. *В Манском белогорье. Наша Охота. 1913. № 7.*
17. *Соболь в Енисейской губернии. Красноярск, 1913.*
18. *Бобр в бассейне Енисея. Наша Охота, 1914. № 3.*
19. *К орнитофауне Минусинского уезда и Восточного Урянхая. Орнит. вестн., 1915.*
20. *Промысловые звери Засаянского края. Наша Охота, 1916. № 7 - 8.*
21. *Материалы для орнитофауны северо-западной Монголии (хребет Танну-ола озеро Уссуа-нор). Орнит. вестн., 1916. № 2 и 1917. №3.*
22. *К вопросу об организации музеев. Природа, 1917. № 3.*
23. *Туруханские инородцы и кооперация. Красноярск, 1918.*
24. *Местные музеи Сибири и организация их деятельности. Тр. Съезда по орг. Инст. исслед. Сибири. Томск, 1919.*
25. *Туруханский край. Очерки. Сибирские записки, 1919.*
26. *Музей Приенисейского края и его организация. Казанск. музейный вестн., кн. I, 1922.*
27. *Предварительный отчет экспедиции на р. Подкаменную Тунгуску (Катангу) в 1921 г. Изв. Красноярск. отд. Р. Г. О. III. В. 2. 1923.*
28. *К послетретичной истории ландшафта Сибири. Докл. АН, 1925.*
29. *Географические ладншафты Приенисейского края. Опыт характеристики. Изд. Енис. губ. зем. упр. Красноярск, 1925.*
30. *Зоогеографические участки Приенисейской Сибири. Докл. АН, 1925.*
31. *Туруханский край. Очерк. Вся Сибирь, изд. ВДИК, 1925.*
32. *Андроновские могилы. Сиб. жив. старина, 1926.*
33. *Последние калмажи. Северная Азия, кн. 1, 1926.*
34. *Общий обзор фауны Якутии. Сборн. «Якутия», изд. АН, 1927.*
35. *Птицы Приенисейской Сибири. Зап. Ср.-сиб. отд. Р.Г.О., сер. 2, I. В. 1, 1927.*
36. *Туземцы Приенисейского севера. Библиотека краеведа. В. 16. Красноярск, 1927.*
37. *Из поездки по Монголии. Природа. 1927. № 10.*
38. *The Bluithroats of the Eastern Palaearctic. Ежег. Зоол. музея, XXIX, 1928.*
39. *Neue Vogelformen aus der nÖrdlichen Mongolei. Ежег. Зоол. музея, XXIX, 1928.*
40. *П.П. Сушкин в русской орнитологии. Ежег. Зоол. музея, XXIX, 1928.*
41. *Северная Монголия и птицы этой страны. Мат. Монг. ком. АН. В. 3, 1929.*
42. *The Breeding of the Least Whimbrel in Yakut Land. Journ. f. Orn., 1929.*
43. *Urocynchramus pylzowl. subsp. n. (совместное Б.К. Штегманом). Ornith. Mon., 4, 1929.*
44. *О происхождении арктической фауны. Природа. 1929. № 7-8.*
45. *Памяти П.П. Сушкина. Uragus. 1929. № I.*
46. *Птицы Памирской экспедиции. Тр. Пам. эксп. 1928. 11. Зоология, 1930.*
47. *Миграции птиц северной Азии. Природа. 1930. № 5.*
48. *Ein fossiler Strauss in Transbaicalien. Докл. АН, 1930.*
49. *Die Wanderungen der nordasiatischen Vogel. Der Vogelzug, 11, 2, 1931.*
50. *К характеристике четвертичной орнитофауны Сибири. Тр. Ком. по изуч. четверт. периода, I, 1932.*
51. *Птицы восточной Монголии по данным экспедиции 1928 г. Тр. Монг. ком. АН. В. 1, 1932.*
52. *Фенологические наблюдения Верхоянского зоологического отряда Якутск. эксп. АН 1927 г. Тр. СОПС АН. В. 5. 1932.*
53. *Утки, гуси, лебеди и крохали. Определит. по фауне СССР, изд. Зоол. инст. АН. Птицы СССР, 5, 1932.*
54. *Птицы Крыма времени вюрмского оледенения. Тр. Ком. по изуч. четверт. периода.*
55. *Ископаемые птицы. Природа. 1933. № 2.*
56. *Птицы (промысловые) Якутии. Якутская ССР. Тр. СОПС АН. В. 6, 1934.*

57. *Опыт истории арктической фауны Евразии. Тр. II Межд. конф. Асс. по изуч. четверт. периода Европы, V, 1934.*
58. *Материалы для авифауны восточного Таймыра (совместно с А.И. Толмачевым). Тр. Полярн. Комисс. В. 16. 1934.*
59. *Некоторые данные для плиоценовой орнитофауны Сибири. Тр. Палеозоол инст. IV. 1936.*
60. *Птицы. Сборн. «Животный мир СССР». I. 1936.*
61. *Зимовка птиц в Талыше (совместно с Е.В. Козловой). Тр. Азерб. филиала АН XXIII. 1936.*
62. *К вопросу о формировании островных фаун. Изв. АН. 1936. №2 - 3.*
63. *Перелеты птиц на территории Союза. Сборн. «Животный мир СССР». I. 1936.*
64. *Орнитогеографические районы сев. Азии и их распределение. Тр. I географ съезда 3. 1936.*
65. *Миграции птиц на территории СССР, в свете четвертичной истории страны. Изв. АН. Сер. биол. 1937. № 4.*
66. *Сезонное размещение и миграции уток по данным кольцевания в СССР (совместно с В.Н. Вучетичем). I. Кряква. Изд. Центр, бюро кольцевания, М., 1937.*
67. *То же. II. Шилохвость. М., 1937.*
68. *Успехи советской орнитологии. Природа. 1937. № 10.*
69. *Жизнь птиц на зимовках в Кызылагачском заповеднике им. С.М. Кирова (совместно с Е.В. Козловой). Тр. Азерб. филиала АН. XXXVI. 1938.*
70. *Реликты орнитофауны Союза и их вероятная история. Тезисы докладов на Сов. по пробл. реликтов во флоре СССР. В. II . Бот. инст. АН. 1938.*
71. *Новые находки плиоценовой орнитофауны Одессы. Докл. АН. XXVI. 3. 1940.*
72. *Птицы. Жизнь пресных вод СССР. I. 1940.*
73. *Новые данные для третичной орнитофауны СССР. Докл. АН. XXVI. 2. 1940.*
74. *Пластинчатоклювые. Фауна СССР. Птицы. II. 4. 1941.*
75. *Птицы. Сборн. «Успехи биологической науки в СССР за 25 лет». М.-Л., 1945.*
76. *Таджикский фазан (совместно с Е.В. Козловой). Изв. Тадж. филиала АН. № 6. 1945.*
77. *К вопросу об изменчивости крыла у перелетных птиц. Тр. Зоол. инст. АН. VIII. 1. 1946.*

78. *Веслоногие, аистообразные и фламинго. Фауна СССР. Птицы. II. 2. 1946.*
79. *Птицы пустынь и полупустынь. Сборн. «Животный мир СССР». II. 1948.*
80. *Современное состояние учения о сезонных миграциях птиц. Изв. АН. Сер. биол.. 1949. № 1.*
81. *Пути перелетов птиц, как свидетельство былых ландшафтов и территориальных связей. Сдано в печать во Всероссийское общество охраны природы.*
82. *Пластинчатоклювые. Сдано в печать в «Атлас-справочник охотничьих зверей и птиц»*
83. *Птицы ущелья Кондара. Сдано в печать в сборник Зоол. инст. АН «Ущелье Кон-дара».*
84. *Сезонные явления органической жизни в ущелье Кондара. Сдано в печать в сборник «Ущелье Кондара».*
85. *Весенний пролет птиц и Кызыл-агачском заповеднике им. Кирова. Сдано в печать в сборник памяти П.П. Сушкина.*
86. *К вопросу о расселении птиц. Приготовлено к печати.*
87. *Происхождение миграций птиц Палеарктики. Приготовлено к печати в незаконченном виде.*

Примечания

1. *Козлова Е.В. 1949. Творческий путь Аркадия Яковлевича Тугаринова // Труды Зоологического Института Академии Наук СССР. Сборник работ по фауне Средней Азии и сопредельных стран, вып. VIII. С. 627 - 637.*



А.Я. Тугаринов с детьми.
Саратов. 1904



А.Я. Тугаринов на охоте.
Саратов. 1904



А.Я. Тугаринов в рабочем кабинете музея за препарированием. 1908



А.Я. Тугаринов в рабочем кабинете Красноярского музея. 1908



Художник Д.И. Каратанов. Луковая протока. 1907



В.И. Тугаринова. Выезжий Лог, р. Мана. 1912



Сотрудники орнитологического отдела Зоологического музея. 1923 Слева направо: Л.А. Портенко, Л.М. Шульпин, П.П. Сушкин, Н.Н. Сушкина, Б.К. Штегман, П.В. Серебровский, Е.В. Козлова, А.Я. Тугаринов, А.И. Иванов



А.Я. Тугаринов с сотрудниками красноярского музея. 1925



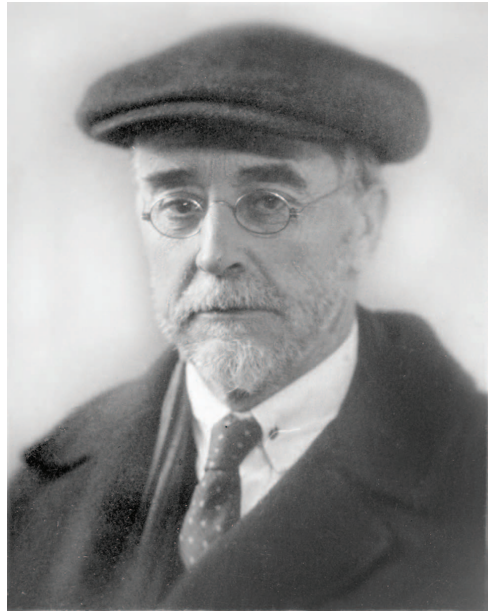
А.Я. Тугаринов в лесу. 1935



В экспедиции
Слева направо: А.И. Иванов, А.Я. Тугаринов, Е.В. Козлова. 1935



А.Я. Тугаринов на экскурсии. Алма-Ата. 1938



А.Я. Тугаринов. Ленинград. 1939

Сведения об авторах

Баташев М.С.	Красноярский краевой краеведческий музей	bms@kkkm.ru
Боев Златозар	д.б.н., националный естественно-исторический музей Болгарской академии наук	boev@nmnhs.com
Громова Т.А.	Ульяновский областной краеведческий музей	tag54@mail.ru
Детлова Е.В.	Красноярский краевой краеведческий музей	dev@kkkm.ru
Зеленков Н.В.	к.б.н., Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН	nikita.zelenkov@gmail.ru
Козлова Е.В. (1892 - 1975)	д.б.н. ЗИН АН СССР, известный исследователь орнитофауны Центральной Азии	
Курочкин Е.Н.	д.б.н., Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН	
Макаров Н.П.	к.и.н., Красноярский краевой краеведческий музей	mnp@kkkm.ru
Мартынович Н.В.	к.б.н., Красноярский краевой краеведческий музей	martynovichn@mail.ru
Пантелеев А.В.	Зоологический институт Российской Академии Наук	pav001@list.ru
Яворский А.Л. (1889 - 1977)	Первый директор заповедника «Столбы», сотрудник Красноярского краевого краеведческого музея, был репрессирован дважды	

Аркадию Яковлевичу Тугаринову

посвящается...

МАТЕРИАЛЫ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ

Благодарим
Бабия Алексея Андреевича, Зеленкова Никиту Владимировича,
Лисовского Андрея Александровича - за информационную,
Оводова Николая Дмитриевича - за финансовую поддержку проекта.

Редактор Н.А. Агафонова
Корректор С.А. Бовкун
Технический редактор,
компьютерное восстановление фотографий: Н.В. Мартынович
Дизайн макета, обложки и верстка: И.В. Мартынович

Подписано в печать 20.12.11.
Формат 60x84⅛
Печать офсетная
Объем печ. л. 22,32. Тираж 200 экз.
Заказ 01-10

Отпечатано в типографии
Литера-принт, 295-03-40